

ОЛМА
МЕДИАГРУПП

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

Элизабет Хереш

**КУПЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.
ТАЙНОЕ ДЕЛО ПАРВУСА**

Перевод с немецкого
И. Г. Биневой

МОСКВА
ОЛМА-ПРЕСС Образование
2004

УДК 94
ББК 63.3
Х' 391

Исключительное право публикации на русском языке книги Э. Хереш «Купленная революция. Тайное дело Парвуса» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС Образование». Выпуск произведения или его части без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Хереш Э.

Х 391 Купленная революция. Тайное дело Парвуса / Пер. с нем. И. Г. Бинева. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. — 380 с.: ил. — (Досье).

ISBN 5-94849-648-1

В книге Элизабет Хереш, немецкого историка, автора многих книг по истории России, приведены малоизвестные факты из жизни Александра Парвуса, коммерсанта и шпиона, разработавшего и осуществившего программу российской революции 1917 года, в результате которой к власти пришли большевики во главе с Лениным.

Даты в русских цитатах приводятся по русскому календарю, который отставал от западного на двенадцать, а с 1900 по 1917 г. — на тринадцать дней. Часто при этом указывается и западная дата, для событий за пределами России указывается только она. С 31.01.1918 г. оба календаря стали одинаковыми.

**УДК 94
ББК 63.3**

© 2000 by Langen Müller in F. A.
Herbig Verlagsbuchhandlung GmbH,
München
© Бинева И. Г., перевод, 2004
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС
Образование», перевод на
русский язык, оформление, 2004

ISBN 5-94849-648-1

Только с помощью внутренних беспорядков
удастся пошатнуть русский колосс.

*Граф Гойос
Министерство иностранных дел
Австро-Венгрии, Сентябрь 1914 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вряд ли кто-либо другой в мировой истории, кроме Израиля Лазаревича Гельфанда, он же Александр Парвус, сможет всерьез поставить перед собой такую задачу и решить ее в короткое время. В конце 1914 года гениальный экономист разработал план, который уже в начале 1915 года был представлен правительству Германии, а в 1917 году претворен в жизнь, а именно — свержение самодержавия в России, захват власти коммунистами и затем их победное шествие по половине земного шара. Плоды этого плана пожинались человечеством вплоть до начала XXI века.

Кто же такой Парвус?

Родился он в 1867 году в Минской губернии в еврейской семье, принадлежащей к среднему сословию. Будучи одаренным молодым человеком, изучал экономику в Швейцарии. Потом жил в Германии. С ранних лет его будоражили два неравнозначных желания: мечта о больших деньгах и о великой революции.

В 1914 году пробил его час. Хотя прошло уже полгода с начала военных действий на Восточном фронте, исход войны для правительства Германии все еще не был предопределен. В это время Парвус и решился выступить со своим отчаянным планом. Он предусмотрел все детали свержения государственной власти в России, выбрав для этого благоприятный момент, и изгнания царского правительства с последующей заменой его сговорчивыми революционерами. Нити ко всем замешан-

ным в его грандиозный замысел людям, включая Ленина, Парвус держал в собственных руках.

Берлин принял его план. Данное мероприятие стоило германскому правительству примерно один миллиард марок, в сегодняшнем эквиваленте.

Когда «опломбированный вагон» с Лениным катился в сторону Петрограда, организация предприятия «Революция» была уже полностью завершена. Без участия Парвуса Ленину не удалось бы попасть в Петроград, так как ему было отказано в возвращении в Россию через другие страны. Как бы в этом случае протекало наше столетие?

Только после того, как вслед за русским царем немецкий кайзер вынужден был тоже отречься от престола, стало очевидным, что Парвус положил начало движению, которое никоим образом не могли остановить ни русские, ни любые другие границы.

Этот грандиозный общественный переворот, который повсеместно поразил XX столетие, с тех пор оброс многими теориями. Прежде всего, здесь, несомненно, налицо все элементы марксистского учения, а именно: об «исторической необходимости» свержения буржуазии пролетариатом, о так называемом равенстве человеческих индивидов, о радикальной критике капитализма, о ненависти как движущей силе и прежде всего о революции как о предпочтительной форме политической активности. Действия Парвуса определялись финансовыми интересами и связями с правительствами, магнатами, торгующими оружием, например, американцем Яковом Шиффом. Эти факты, а не их интерпретация, являются материалом данной истории.

Жизненный путь Парвуса полон приключений. Он ведет из Одессы в Швейцарию, Германию, Австрию, Турцию и Скандинавию. Мы проследим этот путь с низов подполья до вершин денег и власти. И все-таки даже после осуществления плана Парвуса его желание стать членом первого революционного российского правительства так и не исполнилось: за дискредитацию Ленина и его пакта Гельфанд-Парвус был объявлен политическим врагом. Но и Германия перестала нуждаться в нем задолго до его смерти — он умер в 1924 году на собственной вилле на острове Шваненвердер под Берлином.

Война между Австрией и Россией была бы крайне полезна для революции, но маловероятно, что Франц Иосиф и Николашка доставят нам эту радость.

Ленин — Горькому, 1913 год

ОТ ENFANT TERRIBLE¹ ДО ПОЛИТИЧЕСКОГО СУФЛЕРА

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, 1915 ГОД

В середине дня 7 января 1915 года к portalу императорского посольства Германии в Константинополе подъезжает человек. Внешний вид этого тучного сорокапятилетнего мужчины с большой головой и высоким лбом мыслителя, аккуратной бородкой и элегантной стрижкой производит впечатление одного из тех состоятельных европейцев, что-то вроде промышленника или банкира, которым удалось воспользоваться благоприятным моментом и в нужное время оказаться в нужном месте. Кажется, он осознает всю значимость предстоящей встречи, потому что, несмотря на решительное выражение лица и самоуверенную походку, лихорадочно теребит в руках перчатки, цилиндр и портфель.

Дождаясь приглашения, человек обводит взглядом фасад здания. Элегантный императорский дворец на бульваре Аяц-Паша, представляющий собой высокое строение в стиле неоренессанса из красноватого кирпича с белой окантовкой, величественно располагается на вершине холма, позади роскошного дворца Долмабахче. Отсюда открывается ни с чем не сравнимый вид на Босфор, Золотой Рог, Мраморное море и Принцевы острова. Одно только царственное расположение является внешним признаком власти и значения германского рейха и авторитетности его правительства. Но это сим-

---

¹ Ужасный ребенок (фр.)

волизирует также стратегическую позицию посольства, демонстрируя берлинский флаг на Балканах. Наконец, в течение пяти месяцев военных действий там разыгрывались такие значимые события, которые стоило бы принять к сведению.

Дверь открывается, и посетитель произносит свое имя: «Александр Парвус — доктор Парвус». Прежде чем переступить порог здания, он машинально смотрит по сторонам. Доктор записан на прием лично к послу Конраду Фрайхерру фон Вангенхайму. Несколькими секундами позже Парвус уже торопится вверх по главной лестнице к гостиным, окрыленный сознанием того, что каждый шаг приближает его — и не только его одного — к тем важнейшим переменам, о которых он мечтал всю жизнь. Теперь необходимо преподнести с полной убедительностью свое политическое видение. Только тогда его план будет иметь шанс стать реальностью.

Для Вангенхайма Парвус не был незнакомцем. Задолго до того, как находящийся здесь длительное время немецкий парламентар Макс Циммер порекомендовал его послу для личной беседы, можно было то там, то здесь наткнуться на имя посетителя. Поговаривали, что Парвус родом из России, жил в еврейском гетто под Минском. По убеждениям является революционно настроенным социалистом, по профессии — экономистом, также известен как блестящий циничный публицист; что, кроме того, он выступил спонсором в создании одной национальной турецкой социалистической газеты и на полуофициальном положении действует за кулисами как научный и политический советник турецкого правительства. Сфера его деятельности, с помощью которой он сумел в короткое время обзавестись приличным состоянием, собственными банками и личной резиденцией на престижных Принцевых островах, скрыта туманом слухов и сплетен. Иными словами, Парвус прослыл человеком, прошедшим огонь и воду Европы и Балкан, прислушаться к которому могло бы оказаться полезным.

А для представителя германского рейха, ведущего военные действия на Восточном фронте уже почти в два раза дольше, чем было запланировано, это было весьма интересно. Парвус, настроенный, очевидно, прогерман-

ски, предлагает союз правительства кайзера с русскими революционерами. Он с убедительной логикой доказывает, что Россию можно победить только в том случае, если ослабить ее внутренними беспорядками, подрывающими царский режим, и распадом великой империи на отдельные мелкие части, за счет чего она потеряла бы свою боевую силу. Под эти доводы нужно подвести стройную программу действий, которую он, Парвус, уже разработал. Иначе говоря, он предлагает своему немецкому визави за деньги совместно с правительством кайзера организовать революцию в России, да еще и гражданскую войну, которая приведет к свержению царя.

На следующий день посол фон Вангенхайм телеграфирует впечатления от встречи с Парвусом своему шефу в Министерство иностранных дел в Берлине, статс-секретарю и государственному министру Пруссии Готтлибу фон Ягову. В самых высоких тонах он рассказывает «о необыкновенно дружелюбной позиции по отношению к немцам» и «особых заслугах», которыми в последнее время отличился доктор Парвус. Имелись ли при этом в виду усилия Парвуса, подтолкнувшие турецкое правительство (которое, невзирая на союзный договор, первоначально соблюдало «вооруженный нейтралитет») вступить в войну на стороне Германии против России?

Кратко изложенной концепции доктора Парвуса достаточно, чтобы разжечь интерес рейхсканцлера Бетмана-Хольвега в Берлине. Несомненно, что содействие движениям за независимость в потенциально вражеской стране не было новостью, напротив, оно являлось часто практикуемой политической тактикой еще в довоенный период, тактикой, на которую пришлось раскошелиться как Германии, так и Австро-Венгрии. Доказательный пример тому — финансируемая из «секретных фондов для вознаграждения» операция Бисмарка в британских колониях. Соединение этой тактики в рамках общего плана переворота с систематической революционизацией для поражения противника изнутри звучит многообещающе и представляет интерес как дополнительное средство в ведении войны.

В Берлине с нетерпением ждут подробностей этой программы и самого ее создателя, Александра Парвуса.

Для этого Ягов приглашает приехать в столицу Германии доверенное лицо Бетманна-Хольвега в ставке верховного главнокомандования, Курта Рицлера. 10 января 1915 года он телеграфирует в Генеральный штаб: «Прошу принять в Берлине доктора Парвуса. Ягов».

К этому времени Парвус уже давно находится в отъезде. Он никак не ожидал ответа из Берлина в Константинополь. Позитивная реакция фон Вангенхайма и так явилась для него достаточной гарантией, ведь Берлин, который еще несколько лет назад выдворил его из-за революционных махинаций, теперь собирается принимать с распростертыми объятиями. Уже 8 января 1915 года, на следующий день после переговоров в императорском посольстве Германии в Константинополе, Парвус отправился в путешествие, которое должно было привести его к заветной цели — уничтожению российского самодержавия с немецкой помощью.

Парвус выбрал путь через Бухарест, Софию и Вену. Он хочет проверить, как относятся находящиеся в этих местах товарищи по партии к возможному сотрудничеству в области революционизации России в интересах немецкого правительства. Вместе с тем он хочет попытаться проверить на прочность пока еще нейтральные страны Румынию и Болгарию.

Его интерес состоит в том, чтобы ослабить нейтральную позицию и обеспечить Германию новыми союзниками в войне против России.

9 января Парвус прибывает в Бухарест. Здесь его контактным лицом выступает уроженец Болгарии, а ныне румынский подданный Христо Раковский, революционер-социалист, который некогда был единомышленником Парвуса. Еще в конце прошлого столетия в русской охранке появились документы, касающиеся деятельности Раковского. Русская служба внешней разведки преследовала его: вряд ли можно было найти кого-то, кто бы так продолжительно занимался подрывной деятельностью против России. Раковский еще до встречи с Парвусом работал на Германию. И это в той стране, чей Королевский дом был вплотную связан с русской династией!

Раковский соединяет в себе приятельский менталитет с конспиративными обязательствами. Он работает

A1110
V.L.

Telegramm.

105/31

... am 20. Januar 1900

20 17 20 17 20
20 - 0 - 0 -

Der K. Gesandtschaftsrat
an Kaiserliches Amt.

Urs.

Entscheidung

A 934 6^{III} 16

Antwort auf Telegramm Nr. 75,
2000 St. Avenue in Berlin an emp-
fänger,
Japan.

11/17/11

~~1/13. den 11. Januar 1900~~

Arbeitsblatt

A. 1. 11/17/11

Wien
d. 17.

1769
Für Anschluss an Telegramm Nr. 102

Geheim. T. B. 111 mit Dr. Parvus an ...
 nach Angabe des ...
 Mannheimer für ...
 und ihm ...
 Angelegenheiten ...
 sehr persönliche ...
 von ...
 eine ...
 1223

Bismarck ...

2/

После беседы Парвуса с немецким послом в Константинополе и его доклада в Берлин госсекретарь Ягов телеграфирует в Министерство иностранных дел: «Пожалуйста, примите доктора Парвуса в Берлине»

в румынской социалистической партийной газете и охотно принимает предложение Парвуса субсидировать публикации по данной тематике. Таким образом, Раковский будет целенаправленно публиковать статьи не только в румынской, но и в зарубежной прессе, например итальянской, чтобы повлиять на формирование общественного мнения против России и за Германию в войне.

В Болгарии Парвусу повезло меньше. Болгарская партийная пресса называет его «немецким шовинистом» и заявляет о своей принадлежности, скорее, к сторонникам пацифистского крыла, которых резко критиковал Парвус в одном из своих публичных выступлений, то есть к признанным противникам войны, таким как Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Им вторят публицисты-славянофилы, которые в отличие от Парвуса расценивают объявление войны России как трагедию. Они доказывают, что опасность для Европы кроется не в царизме, а в германском империализме. Здесь у Парвуса не оказалось никаких шансов.

Разочарованный Парвус покидает Софию, намереваясь отныне действовать только за кулисами, чтобы форсировать свой план без каких-либо помех со стороны инакомыслящих.

На Вену Парвус возлагает большие надежды в своей разведывательной деятельности: в конце концов, здесь хорошая почва для работы конспиративных центров, где он и его товарищи всегда находили надежную поддержку и подстраховку. Он полагает, что, встретившись со своими старыми соратниками, сможет укрепиться в собственных убеждениях и склонить тех к сотрудничеству.

ТАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Вена! Сколько же воспоминаний связывает его с этим городом, который в довоенные годы был убежищем для ссыльных русских революционеров! Многие из них нашли в буквальном смысле вторую родину у сторонников австрийского социал-демократического движения, так как почти из всех федеральных земель Гер-

мании, являющейся в глазах революционеров образцовой европейской страной для социалистической партии, их выдворили из-за подрывной деятельности.

Хотя австрийцы «плыли в фарватере своих немецких товарищей», как заметили Парвус и его тогдашний соратник Троцкий, они все равно оказывали гостеприимный прием русским диссидентам царского режима и предоставляли им все необходимое для конспиративной работы: финансовую поддержку, фальшивые паспорта и достаточное количество кафе для длительных дискуссий. Встречи политэмигрантов на конспиративных венских квартирах, выпуск революционных листовок и воззваний, которые по загадочным каналам пересекали русскую границу, переписка с революционными ячейками в Одессе и Киеве — все это заполняло горы документов охранки и обеспечивало материальное благополучие полчищ тайных агентов.

Вена пробудила в Парвусе приятные воспоминания, хотя ни он, ни Троцкий никогда не воспринимали всерьез здешнюю партийную сцену, напротив, у них было впечатление, что ее мировоззрение — это всего лишь «облупившийся лак», в то время как на самом деле они закулисно в сговоре с дворянством.

Здесь был старый Виктор Адлер, всегда готовый оказать помощь, он неустанно заботился о виде на жительство для российских товарищей, которые из-за «революционных интриг» были изгнаны из Германии; затем маскарад, с помощью которого он и его партийные друзья помогли Троцкому и другим политическим эмигрантам посредством грима, парика и бритвы приобрести другую внешность, потом фальшивые паспорта с чешскими именами, которые он им вручал, когда те собирались ехать в Россию в связи с революцией 1905 года. Немаловажную роль сыграла и его помощь в организации типографии для их партийной газеты «Правда» и в контрабанде запрещенной из-за пацифистской пропаганды газеты через Галицию в Россию. Парвус с удовольствием вспоминает об этом забавном времени.

Одним словом, казалось, Адлеру нравилось поддерживать своих русских товарищей словом и делом. А раз-

ве это была не игра с революционным огнем, конечной целью которой стала насильственная смена власти, стоящая жизни многим миллионам людей. Конспиративная деятельность была не чем иным, как веселыми мальчишескими проделками.

Парвус вспоминает, что именно из-за этих преимуществ Ленин тоже ценил жизнь здесь и в Галиции, где он и обосновался. В конце концов, вряд ли он смог бы найти где-то еще такую политическую и финансовую поддержку для своих революционных произведений, кроме того, он оценивал и географическое положение, «близость к русской границе, если мне вдруг срочно захочется в Россию». И только одно заветное желание, которое Ленин вынашивал подобно Парвусу, совершить «настоящую» революцию в России (после провалившейся в 1905 году), казалось Ленину несбыточной мечтой. По этому поводу он обычно вздыхал: «Лучше всего для нас было бы, если бы кайзер Франц Иосиф объявил России войну, но маловероятно, что он окажет нам такую любезность!»

Когда же старый кайзер все-таки сделал это, через неделю после кайзера Вильгельма, для Ленина это вылилось лишь во временные неприятности: как русский подданный он был выселен на территорию Австрии и попал в тюрьму недалеко от Кракова.

И снова рядом оказался Виктор Адлер, который охотно пришел на помощь. Обратив внимание двух русских товарищей Якова Ганецкого (он же Фюрстенберг) и Давида Рязанова (он же Гольдендах) — имена, которые следует запомнить, — на заключенного. Адлер ходатайствовал за него перед премьер-министром графом Карлом Штюркком, и тот освободил Ленина. Разве можно было помешать деятельности этого не только безобидного, но и полезного русского, объявившего себя «врагом царя»? Ирония этой истории состоит в том, что именно сын Виктора Адлера спустя два года должен был убить «поджигателя войны» Штюрка. Ирония, потому что каждый сторонник «воюющей стороны» приблизил русских товарищей отца Фрица Адлера — в первую очередь Ленина — к заветной цели революции в России.

Но что же осталось от русских эмигрантов в Вене? Парвус разочарован, потому что не ожидал, что его единомышленники с началом войны будут высланы как русские подданные, что, впрочем, вполне логично. Все это сборище живет сейчас в Швейцарии. Здесь остался один Давид Рязанов. Ему, по-видимому, удалось, несмотря на русское происхождение, получить разрешение и остаться в Вене уже после начала войны. Он скрывал у себя Ленина после его освобождения из-под ареста, когда тот ехал через Вену в Швейцарию, и сейчас предложил Парвусу убежище в собственной квартире.

Давид Борисович Рязанов — член Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), прослыл просвещенным марксистом, имеющим много своих собственных трудов. Как интернационалист, он считает себя противником войны и обороны России, подобно большинству своих русских товарищей по разуму, которые, вроде Троцкого, скрывались в Париже, а затем в Нью-Йорке, или Ленина, жившего в Швейцарии. Вот почему Парвусу тоже не удалось убедить его в своей позиции рассматривать войну как средство в достижении цели, довести до крайности существующие социальные противоречия и приблизить жаждущих власти русских социалистов к их мечте о революции и окончательном захвате власти. Рязанов, как прямой участник, выбывает из этого великого плана, потому что в этой роли он должен был бы по меньшей мере проникнуться интересами Германии, которую другие товарищи заклеили как «империалистическую воюющую державу».

Поскольку Рязанов пользуется уважением и симпатией австрийских социал-демократов, он все же сможет быть полезным Парвусу в качестве информатора о господствующих политических настроениях в партийных и правительственных кругах внутри страны и в разбросанных за ее пределами эмигрантских колониях. Его также можно было бы использовать для написания статей в партийной прессе и агитационных воззваний для разжигания революционных настроений. Или же, при необходимости, для посредничества со здешними чиновниками: ведь к контактам Рязанова был причислен глава Государственной полиции Иоганн Шобер, под руковод-

ством которого была раскрыта шпионская деятельность полковника Генерального штаба Альфреда Редла в пользу русского командования сухопутными войсками.

Для Парвуса Рязанов поднимет свои связи, даже если он думает о деле иначе. В его революционной душе нет места сомнениям и угрызениям совести, которые могли бы препятствовать действовать против его убеждений. Все-таки Рязанова и Парвуса объединяют совместная учеба в школе в Одессе и годы публицистической агитации в Германии. Тогда Парвус назначил его редактором партийной газеты «Нойе Цайт», взял его под свое крыло и заставил писать на себя. Среди первых платежных документов, которые Парвус выписывает в Вене в начале 1915 года в рамках своего революционного плана, финансируемого правительством Германской империи, обнаружена квитанция на пять тысяч марок¹ предоплаты на имя Давида Рязанова.

С помощью Рязанова Парвус сходитя с членом партии умеренного (меньшевистского) крыла и руководящей фигурой Еврейского союза, Рафаилом Абрамовым (ичем). Этот союз является мощнейшей политической силой радикально настроенной еврейской восточноевропейской интеллигенции. Он демонстрирует связь еврейской интеллигенции с рабочим классом и соединяет таким образом две поставленные цели — «освобождение пролетариата» и «освобождение евреев». Абрамов, однако, выказывает свое несогласие с идеей того, что руководящая роль в запланированных Парвусом революционных событиях в России должна исходить из Германии. Но он все же готов вернуться в Россию вместе с Лениным — вождем радикального (большевистского) крыла РСДРП, когда наступит подходящий момент.

Целых десять лет назад, в 1904 году, партия разделилась на две группы. Тогда при голосовании умеренные остались в меньшинстве (отсюда они стали называться меньшевиками), а большинство радикалов (большевики) объединились вокруг Ленина. Он считал, и тут мнения разделились, что любое средство насилия и террора, служащее политическим целям, морально оправдано,

---

¹ В современном эквиваленте эту сумму надо умножить на десять.

даже вооруженные разбои и нападения на банки с целью приобретения денег для партийной кассы.

Перед отъездом из Вены в Берлин Парвус разыскивает посла Германии в Вене Генриха фон Чирского и Бегендорффа. Уже в Бухаресте (в Софии ему это не удалось) он пытался вовлечь в свои планы официальных представителей своего будущего партнера, правительства Германской империи, в качестве контактного лица на месте.

При возможности Парвус как бы между делом рассказывает, что он только что в Вене разговаривал с одним ведущим итальянским публицистом, убежденным, что Италия не будет вступать в войну. Это было бы на деле утешительно, насколько это соответствует действительности. Ведь Италия находится в двойственном положении, разрываемая двумя различными союзами, один из которых — тайный. Пока ее правительство не решило, вступит ли страна в войну и если да, то на чьей стороне, для стран Центральной Европы, а вместе с ними и для Парвуса еще есть надежда: всякое укрепление немецкого фланга против России может быть ему только на пользу.

Когда Парвус обдумывает этот и другие разговоры и впечатления, полученные в Вене, поезд уже приближает его к границе Германской империи. Вдруг Парвус осознает, что после своего похожего на бегство отъезда из Баварии пять лет назад он впервые снова ступает на немецкую землю. И будет принят на высоком правительственном уровне именно в Берлине, откуда его в свое время изгнали прусским приказом о высылке. Но, как его уверяли перед отъездом из Константинополя, этот приказ должен быть отменен до его прибытия в Берлин.

Парвус напряженно ожидает своего возвращения, испытывая при этом и удовольствие, и гордость. Он вступает в новый жизненный этап, открывшийся для него благодаря планам с Германией, откуда его прошлое кажется совсем другим, очень далеким миром. Что у него осталось общего с тем человеком, каким он появился здесь почти двадцать лет назад? Поезд пересекает все новые и новые ландшафты, пробуждая в нем воспоминания о прежней жизни, которая заносила его почти во все уголки Германской империи. Сцена за

сценой картинки той жизни пронесется перед его глазами.

Если сосчитать, то прошло уже почти 24 года с тех пор, когда он впервые ступил на немецкую землю. Как и в этот раз, тогда в 1891 году его сюда привел не случай, а определенная цель продиктовала этот путь. Путь, который должен был вести его в течение полутора десятилетий — с перерывом в один год, проведенный в России, — через вершины и пропасти авантюрной жизни.

ГЕЛЬФАНД, ИЛИ МАРКС À LA RUSSE

Тогда Парвус приехал под своим настоящим именем — Израиль Лазаревич Гельфанд, которое было дано ему при рождении в 1867 году в белорусском городке Березина Минской губернии. 1867 год был годом выхода в свет «Капитала» Маркса, и, как будто это была еще недостаточно сильная взрывная сила для следующего столетия, в это же время в Санкт-Петербурге было запатентовано изобретение динамита Альфредом Нобелем, а Аляска продана Россией Америке. Эстетическим сравнением можно считать тот факт, что в это время Верди создал в Италии «Дона Карлоса», а в Австро-Венгрии Иоганн Штраус написал вальс «Прекрасный голубой Дунай», когда кайзер Франц Иосиф стал королем Венгрии. Путь, который привел молодого Парвуса из Одессы в Германию, был долгим и заслуживает того, чтобы вспомнить его основные вехи.

Родители Израиля Лазаревича были ремесленниками, в то время как профессии купцов и мелких торговцев были наиболее характерными для еврейских поселений, сконцентрированных на юге и юго-западе царской России. С реформами царицы Екатерины II Великой для упорядочения совместного проживания христиан и нехристиан отдельным группам населения было предписано заниматься определенным родом деятельности и жить на определенной территории. Евреи Белоруссии изначально обосновались на территории Польского государства, часть которого была аннексирована Россией.

Традиционно сложилось так, что жители еврейских городков были не особенно зажиточными, их дома строились только из дерева. После грандиозного пожара, который случился в городе, где жила семья Гельфанд, они приняли решение переехать из Березины в Одессу.

Портовый город Одесса был цветущим торговым центром. О тогдашнем богатстве и роскоши среднего класса буржуазии и сейчас свидетельствуют целые кварталы с элегантными, правда, уже плохо сохранившимися домами, дворцами и великолепным оперным театром. Здесь в числе других ценностей производилась погрузка каспийской нефти для экспорта по всему миру, а также зерна житницы Украины, обеспечивавшей благосостояние страны.

Казалось, что бьющая ключом одесская жизнь давала шанс каждому. Этот центр торговли кишел людьми различных национальностей, но при всей своей восточной деловитости наиболее образованная прослойка населения ориентировалась на Европу и жадно воспринимала все новое в литературе и театре на немецком, французском или английском языках. В литературе неоднократно воспевались атмосфера и яркий колорит знаменитого одесского рынка и неповторимый юмор его торговцев.

Иногда Израиль Лазаревич Гельфанд с гордостью рассказывал о своих предках, происходивших из этого города. Они, должно быть, были грузчиками, большими и сильными, он тоже был таким. Его родители попытались, как это и было принято в еврейских семьях, дать ему лучшее образование, какое только могли. Кроме учебы в гимназии, Израиль занимался частным образом математикой и гуманитарными предметами. Довольно рано он вошел в круг молодых людей, зараженных идеологией Карла Маркса, произведения которого в это время уже были переведены на русский язык. Вот что писал Парвус о себе, своих склонностях и интересах в годы учебы в гимназии:

«Под звездным небом я погружался в собственные мысли, прислушивался к шуму волн на берегу моря; героические украинские песни переплетались в моей

голове с рассказами ремесленников, которые каждый год приезжали к моему отцу из разных областей России.

С идеей классовой борьбы я познакомился по произведениям Тараса Шевченко. Моему дальнейшему развитию помогли книги Н. М. Михайловского, Н. П. Щедрина и Глеба Успенского. Моим первым учебником по политической экономии стала книга Джона Стюарта Милля с комментариями Н. Г. Чернышевского...»

Героический эпос о восстаниях казаков и освободительной борьбе восхищал и будоражил воображение юного Израиля Лазаревича. Вместе с тем он уже давно начал интересоваться вопросами политической экономии и ее теоретиками, о которых было упомянуто выше. Один из них, Щедрин, создал в Одессе «Южно-русский рабочий союз», а Успенский состоял в революционной террористической организации «Народная воля», главным теоретиком которой был Чернышевский.

Один из сторонников этой организации в 1881 году бросил бомбу в царя Александра II, который считался самым либеральным из всей династии. И это в тот момент, когда он направлялся к Зимнему дворцу, собираясь увенчать свою реформаторскую деятельность провозглашением конституции. Цареубийство было показательным для мотивации деятельности революционеров: они стремились не к улучшению отношений с помощью реформ, а к революции со свержением царского режима.

Все они были заражены учением Карла Маркса, хотя уже давно существовали споры о том, применима ли его теория к России. Марксистский анализ капитализма, к которому у него было, очевидно, двойное отношение, попытки рассмотреть ход мировой истории исключительно с экономической и социальной точек зрения и вытекающие отсюда прогнозы на будущее — все это производило огромное впечатление на русского оппозиционера, мыслящего обычно менее системными категориями.

Гельфанд какое-то время входил в террористическую организацию «Народная воля». Ее члены пытались интерпретировать марксистские положения применитель-

но к российским отношениям и пришли к выводу, что в России, феодальном крестьянском государстве, переворот может быть совершен только «снизу», с помощью крестьянских масс. Но что они думали по поводу религии, в которой Маркс усмотрел «фантастическую иллюзию для человека», «опиум для народа»? Как можно было убить веру в русском крестьянине, приверженце традиций и обрядов? Этот вопрос был полностью забыт в революционном энтузиазме.

Но независимо от этого созрело противоречие в среде сторонников союза «Освобождение труда», смешанной русско-еврейской марксистской организации. Они считали, что путь России к революции непременно связан с индустриализацией. Поэтому она должна осуществляться пролетариатом, созданным капиталом и развитием промышленности. Так это изобразил Георгий Плеханов, основатель движения «Освобождение труда», тем самым поставив перед рабочими задачу самим себя «освободить». К позиции Плеханова присоединились Павел Аксельрод, Вера Засулич и Лев Дейч, которые объявили себя русскими марксистами. Израиль Лазаревич в этом тоже увидел определенную логику и решил проверить возможность ее реализации, опираясь на теорию и практический опыт.

Карл Маркс, создавая «Манифест Коммунистической партии», вышедший в свет в 1848 году, вряд ли мог даже мечтать о том, какую дискуссию его детище вызовет в России, ему не приходила в голову мысль о возможности применения его теории к России, тогда еще аграрному государству. Уладить спор и дать необходимый совет Маркс уже не мог: в 1883 году он умер, бросив на произвол судьбы своих спорящих русских последователей.

Гельфанду исполнилось шестнадцать, когда умер Маркс и создавался союз «Освобождение труда». Он присоединился к этому движению. Несмотря на то что его действительно серьезно занимали обсуждаемые там проблемы, в нем все-таки созревало желание, которому суждено было определить все дальнейшие поступки: желание стать богатым. У него было достаточно времени, чтобы ознакомиться с деловым опытом одесских торговцев и получить представление о том, что означа-

ла власть денег. Будучи подростком, он попытался разбогатеть на торговле зерном по примеру этих коммерсантов, получив при этом незнакомое ему раньше удовольствие.

После окончания школы Гельфанд между делом освоил профессию слесаря, что позволило ему изучить положение и мировоззрение рабочих. Совершенно очевидно, что его не покидал вопрос о радикальных социальных преобразованиях страны, и казалось, уже тогда он подчинил свою жизнь мысли о том, как бы с помощью революции изменить общественную жизнь в России, а затем и во всем мире, мобилизовав для этой цели многочисленные народные массы.

Он ориентировался на Карла Маркса. Ему было ясно, что крестьяне — не подходящие для этого союзники, так как их не легко мобилизовать. Поэтому Карл Маркс возлагал надежды на промышленный пролетариат, который в это время только начал формироваться в России. Гельфанд, по примеру Маркса, стал анализировать русскую историю с экономической точки зрения. Как и его теоретический учитель, Гельфанд тоже поддавался иллюзиям, что можно достичь равноправия людей на экономическом уровне.

Израилю Лазаревичу удалось без особого труда соединить свое восхищение идеями Маркса и Энгельса с желанием стать богатым, то есть, исходя из этого учения, одним из очень богатых «капиталистов». Тем не менее нападки обоих мыслителей были направлены в одинаковой степени решительно и непримиримо против того общественного класса, который, между прочим, сделал возможным публикацию «Капитала» и к которому хотел бы принадлежать и Гельфанд, так называемых капиталистов. Как и его кумиры, Гельфанд рассматривал капиталистов в непримиримом противоречии по отношению к рабочему классу, а для реализации теории надо было разжечь конфликт между работодателями и работающими по найму.

Гельфанд находился под воздействием воззваний, обстоятельно сформулированных Марксом и Энгельсом для «Союза коммунистов»: *Отстаивать интересы пролетариата в противовес интересам буржуазии, делая это путем ликвидации частной собственности и замены ее*

имущественной общностью, и осуществить эту цель посредством насильственной демократической революции.

Пропасть между буржуазией и пролетариатом была непреодолимой, и ликвидировать ее можно только с помощью борьбы. Представление о бесклассовом обществе как о конечном пункте этой борьбы между классами, из чего следовала диктатура пролетариата, казалось, очаровало молодого Гельфанда. Вскоре он составил для себя четкую картину всего того, что хотел бы взять у Маркса и Энгельса. Так возник подробный список основных положений и требований, применимых непосредственно к России:

радикальная критика капитализма;

свержение буржуазии пролетариатом как «историческая необходимость»;

отделение церкви от государства;

экспроприация частной собственности и национализация полезных ископаемых;

превращение теории в материальную силу;

революция как предпочтительная форма политических действий;

международное объединение одного класса — разумеется, только рабочего — в единый союз народных движений разных стран;

с помощью такого союза развязывание революционной войны против царской России.

ЕВРЕИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Когда Гельфанд в эйфории обдумывал эти тезисы, он видел перед собой конечную цель, которая представлялась его теоретическим наставникам: свержение царизма. При этом его, человека, который не мог жаловаться на плохие условия жизни и принадлежал к среднему классу буржуазии, все-таки мучило сознание своего еврейского происхождения. Ведь еврейское население Восточной Европы было действительно дискриминировано в те годы и считалось вторым классом общества.

Другая ситуация была в Западной Европе, где евреи, ассимилированные или нет, являлись неотъемлемой со-

ставной частью буржуазии и играли решающую роль в духовной жизни, науке и искусстве. В Восточной же Европе они были выселены в отдельные гетто.

Принадлежащие к иудейскому вероисповеданию люди сразу же после своего поселения в Западной Европе в VI веке были изолированы римской католической церковью, в VII веке они попали на территорию сегодняшней России, где, будучи потомками хазар тюркской народности из Центральной Азии, осели в степной зоне Черноморского побережья. Евреи из бывшей Месопотамии переселялись в Персию и на Кавказ. Уже в VIII столетии они освоили территории от Крыма до Каспийского моря и к северу до Волги. Здесь они занимались земледелием и скотоводством, а в городе Киве среди них было много коммерсантов.

Первым решительную антисемитскую политику начал проводить царь Иван IV, Грозный. Он был религиозным фанатиком и деспотично защищал «настоящую» русскую — «ортодоксальную» веру. Его политику продолжили после Петра Великого царицы, которые высылали большую часть евреев.

Скрываясь от погромов в Восточной Европе и крестовых походов в Западной, евреи нашли пристанище в Польско-Литовском королевстве. Там для них не было запретов на профессиональную деятельность, как и в Германии. Они принесли свой язык, образованный от средневерхненемецкого, который известен как идиш, ставший их национальным языком. Территория будущей Украины и Белоруссии стала центром поселений евреев. Во время казацких восстаний, бунтов против польского дворянства на Украине, устраивались и кровавые еврейские погромы. Народонаселение общин уменьшалось, большая часть оставшихся в живых бедствовала.

В результате разделения Польши евреи опять оказались на русской территории. Царица Екатерина Великая пыталась урегулировать проблему в административном порядке. Отдельным группам населения и сословиям были предписаны и узаконены определенные жизненные пространства и определенный род деятельности. Евреям разрешалось быть ремесленниками и торговца-

ми. И все же отказ части еврейского населения ассимилироваться привел к их расколу, следствием которого стало использование идиша одной частью населения, древнееврейского — другой. Русский язык, например, был распространен только среди наиболее образованных евреев.

Из-за конфликтов между собой и фанатично настроенными ортодоксальными кругами, из-за которых происходили пресловутые погромы, многие евреи вынуждены были эмигрировать.

Такое положение в царской России сохранялось до начала XX века, в это же время в Западной Европе евреи являлись неотъемлемой составной частью населения, частью интеллектуальной и культурной жизни общества. Царь Николай II, как и его отец, придерживаясь русских национальных и ортодоксальных взглядов, напротив, сохранял ситуацию с еврейскими гетто. К недоверию по отношению к евреям, обусловленному конфессиональными взглядами, примешалось и еще одно соображение. Поскольку среди русского населения большинство все еще составляли неграмотные люди, царь считал, что совместное проживание простого народа с более образованными, более начитанными и более умелыми как в повседневной, так и в профессиональной жизни евреями может давать повод для зависти, конфликтов и беспорядков. Поэтому последние должны быть ограничены в выборе места жительства и профессии до тех пор, пока русские не будут наравне с ними. Исключения делались только для одного процента и касались особо выдающихся личностей, банкиров, предпринимателей, деятелей искусства, которые могли проживать в крупных центральных городах.

Такая в России сложилась ситуация, вынуждающая евреев проживать в гетто. Но это меньшинство, объединившись со своими братьями по вере, рассеянными за границей, образовало мощный фронт, в результате чего царское правительство получило малочисленного, но сильного и хорошо организованного противника.

Премьер-министр Англии при королеве Виктории, Бенджамин Дизраэли — позднее граф Биконсфилд —

сам был крещеным евреем и стал интересным примером толерантности. Когда Лионель Ротшильд из Лондонского Сити был избран депутатом парламента, его пребывание в палате находилось под угрозой того правила, что каждый депутат должен был приносить клятву истинной веры христианина. В ответ на это либеральный лорд Рассел предложил проголосовать за него, исходя из доктрины «Все английское, что родилось в Англии». Когда все консерваторы проголосовали «против», кроме Дизраэли и его друга Бентинка, тот выступил перед палатой в защиту Ротшильда. Суть его речи была интересна в политическом смысле и сводилась к следующему: величайшая ошибка партии консерваторов состоит в том, что они антисемитски настроены, ведь евреи сами представляют консервативную культуру. «Я, как христианин, голосую за евреев!» — закончил свою речь Дизраэли.

России было слишком далеко до подобных признаний, здесь евреи считались национальным меньшинством и в конце XIX столетия при численности в пять миллионов жителей составляли лишь три процента от общего населения царской империи. Несмотря на массовое бегство после погромов, к началу следующего века их численность значительно увеличилась, достигая до семи миллионов. В университетах для евреев были введены количественные ограничения. Они сконцентрировались в Киеве и его окрестностях, в Варшаве, Лодзи и Одессе, где в связи с быстро набирающей темпы индустриализацией их численность резко увеличилась. Количество евреев в Одессе дошло до 150 тысяч, что составляло львиную долю населения города.

В создающихся промышленных центрах количество евреев-рабочих в три раза превышало количество русских рабочих. Кроме того, внутри рабочего мира было разделение между евреями и неевреями в соответствии с этнической принадлежностью. Например, еврейские рабочие в основном сконцентрировались в текстильной и швейной промышленности, кожевенных и табачных мануфактурах или работали в маленьких мастерских.

Так, в конце XIX столетия родилось еврейское рабочее движение, замешанное на желании создать оппозицию и самоутвердиться. Индустриализация второй половины XIX века сильно изменила еврейский мир. В ассимилировавшихся кругах сложился новый социальный порядок, потому что из них образовался еврейский пролетариат, который стал переселяться в новые промышленные центры.

Даже самые консервативные еврейские торговые села, «штетль», находились на грани распада. Религия, являющаяся фундаментом традиционной жизни, постепенно стала отступать на второй план. Это тоже благоприятствовало проникновению марксистского учения, под влиянием которого и возникали еврейские рабочие организации.

Именно в это время царь Николай II начал политику репрессий, так как обострение социального напряжения требовало особой бдительности. Его дед, «освободитель» и «реформатор», — царь Александр II ликвидировал ограничения и для евреев. Николаю II было тринадцать лет, когда он увидел изувеченное бомбой, брошенной анархистом, тело своего деда. Его сын и наследник престола Александр III сделал вывод, что либеральная политика не останавливает жестокой борьбы против государственной власти, а, напротив, пробуждает ее, и опять «натянул поводья». Николай II придерживался тех же взглядов. Политика была направлена против оппозиционеров и инициаторов заговоров, которыми в большинстве своем были еврейские интеллигенты. Правительственным указом количество принимаемых в университеты еврейских студентов было сокращено в два раза. Эта и другие подобные меры привели к распространению еврейских оппозиционных движений. Кроме того, начались погромы, вызвавшие новые волны эмиграции еврейского населения.

Состоятельные американцы направили свои денежные средства на поддержку товарищей по разуму — прежде всего Яков Шифф — как в революционные кружки, так и в те организации, которые прекратили свое существование в России и хотели возродиться за границей.

Оставшиеся в стране начали организованно объединяться по социальному или политическому принципу, или и по тому и по другому вместе. Одним из таких «резервуаров» был союз «Земля и воля», куда вошли все революционные кружки, объединившиеся в борьбе с царизмом. Еще большее значение имела уже упомянутая первая русско-еврейско-марксистская организация «Освобождение труда», созданная в Женеве бывшими членами русских террористических организаций Павлом Аксельродом, Львом Дейчем, Георгием Плехановым и Верой Засулич. Россия тоже входила в эту организацию, и Гельфанд состоял в ней. Ее основной целью была борьба с царизмом.

Возникший в конце столетия еврейский рабочий класс стал социальной почвой для процветания марксистской идеологии. Вначале ими выдвигались социальные требования, к которым позднее прибавились и политические. Первое еврейское рабочее движение зародилось в 1897 году в промышленных зонах вблизи городов Лодзь и Белосток на аннексированных Россией польской и белорусской территориях, его мозговым центром был город Вильнюс.

Там в 1897 году начал свое существование «Всеобщий еврейский рабочий союз», сокращенно «Бунд». Он объединил еврейскую интеллигенцию и еврейский рабочий класс от Польши до России. Его основатель был выходцем из Минской губернии, где родился и сам Гельфанд. Члены союза выдвигали не только экономические требования, такие как социальное обеспечение, страхование на случай болезни, сокращение рабочего дня, создание стачечной кассы, но и политические: культурную автономию для евреев и др.

«Бунд» создал профсоюзы и развил механизмы защиты от погромов. В 1905 году он насчитывал 33 тысячи членов. В вопросе национального терроризма между «Бундом» и сионистами произошло разделение мнений. Объединение «Рабочие Сиона» ориентировалось на марксизм и видело свою конечную цель в создании автономного еврейского социалистического государства в Палестине. Павел Аксельрод, Лев Дейч, Лев Каменев, он же Розенфельд, Лев Троцкий, он же

Бронштейн, Роза Люксембург и Израиль Гельфанд входили в ту группу, где марксизм доминировал над национальными чувствами, что выражалось в революционном космополитизме. Их всех объединяла универсальная красная утопия.

Хотя сам Парвус и не испытал на себе русского антисемитизма, осознание этого явления действовало на его самолюбие и вызывало враждебное отношение к правительству. По мере приобретения бóльших знаний в общественно-политической области в нем все сильнее зрело стремление радикально изменить существующие отношения.

В Одессе для Гельфанда появилась возможность применить свои знания. Молодые люди, юноши и девушки, не только из рабочего, но и из буржуазного круга, вечерами собирались на конспиративных квартирах, обсуждали и издавали листовки, призывающие к забастовкам, которые вскоре заполнили всю Россию. Об их действиях накопились горы документов в охранке. Иногда охранке все же удавалось ненадолго арестовать одного из участников и закрыть нелегальную типографию. Их корреспонденция часто перехватывалась, и из нее видно, что эти группы частично финансировались состоятельными единомышленниками в Киеве, а также в Вене и Америке.

На Царском дворе было известно о талантливом финансисте, поддерживающем революционные круги, американском магнате Якове Шиффе. Царь Александр III, который скончался в 1894 году, попытался принять меры. Он послал посредника, которого ему рекомендовал женатый на еврейке министр финансов Витте, в Лондон к Ротшильдам, а затем к Шиффу в Нью-Йорк. Цель этой поездки — добиться своего рода соглашения о том, что в случае прекращения финансовой поддержки революционно настроенных еврейских кругов еврейскому меньшинству в царской России будет обеспечено улучшение условий жизни. Но Шиффу это не очень понравилось. «*Jamais avec les Romanow!*!» («С Романовыми — никогда!») — угрожающе прокричал он и вышвырнул гостя вон. На обратном пути этот категорический отказ еще долго звучал в ушах эмиссара.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Когда Гельфанду исполнилось восемнадцать, он четко определился в своей цели: разрушить царскую империю и разбогатеть. Ему не надо было бороться ни с финансовыми, ни с политическими проблемами. В царской России можно было свободно передвигаться и ездить за границу, когда хотелось, а спонсоры для пребывания в Западной Европе или даже в Америке для него находились всегда, и чем меньше он делал тайны из своих намерений, тем больше их появлялось. Для него и его единомышленников существовал помимо прочего так называемый палестинский фонд, созданный для евреев, выезжающих за границу. Но он помогал также и тем, кто учился за границей или хотел устроиться где-то в другом месте. Кроме того, у Гельфанда были состоятельные друзья. Уже в молодые годы он познакомился с торговцем оружием Сахаровым, агентом которого в Западной Европе Гельфанд должен был стать.

Так Гельфанд безо всяких проблем поехал в Швейцарию, чтобы присмотреть себе подходящее место для учебы. Целый год он наслаждался жизнью и завязывал контакты с политическими эмигрантами, поселившимися в Женеве, Берне и Цюрихе. Затем вернулся в Одессу, чтобы надолго, может быть, навсегда, попрощаться со своим отцом, зажиточным ремесленником, и его друзьями. Вот что написал в автобиографических заметках Гельфанд, которому только что исполнилось двадцать лет, о своем окончательном переселении в Западную Европу:

«Когда я в 1887 году вернулся на родину, я хотел заняться анализом рабочего движения, политическим развитием мирового капиталистического сообщества и историей Западной Европы. При этом на первом плане для меня стояли задачи социализма в Европе, за которыми скрывалась актуальная в России борьба за парламентаризм.

Но с тех пор, как я почувствовал себя социалистом, я уже не мог быть просто пассивным созерцателем разыгрывающейся в Европе борьбы, я был втянут в происходящие события...»

Из написанного ясно, что Гельфанд прежде всего считал себя классовым борцом, который хотел в первых рядах своих единомышленников посягнуть на капиталистическую систему. Вопрос о том, как ему одновременно с этим удовлетворить свое желание разбогатеть, пока оставался открытым.

В Цюрихе, Базеле и Берне Израиль Лазаревич регистрировался под своей настоящей фамилией, но на английский манер — «Helphand». Под этой фамилией он стал известен в Европе позже. Вместо Израиля Лазаревича он назвал себя Александром. Выбранными им предметами для изучения стали экономика, физика и минералогия, вместе с тем Гельфанд посещал лекции по истории Европы. Экономика была его пристрастием. Также особый интерес у него вызывали проблемы государственного монополизма и вопросы трудового законодательства. Одним из его учителей был политэкономист Альфонс Тун, автор истории революционного движения в России.

Кроме того, этот молодой русский ходил на лекции философов Якова Буркхарда и Фридриха Ницше. Ницше несколькими годами раньше изучал в Базеле классическую философию; его критика «декадентской» западной цивилизации, отрицание роли религии как ее фундаментальной основы и неприятие «рабского менталитета» в отношении традиционных моральных устоев в угоду индивидуальным жизненным ценностей и, наконец, его концепция от воли к власти — все это стало для Гельфанда новым «Евангелием».

Как и следовало ожидать, Гельфанд попал под влияние промарксистски настроенного профессора политэкономии Карла Бюхера, который в то время преподавал в Швейцарии. В 1890—1891 годах Александр Гельфанд написал диссертацию на тему «Техническая организация рабочих в аспекте эксплуатации масс» и летом 1891 года после многочисленных попыток с огромным успехом защитил ее, получив ученую степень доктора философии.

Главное, что усвоил Гельфанд из учебы в университете: его взгляды на исторические процессы в прошлом и планы на будущее неизменно оставались пронизанны-

ми идеологией марксизма, то есть были связаны с постоянной классовой борьбой.

Вопрос о возвращении в Россию после окончания учебы для Гельфанда даже не стоял. Он уже слишком привык к неограниченной свободе в Западной Европе. Гельфанда мало интересовали кружки еврейских и политических эмигрантов или членов российских нелегальных организаций, живших в Женеве, Цюрихе и Базеле. Они в основном занимались тем, что разводили теории и полемизировали на страницах своих газет, ночи напролет дискутировали, а потом, вконец рассорившись, расходились. Гельфанд же, напротив, чувствовал себя человеком дела, хотел находиться в движении. Эти люди, как ему казалось, были не в состоянии создать единый фронт в общественной борьбе, не могли вести эту борьбу так, как ему хотелось бы.

Его взор обратился к Германии, где он видел мощное объединение единомышленников-социалистов. Немецкая социал-демократия казалась Гельфанду образцом организованности и идеологическим пристанищем. Он хотел войти в ее ряды, чтобы на ее стороне бороться за интересы пролетариата и его объединение за пределами государства. Против чего бороться? Против капитализма, того капитализма, о котором он сам мечтал в глубине сердца. Казалось, он не видел в этом никакого противоречия, делая в те годы записи о себе самом:

«Я изменил моей русской родине и тому классу, из которого я вышел — буржуазии. Между мной и русской интеллигенцией всегда существовала пропасть, потому что ей не хватало живой связи с рабочим классом...

В то время, как русские революционеры считали своей целью создание демократической конституции с буржуазной свободой и избранным народом парламентом, Европа уже пережила эту фазу развития в 1848—1871 годах. Сейчас борьба на Западе имела истинные социалистические цели, то есть свержение капитализма и организацию социалистического экономического порядка. В Германии эта борьба достигла высшей степени...»

Итак, Гельфанд после окончания учебы летом 1891 года отправился в Штутгарт, который считал Меккой немецкой социал-демократии. Ведь именно там была резиденция главного идеолога немецкого марксизма Карла Каутского, прозванного его единомышленниками «папой марксистов».

Троцкий, разочаровавшись в «поверхностных венских социалистах, с которых вот-вот мог слететь тонкий лак социал-демократии», позже оценил Каутского. Он, напротив, был восхищен «огнем, загорающим в глазах Каутского и иногда смягчающим грубость его иронии». Бородатый, производящий впечатление отца, несмотря на то что ему не было еще и сорока, политический теоретик Каутский был издателем и редактором ведущей партийной газеты «Нойе Цайт» и постоянно искал одаренных соотрудников.

Александр Гельфанд предстал перед заслуженным отцом немецкого социализма в стоптанных ботинках и заношенных брюках. Неряшливая внешность не сочеталась с мощным телосложением этого иностранца, ноги были слишком коротки для тучного торса, внешний вид не вызывал расположения.

Но, несмотря на неухоженную бороду, его гордо посаженная голова с небольшой лысиной интеллектуала и воинственное выражение лица сразу же подсказали Каутскому, что посетитель достоин более близкого знакомства. Очень скоро Каутский был очарован знаниями, талантом и ангажементом этого дородного эмигранта и открыл перед ним двери не только своей редакции, но и собственного дома.

Свои первые статьи в «Нойе Цайт» Гельфанд подписывал псевдонимом «И. Игнатъев», мистическим «Unus» или инициалами «I.H.», ведь не имея вида на жительство, надо было оставаться начеку, особенно с такими статьями, как у него.

Кроме Карла Каутского, и Клара Цеткин, являющаяся также партийным авторитетом, позволила Гельфанду писать для своей партийной газеты. Она издавала газету «Глайххайт» («Равенство» — *Пер.*). В соответствии с названием эта газета была посвящена проблемам женского равноправия и другим вопросам равенства в ра-

jud. Gelfand

Curriculum vitae

Rechtshand

PHOTOKOPIE AUS DEN BESTANDEN
DES STAATSBIBLIOTHEK
ARCHIVS

Derezhina Sovchernovt Mensch

Ich bin geboren im Jahre 1867, besuchte
 das Gymnasium bis zur 5ten Klasse.
 Dann ausgetreten, wurde ich zu Hause
 durch akademisch gebildete Privatlehrer
 weiter unterrichtet. Das Hauptgewicht
 wurde gelegt auf das Studium: der
 Mathematik, der Russischen Sprache nebst
 Altslavisch, der Literatur, der Geschichte
 und der alten Sprachen, insbesondere
 der Griechischen. Im Dezember 1887 ging
 nach dem Ausland, und trat im
 Wintersemester 1888/89 als freier Zuhörer
 bei Prof. Dr. Bücher ein, wobei ich auch
 an den Vorträgen des Staatswissenschaft-
 lichen Seminars Theilgenommen habe.
 Sommersemester 89 vorreichte ich an
 der Universität Bonn, kehrte aber im
 Wintersemester 89/90 wieder nach Basel zurück

Y. Gelfand

PHOTOKOPIE AUS DEN BESTANDEN
DES STAATSBIBLIOTHEK
ARCHIVS

Рукописные строки на немецком языке, написанные Парвусом еще под своим родным именем — Израиль Гельфанд о себе самом, когда он подавал прошение в Базельский университет об апробации и защите его докторской диссертации

Curriculum vital.

PHOTOKOPÉ AUS
DES STAATSARCHIVS
in Mählarburg

Ich bin geboren im Jahre 1867 zu Beresina
Gouvernement Minsk in Russland; besuchte das
Gymnasium bis zur 5ten Classe, aus welcher ich
im Jahre 83 ausgetreten bin. Seitdem genoss ich
Privatunterricht durch academischgebildete Lehrer.
Es wurde hauptsächlich auf das Studium der
Mathematik, der Geschichte, der russischen Sprache
nebst altslawisch, der Literatur und der
alten Sprachen, vornehmlich der griechischen,
geachtet. Im Dezember 1887 ging ich nach
dem Ausland und trat im Wintersemester
1888/89 als freier Zuhörer bei Prof. Dr K. Bäder
ein, wobei ich auch an den Arbeiten des
staatswissenschaftlichen Seminars Theilgenommen
habe. Im Sommersemester 1889 verbrachte
ich an der Universität Bern, kehrte aber
im Wintersemester 1889/90 wieder nach
Basel zurück.

3
PHOTOKOPÉ AUS DEN BESTÄNDEN
DES STAATSARCHIVS IN
Mählarburg

Исправленный вариант отличается от окончательного среди прочего опущением иудейской конфессии (слева вверху)

бочем движении. Первые сочинения Гельфанда касались анализа общественных процессов в России, а также идеологических разногласий между партийными коллегами или между братскими партиями различных стран, например Австро-Венгрии и Чехии.

Одна из его первых статей представляла собой анализ собрания еврейских рабочих в России, устроенного по поводу майского праздника. В ней Парвус поднял тему: почему еврейское население в России подвергнуто дискриминации и почему оно должно стать рупором организованной борьбы. Как и следовало ожидать, он рассматривал проблему с точки зрения классового борца: «Пока евреи в России представляли развитие капитализма, им предоставляли беспрепятственную свободу действий; но как только они стали конкурентами, их начали преследовать как государственных преступников. Правительство осознает, насколько они превосходят остальных в государстве в экономическом отношении; чтобы избежать сильной конкуренции с мелкой буржуазией, правительство решило оттеснить их. Оно это делает якобы потому, что евреи слишком сильно эксплуатируют народ, но разве русские кулаки и трактирщики лучше или они не сосут кровь из народа?»

Гельфанд опять сделал из этого свой собственный вывод: классовая борьба для евреев должна стать основной целью, как для христианина, национальные же ограничения, напротив, должны уйти на задний план: «Если у нас господствует тот же капитализм, что и везде, у нас тот же пролетариат, то и борьба между пролетариатом и буржуазией должна быть одинаковой; поэтому еврей не должен отречься от своей национальной принадлежности, но его национализм просвещенный, способствующий сближению народов; с другой стороны, он все же отделяет себя от своих единоверцев, если они — капиталисты, и солидарен с рабочими всего мира...»

Даже когда Гельфанд оказался в немецком сообществе, он продолжал поддерживать связь с русскими эмигрантами в Швейцарии и других европейских странах. Некоторые из них со временем тоже приезжали в Германию, чтобы заявить о себе в влиятельных издани-

ях немецких социал-демократов. От них Гельфанд узнавал о том, что происходило в России.

Большинство друзей, с которыми Гельфанд поддерживал отношения, рано или поздно обрели известность внутри движения. К этим русским эмигрантам принадлежал Павел Аксельрод, колебавшийся между еврейским национализмом и интернациональной идеей ассимиляции по Марксу. В соответствии со своим происхождением он был традиционным ортодоксальным евреем, но под влиянием западных теоретиков, прежде всего, конечно, Маркса, он вынужден был отказаться от революционного компонента своего сознания, стал анархистом и, наконец, в 1883 году основал за границей, в Женеве, свое первое русско-марксистское объединение.

К другим единомышленникам, с которыми Гельфанд был в контакте, относилась Вера Засулич. Она нравилась ему своим мужеством и дерзостью — все-таки эта женщина смогла убить генерала и только за одно это снискала восхищение своих товарищей. Гельфанду нравился и лукавый Лев Дейч, известный своей хитростью, благодаря которой ему многократно удавалось убежать из тюрьмы.

С Кларой Цеткин Гельфанд тоже случайно познакомился, и она позже так высказалась о нем: «Он был человеком необыкновенно живым и мог производить на людей впечатление. Он блистал умом, легко избавлялся от всего старого, традиционного и оказывал чарующее действие на трезвый ум Каутского. Он легко обзаводился друзьями и так же легко без сожаления расставался с ними. Он любил красивую жизнь и пользовался успехом у прекрасного пола. Имея склонность к авантюрам, он без страха решался на любой запланированный риск. Разумеется, его страсть к богатству, ставшая основным увлечением, затмила все остальное. Мне кажется, Троцкий был прав, считая Парвуса выдающимся марксистом, но в нем всегда было что-то ненадежное и непостоянное...»

На самом деле казалось, что противоположный пол был для Гельфанда легкой добычей, несмотря на то что ни его лицо, ни телосложение не были привлекательными. Возможно, дело было в доступности его соратниц,

восхищавшихся им, или в его способности доминировать, либо в излучении им жизненной силы и страсти, что, казалось, придавало ему непреодолимый эротический шарм — ответить на эти вопросы могли бы только женщины, околдованные им.

Но и на коллег-мужчин он тоже производил сильное впечатление, правда, уже по другим соображениям. Один из основателей РСДРП, Александр Потресов, который в 1896 году познакомился с Гельфандом через Каутского, настаивал в союзе «Освобождение труда» на том, чтобы Гельфанд в составе русской делегации поехал на конгресс Социалистического Интернационала в Лондон. Конечно, для немецких товарищей было бы лучше, чтобы такой человек поехал в составе их делегации, но он не получил предложения с их стороны. Поэтому Гельфанд принял предложение Потресова. Последний возлагал на него большие надежды: «Я был очень высокого мнения о его теоретическом таланте и в будущем возлагал на него большие надежды, думая когда-нибудь вовлечь его в российское движение...»

Гельфанд знал и ценил еще со времени жизни в Швейцарии Розу Люксембург, родившуюся в Польше, которая, как и он, мыслила интернациональными категориями в отношении классово-идеологии. Она не принимала участия в борьбе за национальное самоопределение Польши и пренебрегала сознанием своей принадлежности к евреям в пользу интернационального ангажементу в рабочем движении.

Люксембург была для Гельфанда не только единомышленницей в борьбе, но и лояльной подругой, которая порой защищала его от нападков и была ему лично близка, особенно когда распался ее союз с одним польским приятелем.

Был еще Юлиан Мархлевский, получивший, подобно Гельфанду, образование в Швейцарии. В глазах Гельфанда он был воплощением «пылкого революционного сознания». Это могло означать готовность к обману, грабежу и покушению на убийство — цель оправдывала все средства.

Названные качества как раз не соответствуют общепринятой шкале ценностей, а, напротив, диаметрально

противоположны ей. У Гельфанда и его друзей уважение вызывали те соратники по борьбе, которые отказались от буржуазного кодекса поведения на словах и на деле. Они жили, как и полагалось революционерам, вопреки общепринятым нормам, в микрокосмосе с моральным вакуумом: здесь правили другие ценности и законы, а моральная сущность добра и зла была вытеснена высшей инстанцией их идеологии.

Друзья Гельфанда придумывали для него собственные псевдонимы, начиная с «Доктора Элефанта» и заканчивая саксонским именем «Доктор Барфус». То ли из-за своей внешности, то ли из-за своей провоцирующей сущности и в первую очередь из-за своих статей в газетах, но очень скоро Гельфанд стал известен всему городу. Кроме того, провинция его не очень устраивала, потому что она на него наводила скуку, и он переехал в столицу — Берлин.

Там ему удалось благодаря рекомендации Каутского писать статьи для центрального органа партии газеты «Форвертс». Все более крупные газеты публиковали статьи Гельфанда. Постепенно он начал получать предложения, например прочитать доклад о голоде в России из-за неурожая в 1892 году. Точнее, Гельфанд сам позаботился об этом предложении, так как не хотел упустить возможность отобразить сей феномен со своей точки зрения. Гельфанд проанализировал эту катастрофу и сделал вывод, что, разумеется, она не случайна, а является «необходимым следствием развития капитализма в России», и диагностировал ее как «долго тянущуюся хроническую болезнь».

Крестьяне в результате освобождения от крепостного права сами попали в положение товаропроизводителей и предпринимателей, аргументировал Гельфанд. Из-за усиленного роста промышленного производства многие эмигрировали, и это стало ощутимо, кроме того, в один прекрасный день они образуют тот пролетариат, который поднимется против царя.

Гельфанд не упустил возможность изобразить мрачную картину экономического кризиса как следствие этого. Он хотел через средства массовой информации убедить иностранных инвесторов в таких прогнозах для

России, чтобы, используя повод, нанести вред царскому правительству, в чем сам торжественно признался.

Прогнозируя будущее России, он сказал, что в дальнейшем, разумеется, Россия выделась ему «цветущей в капиталистическом смысле страной», которая сможет конкурировать с Америкой в гегемонии на мировом рынке, Европа же окажется между двумя фронтами глобальной экономической борьбы.

Он опять видел в прицеле рабочий класс, который, по его мнению, должен был захватить инициативу, потому что «нельзя ждать, сложа руки, когда революция свалится с неба!» Так как Гельфанд ни на секунду не сомневался в том, что даже самые яркие представители немецкой социал-демократии мечтали о такой форме перераспределения власти, он все более прямо и открыто добивался поддержки русских товарищей, которые с нетерпением ожидали в ссылке в Швейцарии. Его мечтой было, чтобы эта группа, которую он видел в авангарде ведущей революционной группы в России, получила признательность с немецкой стороны.

АНАТОМИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Органы прусского министерства внутренних дел уже начали проявлять обеспокоенность. Бунтовской дух казался им опасным. Они провели у Гельфанда обыск, в результате чего он был арестован и выслан из Пруссии. Об этом было проинформировано русское Министерство внутренних дел, которое в свою очередь передало информацию на пограничные полицейские посты и в губернии.

То, что обмен информацией был так хорошо налажен, было традицией третьего отдела прусской политической полиции. Уже в посленаполеоновские времена русские агенты разыскивали подозрительные «гнезда» радикальных русских оппозиционеров в Берлине и все, до последнего уголка, места сбора студентов, где только могли учуять политических врагов своей страны. Эта совместная прусско-русская работа секретных служб в середине XIX века была систематизирована шефом по-

лиции, который был вынужден уйти на пенсию из-за своей отчаянной деятельности. Он стал частным детективом и в этом качестве скрывал свои прежние заслуги. Например, в 1851 году он разоблачил тогда еще конспиративную деятельность Карла Маркса и Фридриха Энгельса в Коммунистическом союзе в Германии, Франции и Англии, и оба господина предстали перед судом, правда, его методы были не совсем чистыми. Но его звездный час пробил, когда он поймал шантажиста царского посланника в Берлине. Так родилась постоянная немецкая агентурная служба, защищающая интересы царской тайной полиции. Официальное поручение прусским органам предполагало непрерывное наблюдение за политическими эмигрантами. Это не удивительно, ведь оба государства были связаны друг с другом одной системой монархии и родственными узами их королей. Взаимное доверие подчеркивалось также и тем, что при дворе каждого из этих государств обязательно присутствовал военный адъютант другой страны.

Гельфанд был вынужден сразу же покинуть Берлин и начать кочевую жизнь в Дрездене, Лейпциге, Штутгарте и Мюнхене. Во всех путешествиях его сопровождала жена Татьяна, с которой они вместе жили еще в Цюрихе и на которой Гельфанд в конце концов женился. Но это обстоятельство, казалось, ничего не значило для Гельфанда, он везде заводил интрижку с другими женщинами, как будто забыв о своем семейном статусе.

Во избежание арестов в будущем Гельфанд подумывал поехать в Вену, возможно, там будет легче получить вид на жительство. Там он мог бы писать для газеты Виктора Адлера «Винер Арбайтерцайтунг», чья симпатия и готовность помочь революционным эмигрантам была известна. Гельфанд обратился к Каутскому как к посреднику. Тот пошел навстречу своему товарищу и написал письмо Виктору Адлеру:

«Дорогой Виктор!

Тут один русский, доктор Гельфанд, который (...) живет в Германии, очень толковый парень (...) Он следил за развитием отношений в Германии и хорошо раз-

бирается в них (...) Он живет в Штутгарте, потому что из Берлина его выслали. Больше всего он бы хотел натурализоваться в Австрии, чтобы открыто принять участие в движении. В Германии из-за его высылки о натурализации не может быть и речи. В его лице партия приобретет выдающуюся, основательно обученную силу. Как ты считаешь, возможно ли там натурализоваться?»

Но Адлер не мог помочь Гельфанду, и тот какое-то время еще находился под защитой Каутского, который продолжал предоставлять ему трибуну газеты «Нойе Цайт» для публицистических нападок.

Все это не осталось втайне от русских органов. В полицейском отчете от 4 июля 1894 года шефу жандармерии киевской губернии сообщается о деятельности Гельфанда и его окружения:

«Шестого июля на пограничном посту Александрово при возвращении из-за границы был задержан Александр Соломонович Розеншейн, объявленный в розыск с седьмого апреля 1893 года. На него в полицейском отделе имеется следующая информация:

16 февраля 1893 года в Берлине местной полицией были задержаны 13 русских граждан, по большей части студенты химии, философии, агрономии, медицины и технологии, а также доктор экономических наук Цюрихского университета Израиль Гельфанд вместе с женой, затем студенты агрономии (...)

Поводом для их задержания стало то обстоятельство, что эти персоны посещали местные анархистские и социал-демократические заседания, читали социал-демократические издания «Форвертс» и «Социалист» и на собраниях выступали с докладами, будоражащими массы. На одном из таких собраний Конон Раппопорт заявил социал-демократам, что все они трусы, потому что они никогда не смогли бы бросить бомбы; было установлено, что задержанные контрабандно перевозили в Россию запрещенные книги, устраивали тайные встречи, состояли в контакте со своими единомышленниками в Париже, Цюрихе, Бер-

не, Базеле, Брюсселе и Лондоне, а недавно привезли в Вильнюс агитационные материалы против господствующего государственного и общественного строя в России.

Полтора года назад этот кружок создал в Берлине общество «Наука и жизнь», которое издавало периодику и устраивало собрания у Роланда Залера на Эльзассенштрассе и в других квартирах определенных личностей. Одно из заданий этого общества состояло в вербовке приезжающих в Берлин русских, преимущественно евреев, недовольных современным положением в России, и вовлечении их в свою сеть.

По достоверным источникам берлинской полиции, контрабанда запрещенных печатных изданий в Россию производилась вышеупомянутыми лицами через эмиссаров, которые от одного до трех раз в месяц приезжали из России в Берлин и через один-два дня пребывания у своих друзей опять возвращались в Россию. Эти эмиссары обычно останавливались у Самуила Пескина, который был одним из предводителей этого тайного русского общества в Берлине. Он создал в Вильнюсе, городе, где он родился, коммунистический кружок».

Далее отчет отображает деятельность других, задержанных во время обыска на квартире; некоторые из них получили только предупреждение, а восемь человек, среди них и Гельфанд, были высланы; в заключение отчета — прошение о задержании тех, кто занимается революционной деятельностью на русской территории.

Это был как раз тот момент, когда Гельфанд стал настолько осторожным, что решил больше не выступать против господствующего порядка со своими яркими статьями под таким броским псевдонимом, как «Unus». Он выдумал себе имя, умышленно контрастирующее с его внешностью, которое отныне должно было стать его alter ego: Парвус (малыш) — Александр Парвус. Отныне он хотел иметь это имя и никакое другое.

ENFANT TERRIBLE ПАРВУС

Начался период, когда он, Парвус, своими спорами разжигал внутрипартийные скандалы, не будучи ни агрессором, ни жертвой. Повод, казалось, при этом играл второстепенную роль и был не больше, чем предлог для дальнейшей спровоцированной атаки, которая каждый раз по силе должна была превосходить предыдущую.

Так, например, по случаю выборов в прусский ландтаг он выступил (тогда еще как «Unus») за то, чтобы социал-демократы, как предложил их предводитель в ссылке Эдуард Бернштейн, отказались, наконец, от традиционного бойкота и приняли участие в выборах. Его аргумент: воздержание от голосования не является принципом социалистической классовой борьбы. Это стало причиной переполоха в традиционно иначе думающей и действующей партии. Немного позже, уже как Парвус, Гельфанд выступил в прямо противоположном направлении, когда надо было подлить масла в огонь в споре за позицию социалистической партии в баварском ландтаге. Она одобрила бюджет правительства, что в глазах Гельфанда было политическим преступлением, это означало одобрение господствующего политического порядка, потому что он поддерживался именно на эти средства. Отклонение бюджета, напротив, было бы «сильнейшим политическим средством борьбы оппозиции...»

Это выступление вызвало интерес к Парвусу у главного редактора «Лейпцигер Фольксцайтунг», и он предложил Гельфанду постоянное место редактора. Но его деструктивный темперамент нуждался в большем удовлетворении, чем в потребности постоянного месячного заработка.

В другой раз его классово-ненавистническая позиция по отношению к крестьянскому сословию привела к конфликту. В то время обсуждалась позиция немецкой социал-демократии по отношению к этому сословию. Во всех партийных газетах поднимались актуальные внутривнутриполитические вопросы — и хорошие аргументы ведущих публицистов вдохновляли социалистических депутатов.

В то время как издатель газеты, интересующей Парвуса, выступал за поддержку по защите мелких крестьян-

ян со стороны социалистической партии, сам Парвус боролся против компромисса в этом плане внутри партии. Его он полемически приравнивал к одобрению существующего строя и тем самым к задаче «социал-революционной борьбы». Таким образом, партия потеряла бы поражение, так как «не реформы, а социальная революция является ее целью», со всей уверенностью заявил Парвус.

Этот безграничный фанатизм надоел главному редактору, Парвус был уволен. Его заманил к себе шеф газеты «Зексише Арбайтерцайтунг», который хотел поднять тираж своей вялой газеты, вдохнув в нее струю свежего воздуха. Парвус согласился. Так как прежний руководитель редакции покинул Лейпциг, Парвус смог занять его место и привлечь к редакционной работе своего друга, Юлиана Мархлевского-Карского. Кроме того, у него теперь появилась возможность публиковать статьи и других авторов, как, например, близкой ему Розы Люксембург.

Постоянная смена мест жительства и работы Парвуса затрудняла задачи русской разведки, которая, затаив дыхание, следила за ним издалека. Следующий внутренний отчет охранки от 17.08.1897 года, в котором в хронологической последовательности отслеживаются все прошлые годы жизни Гельфонда, явно слишком отстает от реальности. В сильно разбухшей папке «Гельфонд» — это прежняя манера написания его фамилии — зафиксировано: «Задержанный органами жандармерии Санкт-петербургской губернии по подозрению в причастности к революционным кружкам за границей Давид Натанов Барад сообщил 2—3 июля следующую информацию для протокола:

«Гельфонд проживал со своей супругой Татьяной Берман с января 1887 года по август того же года в Цюрихе; затем он поехал в Россию и в декабре 1887 года вернулся обратно в Цюрих, где проживал до октября 1888 года. Он был противником народников, симпатизировал Плехановскому окружению, кроме того, он организовал литературный фонд, самостоятельно разработав его устав.

Помимо этого, он входил в группу (Ганелин, Слепцова и др.), которая выпускала анкету и распространя-

ла ее в кругу русских, чтобы выявить господствующие направления в кружках.

Из Цюриха Гельфонд переехал в Базель, где он получил степень доктора юридических наук. В настоящее время он, по слухам, находится в Штутгарте, где работает в рабочем секретариате...»

Таким образом, русская разведслужба отстала от реальности на три города. Парвус уже давно был шефом одной из газет в Дрездене.

Самостоятельность позволила Парвусу развить и свои деловые качества. Он финансировал за счет профсоюзных и спонсорских пожертвований собственную типографию, которая хорошо поддерживала газету материально. Казалось, что с развитием коммерческого инстинкта его журналистский талант начал погибать. После довольно короткого периода оживления общественного интереса все меньше и меньше читателей могли следить за длинными теоретическими рассуждениями и проявлять интерес к газете, необходимый для ее длительного успеха.

На помощь пришла никогда не ослабевающая агрессивная энергия Парвуса. Когда начали распространяться слухи о пересмотре избирательного права, Парвус стал откровенно агитировать за революцию посредством «массовой пролетарской забастовки». Такая управляемая дезорганизующая забастовка должна была остановить государственную машину, парализовав в стране передвижение и связь.

Европейскому социализму не позволительно пассивно дожидаться гибели капитализма, напротив, нужно брать штурмом один бастион капитализма за другим. Профсоюзы при этом должны рассматриваться как боевые пролетарские организации, поддерживающие политическую деятельность партии.

Если раньше такая забастовка могла служить всего лишь протестом, направленным на сохранение права рабочих контролировать производство, наподобие «Тактики отчаяния», как поэтически сформулировал Жан Жорес, то Парвус уже хотел рассматривать ее в качестве средства к достижению цели революции. Он пояснил, что произошедший в результате этого паралич государ-

ства вынудит партию раскрыть свои карты, то есть перейти к открытой борьбе за государственную власть.

Внутри редакции эта теория Парвуса оспаривалась, а разногласия выражались не только словами, но и кулаками. Когда же Парвус напал на почитаемого немецкой партией в далекой ссылке марксиста Бернштейна, который отважился выразить сомнение в предстоящем крахе капитализма, за что получил поддержку немецких товарищей, словесная битва подошла к финалу. А когда до Парвуса долетели слова «еще не хватало, чтобы партийный съезд торжественно провозгласил своей целью социальную революцию», он дал волю всему накопившемуся у него агрессивному потенциалу, после чего почти все члены партии стали его врагами.

Немного меньшее сопротивление Парвус вызвал, выступив с анализом международного экономического положения и вытекающим из этого прогнозом на будущее — по его мнению, созданы предпосылки кризиса капитализма. Он придерживался точки зрения, что экономика в конце XIX столетия вышла за границы национального государства. Только свободная торговля при ликвидации национальных границ могла предоставить государству шанс на выживание; но этому препятствовал крупный капитал. Поэтому предстоящий кризис капитализма должен иметь форму политических и военных разногласий, которыми должен воспользоваться рабочий класс.

Из-за последних публикаций на эту тему саксонские власти выдворили Парвуса и Мархлевского-Карского. Пребывание в княжестве Гера было не больше коротких гастролей. Для выбора у Парвуса оставалось не так много мест: можно было попытаться устроиться в Баварии. Там ему удалось, разумеется с помощью друга, раздобыть вид на жительство. Новое столетие он встретил в Мюнхене.

На примере своей личной жизни Парвус доказал, что никакое личное событие, а у него в это время родился сын, не могло уменьшить его боевого революционного духа. Своему сыну Парвус дал имя Лазар, или по-немецки — Лазарус, как звали его собственного отца, позднее, правда, ему дали еще одно имя, Евгений, которое в се-

мейном кругу превратилось просто в Женю. Позже, когда Парвус оставит жену и ребенка, сын возьмет фамилию своей матери — Гнедин; о нем еще будет рассказано дальше. В объявлении о рождении сына, написанном Парвусом, просматривается мало сентиментальности, но зато оно проникнуто воинственным духом. Воинственным — ведь его только что изгнали из Саксонии, и одновременно с этим он потерял место главного редактора в Лейпцигской рабочей газете. Его преемнице Розе Люксембург было поручено опубликовать объявление 1 декабря 1898 года:

«Мы сообщаем товарищам по партии о рождении крепкого, жизнестойкого врага государства. Наш сын появился на свет 29 ноября в Дрездене. Хотя он и родился на немецкой земле, у него нет родины. Как и мы, он обречен на высылку, иначе Саксонии может угрожать опасность: ведь мы — враги правящих в этом государстве капиталистических эксплуататоров. Но мы знаем, что тесные духовные и политические узы связывают нас с эксплуатируемым пролетариатом Саксонии. Мы воспитаем своего ребенка борцом в армии социалистов-революционеров. В борьбе за освобождение рабочего класса от капиталистического ига он завоюет для себя и отечество. Парвус и супруга».

Парвус уделял мало внимания личной жизни, он чувствовал свое призвание в бóльшем, чем в привязанности к семье. Не успела еще закончиться одна публицистическая дискуссия, как тут же созревала возможность развернуть новую полемику, будоражащую мирное бытие немецкой социал-демократии, что давало Парвусу новый повод для нападок и протестов.

Так в конце столетия социалистам выпал шанс стать второй по силе партией в Баварском ландтаге и выдвинуть вице-президента. Исходя из принципиальных основ партии, это можно было бы истолковать как неприемлемый союз с классовым врагом. Если несколько лет назад Парвус призывал голосовать против принятия

бюджета (как бойкот противника партии), то на этот раз, наоборот, он яростно выступал против бескомпромиссности своих товарищей, — все-таки сейчас речь шла о праве политического голоса. «Что имеет значение, так это власть и возможность ее осуществлять», — аргументировал он, раздув дискуссию не только по этому вопросу, но и по поводу своей персоны, подвергнув сомнению собственную славу радикала.

С этим «литературным драчуном», как его называли, почти никто больше не хотел иметь дело. Как хорошо, — кое-кто из немецких товарищей мог теперь вздохнуть с облегчением, — что они не уступили его попытке получить мандат немецкой партии и всегда были против этого. Даже газета Каутского «Нойе Цайт» после всех этих событий и конфликтов в период до 1906 года не напечатала больше ни строчки, написанной Парвусом, *Enfant terrible*.

Но вновь обрушившийся на Россию голод вынудил Парвуса отказаться от полемики и предопределил для него новый источник доходов. Эта тема опять давала ему повод для агитационной работы и проведения антирусской провокационной кампании. Получив финансовую поддержку на длительное многомесячное путешествие одного состоятельного друга-единомышленника из Мюнхена, аванс от социалистического издательства за свои путевые заметки и новый паспорт на имя чешского гражданина, Парвус отправился в те районы, которые постиг неурожай, разумеется, не только в эти, но и в другие места, где были действующие марксистские кружки.

Парвус не собирался, как предполагалось, объективно освещать события и обстоятельства, а использовал их с целью пропаганды. Он опять объяснял причины аграрного кризиса, как и в 1892 году, капиталистическим развитием. Он вновь воспользовался случаем с такой тревогой изобразить общее положение дел в России, что вскоре после презентации России на международной выставке в Париже и визита царя в Париж в 1896 году французские инвесторы были испуганы, а у парижской биржи возникли сомнения по отношению к России.

Этим Парвус хотел нанести стране, находящейся в нищете, и царскому правительству коммерческий и политический урон. В действительности Россия находилась на стадии процветания, построила в течение нескольких лет Транссибирскую магистраль длиной в почти десять тысяч километров и после политической размолвки с Германией привлекала преимущественно французских инвесторов.

Одновременно с целью проведения дискредитирующей кампании Парвус за четыре месяца своей поездки преследовал и еще одну цель: используя многочисленные встречи со своими товарищами по разуму, он вынашивал идею создания газеты, которая могла бы издаваться в Германии, но была бы предназначена для России. Она стала бы связующим звеном между русскими революционерами за границей и в России. Финансировать ее должны были оппозиционно настроенные круги на юге России и в Баку.

ПАРВУС — ЛЕНИН — ТРОЦКИЙ

Здесь интересы Парвуса и его собеседников скрестились с намерениями группы, окружающей Ленина: Потресов, Мартов, живущий в Швейцарии основатель РСДРП Плеханов, Аксельрод и Вера Засулич. Ленин, находящийся в Сибири в политической ссылке, знал Парвуса по материалам газет на эту тему. Он просил свою маму пересылать ему в Сибирь газеты, в которых Парвус разражался революционными тирадами, Ленин их с жадностью прочитывал. Так, например, в письме к матери от 11.09.1899 года он попросил выслать ему номера газеты «Зексише Арбайтерцайтунг» за 1898 год.

В этих статьях Парвус обозвал теоретика Бернштейна и его окружение «ревизионистами», что стало одной из причин изгнания его из газеты. Ленин опубликовал восторженные рецензии на серию статей Парвуса о «Мировом рынке и кризисе экономики» в газете «Начало» под псевдонимом «Ильин». Однако Парвус и Ленин еще не были лично знакомы.

Ленин намеревался сделать издаваемую совместно с Парвусом газету народной в отличие от других партий-

ных газет, являвшихся теоретическим органом партии. Она должна была привлекать профессиональных революционеров и «внушать им как авангарду пролетариата русского рабочего класса волю к революционному перевороту извне». Ведь «пролетарские массы» были *в лучшем случае в состоянии развивать профессиональное мышление, но не были подготовлены к политической борьбе с целью захвата власти*. Это печальное открытие не давало Ленину покоя, и он пытался поэтапно искать ответ на вопрос «Что делать?».

Откровенно говоря, Парвус придерживался противоположного мнения. Он не верил в маленькую революционную элиту, которая однажды начнет совершать подвиги и которую нужно привлекать к борьбе, он думал о массовой партии и был убежден, что *русская интеллигенция уже сыграла свою роль в рабочем движении, потому что русские рабочие в состоянии самостоятельно думать и организовывать себя...* Парвус также выступал против централизации партии сверху.

Газете дали название «Искра», заимствовав его из написанных Пушкину стихов поэта Одоевского, осужденного в 1825 году за участие в декабристском восстании: «Из искры возгорится пламя». Ежемесячная газета (вскоре она стала выходить 2 раза в месяц) впервые вышла в свет в конце 1900 — начале 1901 года, как раз через несколько месяцев после того, как Ленин и его жена Надежда Крупская проделали путь из Сибири через Санкт-Петербург в Европу, остановившись в Женеве у Мартова.

Газета, по распоряжению Парвуса, печаталась в Лейпциге, а редакцию он организовал в Мюнхене, в своей квартире в Швабинге. Соблюдая конспирацию, он подписывал свои статьи псевдонимом «Молотов» (от русск. «молот». — *Авт.*).

На случай возможных домашних обысков у Парвуса было технически все продумано: одним движением руки он мог каждый раз уничтожить матрицу с текстами. Шестое чувство подсказывало ему это, потому что шеф русской службы внешней разведки в Берлине А. Хардинг, он же Хекельманн, вскоре сообщил охранке, что «известный агитатор Парвус» является главным редакто-

ром издаваемой в Мюнхене газеты «Искра». Кроме того, Ленин, благодаря налаженным для него Парвусом связям, в те годы издавал в Штутгарте газету «Заря», в которой Парвус тоже работал и поддерживал Ленина.

Для «Искры» писали многие политические эмигранты в Германии и Швейцарии, среди них Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич, которая в свое время стала известной из-за убийства русского генерала, завоевав славу террористки, и полька Роза Люксембург. Свои статьи присылали Потресов, брат Ленина Дмитрий Ульянов, Калинин, Бабушкин, Гусев, Литвинов, Стасова, а позднее и Троцкий.

«Искра» была больше, чем просто партийная газета. Она стала зеркалом их умов, была призвана служить средством координации действия русских революционеров в Западной и Восточной Европе и демаскировки «ревизионистов», как называли ищущих компромисса членов партии. Вскоре газета «Искра» стала не только генератором движения в России, приведенного в действие эмигрантами, но и генератором развития самой Российской рабочей партии.

Но, как и следовало ожидать, ее руководители вскоре поссорились, и партийная газета, разумеется, сообщила о происшедшем на конгрессах в Брюсселе и Лондоне в 1903 году разделении партии на умеренное крыло меньшевиков и радикальное — большевиков. Ближайшее окружение Ленина разделилось на два лагеря. Плеханов противился эксклюзивному характеру революционной «элиты», а также диктату, насаждаемому Лениным в движении и концепции газеты.

Парвус в очередной раз проявил мастерство конспирации и организации. Газета стала выходить на особенно тонкой бумаге и печататься мелким шрифтом, чтобы облегчить ее контрабандную перевозку через российскую границу. Через отлаженную контактную сеть даже изъятые номера газеты могли быть быстро перепечатаны в Одессе с помощью старого посредника Леонида Красина, а оттуда они уже легко достигали своей целевой аудитории. Если же изымалось все перевозимое издание, то оно могло быть быстро переиздано в подготовленной для этого типографии в Баку. Редак-

ция газеты путешествовала с места на место, испытывая на себе переменное влияние различных умов, — из Германии (Мюнхен, Штутгарт) в Швейцарию, затем в Лондон (что означало усиление большевистского воздействия), затем она снова обосновалась в Женеве. Это осуществлялось на средства умеренных сил партии и Троцкого, который не входил ни в один из лагерей, равно как и в «Бунд», однако организовывал профсоюзные землячества.

В конечном счете Ленин одержал победу. Он исключил из редакционного комитета Аксельрода и Засулич. Его авторитарному стилю Троцкий и Мартов объявили бойкот, перестав писать в издание. Плеханову удалось снова завоевать их. Тогда Ленин потерял газету. Газета «Искра» еще не погасла, но уже мерцала слабым революционным огоньком в весьма умеренном социалистическом духе. Парвус не мог больше спокойно смотреть на это, и с 1903 года, года раскола партии на два крыла, он вместе с Розой Люксембург пустил в ход свое острое слово: пора, мол, положить этому конец, потому что внутривластные разногласия должны подчиняться только цели единения революционеров во всем мире, а также способствовать разжиганию революционной активности масс.

Троцкий расценил это как беспринципность. Он сформулировал свое мнение в «Открытом письме «Искры». Затем он из-за Плеханова отказался быть членом редакции до тех пор, пока события в России не откроют новую страницу этой газеты.

В те годы Парвус впервые лично познакомился с Лениным. Когда он прибыл в Западную Европу (1900 г.) с болгарским паспортом, он поселился в Мюнхене, сняв квартиру рядом с квартирой Ленина в Швабинге. Здесь он встретился с Лениным и его женой, Надеждой Крупской, а также с Розой Люксембург. Ленин был на три года младше Парвуса, восхищался его блестящим, образованным умом и агрессивным революционным темпераментом.

В годы с 1900-го по 1905-й мнения их разделились. Если для Ленина и речи не могло быть о каких-то компромиссах, то Парвус, напротив, пытался преодолеть

раскол и разногласия русских революционеров, сам он никогда не состоял в этой партии и не хотел ограничивать себя рамками никаких партийных категорий. В конечном счете важным было только одно: придать движению максимум силы.

С этой целью он попробовал установить связь между немецкими социал-демократами и русскими революционерами, успех был не велик. Все же ему удалось получить финансовую поддержку для газеты «Искра» у немецких и австрийских товарищей.

Парвус довольствовался публицистической работой в направлении вовлечения в борьбу «революционно подготовленного пролетариата» России.

Еще он проводил агитационную работу среди русских и восточноевропейских студентов Мюнхенского университета, издавал пропагандистские брошюры и организовывал манифестации солидарности с якобы жаждущим революции русским рабочим классом. Было только вопросом времени, чтобы мюнхенские службы безопасности обратили на это внимание. Полицейский отчет дает разъяснения обо всем, что было известно о Парвусе:

«Гельфанд состоит в тесном контакте с учащимися здесь русскими, а также с русскими и польскими студенческими объединениями; его стремления совпадают с тенденциями этих объединений, что очень сомнительно. Он и Мархлевский пользуются в этих кругах признанием и влиянием. Здесь особенно интенсивно проходят общественные манифестации солидарности с революционной борьбой в России. С социалистической стороны не упускается никакая возможность, чтобы подчеркнуть тождественность интересов.

Благодаря последовательной пропаганде Гельфанда без сомнения существует опасность, что в общем и целом социал-демократия продвинется с помощью анархо-социалистического движения и добьется признания с помощью зарубежных революционных элементов, а местные рабочие праздники, ранее носившие мирный характер, переживут опасные изменения...»

Для Парвуса это все же не представляло непосредственной опасности. Газета больше не находилась в Мюнхене, а Ленин опять незаметно улизнул. После раскола русской рабочей партии между Парвусом и Лениным возникли полемические отношения. Противники большевистского вождя использовали Парвуса и его острое перо для своих нападок. Потресов пишет в письме Аксельроду: «Натравить Парвуса на Ленина, чтобы уничтожить его». В своем «Ответе Ленину: Чем мы друг от друга отличаемся» Парвус упрекает Ленина в том, что он хочет *«опекать пролетариат партийным уставом, вместо того чтобы заставить массы думать и действовать самостоятельно»*.

Когда Парвус писал эти строчки, он уже давно нашел достойную замену Ленину в своем интеллектуальном и редакционном окружении: Лев Троцкий, урожденный Лев Давидович Бронштейн. Революционер был на 12 лет моложе Парвуса, начитан и отличался еще более агрессивным темпераментом и острым языком, чем он. Как и Парвус, он в 1904 году был введен в заблуждение съездом РСДРП, скандал на котором отразился на страницах «Искры», и приехал из Лондона к Парвусу в Мюнхен. Однако бледный интеллигентный молодой человек в очках без оправы и с роскошной шевелюрой, всего двадцати пяти лет от роду, имел со своим хозяином даже больше сходства, чем революционные цели и их теоретическая основа. Их объединяло также определенное сходство в биографиях. Лев Троцкий (Лев Давидович Бронштейн) родился в 1879 году в семье зажиточного еврейского землевладельца в Херсонской губернии на юге Украины. Уже в девятилетнем возрасте он приехал в Одессу, где жил у своего родственника, либерального еврейского издателя.

После окончания гимназии он попал в круг еврейских социалистов, увлекался трудами Карла Маркса и выступал агитатором в местных профсоюзах, пока не был арестован. О склонности к иронии тогда всего лишь двадцатилетнего юноши свидетельствует то, что он присвоил себе в качестве псевдонима имя своего польского тюремщика — Троцкий. Он был переведен в Москву, после чего приговорен к четырем годам ссылки.

После оглашения приговора он попросил, чтобы к нему привели раввина, который должен был обвенчать его с осужденной за агитацию соратницей по борьбе. Приехав в Сибирь, Троцкий стал отцом, у него родилась дочь. Так же, как и Ленин в месте ссылки — Шушенском, он мог там свободно передвигаться и беспрепятственно изучать марксистские труды, читать запрещенные книги и даже писать статьи для одной иркутской газеты. Вскоре ему стало известно о других коммунистах, таких как Ленин, и он стал с ним переписываться, пока не воспользовался предложением Ленина переехать из Сибири за границу с помощью друзей.

Он оставил в Сибири жену и ребенка и в 1902—1903 году поехал в Вену, где наряду с другими коммунистами встретил поддержку социал-демократа Виктора Адлера. Непродолжительного наблюдения за культурной жизнью этого города ему было достаточно, чтобы в острых критических статьях выступить с разоблачительным анализом, с его точки зрения, декадентской духовной жизни Вены. Что касалось политической жизни, то к австрийской социал-демократии он относился с неодобрением, если не с презрением. Он обычно говорил о «касте мандаринов самовлюбленных партийных вождей», «которые рассыпаются громкими словами, но не претворяют их в жизнь, а за кулисами объединяются с политическими противниками, будь то буржуазия или аристократия».

Покинув Вену, Троцкий направился в Цюрих, остановившись у Павла Аксельрода, который переправил его дальше, в Париж и Лондон, где он в доме № 30 на Холфорд-сквер в Кингз-Кросс впервые встретился с Лениным. Одновременно с написанием статей для «Искры» он читал марксистские лекции в еврейском квартале Уайтчепел. Что касается личной жизни, то он жил вместе с новой супругой, украинкой Натальей Седовой, которая родила ему двоих сыновей.

Если Ленин ценил в Троцком его революционный подъем, а также опыт работы в революционном подполье и знание политической сцены, которое тоже могло пригодиться, то Троцкий, до сих пор восхищавшийся Лениным издавека, был разочарован в нем. Его поведе-

ние на партийном съезде, холодная, рациональная суть, в которой был только расчет и ни искры страсти за дело, все это отталкивало Троцкого.

На этом «съезде раскола» Парвус стоял над партийной дискуссией, Троцкий же оказался между фронтами меньшевиков и большевиков. Естественно, что он после этого устремился поближе к теоретику, который остался для него единственным эталоном. О том, как он тогда воспринял Парвуса, он позднее написал в своих автобиографических заметках:

«Парвус был выдающейся личностью среди марксистов, в совершенстве владел марксистской методикой, обладал прозорливостью, был в курсе важнейших событий, происходящих на мировой арене; все это вместе с дерзостью мышления и мужским стилем делало его выдающимся публицистом. Его работы разъяснили мне вопросы социальной революции и приблизили захват власти пролетариатом от астрономической конечной цели к практической задаче нашего времени».

Когда Троцкий с женой поселился у Парвуса, тот уже явно достиг значительного материального благосостояния. В его просторной квартире в Мюнхене—Швабинге кроме него еще проживали жена, сын и приехавшая из Одессы мама.

Этих благоприятных экономических условий Парвус добился благодаря одной зажигательной идее: получив лицензию на издание русских авторов, он организовал эксклюзивную продажу этих произведений в страны Западной Европы. К этому времени Россия еще не состояла в Бернской Международной конвенции 1886 года по авторскому праву, поэтому русские писатели за свои публикации или театральные постановки за рубежом не получали никакой прибыли. Эту нишу на рынке использовал Парвус с помощью своего друга Юлиана Мархлевского-Карского. Мархлевский взял кредит под создание издательства и сам принимал участие в предприятии, названным Парвусом «Издательство русской и сканди-

навской литературы». Кроме того, Парвус издавал журнал «Международная политика».

При этом он не упускал из вида и своей политической цели. Например, в качестве первого писателя, которого он хотел представить на Западе, он выбрал не кого-нибудь, а первого пролетарского писателя России, Максима Пешкова, то есть Горького, с которым познакомился в Севастополе во время поездки по охваченным голодом областям России. Он заключил с ним договор, по которому прибыль распределялась по двадцать процентов издательству и Горькому, а остальные шестьдесят процентов должны были отправляться в партийную кассу большевиков.

Уже через год Парвус имел огромный финансовый успех от Горьковской пьесы «На дне». Только в Берлине пьеса давалась больше пятисот раз, прежде чем попала на провинциальную сцену. На Парвуса пролился настоящий золотой дождь, который позволил ему предаться удовольствиям со всей свойственной ему страстью и забыть обо всех текущих обязанностях во время своих длительных поездок в Италию и Францию. Когда вырученная прибыль полностью исчезла, Парвус ликвидировал издательство. Мархлевский-Карский оказался не только у разбитого корыта совместного бизнеса и личной дружбы, но и на обломках предприятия, с потерей которого он должен был справиться один, потому что поручился за это.

Но, как и для Троцкого, для Парвуса на первом месте стояла разведывательная работа по подготовке к революции в России. Обоих занимал вопрос, нужно ли ограничиться свержением царского режима, то есть борьбой за буржуазные свободы и права, как в Европе с 1848 года, или нужно пойти дальше — к социалистической революции, когда власть перейдет к другому классу.

Троцкий находил убедительными выстроенные в систему и оформленные в общий план теории Парвуса. Из известного тезиса, что капитализм развился в глобальную систему, следовало, что и социалистическая классовая борьба должна перешагнуть через национальные границы. Такие ценности, как Родина и нация, должны

остаться за пределами классовой борьбы. В его глазах они были ничем, кроме сентиментальных понятий, без которых революционер, желающий изменить общество, ничего бы не потерял.

Троцкий также поверил доводу, что массовая забастовка рабочего класса является не только средством давления профсоюзов, но и инструментом наступательной тактики и эффективнейшим оружием организованного пролетариата вообще.

Из этого он сделал вывод: революция могла бы быть совершена в результате организованной массовой забастовки, а ее результат может обеспечить равноправие пролетариата. Возможность для такого переворота Парвус усматривал в предстоящей «империалистической войне», очевидно, исходя из марксистского положения о войне, как о «локомотиве мировой истории». Такая война, вне сомнения, вспыхнет в соответствии с промышленными циклами мирового рынка и взорвет социальную «пороховую бочку» в Европе и России. Побуждающими моментами должны стать не противоречия между национальными государствами, а «степень зрелости капитализма и его начинающаяся борьба за еще не капиталистические части мирового рынка». На примере колониализма в Африке, Индии, Китае и конкуренции за еще не открытые сырьевые источники Парвус продемонстрировал Троцкому антагонизмы, которые, по его мнению, «неизбежно приведут к мировой войне».

В результате оба революционера начали размышлять о вопросах буржуазии. Так как либеральная буржуазия хотела свергнуть царизм, в чем Парвус не сомневался, на начальной стадии пролетариат должен ей служить. Когда этот первый шаг будет сделан, тогда пролетариат должен будет принимать меры как против буржуазии, так и против остатков самодержавия и захватить власть. Крестьян в этой шахматной игре Парвус отодвинул в сторону.

Троцкий, напротив, выразил сомнение, нужно ли здесь использовать буржуазию. Единоы Парвус и Троцкий были в том, что в конце надо действовать против абсолютизма и либерализма. Нельзя застыть на стадии «освобожденной буржуазии», как это случилось в Европе

после 1848 года. Социалистические организации должны пронизать государство во всех областях. В итоге движение должно распространиться из России по всему миру — то, что Парвус вслед за Марксом назвал «перманентной революцией».

В то время как Парвус ломал голову над теорией и тактикой революции, а Троцкий о ее практическом осуществлении, в начале 1904 года произошло событие, которое, казалось, приблизило их к цели: Япония напала на русский опорный пункт Порт Артур, а это означало начало войны.

То, что в далеком Санкт-Петербурге царь узнал из телеграммы, сделало его мертвенно-бледным, а для Парвуса и Троцкого стало поводом для необузданной радости. Мысль о том, что создавшаяся в результате войны с Японией ситуацию в России нужно использовать для претворения в жизнь революционной программы, окрыляла фантазию революционеров.

«Искра» предоставляла им идеальную возможность распространять свои воззвания в тех областях, где были надежные агитаторы, вдохновленные этой работой. В трех подряд номерах газеты за 1904 год Парвус изложил свои мысли, начав с мрачных прогнозов:

«Русско-японская война — это кровавая заря великих событий, которые нам обязательно предстоят (...) Европейское равновесие с этой войной окончательно уничтожено, наступает новый промышленный цикл (...) Мы переступили порог новой военной эпохи капиталистического империализма...»

Настраивая против царя, Парвус великодушно игнорировал то обстоятельство, что это именно Япония внезапно развязала войну против России:

«Царизм нуждался в этой войне, чтобы снять напряжение внутри страны с помощью внешних побед (...) Но, как всегда, должна наступить развязка — история

похоронит обломки самодержавия под собой, и только революция в состоянии действительно обновить страну...»

В конце своего подробного анализа Парвус увидел свет на горизонте: «После войны русский пролетариат станет авангардом социалистической революции...»

Парвус пытался с помощью будоражащих воззваний в «Искре» в ближайшие месяцы собрать своих соотечественников в единый фронт действий всех социалистических групп, при этом он не уставал напоминать им: «Массовая забастовка — самое эффективное оружие пролетариата и сестра революции!»

В то время как Парвус занимался политическим аспектом пролетарской революции, Троцкий дополнял его статьи своими представлениями о практической организации переворота и борьбы за власть. Через полгода он оставил Парвуса и Мюнхен и писал свои следующие статьи для газеты из Женевы.

ВЕЛИКАЯ ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Война с Японией протекала неблагоприятно для России. Ее слабым местом был устаревший флот, который не мог конкурировать с современным японским. Позже выяснилось, что от американских кругов через финансового магната Якова Шиффа в Японию отправлялись средства, чтобы ослабить Россию и с этой стороны.

Армия, флот и мирное население в тылу были деморализованы, еще предстояла кровопролитная битва на суше, что подготовило идеальную почву для агитации. Сформированная в 1902 году партия социал-революционеров отправила по плану Парвуса агитаторов в те индустриальные центры и портовые города, в которых могли возникнуть рабочие беспорядки: в Баку, Ростов, Тифлис, Киев и Одессу; в этих городах существовали основные революционные кружки. В начале лета 1904 года броненосец «Потем-

кин» с бунтующим экипажем вошел в Одессу. Николай II сделал 25 июня 1904 года следующую запись в своем дневнике:

«Получил потрясающее сообщение из Одессы, что экипаж только что прибывшего броненосца «Князь Потемкин-Таврический» поднял восстание, офицеры убиты, а командование кораблем перешло к экипажу; существует опасность, что беспорядки начнутся и в городе...»

Неудивительно, что этот результат отлично проведенной агитационной работы позже получил славу предвестника революционного восстания и стал предметом одноименного пропагандистского фильма Сергея Эйзенштейна. Начались и крестьянские беспорядки. Со сторонниками царского режима, которые хотели восстановить порядок, агитаторы не миндальничали: когда адъютант царя, генерал Сахаров, был у губернатора южно-русского города Саратова, в местности, где проходили волнения, к нему обратилась женщина с рекомендательным письмом. Он пригласил ее войти и взял письмо. Когда Сахаров начал читать, она вытащила пистолет и застрелила его. Назревшие социальные требования бедных слоев населения революционеры использовали в своих целях для демонтажа и свержения государственной власти. Ни в чем не повинные жертвы войны тоже играли им на руку. Так, один из генералов сообщал царю по возвращении с поля боя, что после первого же поражения появились агитаторы, произносившие подстрекательные речи перед солдатами.

В 1905 году беспорядки достигли своего апогея. Они были вызваны мирной демонстрацией рабочих, устремившихся к Зимнему дворцу, чтобы передать царю петицию с социальными требованиями. Группу возглавлял «сыщик в рясе», как позднее стали называть попа Гапона. Царь Николай II намеревался принять делегацию демонстрантов, но был срочно предупрежден своими советчиками о необходимости уехать из Петербурга в этот день из-за попытки покушения на прошлый день богоявления (Эпифании). Полиция открыла огонь, мно-

гие демонстранты погибли. Эта катастрофа 9 января 1905 года вошла в историю России как «Кровавое воскресенье».

Для революционеров эта трагедия стала желанным поводом для агитации и организации забастовки, волной прокатившейся по всей стране. Когда Троцкий на следующий день читал в Женеве сообщение о потопленной в крови демонстрации, он уже не мог ни дня оставаться за границей. Вперед, в Россию! Сначала Троцкий вместе с женой приехал к Парвусу в Мюнхен, вручив ему свое сочинение «Россия перед девятым января». Позже он писал об этом:

«Парвус был в восторге от моей работы и написал к этой брошюре предисловие примерно такого содержания: «События подтвердили наши прогнозы. Сейчас уже никто не сможет отрицать, что массовая забастовка является основным инструментом борьбы. 9 января стало началом политической забастовки, и остается только добавить, что революция в России может привести к власти демократическое рабочее правительство».

Фактически требования этой демонстрации имели социальный характер, демонстранты несли иконы и образа, — но кто хотел противоречить Парвусу и Троцкому?

В январе 1905 года Троцкий поехал в Россию. Путь его лежал через Вену и Киев. Позже он вспоминал: «Поток русских эмигрантов уже потек в Россию. Виктор Адлер был занят только русскими делами: он добывал для эмигрантов деньги, паспорта, адреса (...) В его квартире один парикмахер поменял мне прическу, ведь моя внешность была слишком известна людям из русской службы внешней разведки...»

От Адлера Троцкий узнал, что предводитель демонстрации 9 января Гапон позже был разоблачен как агент-provokator, что он все тщательно продумал, а теперь скрылся за границей. При этом в словах Адлера, казалось, прозвучала романтическая слабость к революционерам, если верить Троцкому:

«...Я только что получил телеграмму от Аксельрода, из которой понял, что Гапон уехал за границу, где объявил себя социал-демократом. Жалко (...) если бы он совсем исчез, осталась бы красивая легенда. Как эмигрант, он может быть только смешон...»

И он добавил с появившейся во взгляде искрой, немного смягчившей жесткость его иронии: «Знаете, лучше, когда такие люди входят в историю как мученики, нежели как партийные товарищи...»

Троцкий был слишком известен полиции, чтобы по ту сторону русской границы официально продолжить свою поездку. Вопрос об остановке в гостиницах по дороге в Петербург не стоял. В Киеве ему помог глазной врач, приютив его в своей клинике. В то время как он для видимости терпеливо носил медицинские повязки, уже известный нам член Большевицкого центрального комитета, Леонид Красин, печатал составленные Троцким и Парвусом листовки и плакаты с революционными лозунгами. С ними — в Петербург!

Вслед за Троцким на политической сцене России появился Парвус. Благодаря сильно постаравшемуся Виктору Адлеру он приехал в Петербург с австрийским паспортом, и не просто так, а, как всегда, получив аванс и задание от газеты, на этот раз от «Лейпцигер Фольксцайтунг», на освещение событий в России.

Жену и сына Парвус оставил и забыл, как часть прошлого. Он кинулся в революционные авантюры с новой подругой. Большинство ведущих членов партии за рубежом, меньшевиков и большевиков, заняли выжидательную позицию. Они отважились вернуться только после выхода в октябре 1905 года манифеста о созыве по «непоколебимой воле» царя Парламента, Думы, и о предоставлении буржуазных свобод и политической амнистии. Поэтому с весны до осени 1905 года инициативу генераторов движения взяли на себя Парвус и Троцкий. Ленин, как всегда, был слишком осторожен; позже, когда он приехал, то уже не мог играть ведущую роль в событиях.

Охранка опять плелась в хвосте, но все же подобралась к нему гораздо ближе, чем он предполагал, и бук-

важно наступала на пятки. 22 ноября 1905 года в тайном отчете шефу петербургской охраны записано:

«По поступившей информации проживающий в последние годы в Мюнхене Александр Лазарев(ич), предположительно Израиль Гельфанд (Гельфонд), список разыскиваемых лиц № 118, известный под псевдонимом «Парвус», член германской социал-демократической партийной газеты «Форвертс», на днях нелегально (sic!) приехал в Петербург с целью издавать независимую социал-демократическую газету и совместно с группой либералов другое издание на языке идиш. Во время своего пребывания в Мюнхене Гельфанд считался одним из руководящих членов редакции газеты «Искра».

Ввиду того, что Гельфанд на основании Высочайшего Указа от 21 октября этого года¹ отныне по закону не может быть привлечен к ответственности за свою преступную деятельность за границей, штаб полиции просит Ваше Превосходительство в случае его появления в столице констатировать его деятельность и установить за ней наблюдение, а также сообщать об этом.

Кроме того, штаб охраны считает необходимым указать на то, что по имеющейся информации нелегально прибывшие в Санкт-Петербург революционеры выбрали ресторан «Палкина» местом сбора для своих единомышленников...»

Только в осторожности, казалось, оба революционера не нуждались: разве не они вскоре сами возглавят движение, в котором все будет происходить по их усмотрению? Они сразу же завладели одним из средств информации, чтобы через него управлять дальнейшими событиями и заполнить политический вакуум оппозиции.

За несколько дней Парвусу и Троцкому удалось увеличить тираж либеральной «Русской газеты» от 30 000 до 100 000 экземпляров, сделав газету массовым изданием, тираж которой вскоре возрос до полумиллиона экземпляров. При этом они сильно обошли прежнюю больше-

---

¹ Манифест о предоставлении буржуазных свобод.

вистскую газету «Новая жизнь», хотя она была более радикальной, чем последняя.

Выходящая два раза в месяц «Искра» обрела себе сестру в виде газеты «Начало», которую вожди большевистского крыла использовали совместно с руководителями меньшевистского крыла, по крайней мере, так было вначале. Оба издания становились все более агрессивными, а не откровенно либеральными средствами информации революционеров, гораздо более радикальными, чем хотелось бы умеренным петербургским хозяевам.

В «Начале» Парвус как анонимный автор опубликовал «Наши задачи»:

«Революция в России опаздывает. Она оттягивалась европейским капиталом, потому что он снабжал царское самодержавие деньгами и оружием и укреплял его в собственных интересах...»

На этом капитале, утверждал Парвус, лежит ответственность за общественные отношения в России, он способствовал возникновению революционного пролетариата, втянул Россию в войну, которая может подорвать основы государства. В дальнейшем пролетариат должен осознать свое положение и свою историческую роль и превратиться с помощью своей социал-демократической рабочей партии в способное к действиям массовое движение. Оно должно отделиться от либерального буржуазного движения и самостоятельно двинуться к достижению рабочей демократии. Лозунг Парвуса: «Без царя — вместо него — рабочее правительство!»

Эти теоретические и утопически странные высказывания вскоре вызвали сопротивление меньшевистских и даже некоторых большевистских товарищей в их общей газете. Абстрактным теориям Парвуса они противопоставили список конкретных социальных требований.

После ряда успешно организованных забастовок в октябре был создан первый Рабочий Совет, за которым последовали и другие. Его руководящим органом стала Исполнительная комиссия.

Первое заседание Совета проводил беспартийный, более близкий по мировоззрению к меньшевикам, либерально настроенный адвокат, с помощью которого была установлена связь с буржуазной оппозицией.

Наряду с умеренными революционерами, Дейчем и Мартовым, Парвус и Троцкий налаживали публицистические связи, но зашли слишком далеко по сравнению с большинством членов комитета, которые, кстати, даже не хотели понять, почему крестьянское сословие должно быть исключено из программы.

Первый Совет настаивал на социальных требованиях в рабочем законодательстве, таких, как восьмичасовой рабочий день и др., которые не могли быть ограничены только одним классом. Из этого и других случаев выяснилось, что для таких радикалов, как Парвус и Троцкий, вопрос заключался не в выполнении социальных требований самих по себе и уж совсем не в стирании классовых различий.

В октябре 1905 года был провозглашен царский манифест, который выбил оружие из рук буржуазной оппозиции, но не радикальной. Пламенный агитатор Троцкий по-настоящему расцвел. В день провозглашения манифеста он выступал перед толпой студентов, которые восторженно приветствовали манифест. То, что он им сказал, оставалось его мнением и в дальнейшем: «Я крикнул им с высокого балкона: «Это только половина успеха, нам рано праздновать успех, потому что перед нами непримиримый враг!»

Театральным жестом Троцкий у них на глазах разорвал текст манифеста и пустил по ветру обрывки бумаги: «Только интеллигенты были словно громом поражены от сознания своей новой свободы и не хотели вырваться из этого хмельного состояния...»

Рабочий Совет принес революционерам особенно большой успех, когда туда стали стекаться оживленные толпы рабочих. Троцкий как искусный докладчик взял инициативу в свои руки. Чтобы вызвать беспокойство своих товарищей, Парвус и Троцкий затеяли провокационную кампанию, в результате которой, в полном соответствии с их программой, был вбит клин между рабочим классом и либеральной буржуазией.

Было закономерно, что они все же отказались от совместной работы оппозиционных групп и стремились к тому, чтобы власть принадлежала только одному классу. Парвус и Троцкий отклонили предложение товарищей того и другого крыла о создании общего Временного правительства из представителей Рабочего Совета и демократической оппозиции. Вместо этого они хотели добиться забастовки, которая бы парализовала всю страну и в подходящий момент помогла бы пролетариату захватить власть. Для этого было принято постановление под лозунгом «Борьба с игом капитализма» по инициативе Ленина, приехавшего из Швейцарии. На основании этого были арестованы члены Исполнительного комитета.

На эти события общественность реагировала равнодушно, даже иронически. На площади в центре Петербурга один театр поставил сцены из событий последних месяцев в виде сатирического коллажа. Парвус сразу же скупил пятьдесят театральных билетов, чтобы подарить их рабочим.

После ареста первого Исполнительного комитета Совета был избран новый во главе с Троцким и двумя рабочими. Но не успели они приступить к выполнению решений ликвидированного комитета в январе 1906 года, как после обысков в редакциях и офисах Совета Троцкий и Дейч были арестованы.

Рабочий Совет был ликвидирован, редакции газет, призывающие к перевороту, закрыты, газеты конфискованы. Но это не удержало Парвуса, которому до сих пор удавалось избегать облав и арестов, от создания третьего Рабочего Совета с целью форсировать революцию. И это ему удалось. В отличие от Троцкого он был не в состоянии так пленять слушателей. Он зарекомендовал себя как теоретик, стратег и организатор, но, несмотря на свой острый язык, ему не хватало харизматичности и ораторского таланта Троцкого. В этом двадцатилетний юноша превосходил своего наставника, хотя тот был старше его на двенадцать лет.

Полиция висела на хвосте у Парвуса и других руководителей организованной еще в декабре 1905 года массовой (безуспешной) забастовки, но ей не удалось

арестовать их, потому что они постоянно меняли места собраний. 3 января 1906 года полиция все же настигла их. Новый Исполнительный комитет (третий) в полном составе — кроме Парвуса — попал в ловушку. Он случайно не присутствовал на собрании и избежал ареста.

Казалось, что с арестами уже покончено, и он, по своей самонадеянной привычке, был уверен, что находится в безопасности. На основании документов, найденных у ранее арестованных, Парвуса нужно было непременно взять. Но из-за того, что он жил в Петербурге ни под своим настоящим именем, ни под указанным в документах псевдонимом «Парвус», да еще вдобавок у своей новой подруги Екатерины Петровны Громан на Невском проспекте, 132/43, его было нелегко найти.

В марте 1906 года, когда Парвус был убежден, что его уже забыли, его вдруг выследили. Он еще не успел раздать те пятьдесят театральных билетов, как услышал рядом с собой голос, заставивший его содрогнуться: «Вы арестованы!»

«ВЫ АРЕСТОВАНЫ!»

Парвус воспринял арест с холодным цинизмом. Он хорошо знал, что, начиная с этого времени, он будет использовать каждое пережитое здесь мгновение как писатель и пропагандист.

При ознакомлении с тем, что Парвус тогда написал, создается впечатление, будто революционер Парвус действовал по сценарию писателя Парвуса, своего alter ego.

«Я был арестован 21 марта 1906 года по старому стилю, — так начинаются его мемуары об этом времени, — чрезвычайно вежливый капитан полиции обыскал мой письменный стол, а так как он у нас был общим, то заодно и стол моей подруги. Он перевернул всю нашу квартиру, забрал с собой каждый исписанный листок и доставил меня в ближайший полицейский участок, разумется, в соответствующем сопровождении.

В участке я около сорока пяти минут наблюдал за двумя служащими в гражданском и дежурным лейтенан-

том полиции, выполняющими какие-то письменные работы. Потом меня перепоручили одному дородному сотруднику полиции, вместе с которым мы сели в открытые дрожки. Взглянув на него со стороны, я подумал, что был бы не прочь толкнуть его в бок, чтобы он свалился вниз. Но только какая в том польза?»

Лелея мысль, как бы ему насильно избавиться от охранника, он попытался разыграть из себя невиновного, который всего лишь по ошибке должен был пасть жертвой. Он втянул полицейского в разговор о своей мнимой родине — Богемии, что было записано в фальшивом паспорте, и рассказывал правдивые истории о многодетной семье, которую он там якобы оставил. Когда ему показалось, что он уже завоевал доверие своего визави, он взвесил свои шансы: «Может быть, стоит попробовать? Быстро повернувшись всем корпусом вправо, я бы смог схватить его за шиворот, левой рукой я бы выхватил у него револьвер, всем телом навалился на мужчину и... Но что, если соберутся прохожие и откуда-нибудь прибегут другие охранники? И все же — может быть, сделать все сразу? Если бы я схватил парня двумя руками, разве бы я не смог его удушить? Я исподтишка покосился на своего сопровождающего, сравнивая в уме мощностъ его шеи с силой моих рук. Жандарм тихонько клевал носом, и ему вряд ли приходило в голову, что в этот момент я взвешивал его шансы на жизнь и смерть...»

Кто знает, стоило ли рисковать, может быть, Парвуса сразу же посадили бы в тюрьму, а может, и так собирались выпустить на следующий день? Он не мог ответить на эти вопросы и потому не поддался искушению и удержался от попытки совершить побег.

Парвуса привезли в тюрьму. Он разглядывал свое новое жилье оценивающим взглядом избалованного заключенного с международным опытом. На первый взгляд его камера в тюрьме, расположенной на берегу Невы, с выкрашенными в белый цвет стенами и лепным потолком показалась ему довольно уютной по сравнению с впечатлением «доменной печи», которое

на него произвела кирпичная постройка берлинской тюрьмы.

Список на стене включал все предметы, вплоть до шоколада, которые заключенный мог заказать себе на собственные деньги; позже он будет с гордостью вспоминать, как он, находясь в заключении, шил себе на заказ костюмы и шелковые галстуки.

Скуки тоже можно было не бояться: каталог содержал информацию об огромной тюремной библиотеке, где были книги практически по всем областям знаний и на многих языках.

Когда онзнакомился с условиями своего нового жилища, к нему зашел пожилой, сухопарый, явно плохо слышащий надсмотрщик со слуховым рожком и спросил, не нужно ли что-нибудь новому заключенному, оторвав последнего от своего занятия. Когда Парвус позже написал, что попросил дать ему Библию, потому что эта книга его время от времени «интересовала и развлекала», это, скорее, было проявлением его высокомерной позы. Ведь обычно Библия, как и моленная икона, и без того лежали в каждой камере.

«Мне подали Евангелие. Эта необычная книга захватила меня и на этот раз, так происходило всегда, когда я читал ее. Особенно меня интересовала связь между Христом и Иоанном Крестителем, которому образ Спасителя представляется компромиссной фигурой. Иоанн — грубый и жесткий, его речь зла, он непримирим, он наравне с нищими, сам — нищий, лохматый парень, питающийся подножным кормом, он воплощение протеста бедных.

Христос, напротив, редко бывает жестким, он постоянно старается быть посередине. Он не выразитель интересов бедных, он — их защитник, он стоит над обеими партиями. Не в этом ли кроется секрет успеха его учения, а также его трагизм: завоевав мир, оно превратилось в догму?»

Между тем становилось темно. В восемь часов вечера колокольный звон и гул голосов оторвали Парвуса от размышлений. Одиночные камеры были открыты, чтобы заключенные могли вместе помолиться перед сном. Из строгих мужских голосов политических

заклученных и обычных преступников получилась неблагозвучный хор.

Пережить такое Парвус мог только в русской тюрьме. Дождаясь допроса, он обдумывал, как его могли вычислить, может, кто-то предал? И что о нем было известно — имя, под которым он приехал, или его личность была фактически идентифицирована? На каждый из этих случаев он подготовил себе соответствующую манеру поведения, а его юридические знания стали для этого ценнейшим инструментом, во всяком случае, он знал, на какие статьи закона стоило обратить внимание.

Между тем в полицейском участке уже писали отчет, который должен был послужить основанием для протокола допроса:

«Начальник Санкт-Петербургского губернского жандармского управления.

Секретно.

Апрель, 1906 год, № 9105.

По дознанию о втором Исполнительном комитете Совета рабочих депутатов привлечен в качестве обвиняемого некто «Парвус», назвавшийся при задержании австрийским подданным Карлом Карловым Ваверка, на имя которого и предъявил паспорт № 730, выданный Австрийским правительством.

При осмотре называющего себя Ваверка оказалось, что он обрезан по иудейскому закону. В обнаруженных при нем статьях, которые, между прочим, помещались в социал-демократическом журнале «Искра», и касающихся русского народа, подписанных «Парвус», автор везде говорит: «наш народ», «наш солдат» и т. д., что указывает на то, что автор — русский подданный. Все это дает основания к заключению, что арестованный Парвус нелегально называет себя Ваверка.

Ввиду изложенного препровождаю при сем две фотографических карточки «Парвуса» и австрийский паспорт на имя Ваверка и прошу:

1. Установить, кто в действительности изображен на препровождаемых фотографических карточках.

2. Установить, действительно ли выдавался паспорт австрийского правительства на имя Ваверка и где находится названный Ваверка.

Приложение: две фотографии «Парвуса» и паспорт № 730 на имя Карла Ваверка.

Генерал-майор... (подпись неразборчиво)»

В письме есть подстрочная рукописная сноска, касающаяся вопроса идентификации личности на фотографиях: «Изображенный на фотографиях — урожденный Израиль Гельфанд».

Наконец Парвуса вызвали на допрос. Вот что он сам об этом пишет:

«Сначала у меня, как обычно, спросили мои анкетные данные. Я должен был указать имя, место жительства и род занятий моих родителей, а также сообщить полную информацию о моей семье и родственниках. Я сделал это с щепетильной добросовестностью и спокойной совестью, потому что я выдумал себе родителей, детей, родственников в тот момент, когда писал их имена. Легенду моего заявления под вымышленным именем я постарался сохранять и дальше. В первую очередь я должен был установить, что обо мне знает жандармерия (...)

Допрос продолжался в таком вежливом и нежном тоне, какой может быть только у жандармов в России:

— Итак, Вы — иностранец. Зачем Вы приехали в Россию?

— Очень многие люди приезжают в Россию. Я мог бы Вам назвать имена многих соотечественников, которые приехали сюда как иностранцы, а сейчас занимают высокие чиновничьи посты.

— Это, может быть, и так. Но в Россию не приезжают для того, чтобы быть заключенным в одиночную камеру.

— Заключение зависело не от меня.

— Вы идентифицируете себя с Парвусом?

— Мое литературное имя, разумеется, Парвус. Я написал статьи, опубликованные под этим именем. Я хотел бы знать, в чем меня обвиняют.

— Вы были председателем Совета рабочих депутатов?

— Я отказываюсь давать показания об этом. — «Преддали!» — подумал я.

— Мы установили, что Парвус был избран в президиум, что он на пленарном заседании Совета депутатов по неизвестным нам причинам отказался от председательства, но из протоколов мы знаем о постановлениях Парвуса, принятых на заседании.

— Я Вам уже сказал, что Парвус — мой литературный псевдоним; Вам надо будет доказать, что тот Парвус, который выступал на Совете рабочих депутатов, и я — одно лицо.

— Для этого мы должны арестовать Вас.

— Вы мне скажете, как звучит обвинение?

— Вы обвиняетесь по статьям 101 и 126 Уголовного кодекса в том, что Вы участвовали в сообществе, целью которого является подрыв формы правления и свержение общественного порядка, что с этой целью Вы подготовили восстание и приготовили запасы оружия и взрывчатых веществ. Не хотите ли высказаться по этому вопросу.

— Я отказываюсь от показаний.

Меня увели в камеру.

Парвуса это не сломило. Все стало для него понятно. Он втянут в политический процесс Рабочего Совета. «И хорошо — из процесса можно кое-что сделать», — писал он в воспоминаниях. Во всяком случае, он подсчитал, что на заседании Думы весной будет объявлена политическая амнистия.

Это исправило его настроение, и он углубился в произведение политической экономии и истории, чтобы создавать новые проекты.

Наступила весна 1906 года, а вместе с ней пришла и Пасха, которая отмечается в России как величайший праздник года. Неожиданно весь тюремный комплекс наполнился колокольным звоном маленькой тюремной церкви. В полночь, кульминационный момент пасхальной ночи, тюремщик просунул Парвусу в окно, как, впрочем, и всем остальным заключенным, традицион-

7. АПР. 1917. С. Петербург. 16

48678

НАЧАЛЬНИКЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
ГУБЕРНСКАГО
ЖАНДАРМСКАГО
УПРАВЛЕНІЯ.

ОСОБОГО ОТДЕЛА
№ 11- АПР 1917
сход. №

5
Апрѣль 1917 г.
№ 9105
С. Петербургъ.

По дознаніи о 2-мъ Исполнительномъ Комитетѣ
совета рабочихъ депутатов привлеченъ въ качествѣ
въ обвиняемаго нѣкто "Парвусъ", названный
при арестованіи Австрійскимъ подданнымъ Карломъ
Карловичемъ Ваверка, на имя котораго и предъ-
ъявленъ паспортъ на № 730, выданный Австрійскимъ
Правительствомъ.

По осмотру называющагося Ваверка оказа-
лось, что онъ обязанъ по Іудейскому Закону.
Въ статьяхъ, которыя помѣщались, между прочимъ,
въ Соціалъ-демократическомъ журналѣ "Юкра" и наса-
дникъ русскаго народа, подписанныхъ "парвусъ",
авторы вездѣ говорятъ: "мать народъ", "мать сол-
даты" и т. д., что указываетъ на то, что авто-
русскій подданный. Все это даетъ основаніе къ
заключенію, что арестованный Парвусъ нелегально на-
зывается фамиліей Ваверка.

Въ виду незаконнаго препровожденія при себѣ
двѣ фотографическія карточки "парвуса" и Австрійскій
паспортъ на имя Ваверка и прому
I) Установить, кто въ действительности изображенъ на
препровождаемыхъ фотографическихъ карточкахъ

ВЪ ДЕПАРТАМЕНТЪ ПОЛИЦІИ

Литовскій

Въ виду незаконнаго
С. П. П. П. П. П.
Петербургъ
№ 11- АПР 1917
№ 9105
С. Петербургъ

В этом тайном документе особого отдела петербургской полиции констатируется, что Парвус въехал в Россию с паспортом на имя австрийского гражданина Карла Ваверка, чтобы незнанным участвовать в революции 1905 года

ный треугольный пасхальный пирог (символ триединства).

Между тем дело Парвуса медленно распухало. Министерство внутренних дел России отправило запрос в Австро-Венгрию, в Брюнн (ныне — Брно. — *Пер.*) об идентификации личности сомнительного Карла Ваверка. Ответ пришел уже в апреле. Карл Ваверка был сотрудником политической газеты «Ровност» (Равенство). В октябре 1905 года он собирался совершить поездку в Россию, попросил оформить ему паспорт. Министерство внутренних дел выдало ему паспорт на три года.

Органы вызвали к себе Ваверка для выяснения ситуации. Он сообщил, что из-за беспорядков в России решил отложить свою поездку. Паспорт он хранил в своей квартире. В ответ на это его попросили в течение двух дней прийти еще раз с паспортом. Через пару дней Ваверка появился в органах и сообщил, что «несмотря на интенсивные поиски», он не сумел найти паспорт. Как он мог оказаться у «Израиля Лазаревича Гельфонда (или Гельфанда)», он «при всем желании» не смог бы объяснить. Возможно, Виктор Адлер поможет внести ясность в это дело?

Депутаты Думы впервые собрались вместе в апреле 1906 года. Только ожидаемая амнистия на этот раз не была объявлена, и Парвус не был освобожден — начался большой политический процесс, на который надеялся Парвус и который хотел использовать как арену для своей политической пропаганды. Для ускорения этого процесса Парвус решил совершить скачок вперед и написал письмо в вышестоящие органы, о чем он, кстати, умалчивает в своих воспоминаниях. В нем он раскрывает свое подлинное лицо, объясняет, что проживал у своей «гражданской жены» Громан и теперь готов «для упрощения и ускорения дела» дать соответствующие объяснения.

Но не произошло ничего, что бы указывало на решение властей в отношении ближайшего будущего Парвуса. Вместо этого Парвуса перевели в Петропавловскую крепость. Это не давало повода надеяться на скорое освобождение, с процессом или без, хотя в этой стране логические размышления не привели бы к правильным выводам и все было возможно.

Полная неопределенность своего положения докончила Парвуса, а ведь он находился в заключении уже третий месяц; как он сам признается, любое прояснение обстановки было бы более приемлемо для него, потому что тогда он смог бы к этому приспособиться. В конце концов он потерял терпение и сам проявил инициативу. 23 июня 1906 года он составил заявление в жандармское управление, в котором просил «принимая во внимание семейные обстоятельства, освободить его под залог и разрешить покинуть страну».

Спустя два дня он направил то же прошение прокурору. Министр внутренних дел Макаров, один из самых талантливых членов тогдашнего царского правительства, лично занялся этим делом. В результате он пришел к заключению, что эти и другие подобные заявления «в связи с отсутствием оснований удовлетворить их» не подлежат рассмотрению.

Но одно радостное происшествие повлекло за собой перемены: однажды во время дневной прогулки Парвус неожиданно снова встретил старых друзей: Троцкий и Дейч тоже были здесь! Парвус и Троцкий бросились друг другу в объятия и горячо расцеловались. Спустя мгновение, они играли друг с другом в чехарду, как и остальные заключенные, выполняя предписанную программу ходьбы и движений. Парвус, как всегда в подобных ситуациях, мастер инсценировок, сфотографировался с Троцким и Дейчем в тюремной кухне и спустя много лет с гордостью демонстрировал свои крахмальные воротнички на рубашках.

Если уже во время бурных месяцев петербургской жизни была видна разница в характерах Парвуса и Троцкого, то в тюрьме она стала еще более яркой. Оба оставили мемуары о времени, проведенном в тюрьме. Если они вместе с документами властей дают картину их поведения, то их характер все же отражается в их высказываниях.

Парвус сообщает, как он постоянно просит принести ему различные предметы, которые заключенные могли получить или заказать бесплатно или за деньги; по его описанию, он постоянно раздражал комендантов охраны, требуя специальное разрешение, ссылаясь при

этом на свои отличные знания правового положения. В более позднем сообщении ему представляется особенно важным показать произвол охраны и руководства тюрьмы, которые, казалось, явно не проявляли «сочувствия» к тому, что Парвус стремился выполнить отеческие обязательства по отношению к своему полуторагодовалому сыну.

Троцкий, наоборот, перечисляет здешние удобства, то есть возможность читать газеты на иностранных языках и французскую литературу. В отличие от Парвуса он хвалит хорошее, по его словам, обращение в тюрьме: вместо того чтобы критически изображать надзирателей, он, скорее, с удовольствием сообщает, что персонал в основном, симпатизирует политическим заключенным, при этом проявляется политический темперамент Троцкого. Он пишет:

«Моя жена могла посещать меня два раза в неделю. Дежурные охранники закрывали глаза, когда мы обменивались письмами и рукописями. Один из них, в довольно преклонном возрасте, особенно хорошо обращался с нами. По его просьбе я подарил ему свою книгу с моей фотографией и дарственной надписью».

Если Парвус, описывая ход своих мыслей, высоты и глубины неведения и отчаяния, всегда все выстраивает вокруг своей личности, то Троцкий оставляет свое собственное положение почти без внимания. Он рассматривает все происходящие вокруг него события извне и с интеллектуальным интересом политического мыслителя, который анализирует все, что происходит вокруг него в соответствии с величайшим общественным процессом, и делает отсюда собственные выводы.

Если Парвуса чувство одиночества порой приводило в отчаяние, то Троцкий наслаждался тишиной: «В общем, я не могу пожаловаться на мою тюремную жизнь. Она стала хорошей школой для меня. Я покинул крепко запертую камеру Петропавловской крепости с определенной долей сожаления: здесь был такой покой, такая размеренная тишина, что идеально подходило для интеллектуальной работы».

В то время как Троцкий постоянно работал над новыми теориями, Парвуса больше занимала стратегия его личного выживания — техника, позволяющая с помо-

щью гимнастики сохранить физическую форму и дух и распределять время, которое он определял по удару колокола на колокольне, на занятия разного рода.

Стиль мемуаров Троцкого сжатый и остроумный, а у Парвуса — более пространный и сентиментальный.

Оба в своих одиночных камерах усердно изучали новейшие газеты и напряженно прислушивались к шуму, который время от времени долетал до них из города. Если гул голосов нарастал и были слышны пушечные выстрелы, это означало приветствие императорского конвоя или, возможно, подавление новой манифестации протеста? Каждый по-своему оценивал политические процессы и пытался ответить на вопрос: наступит ли спокойствие после открытия объявленного заседания Думы в конце апреля или революция будет продолжаться, подхваченная рабочими массами? Или их революция — революция пролетариата — зашла в тупик, остановившись на фазе Европы 1848 года?

Встреча с Троцким и Дейчем дала Парвусу стимул и облегчила состояние одиночества, которое он так мучительно переносил. Троцкий позже вспоминал первые совместные прогулки по тюремному двору, раскрывая при этом их основные различия: «Парвус отправился на прогулку со старым Дейчем. Обычно я присоединялся к ним. Неутомимый Дейч разрабатывал план группового побега; он быстро заразил Парвуса этой идеей и упорно пытался убедить и меня присоединиться к ним. Но я не хотел ничего об этом слышать — меня привлекало политическое значение открытого против нас процесса гораздо больше, чем побег.

Кроме того, в конце концов, у этого плана появилось слишком много сторонников. В тюремной библиотеке обнаружили ящик со слесарными инструментами — и все осталось в прошлом. Честно говоря, тюремное руководство тайно подстроило это, потому что оно подозревало собственных жандармов в провокации инцидента с целью достижения изменений тюремных порядков. Вместо этого Дейч вскоре должен был планировать свой четвертый побег из Сибири, а не из Петербурга...»

И все же Парвуса могли навещать не только его «гражданская жена», как он называл в официальных

документах свою спутницу жизни, но и друзья. Даже постаревший Каутский постарался приехать в Петербург, верная Роза Люксембург тоже приехала, чтобы нанести визит заключенным товарищам Парвусу и Троцкому.

Но в судьбе Парвуса все еще не было никакой ясности. Между тем заключенный, вынужденный таким образом испытывать собственное терпение, хотел проверить, на что он мог рассчитывать в худшем случае. Если судить по первому допросу, он мог быть осужден по статьям 101 и 126 — за участие в обществе по подготовке вооруженного переворота, что в общей сложности составило бы восемь лет. Не считая общественного процесса...

Только процесс, которого Парвус ожидал с таким нетерпением, для которого он уже заготовил большую, эффектную защитительную речь, полную острых формулировок, не состоялся. Хуже того: на него были допущены только руководители первого Рабочего Совета. Парвус не удостоился получить известность, выпавшую на долю этой группы благодаря процессу, Троцкий же вошел в нее.

Парвус получил свой приговор, который был вынесен на особом заседании Министерства внутренних дел в административном порядке 7 июля 1906 года, на четвертом месяце его заключения. Он гласил: три года ссылки в Сибирь, точнее в Туруханск, расположенный в окрестностях Енисейска, недалеко от Полярного круга.

Однако сам приговор потряс Парвуса меньше, чем его временная мера наказания. Получить только три года было для его революционного достоинства почти унижительным. Это означало, что правительство считало его или не опасным, или не обладающим большим политическим влиянием. Он не заслужил даже политического процесса!

Не успел Парвус получить на руки приговор, как уже начал сочинять новые прошения. На этот раз в письме, адресованном лично министру внутренних дел, он выразил опасение в отношении своего состояния здоровья,

придумав себе диагноз: «хроническая атония почек с катаром желудка», якобы болезнь в случае ссылки могла бы лишить его уже в 39-летнем возрасте «научной работоспособности или даже привести к преждевременной смерти». Поэтому ему бы лучше вместо ссылки разрешить лечение «на целебных минеральных водах в Карлсбаде». Спустя три дня Екатерина Громан обратилась с еще одним прошением: в нем она просила начальника жандармского управления позволить Парвусу добираться от Красноярска до места назначения за свой счет, «потому что поездка по этапу тюремным транспортом могла бы оказаться очень опасной для его пошатнувшегося здоровья...»

Спустя неделю, третьего августа, ей пришла в голову идея еще лучше. Она предложила непосредственно министру внутренних дел: «Принимая во внимание явно уже изначально пошатнувшееся здоровье мужа, из-за которого он может не пережить подобную поездку, послать его только в район Нарым без дальнейшей поездки на лошадях». То есть в совсем другое место.

Это прошение тоже осталось без ответа, вообще-то были основания не принимать его всерьез. Зато очень интересна написанная от руки заметка министерского чиновника, нацарапанная на полях письма, которая, вероятно, послужила основанием для отклонения прошения: «Из Нарыма легко убежать». Последующие прошения не успели посыпаться, так как Парвус буквально через неделю после последней, упомянутой выше попытки освобождения был выслан вместе с небольшой группой других политических заключенных. Вот что было написано в запоздалом ответе русских органов на вопрос австрийцев о том, как Парвусу удалось завладеть паспортом Карла Ваверка:

«...Упомянутый ... с настоящим именем Израиль Лазарев(ич) Гельфанд находится в ссылке в Туруханске, в окрестностях Енисейска, поэтому получить скорый ответ о том, где он взял паспорт Ваверка, в настоящее время не представляется возможным...»

Но когда это письмо русских дошло до получателя в австро-венгерском министерстве, его содержание уже сильно устарело. Путь небольшой конвоируемой группы заключенных к месту назначения проходил по железной дороге, затем парходом, потом опять по железной дороге, на повозках, на лодках, в общей сложности он продлился несколько недель. Он задержался еще и потому, что в это время года движение судов на северных сибирских реках было ограничено. Поэтому маленькая группа конвоируемых вместе с охраной была вынуждена передвигаться дальше на маленьких лодках.

Заключенные пытались использовать это обстоятельство в качестве шанса на побег, каждый раз при виде лодки, как правило, уже полной, они отказывались садиться в нее. Во время ночевки они великодушно угощали охранников взятыми с собой специально для этой цели напитками — четырнадцать бутылок 95-процентного алкоголя. Таким образом, некоторым из них удалось ночью улизнуть через окно. Парвус же, наоборот, дождался благоприятного момента, и когда все погружались в лодку, воспользовался беспорядком среди толкающих друг друга пассажиров — заключенных, крестьян, ремесленников — и незаметно исчез.

Добравшись до ближайшего крупного города, Красноярска, он переоделся как крестьянин-мужик и сел в поезд, направляющийся в Петербург. Он ехал в вагоне последнего класса, ел и пил с крестьянами, играл с ними в карты. Но когда понял, что общими у них стали не только еда, но и блохи, пришел к выводу, что «легко разыгрывать из себя мужика, но гораздо труднее жить вместе с другими мужиками...». В следующем городе он переоделся в джентльмена.

Теперь он выглядел так элегантно, что его даже не признал тот заключенный, с которым он еще недавно вместе сидел в тюрьме: Лев Дейч. Однажды Парвус на одной из станций, увидел стоящего у газетного киоска Дейча, который, разумеется, уже давно бежал, он был более опытным в этих делах. Когда Парвус сдержанно поздоровался с ним, Дейч только рассеянно посмотрел на него и не узнал или не хотел узнавать, потому что ему надо было постоянно быть начеку.

И в Петербурге новый облик Парвуса был хорошей маскировкой. Там на него с безразличием смотрели даже те жандармы, которые с ним уже были знакомы. Таким образом, Парвус чувствовал себя относительно уверенным и снял себе номер в гостинице. У него хватило смелости остановиться здесь и осмотреться, подумать, что ему делать дальше, вместо того чтобы сразу двинуться в Западную Европу. Но уже на следующий день он узнал через своих контактных лиц, что документы, с которыми он в этот раз путешествовал, были уже готовы. Поэтому он, не возвращаясь в свой отель, двинулся дальше, остановившись в следующем.

Уже через несколько дней ему удалось перейти границу, и он опять оказался в Германии. На этот раз он оставил в России свою гражданскую жену и их общего сына, который еще станет известным как Леон Гельфанд.

В глазах революционеров революция провалилась. Они игнорировали ее результат — первую конституцию в России с гарантированными буржуазными свободами и созданием парламента — Думы.

Чтобы прийти к своей цели, Парвус с удовольствием бы перескочил через фазу либерализма, являющуюся, по учению его наставника Маркса, предпосылкой для дальнейшего этапа общественного развития. Но сейчас было уже поздно. Потому что еще в 1906 году то там, то здесь вспыхивали отдельные забастовки и беспорядки, но для пожара, который бы смог охватить всю страну, этого было недостаточно. Постепенно страсти улеглись.

Ленин не уставал повторять: «Революцию надо делать не с народом, а с профессиональными революционерами!»

Хотя Парвус слушал это без особого удовольствия, потому что это противоречило его теории массовой революции, он все же должен был согласиться, что даже с профессиональными революционерами сейчас нельзя сделать революцию, потому что все они сидят за решеткой.

Парвус по-прежнему находил себе применение как публицист, автор воззваний, теоретик партийной прессы в Совете и организации движения, а Троцкий — как харизматичный предводитель масс. Позже появилось

крылатое выражение, характеризующее роль обоих: *«Троцкий играл в первом Совете рабочих депутатов первую скрипку, а Парвус сочинял для этого ноты»*. Сам Парвус в своем резюме тоже находит место для художественных сравнений: *«Мы были не чем иным, как струнами арфы, на которых играла буря революции...»*

Была ли революция 1905 года сама по себе провалом, или она выглядела так в глазах Парвуса, в любом случае она послужила для него уроком. Для него было важно извлечь из этих событий пользу на тот случай, когда представится такой шанс. В этом смысле 1905 год стал генеральной репетицией великого замысла.

DA SAPO

Зимой 1906 года Парвус снова как ни в чем ни бывало приехал в Германию, будто бы для того, чтобы продолжить прерванное дело. Но он не поехал в Мюнхен, откуда уезжал, а направился прямо к своему другу Конраду Хенишу. Будучи представителем левого крыла немецких социал-демократов, Хениш издавал дортмундскую рабочую газету. Он с давних пор был таким ярким защитником экстремальных положений Парвуса, что даже получил прозвище «Парвулус».

В декабре 1906 года он получил письмо:

«Дорогой Хениш!

В ближайшие дни я разыщу Вас. Если Вы будете получать письма на имя некоего Питера Клайна, то имейте в виду, что это для меня. Конспирация — дело чести!»

Вскоре Парвус появился у Хениша.

В Германии как раз разворачивалась предвыборная борьба — Парвус появился в нужное время, чтобы оказаться в центре этого разногласия. Ушли в прошлое пылкие споры с партийными лидерами, он вернулся из России героем и снова был благожелательно принят ими. Как и прежде, для него были открыты двери газет «Нойе Цайт», «Форвертс» и других. Кроме того, он мог

торговать своими воспоминаниями о событиях 1905—1906 годов (включая тюрьму и побег), издав их как собственную книгу в одном дрезденском издательстве.

Таким образом, революционер мог спокойно отдохнуть на озере Гарда, вместе с Розой Люксембург, и с оптимизмом взглянуть на свое будущее. В германской предвыборной борьбе тема колониальной политики стала основной. Несмотря на то, что внешнеполитические вопросы для социал-демократов были непривычной областью (или, наоборот, благодаря этому), Парвус подумал: здесь нужно вмешаться, и выступил критиком колониальной политики.

В своих передовых статьях Парвус вернулся к излюбленной теории цикличности, исходя из которой развитие мирового рынка ознаменовано конъюнктурными циклами. Он рассматривал колонии под этим аспектом и пришел к выводу, что угрозой военных столкновений были не столько «противоречия капитализма», сколько «сами внешнеполитические конфликты колониальной политики».

Во избежание больших кризисов Парвус пропагандировал единство мирового рынка без барьеров покровительственных пошлин, которые только отделяли колонии и индустриальные державы от всего мира. Особенно он предостерегал правительство Германского рейха от проникновения в Африку и Азию, наживая себе врагов в лице Англии и Японии. Но самой острой критике он подвергал «русский курс» Германии: если Россия вырвется из этого альянса, Англия станет опаснейшим противником для Германии.

Так как данная ситуация ко времени выступлений Парвуса стала уже политической реальностью, он практически изображал из себя оратора оппозиции, критикуя правительство. В качестве «конструктивной альтернативы» этой «политике катастроф, которая не может быть полезной ни капитализму, ни социализму», он требовал всеобщей политики свободной торговли. Социал-демократии он рекомендовал идти вперед под следующим лозунгом, в принципе соответствующим его внешнеполитической программе: «Демократия, объединение Европы, свободная торговля во всем мире!»

Реакция на это в кругах социал-демократов была скорее прохладной, то, что почти никто в партии не заинтересовался его высказываниями, наводило Парвуса на мысль, что никто их не понимал. Пусть будет так: он опять попросил слова, но для себя самого он все-таки нашел собеседника, с которым мог общаться на одном уровне: внезапно снова появился Троцкий. Свою встречу они отметили совместным путешествием в Швейцарию, куда Троцкий взял и свою жену, Наталью Седову, и продлившимся несколько недель отдыхом в Богемии, в Хиршберге, во время которого Троцкий еще находил время для работы над анализом немецкой социал-демократии по поручению одного русского издательства.

В этом же году в Берлине Парвус лично познакомил Троцкого с авторитетными представителями немецкой социал-демократии — Карлом Каутским, Августом Бебелем и другими немецкими марксистами. Даже Горький, который в числе других принимал участие в партийных съездах в Лондоне и Штутгарте, бывал у них в гостях. Из его более поздних зарисовок следует, что он находил добропорядочный домашний «канареечный» мир вождей немецкой социал-демократии «мелкобуржуазным и мещанским», несмотря на их дружелюбное гостеприимство.

Аналогично думал и Троцкий, но все-таки он отдавал предпочтение личности Карла Каутского, который принимал его в своем доме в Фриденау под Берлином: «...седовласый и очень радушный старый человек с ясными голубыми глазами и любезными манерами...» Русский революционер ценил в Каутском и его «простоту без привычки привлекать внимание к своей персоне, что, как мне стало ясно позже, было результатом его неоспоримого авторитета в то время и внутреннего спокойствия, которое ему давало сознание этого...».

Виктор Адлер тоже приехал в Штутгарт на партийный съезд. Троцкий не без удовольствия напомнил ему о том скептицизме, с которым он в 1905 году отнесся к нему, молодому, уверенному в победе революционеру, отправляющемуся в Россию. Сейчас Адлер был вынужден уступить: «Действительно, вы подошли к временному правительству гораздо ближе, чем я тогда предполагал!»

И Парвусу, и Троцкому было досконально известно, чем они были обязаны своим немецким и австрийским товарищам за их финансовую и практическую поддержку при подготовке их отъезда в Россию в 1905 году, одна только энергичная помощь Адлера с фальшивыми паспортами, париками и масками для революционеров была неоценимой. Но даже это ничего не меняло в том, что они были основательно разочарованы пассивностью партии в обеих странах. Тем не менее они собирались и дальше оставаться в Германии.

Троцкий хотел обосноваться в Берлине. Но еще в конце 1907 года за неимением вида на жительство он был изгнан прусской полицией. Он переехал в Вену и оставался там с женой, которая привезла из России их общего сына, до начала войны 1914 года.

После революции 1905—1906 годов Парвус, Троцкий и Ленин постепенно отдалялись друг от друга. Сначала во взглядах, а потом и лично. В проекте общественной перестройки России Ленин, например, допускал, что на первой фазе будущее рабоче-крестьянское государство, как он его представлял, будет иметь характер «умеренного капитализма». Но более радикальный Троцкий видел в этом «отказ от социальной, выходящей за национальные границы революции» и «предательство классовых интересов международного пролетариата».

Столкнувшись с пассивностью западноевропейских социал-демократов во время событий в России, Парвус окончательно потерял иллюзии в отношении того, что революция в России вызовет цепную реакцию и в Европе; пролетариат, по его мнению, должен бы удовлетвориться буржуазной революцией и достичь своих классовых целей в пределах либеральной демократии.

В то время, когда Троцкий в глубине души сохранял дистанцию по отношению к немецкой и австрийской социал-демократии, Парвус чувствовал себя немецким социал-демократом и рассматривал происходящие в России процессы только как разновидность европейских движений.

Тот факт, что во время революции меньшевики, а не ленинские большевики пользовались бóльшим успехом и доминировали в Совете рабочих депутатов, привел к

естественному отчуждению Троцкого и Парвуса. На партийном съезде в Стокгольме в 1906 году меньшевики, уверовав в свои силы, хотели, наконец, выйти из подполья и прежде всего отказаться от «экспроприации», которую Ленин требовал от своих товарищей для финансирования партии. Парвус и Троцкий еще находились в тюрьме, но последний и раньше высказывался против этого метода в одной из своих статей, потому что чувствовал, что революционная честь была испачкана кровью невинных жертв, пострадавших от бомб или выстрелов во время разбойничьих налетов и нападений на банки. Ленин обижался на него за такую точку зрения. Парвус был за единство партии и объединение двух течений, против чего резко выступал Ленин, предпочитая объявить меньшевикам войну через партийную газету.

И территориально эти три ведущие головы революционного движения были разобщены, хотя всего год назад они выступали единым фронтом. Ленин находился в постоянных разъездах между Швейцарией, Финляндией и Капри, роскошной резиденцией Горького и центром подготовки партийных функционеров. Находясь в Финляндии, он продолжал беспокоиться о своей «экспроприации», чтобы наполнить партийную кассу и, как выяснилось позже, свои собственные карманы. 1907 год он провел в Финляндии, затем примерно по году — в Штутгарте и Женеве, в 1909 году поехал в Париж, а с 1911 года до начала войны оставался в Австрии вместе со своим ближайшим соратником Каменевым; сначала он работал в Вене, позже в Галиции для газеты «Правда».

Троцкий сосредоточенно трудился в Вене над дальнейшим построением российской партийной организации. Этим он создал для себя определенную роль и функцию, не без помощи «Правды», которую он издавал. Он писал сам, выполнял другую организационную работу, а также контрабандно перевозил газету через границу Галиции. Если ее конфисковывали на русской стороне, он распоряжался, чтобы ее ввозили в Россию через Черное море и Одессу.

Троцкий при этом получал поддержку не только с австрийской стороны, что было само собой разумею-

щимся (финансовые и транспортные услуги по транспортировке нелегальной газеты в Россию), но и с помощью Парвуса, и с немецкой стороны (финансовую и публицистическую помощь). Это обстоятельство еще раз сблизило обоих революционеров. Но бывший учитель Парвус и его ученик Троцкий начали медленно, но верно отдаляться друг от друга. Личному разрыву между Парвусом и Троцким способствовала все более ярко проявляющаяся склонность Парвуса ставить на первое место интересы бизнеса. Несмотря на уважение и признательность к своему бывшему учителю, Троцкий впоследствии упрекал его в этом: «В этой мясистой бульдожьей голове мысли о богатстве перепутались с мыслями о социальной революции». Парвус взял реванш, подвергнув сомнению оригинальность Троцкого, он пишет о Троцком: «Его относительная самостоятельность напоминает движение волчка, который крутится, потому что время от времени получает толчок извне...»

Оба были фанатичными революционерами и циниками. Но то, что жизнелюбивый и богемный Парвус «с фигурой слона и с головой Сократа», воплощение безудержной страсти и жажды наслаждений, даже внешне контрастировал с аскетом и интеллектуалом Троцким, не подвергается никаким сомнениям. Троцкий критиковал «непостоянство» и «ненадежный характер» Парвуса.

Это непостоянство было присуще Парвусу и в личной жизни. Он называл брак «разбойничьим гнездом», хотя у него их было несколько, и каждый раз бросал жену и ребенка, как только у него появлялся интерес к новому искушению. Его первая жена, Татьяна Гнедина, и сын Евгений вначале получали от него совсем небольшую помощь, а потом и вовсе не видели никакой финансовой поддержки, а если кто и поддерживал их, так это жена Каутского, которая в течение десяти лет сама высылала им скромное месячное пособие.

В период после возвращения из России, после революции и до начала первой мировой войны Парвус был вынужден смириться с драматической утратой своего публицистического имиджа, в то время как Троцкий вырос до уровня блестящего публициста и политического оратора революционного движения. Решающим мо-

ментом стал скандал из-за доли прибыли, причитающейся Горькому, которую Парвус растратил, будучи директором издательства, еще до 1905 года. Писатель потребовал через суд в Германии сумму в размере 180 000 золотых марок, которые он частично собирался пожертвовать большевикам.

Партии было поручено заняться этим. Именно первые друзья и покровители, которые приняли Парвуса в свои ряды во время его пребывания в Германии, — Каутский, Либкнехт и Цеткин — были вынуждены устроить внутренний партийный суд, вынести ему приговор и исключить из своих рядов. Сумма нанесенного ущерба, без особого шума, частично была покрыта деньгами из немецкой партийной кассы. Тайное дело стало явным. И Парвус решил скрыться от скандала бегством.

Шел 1910 год, когда Парвус приехал с коротким визитом в Вену. Долго он здесь не задержался. На эмигрантской сцене господствовал Троцкий. Он тосковал по Берлину, потому что ему была скучна, по его мнению, несерьезная венская атмосфера, состоящая из «смеси мелкобуржуазной сентиментальности и аристократического декадентства», а «смешная каста мандаринов в лице австрийских академиков» действовала ему на нервы, но у него не было выбора. Из-за скандала, который опорочил его репутацию, авторитет Парвуса уменьшился.

Его уже манила новая цель — Балканы. Два года назад в Турции пришел к власти режим младотурок. В этом Парвус предугадывал «революционный подъем». Он ожидал, что эти изменения повлекут за собой конфликты между Турцией и великими европейскими державами. А это ему нельзя было пропустить.

ДЕНЬГИ — ЭТО ВЛАСТЬ

Получив задания от немецких и русских газет, среди которых оказалась и «Киевская мысль», авансы редакций за свои сообщения о Балканах, взяв кредит, Парвус в конце 1910 года собрался в дорогу. Путешествие было запланировано всего на несколько месяцев. Но

оно затянулось на четыре года, которые стали поворотными вехами в его жизни.

Явно уже подошло время сменить место жительства. Исходя из комментариев его русских друзей по партии, ему уже больше нечего было сказать на политической сцене. Так, например, Карл Радек нашел неодобрительное объяснение для отъезда своего товарища Парвуса. Позже он так писал об этом в «Правде»:

Парвус бежал от дегенерирующей немецкой социал-демократии в Константинополь, где только что одержала победу молодая турецкая революция. Очевидно, изучение империализма привело его к убеждению, что новый сильный импульс для рабочего класса должен прийти с Востока. После того как в России как раз действовала контрреволюция, — под этим Радек подразумевал стабилизацию положения в России после беспорядков в 1905—1907 годах — «Парвусу было необходимо либо большое дело, либо новые приключения».

По своей старой привычке Парвус путешествовал под фальшивым именем — на этот раз как Альбрехт Дворак, а в качестве своего адреса для друзей и редакций он указал следующее: «Австрийская почта, Константинополь».

Его путь проходил через Софию, что было не случайно. Там он хотел восстановить контакты со своим старым другом социалистом Христо Раковским, выходцем из Румынии. Еще в первые годы нахождения в Германии Парвус знал Раковского как своего единомышленника и сторонника. После того как его оттуда выслали, он обосновался на Балканах. В будущем он мог бы стать для Парвуса незаменимым партнером.

Вначале Парвус, как и было запланировано, делал сообщения для немецкой прессы о событиях, носивших, прежде всего, общественно-политический характер. Но вскоре он начал писать для турецкой партийной газеты «Турк Йурду» — «Молодая Турция». Там он смог не только развернуться как пропагандист и теоретик классовой борьбы, но и блеснуть своими экономическими знаниями. Так он, к примеру, разъяснял, как Турции «освободиться от оков европейских договоров о капитуляции».

Очень скоро это принесло ему известность. Первую статью он еще своенравно подписал словами: «Эта статья написана одним революционным марксистом». Постепенно Парвус все большее внимание стал уделять вопросам торговли и финансовым проблемам Турции. Его анализ и прогнозы, а также критическое отношение к «последствиям европейского империализма для Турции», которой Парвус срочно выписывал рецепты для достижения финансовой независимости от Европы, вскоре заинтересовали членов турецкого правительства.

Тот факт, что он встретил здесь благосклонное отношение, только усилил его стремления вмешаться во внутривнутриполитические процессы. Так, например, он попытался выдвинуть требования одинаковых материальных условий для местного пролетариата и иностранных рабочих во время организации демонстрации портовых рабочих 1 мая 1911 года, но инициатива не увенчалась успехом.

Его идея укрепить новое положение Турции созданием Балканской Федерации с Болгарией также не прошла. И все же турки находились под впечатлением от него.

Вскоре Парвус стал экономическим редактором «Молодой Турции» и полуофициальным советником турецкого Министерства финансов. Это не мешало ему консультировать также и частных предпринимателей — армян, которые приезжали в Константинополь в большом количестве; или русских. Вскоре он представлял интересы торговца оружием и магната Базиля (Василия) Сахарова. Фундамент его собственного состояния был заложен.

Оставаясь верным своим взглядам, что Турция могла бы уравниваться в правах с Европой, только окрепнув экономически, и руководствуясь официальными требованиями «помочь Турции вернуть ее национальную свободу и достоинство», он начал систематически содействовать созданию инфраструктуры страны. То, что он при этом получал финансовую выгоду не только как консультант, зависело от его способностей налаживать торговые связи. Он также не упускал возможности удовлетворять потребности замешанных в балканских событиях партий в снабжении и оружии и действовал как военный агент.

В конце концов, вопрос заключался в ослаблении влияния России, которая уже учуяла легкую добычу в «больном человеке на Босфоре». В то же время царь должен был обратить внимание, как кайзер Вильгельм в 1912 году организовал военную миссию в Константинополе. В ответ на протест, выраженный российским послом в Берлине, Вильгельм многозначительно спросил: «Это угроза или ультиматум?» и во время приема русской делегации позволил себе нарочито громко обронить одиозное замечание, как будто бы оно было предназначено только для сидящего рядом соседа: «Война между германцами и славянами и без того предreshена, и при этом не имеет значения, кто ее начнет...»

Из Одессы и Болгарии Парвус импортировал в Турцию зерно, из России — оружие и боеприпасы не только для турецкой армии, но и для маленьких балканских государств, машины фирмы «Крупп» из Германии для строительства железнодорожных линий, дерево и железо — из Австрии и других стран. Для него было важно подготовить Турцию к войне. В течение двух лет Парвус, который уже давно имел резиденцию на расположенных близ Константинополя Принцевых островах, стал гордым обладателем торговой империи, куда входили и собственные банки. Он стал супербогатым человеком.

То, что он сумел не только наладить собственный бизнес, но и позитивно повлиять на экономическое положение Турции, требовало хороших связей с наиболее значительными политиками страны. То обстоятельство, что он охотно выполнял работу шпиона для турецкого правительства, только добавляло ему симпатий в этих кругах. Итак, Парвус был в дружеских отношениях и пользовался доверием и политической протекцией Энвера и Талаата Паша, а также министра финансов Турции. Впервые у него было такое пьянящее чувство, которое дарила ему атмосфера власти.

Имея деньги, он мог купить еще больше власти и влияния, — это открытие как с неба свалилось на него на Балканах, — а с помощью власти он смог бы, если бы захотел, стать еще богаче: этакий захватывающий круговорот, который приводил Парвуса в величайший восторг.

Что его огорчало, так это очерк, написанный далеким Троцким с отвращением к корыстолюбию Парвуса, которое в его глазах раз и навсегда дисквалифицировало Парвуса как революционера. Очерк назывался «Некролог живому другу». В нем Троцкий обвинял Парвуса в том, что тот сумел вырасти от революционного enfant terrible до политического суфлера, а из-за своего богатства превратился в «политического Фальстафа». Теперь у него было все, что он желал, и ни один брошенный в него камень не смог бы достичь цели.

И все-таки это был бы не Парвус, если бы смог довольствоваться только дурманом денег и власти. Эту власть он хотел использовать как мотор, которым можно привести что-то в движение. Он не забыл ни о своем революционном ангажементе, ни о намерении совершить революционный эксперимент, тогда как 1905 год в России провалился. Кроме того, слишком серьезным и глубоким было его желание свергнуть царский режим, даже если для этого придется разрушить всю Россию.

Константинополь казался ему к этому моменту идеальным исходным пунктом в стратегическом отношении: он был форпостом, откуда можно было воздействовать как на Ближний Восток и Африку, так и на Кавказ и Россию.

Раздавшийся в Сараеве в июне 1914 года выстрел убил наследника престола Австро-Венгрии и всколыхнул Европу, выведя ее из состояния летнего покоя. Для Парвуса же этот выстрел был радостным событием, стартом для последующих событий, которые Парвус смог бы с помощью хорошей организации и соответствующих сил направить в желаемое русло. Задолго до развязания Австрией военных действий на Балканах, задолго до того, как Германия, вслед за Австрией, вступила в войну, потянув за собой и Россию, Парвус уже публиковал одно за другим воззвания и обращения. Он поместил в газетах серию статей под заголовком «Почему в России нужно победить царизм» размером в целую газетную полосу и размножал листовки, которые затем контрабандой отправлял по Черному морю в Россию. В них он призывал вступить в войну на стороне Германии против России, как к «освободительной борьбе против цариз-

ма», а революционеров, находящихся в подполье, призывал к активизации действий против существующего режима.

Начало войны способствовало еще большему разделению в рядах русских революционеров, находящихся по разные стороны границы. В самой России многие голоса оппозиции смолкли от чувства возмущения неожиданным объявлением войны Германией и утонули в широкой волне патриотизма. Именно этот феномен стал причиной того, что даже находящийся в ссылке Троцкий никоим образом не разделял воодушевления Парвуса по поводу начала войны в надежде на ожидаемый революционный хаос. Ленин опять призывал к немедленному «превращению империалистической войны в войну гражданскую», которая бы объединила классы разных стран.

Товарищи в Германии, Австрии и Швейцарии и умеренные русские революционеры обоих течений объявили себя пацифистами и демонстрировали антивоенную солидарность, считая, что во время войны рабочие должны стрелять в рабочих враждебной страны, а от этого может пострадать единство международного пролетариата.

Парвус был другого мнения. Помимо того что война полностью соответствовала его ожиданиям милитаристского конфликта, он ее прямо-таки жаждал, надеясь, что только с ее помощью можно разрушить буржуазное национальное государство и проложить дорогу к социализму. Парвус презирал социалистический пацифизм и не одобрял национальные чувства и патриотизм, охвативший всю Европу, а также многих из его соотечественников, находящихся в ссылке. Парвус не сомневался, что Германия, развязав войну, наконец приведет к краху царскую империю. Сознание этого окрыляло его и вызывало эйфорию, что проявлялось в парвусовских прогерманских воззваниях.

В вызвавшей большой интерес статье, которую Парвус 22 июля 1914 года разместил в турецкой газете «Тасвири Эфкар», он показал, что у Турции в связи с войной появились шансы, которыми она должна воспользоваться в своих интересах. Так, например, она смогла бы отказаться от своих долговых обязательств, если бы

145021 Nr. 29

1914. 0 0 0 0

45

Telegramm.

Petersburg, den 28. Juli 1914 8 Uhr 30 Min. m.
Zinlfmft: 29. Juli 1914. 8 " 42 " V. m.

Der K. Militärbevollmächtigte.
an Auswärtiges Amt.

Nr. 134. Entzifferung.

[Faint, mostly illegible text, possibly a draft or a second version of the telegram. Some words like "Für Seine Majestät" and "Fürst Toubetskoj" are visible.]

[Handwritten signatures and initials are present in the left column.]

Für Seine Majestät

Fürst Toubetskoj aus der Umgebung des Kaisers äußerte sich heute zu mir wie folgt: Nachdem nunmehr die Antwort Serbiens veröffentlicht ist, muß man den guten Willen Serbiens anerkennen, den Wünschen Österreichs voll und ganz nachzukommen, sonst hätte Serbien nicht in so freundnachbarlichem Ton die unerhört scharfe Note Österreichs beantwortet, sondern sie einfach abgelehnt. Die beiden strittigen Punkte konnte Serbien nicht einfach annehmen, ohne Gefahr einer Revolution und will sie einem Schiedsspruch unterbreiten. Dies ist durchaus loyal und Österreich würde eine schwere Verantwortung auf sich nehmen, durch eine Nichtanerkennung dieser Haltung Serbiens einen europäischen Konflikt heraufzubeschwören.

Alle ich erwiderte, die Verantwortung

D 84677

Сообщение немецкого военного атташе в Санкт-Петербурге от 29 июля 1914 г. министру иностранных дел в Берлине отражает надежду царя, что из-за австро-сербского кризиса война не начнется. Кроме того, царь взывает к тому, чтобы Гаагский третейский суд, возникновению которого он сам способствовал в 1898 г., привел к мирному урегулированию вопроса

~~111111~~
15. Juli 1914
Abchrift. **Telegramm.**

Haag, den 8. Februar 1915
Ankunft:

Jhr 00 Min n.
9 " 00 " m.

Der K. Gesandte
an Auswärtiges Amt.

Nr. 02

Unter Ausnähme auf Telegramm Nummer 45.

Holländischen Pressmeldungen zufolge veröffentlicht russisches Ministerium des Äußern Text eines Telegramms des Zaren an Seine Majestät den Kaiser vom 29. Juli 1914 mit dem Hinzufügen, Telegramm fehle in deutschem Weisbuch offenbar, um letzte Schritte des Zaren zur Abwendung Krieges zu verheimlichen. Text des Telegramms laute Dank für Dein Telegramm, das verständlich und freundschaftlich ist, während offizielle Mitteilung Deines Botschafters an meinen Minister vom heutigen Tage einen ganz anderen Ton anschlägt. Ich bitte Dich dies aufzuklären; es wird das beste sein österreichisch-serbische Frage Haager Schiedsgerichtshof vorzulegen; ich vertraue auf Deine Weisheit und Freundschaft.

Danf
Zurück

David Engelst zu empfangen
zu N 15127 14
(M 29 7 14)
ALCOB
Fachs. Nr. 2
NACH 8.16
Rufnummer 104

D 846899 ges. Meller.
Orig. i. a. Pappeband 104
9/11 - Han

Немецкий посланник в Гааге сообщает 8 февраля 1915 г. в Берлин о голландских газетных статьях: только после этого стало известно, что кайзер Вильгельм перед объявлением войны России отклонил прошение русского царя Николая передать документы о сербском кризисе Гаагскому третейскому суду. Он утаил это, чтобы старания царя по предотвращению войны не стали достоянием общественности

однозначно заняла сторону Германии. В болгарских и румынских социалистических газетах он разместил статьи под заголовком «За демократию — против царизма», в которых защищал, несомненно, хорошо известную ему еще задолго до объявления Германией войны России немецкую военную политику.

Даже не подозревая, какой лихорадочный обмен телеграммами происходил в те дни между Петербургом и Белградом, Веной и Берлином, чтобы предотвратить войну, а одновременно с этим в Берлине уже были подготовлены ультиматумы Бельгии и России, Парвус оказывал тщательно подготовленной превентивной версии Германии публицистическую поддержку, оправдывая начало военных действий.

О таком ангажированном поборнике немецкой военной политики, как Парвус, не могли даже мечтать ни в Берлине, ни в Вене. Международно-правовые аспекты при этом не учитывались, потому что «тот, кто ищет причины войны в дипломатических интригах и соизмеряет с ними преступление, уже прекратил думать по-социалистически», аргументировал он. Так как победа Антанты означала бы триумф царизма и тем самым препятствовала бы революции, что «открыло бы новую эру беспредельной капиталистической эксплуатации во всей Европе», то рабочие партии всего мира должны объединиться в борьбе против царизма.

Прочитав эти строки, Троцкий не был удивлен, что Парвус, бывший для него когда-то почитаемым кумиром, теперь превратился в его глазах в законченного «шовиниста» — и это ради немецких интересов. Он рассматривал любое национальное государство как анахронизм, даже если оно было против царизма, а защиту Отечества, даже Германии против России, как «предательство социализма». Пропасть между обоими стала уже непреодолимой навсегда.

Заработав на интенсивной торговле оружием для различных партий тот самый капитал, который он сильно презирал, будучи революционным публицистом, Парвус мог уже смело вмешиваться в события, приближающие его к конечной цели. Он начал форсировать в первую очередь те движения, на которые ему было легче всего

Получена после объявления войны

8

ИМПЕРАТОРСКИЙ Телеграфъ въ

Телеграмма № 9085

„119“ СЛОВЪ

Подана въ Берлин 11/1914 г. 10 ч. 45 м. по пд

Получена въ Петербург 20/1914 г. 1 ч. 15 м. по пд

H I S M A J E S T Y T H E C Z A R

THANKS FOR YOUR TELEGRAM. I YESTERDAY POINTED OUT TO YOUR GOVERNMENT THE
WAY BY WHICH ALONE WAR MAY BE AVOIDED ALTHOUGH I REQUESTED AN ANSWER
NOON TO DAY NO TELEGRAM FROM MY AMBASSADOR CONVEYING AN ANSWER
GOVERNMENT HAS REACHED ME AS YET I THEREFORE HAVE BEEN OBLIGED TO
MOBILIZE MY ARMY IMMEDIATE AFFIRMATIVE CLEAR AND UNMISTAKABLE ANSWER
FROM YOUR GOVERNMENT IS THE ONLY WAY TO AVOID ENDLESS MISERY UNTIL I
RECEIVED THIS ANSWER ALAS I AM UNABLE TO DISCUSS THE SUBJECT OF YOUR
TELEGRAM AS A MATTER OF FACT I MUST REQUEST YOU TO IMMEDIATELY ORDER
YOUR TROOPS ON NO ACCOUNT TO COMMIT THE SLIGHTEST ACT OF TRESPASSING
OVER OUR FRONTIERS

Последняя телеграмма кайзера Вильгельма II царю Николаю II от 1.08.1914 г. «...Я был вынужден объявить мобилизацию (...) Только ясный и однозначный ответ твоего правительства может предотвратить бесконечные страдания...» Но до царя эти слова дошли лишь после объявления войны Вильгельмом. Над шапкой письма рукописная пометка Николая: «Получена после объявления войны»

влиять из Константинополя. При этом он постоянно опирался на свои партийные контакты с членами РСДРП на окраинах царской империи. Чтобы ослабить ее сепаратистскими тенденциями, он финансово и через кампании в прессе стимулировал националистические движения за независимость.

Он начал с Грузии и Армении. Затем помог украинцам. Здесь Парвус создал единый фланг, используя резервы как буржуазных националистов, так и революционных социалистов для непосредственного нападения на неприкосновенность царской империи. Украинские социалисты в Лемберге и Вене уже были объединены в «Союз освобождения Украины», действия которого были направлены на освобождение Украины от России. В финансовом отношении он щедро поддерживался правительством Австро-Венгрии, пытавшимся таким образом ослабить Российскую империю, и даже подчинился Министерству иностранных дел в Вене.

Если вначале «СОУ» проводил пропаганду с помощью печатных изданий, то теперь возникла идея о создании экспедиционных корпусов, которые прямо на месте должны были разрабатывать восстания. Для их вожаков Парвус, уже давно известный в своей области благодаря воззваниям в прессе, был идеальным наставником. Два руководящих члена «СОУ» приволоклись к нему в Константинополь; одновременно министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд телеграфировал своим посланникам в Софии и Константинополе: «По возможности поддержать планы „СОУ“».

Парвус оказал им практическую поддержку. Он снабдил этих господ рекомендательными письмами для газет, на основании которых те сразу же печатали все прокламации, которые только ни пожелал «СОУ». Сам Парвус отправил одну из своих собственных статей для украинской газеты, дополнив ее краткими выводами. В ней он наглядно показал «необходимость» их национальной борьбы «в целях социализма». Во-первых, царское самодержавие может быть свергнуто только тогда, когда будут ликвидированы единство и централизм государства, а во-вторых, только территориальное и организационное ослабление России откроет свободную дорогу к демократии.

C'est seulement à ce moment-là
que on commença à comprendre à l'étranger
des opérations que les allemands faisaient
partout en Russie depuis de mois et
des années et l'organisation de leurs
opérations et de leur collaboration avec
l'ennemi et sans scrupule. Pas de
doute que chez vous c'était la même
fait que R' à l'instant; apprends
que même la Belgique lues a
déclaré la guerre. Mais le
temps presse et je finis.

Mille tendres amitiés

et de tout cœur à vous

Jeux

Nikolai

Отрывок из написанного по-французски письма 4 августа 1914 г. от Великого князя Николая Николаевича (1856—1929), дяди царя Николая II и Верховного главнокомандующего Русской армией и флотом в 1914—1915 гг. итальянскому другу по имени М. Манци. Поводом послужило объявление войны Германией России за три дня до этого. В приведенном выше заключительном абзаце текста автор ссылается на организованную Парвусом агентурную сеть: «Лишь в этот момент начинаешь понимать, какую сеть немцы создали везде в России месяцы и годы назад и как огромна была организация их шпионажа, проводившаяся систематически и скрупулезно. Несомненно, у Вас они придерживались той же тактики...»

Через одного из вожаков «СОУ» Парвус познакомился в Константинополе с немецким агентом, доктором Максом Циммером. Родом из Мангейма, сорокалетний Циммер уже в течение пяти лет жил на Босфоре и неплохо там ориентировался. Он координировал работу украинских националистов с посольствами Австро-Венгрии и Германии. Австрийский посол Паллавичини, разумеется, не забыл в телеграмме в Вену от 2 декабря 1914 года приписать «заслуги успешного разворачивания движения» своим собственным «ценным социалистическим связям с некоторыми вождями русской социал-демократии», здесь имеется в виду Парвус, с которыми он «общался и смог заручиться их поддержкой для „СОУ“».

Парвус вместе с Циммером составили экспедиционную армию, куда помимо украинцев вошли также кавказцы. Их задача состояла в том, чтобы проникнуть в тыл русских и стравить верных по традиции царю донских казаков и черкесов. В посольствах Бухареста и Софии срочно были выплачены значительные суммы вожакам этих корпусов, состоявших из завербованных добровольцев, о чем свидетельствуют добросовестные сообщения соответствующих послов своему начальству.

Но незадолго до начала авантюристы были вынуждены отказаться от своего плана: в русской эмигрантской прессе большими буквами было написано о замысле, включая конспиративную подготовку. Энвер Паша поспешил срочно выразить «протест против экспедиции», «пока Турция не получила полного господства на Черном море». Операция на этот момент провалилась. Но Парвус знал: это зависело от дилетантства ее исполнения, а не от самой идеи. Он будет и дальше придерживаться ее.

Зато на другом фронте Парвус мог записать на свой счет успехи. Его программа по модернизации Турции начала действовать. В конце 1914 года он так помог в восстановлении ее экономики, что правительство, которое до сих пор сохранило политику «вооруженного нейтралитета», теперь было в состоянии развязать военные действия. То, что оно сделало это на стороне Германии, само собой разумелось. Ведь Парвус, не считая ситуаций с «СОУ», довольно долго проводил подготовительную

работу, чтобы вдохновить Турцию в этом смысле и лишить ее всех сомнений.

В конце декабря 1914 года, спустя два месяца после того, как Россия, Франция и Англия договорились, что никто из них не будет заключать сепаратный мир с Германией, у Парвуса созрел план. Постепенно ему становилось ясно, что для разрушения царизма все оппоненты России, включая оппозиционные группы за границей и в самой России, должны объединиться с военными противниками России. Примкнув друг к другу в одном союзе, они бы представляли вместе тот кулак, который сможет подорвать Россию изнутри и извне, пусть даже имея различную мотивацию.

Управлять этой силой должно было правительство кайзера. Ведь у него уже после четырех военных месяцев появилась большая заинтересованность в окончании войны на Восточном фронте. Парвус должен был переговорить с немецким послом в Константинополе.

Циммер как нельзя лучше подходил для роли посредника в этом деле. Он убедительно представил дипломатам заслуги, которые Парвус проявил как публицист в немецком вопросе, как конспиратор в сепаратистских движениях и как руководитель подготовки к войне турецкого союзника. Посол фон Вангенхайм изъявил готовность принять Парвуса.

О событиях этих долгих лет думал Парвус по дороге сюда, в Берлин, пока его поезд, стуча колесами, приближался к цели; они всплывали в его памяти во время этой длительной поездки как далекие моментальные картинки из другой жизни и сопровождали его на пути в Германию в холодный февраль 1915 года. Он утомлен, как будто все это ему только пригрезилось во сне...

Но вот за окном уже появляются предместья Берлина. Еще совсем немного, и цель будет достигнута.

Мы взяли на себя большую ответственность, отправив Ленина в Россию, но так было нужно, чтобы Россия пала.

*Генерал Людендорф,
начальник немецкого Генерального штаба,
1918 год*

ВЕЛИКОЕ ТВОРЕНИЕ И ВЕЛИКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

ТАК СОВЕРШАЕТСЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В этот холодный зимний день в Берлине, в конце февраля 1915 года, Парвус направляется к назначенному сроку в Министерство иностранных дел, что, вероятно, станет важной вехой для событий последующих лет. В этом Парвус убежден, и как перед тем знаменательным разговором с немецким послом в Константинополе чуть больше месяца назад, приведшим его в Берлин, его переполняет чувство внутреннего беспокойства. Он не замечает трескучего мороза.

Наконец, перед ним появляется здание министерства, и Парвус ускоряет шаг в направлении импозантного портала. Несколько мгновений спустя за ним закроется тяжелая дубовая дверь, ведущая в кабинет государственного секретаря Ягова. Кроме Парвуса к этому сроку к Ягову приехали посредник Министерства иностранных дел в Генеральном штабе Курт Рицлер, а также Макс Циммер, который ввел Парвуса в посольство Германии в Константинополе да еще и подготовил к переговорам. За закрытыми дверями мужчины обсуждают только предложенный Парвусом план по выводу Германии из войны с Россией.

Русский с горящим глазами говорит на хорошем немецком языке о массовой политической забастовке, которая в ближайшее время должна охватить всю Россию, очерчивая целенаправленным жестом на воображаемой географической карте центры восстаний. Пути снабжения к центрам сосредоточения будут отрезаны из-за

№ 5624
Z. d. 2
C. Parvus
3
2. März 1915: für Schul
Abschrift.

126

Verbreitung eines politischen Massenstreiks in Russland.

subtil B.

Es soll für den Frühling ein politischer Massenstreik in Russland vorbereitet werden unter der Losung: Freiheit und Frieden. Das Centrum der Bewegung wird Petersburg sein; hier wiederum die Obnuhowschen, Putilowschen und Baltischen Werke. Der Streik soll die Eisenbahnverbindungen Petersburg-Warschau, Moskau - Warschau und die Süd-West-Eisenbahn erfassen. Der Eisenbahnstreik wird vor allem in den grossen Centralen mit starker Arbeiterschaft, den Eisenbahnwerkstätten etc. durchgeführt werden. Zum Zwecke seiner Verallgemeinerung werden überall wenn möglich die Eisenbahnbrücken gesprengt, wie dies auch bei der Streikbewegung 1904/1905 der Fall war.

Konferenz russischer sozialistischer Führer.

Dieses Werk kann nur unter der Leitung der russischen Sozialdemokratie zustande kommen. Der radikale Teil der letzteren ist bereits in Aktion getreten. Es ist notwendig, dass sich auch die gemässigte Minoritätsfraktion anschliesse. Bis jetzt waren es zumiest die Radikalen, die eine Einigung verhinderten. Der Führer des letzteren, Lenin, hat aber vor zwei Wochen selbst die Frage nach einer Einigung mit der Minorität aufgeworfen. Eine Einigung auf einer mittleren Linie im Sinne der Notwendigkeit, die durch den Krieg geschaffene Schwächung des administrativen Apparates im Innern des Landes zur Einleitung einer energiegelichen Aktion gegen den Absolutismus auszunützen, dürfte sich herbeiführen lassen. Es ist zu bemerken, dass der gemässigte Teil stets am stärksten unter dem Einfluss der deutschen Sozialdemokratie

14/11
Kupfl. 104 h. 11 e 302

Первая из двадцати страниц программы революции в России, которую Парvus предъявил 9 марта 1915 г. министру иностранных дел в Берлине для финансирования

взорванных мостов и дорог, маршруты движения к линии фронта — прерваны; начнутся забастовки. Жизнь в стране будет парализована, движения на фронте также остановятся.

Массы людей, которых Парвус изящно изобразил, словно на чертежной доске, перед удивленными глазами своих слушателей, будут возглавляться агитаторами из оппозиционных кругов, которые вырвут их из летаргии своими призывами к миру и свободе.

Жителям окраинных государств будет обещана независимость от русского централизованного государства, чтобы сформировать из них активных сепаратистских борцов. Принадлежащее к рабочему сословию население западных стран с помощью прессы, о чем позаботится Парвус, будет демонстрировать солидарность и укреплять тыл русских борцов за свободу (от царизма). В связи с создавшимся беспорядком царь будет вынужден уйти в отставку, а на его место придет готовое к заключению мира правительство, сформированное, разумеется, из находящихся в настоящее время в ссылке революционеров...

Задача немецкого правительства, заинтересованного в результате этого мероприятия, состояла бы в поддержке сепаратистских настроений в Финляндии, на Украине и на Кавказе, кроме того, в финансировании революционного движения и, наконец, в поддержке проникновения пропагандистских настроений в русскую и международную прессу..

Докладчик прерывается и, затаив дыхание, обдумывает цель своего плана. Но не успели его собеседники переварить все услышанное, как он опять набирает темп, начинает мотивировать, обосновывать, добавлять детали, на словах управлять теми шагами, которые должны перейти в совместную акцию и вылиться в сильнейший разрушительный удар. Он говорит, пока государственный секретарь не прервет его пламенную речь решительным жестом. Необходим проект, с чем согласились все собеседники, чтобы в спокойной обстановке подвергнуть четкой проверке все услышанное.

Ровно через неделю, 7 марта 1915 года, в кабинете государственного секретаря Ягова появляется меморан-

ном в Турции, что с помощью денег можно преодолеть все.

Подробный документ в оригинале охватывает двадцать страниц (полный текст см. приложение). Вот, в частности, основные пункты программы по организации революции:

«Массовая забастовка под лозунгом «Свобода и мир», исходящая из Петербурга, то есть из Петрограда, должна, в частности, охватить оружейные фабрики, железнодорожные линии; взрывы железнодорожных мостов, как в 1904—1905 годах;

русские социал-демократы обоих течений как вожаки; подготовка конгресса ведущих российских социал-демократов в Швейцарии при участии обоих течений РСДРП, еврейского «Бунда», украинской организации «Спилка», польских, литовских и финских социал-демократов;

единогласное решение о действиях против царизма; переговоры с умеренными и национально ориентированными социал-революционерами, потому что за ними стоит крестьянство;

агитация среди рабочего класса в портовых городах (Одессе, Севастополе) и на судостроительных верфях (Николаев), а также на нефтеперерабатывающих заводах (Баку) до Ростова при посредстве получаемой из Румынии и Болгарии печатной продукции. Организация восстаний под политическими лозунгами и забастовок среди портовых и занятых в горной промышленности рабочих, поджигание нефтяных складов в нефтеносных районах;

Сибирь — центр действий; организованный побег политзаключенных и использование их в качестве революционных агитаторов в Петрограде;

работа прессы в России и за границей — например, использовать русскую прессу в Париже и местные партийные органы, чтобы повлиять на позицию нейтральных стран по отношению к вступлению в войну на стороне Германии; поддержка прежде всего в скандинавской прессе; повсеместно с помощью военных сообщений создавать настроение против царской империи;

Северная Америка, особенно восприимчивая к анти-русской пропаганде из-за российско-еврейских эмигрантов, будет воздействовать на общественное мнение; предпочтительное отношение к немецким иностранным ораторам из социал-демократических кругов для формирования прогерманского настроения;

обратное действие международной прессы на русскую; использование военного компонента — настроение после поражения или неудачи; использование военных сил для защиты стратегических целей и линий, в незащищенных пунктах организовывать забастовки, взрывы, восстания;

Украина: подстрекательство против русского господства за автономию, особенно среди крестьян;

Финляндия: заняться отделением от России, добиться согласия между шведскими и финскими социал-демократами, обеспечить финнам самоуправление, потом организовать восстание; использовать Финляндию как **опорный пункт новостей** между Востоком и Западом в отношении военных и революционных действий; переход курьеров с оружием и взрывчатыми веществами из Скандинавии через финско-русскую границу;

Кавказ: русско-турецкое военное положение благоприятствует сепаратистской тенденции; надо преодолеть внутреннюю разобщенность, выработать общий план с борющейся против России Турцией, «священная война» как лозунг; организовать отдельные общества на персидской границе для поддержки турецких воинских частей против России;

по окончании предварительных работ для революционного движения по обстоятельствам использовать военные неудачи для политической или экономической пропаганды против царя и правительства; инициатива РСДРП под девизом: свержение правительства и быстрое заключение мира;

перекрывать транспортные пути для перевозки оружия для российской армии (из Америки через Сибирь); использовать профессионалов специально для территории Сибири (организация взрывных работ и т. д.); финансирование массовых побегов ссыльных из Сибири в глубь страны для организации восстаний.

Первоочередные действия:

установить контакт с большевистской фракцией находящихся в Швейцарии эмигрантов; финансовая поддержка; прямой контакт с организационными центрами в областях, где возможны забастовки (порты, центры горнодобывающей промышленности, нефтеносные районы и т. д.); финансирование революционной литературы, которая контрабандно перевозится с Запада в Россию; установить связь с финской социал-демократией; в нейтральных странах формирование общественного мнения против царизма;

техническая подготовка — карты с обозначением мостов для взрывных работ, чтобы парализовать движение; указание мест хранения; указание необходимого количества взрывчатых веществ, необходимых в каждом конкретном случае для взрывов мостов и зданий; инструкция по обращению со взрывчатыми веществами; план организации восстания и его распространения, охрана зданий; подключение рабочих кварталов и областей еврейского социалистического „Бунда“...»

Полную программу Парвус называет «Подготовка массовой политической забастовки в России».

Сам Парвус вряд ли мог даже мечтать о том, насколько кстати окажется его программа. Уже три месяца назад у политического и военного руководства утвердилось мнение, что их представление о быстром, то есть в течение нескольких месяцев окончании войны на Востоке было ошибочным. План Шлиффена не состоялся.

Так, Министерство иностранных дел Германии, о чем свидетельствует внутренний меморандум помощника государственного секретаря Циммерманна от 24 ноября 1914 года, присоединилось к мнению генерала Фалькенхайна из Генерального штаба о необходимости как можно быстрее ликвидировать Восточный фронт, сохранив один фронт на Западе. С учетом существующего военного положения это можно было бы осуществить только путем вывода России из войны; заключение сепаратного мира должно было стать актуальной задачей внешней политики правительства кайзера на данном этапе.

Städte des schwarzen Meeres durch den Seekrieg stark beunruhigt sein werden, so macht sie das besonders empfänglich für eine politische Agitation. Es muss besonders darauf hingewirkt werden, dass die revolutionären Organisationen in Odessa, gestützt auf die Arbeiter, sich, wie 1906, der Stadtverwaltung bemächtigen, um der Not der ärmeren Klassen, die unter dem Krieg furchtbar leiden, abzuhelfen. Auch dies hätte zum Zweck, der allgemeinen revolutionären Bewegung einen neuen Anstoss zu geben. Sollte es zu einem Aufstand in Odessa kommen, so könnte dieser von der türkischen Flotte unterstützt werden.

Die Aussichten für einen Aufstand der schwarzen Meer-Flotte können nur festgelegt werden, nachdem man mehr Fühlung mit Sebastopol genommen haben wird.

In Baku und der Petroleum-Gegend lässt sich ein Streik verhältnismässig ohne besondere Schwierigkeiten herbeiführen. Nicht ohne Bedeutung ist auch, dass ein grosser Teil der Arbeiter Tartaren, also Muselmanen, sind. Kommt es zum Streik, so wird versucht, werden, wie 1905 die Haftquellen und die Petroleumdepots in Brand zu setzen. Streiks sind auch möglich, im Bergbauggebiet des Donets. Besonders günstig sind die Verhältnisse im Uralgebiet. Dort hat die sozialistische Majoritätspartei eine starke Anhängerschaft. Politische Streiks unter den Bergarbeitern lassen sich dort leicht durchführen, wenn einiges Geld zur Verfügung ist; denn die Bevölkerung ist sehr arm.

S i b i r i e n .

Eine besondere Beachtung ist Sibirien zu widmen. Man kennt es in Europa nur als das Land der Verbannung. Es lebt aber längs der grossen sibirischen Trassen, an der Eisenbahn und den Flüssen ein starker Bauernstand, von stolzem, unabhängigen Sinn, der am liebsten von der

Central

Отрывок из революционной программы Парвуса-Гельфанда 1915 г. Речь идет об организации восстаний и взрывов в портовых и нефтяных центрах южной России

Циммерманн сформулировал это так: «Целью нашей политики, безусловно, должно стать окончание проводимой в настоящее время с огромными жертвами войны миром, который будет не только прочным, но и длительным. Чтобы добиться достижения этой цели, как я считаю, было бы желательно забить клин между нашими врагами и как можно скорее прийти к сепаратному миру с одним или другим противником. При этом я руководствуюсь предположением, что подобная инициатива должна исходить не от нас, а мы должны предоставить это нашим противникам. Каждая, даже самая слабая попытка с нашей стороны взять по возможности инициативу в свои руки будет безошибочно истолкована как признание собственной слабости и только подтолкнет наших врагов к более тесному союзу и энергичному продолжению совместной борьбы против нас. Сепаратный мир имел бы бесспорное преимущество, что мы бы вызволили не только наши, но и австро-венгерские войска против Франции и открыли бы путь через Турцию в Египет и одним ударом освободились бы от итальянских и румынских проблем (...) Циммерманн».

После составления этого внутреннего меморандума в ноябре 1914 года мало что изменилось в военном положении и политической ориентации, направленной на ликвидацию Восточного фронта. В начале 1915 года немецкие парламентарии предприняли попытку привлечь Австрию форсировать сепаратный мир; одновременно с этим в воздухе повисла опасность, что Италия — что еще не было решено — вступит в войну на стороне Антанты, чего опасался Парвус. Только территориальные концессии со стороны Австро-Венгрии, например, уступка области Трентино, могли воспрепятствовать этому.

Министр иностранных дел Берхтольд, казалось, был к этому готов, за что его и свергли 10 января 1915 года. Его последователь Буриан в этом вопросе, как и следовало ожидать, оставался твердым. В середине февраля в ведомстве Министерства иностранных дел в Берлине стало распространяться пессимистическое настроение, и было решено пригрозить Австрии отказаться от этого как участ-

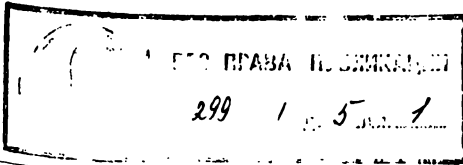

Hotel „Der Kronprinzenhof“

Elektrisch Licht :: Fahrstuhl
:: Centralheizung ::
Telefon: Amt Zentrum. 699.

Berlin N.W.7. den 19
Dorotheenstraße 24
2 Minuten vom Bahnhof Friedrichstraße.

Sibirien. Es sieht
ist Sibirien nach
besondere Bedeu-
ung beizulegen,
weil sie großen
Fluktu- und ton-
togen Waffen-
Lieferungen der
Ver. Staaten an
Russland dem

Эту часть революционной программы Парвус, очевидно, написал лишь в Берлине в конце февраля 1915 г., незадолго до представления ее в МИД, в то время как основная часть сформировалась уже в Константинополе. Тем самым он дважды подходит к основной части своего плана — к Сибири

нику союза. Правда, еще раньше были попытки подслас- тить австрийскому союзнику потерю Трентино, компен- сировав это Российской Польшей, а если и это не помог- ло бы, то уступкой территории в Верхней Силезии.

«Австрия ничего не хочет, — пишет в своем дневни- ке 27 февраля 1915 года Курт Рицлер, сотрудник и до- веренное лицо германского рейхсканцлера Бетманна- Хольвега, — кайзер и высшее дворянство, от наслед- ственного политического высокомерия которого, погибает Австрия (...) Страх Вены перед Берлинским буксиром (...) Ягов считает, что австрийцы уступят».

В марте вопрос сепаратного мира, который немецкие дипломаты хотят навязать русскому царю, из-за военно- го положения становится актуальнее, чем когда-либо. 5 марта 1915 года в дневнике Рицлера записано:

«Визит канцлера у Хинденбурга (в Генеральном шта- бе). После этого ситуация должна стать следующей: на- ступление против очень сильных русских по всему фронту от Мемеля до Буковины больше невозможно. Поэтому Хинденбург хочет мира. Но как...»

Для этой цели Рицлер уже делает наброски сценари- ев, в осуществление которых он великодушно втягива- ет другие страны: «Нужно уговорить русских финансо- выми спекуляциями, медленным ослаблением нашей турецкой позиции в пользу России. Если Россия так сильна, как оказалось, то мы уже больше не сможем сохранить турецкую позицию, и нам остается только постепенно распродавать нашу восточную позицию сна- чала Турции, потом Австрии. Если Россия тайно поддер- жит наши требования к Западу, то мы сможем за это предоставить ей ответную услугу: санацию русских фи- нансов из возмещенных Францией военных убытков, передачу нам русских ценных бумаг (акций) по низко- му курсу, дешевую уступку России...»

Ввиду того, что австрийский министр иностранных дел все еще не принял решение о передаче Трентино Италии в обмен на угледобывающую область в Силезии,

по предложению немцев, канцлер в тот же день решает поехать в Вену, если оттуда срочно не придет ответ.

И вот в ночь с шестого на седьмое марта из Вены приходит телеграмма. Но, кроме предложенного угольного бассейна, австрийский министр иностранных дел требует от Германии ссуду в размере 200 миллионов марок. Тем временем Верховное главнокомандование предпринимает новые попытки на Восточном фронте отбить нападение русских.

Седьмого марта на Вильгельмштрассе поступает меморандум — программа Парвуса. По сравнению с намеченной подоплекой он, кажется, выглядит как волшебная формула *deus ex machina* (лат. — «непредвиденная развязка запутанного дела». — *Пер.*), появившись на сцене в критический момент.

В этот же день государственный секретарь Ягов телеграфирует в Государственное казначейство:

«Для поддержки революционной пропаганды в России понадобятся два миллиона марок...»

С обратной почтой приходит положительный ответ.

МИЛЛИОННАЯ СДЕЛКА

Из двух миллионов марок стартового капитала, выделенных на проведение революции, Парвус сразу получает один миллион. Он распоряжается о переводе этой суммы на счета в Копенгагене, Цюрихе и Бухаресте — географический треугольник намеченного им оперативного пространства. При этом Парвус проявляет себя мелочным, что следует из внутреннего финансового отчета Диего фон Бергену в Берлине:

«Касательно: Доктор Александр Гельфанд-Парвус. Дойче Банк отправил мне подтверждение о переводе 500 000 марок, которое я прилагаю. Я хотел бы обратить

Ваше внимание на мое письмо от 20 марта, в котором я констатировал, что Гельфанд требует один миллион, без учета потери, возникающей при обмене, и что эти потери, уже произведенные в Копенгагене, Бухаресте и Цюрихе, наряду с другими расходами мы должны взять на себя. Я попросил бы Вас в дальнейшем распорядиться о переводе необходимой суммы в Дойче Банк, чтобы я смог выплатить Гельфанду и разницу.

Ваш Фрелих».

Когда исполнительные чиновники правительства Германского рейха старательно исполняют это желание, они даже не допускают мысли о том, в какую авантюру пускаются, кажется, никому не приходит в голову идея, что революция в России может обернуться бумерангом для тех, кто привел ее в движение из Германии.

Идея уничтожения политического и военного врага изнутри в немецких правительственных и дипломатических кругах уже применялась и получала небольшую финансовую поддержку еще до начала войны. При этом немецкие политики преследовали цель ослабить оба государства, в которых Вильгельм II усматривал основных противников Германии, претендующей на заявленную и последовательно проводимую роль великой европейской державы: это — колониальная держава Англия, с одной стороны, и огромная многонациональная империя Россия — с другой.

Так правительство кайзера уже длительное время поощряло национальные движения в Афганистане и Индии «за освобождение угнетаемых народов» (от их английского колониального господства), поддерживало революционные круги исламистского мира и финансировало, совместно с Австро-Венгрией, революционную литературу и деятельность сепаратистов в окраинных государствах Российской империи.

Уже спустя два месяца после начала войны революционно мыслящие российские эмигранты, сосредоточенные в основном в Швейцарии, предложили свои услуги в качестве осведомителей и изъявили готовность поддерживать немецкие интересы. Осенью 1914 года

немецкий посланник в Берне, Фрайхерр фон Ромберг, направил сообщение в Берлин, что один эстонец, некий Александр Кескюла, предложил ему поддержку для ослабления русского военного противника с помощью подстрекательства балтийских национальных меньшинств. Министерство иностранных дел Германии не хотело лишиться себя такой возможности, тем более что Кескюла мог бы также оказывать услуги посредника, будучи хорошо осведомленным о революционерах, объединившихся вокруг Ленина. Вскоре после этого через связного и симпатизирующего революционерам Артура Зифельда из немецкого посольства в Берне на имя Кескюла стали перечисляться денежные средства, часть из которых передавалась Ленину и большевистской партии.

Кескюла при этом мог сослаться на многолетний опыт подрывной работы в качестве партнера сильного в финансовом отношении политического противника царской империи. Все-таки он уже в преддверии русско-японской войны организовывал политическую работу для некоего легендарного японца Мотодзиро Акаши, который в качестве агента по подрывной деятельности при японском посольстве в Стокгольме, оснащенный 100 миллионами долларов, вербовал русских политэмигрантов по всей Европе для выполнения работы по его программе, то есть организации восстаний в России.

Эту совместную акцию — параллельно с японскими приготовлениями к военному удару против России в 1904 году, поддерживаемыми из Америки Яковом Шиффом, — с последующей волной беспорядков можно записать на его счет как успех. Шифф поручался за кредиты, которые Япония получала на европейских рынках. Таким образом, он убивал одним выстрелом двух зайцев: политического и коммерческого. Потому что наряду с его стремлением ослабить Россию, в данном случае с помощью нападения вооруженных японцев, предприятие приносило ему прибыль: он имел свою долю в Japan Steel и тем самым зарабатывал на японском вооружении против России.

Если тогда Япония была заинтересована в ослаблении России и в освобождении Кореи и Маньчжурии от ее контроля (вопреки готовности поддержать контроль

России над Ираном), что вместе с принципиальным отрицанием Шиффом царского режима само по себе играло и на него, то Кескюла как тогда, так и теперь преследовал одну цель: отделить его родину — Эстонию — от царской империи и помочь ей стать независимой или частью конфедерации с Финляндией и Швецией. Этим он произвольно провел подготовительную работу для Парвуса.

Кескюла сумел придать ускоренный темп своему предложению о совместной работе на стороне немцев с помощью меморандума, переданного послу в Берне. В этой аналитической работе «Внутриполитическое положение России» эстонец предлагает нанести удар по потенциалу процветающей державы России, как это уже делали до него немецкие и французские экономические исследователи, тем самым повлияв на решение Вильгельма в 1914 году, прежде чем Россия смогла бы получить господство над другими державами, в частности над германским рейхом. Именно это и беспокоит Кескюла, когда он заявляет, что великая царская империя, благодаря ее большому природному богатству, в модернизированном состоянии в ближайшем будущем могла бы превзойти Германию в экономическом и военном отношении. Только внутренняя дестабилизация, связанная с поражением в войне, смогла бы противодействовать этому развитию. Для ослабления боевого духа в России в первую очередь нужно было бы создать тайные организации, агитирующие за поражение России в войне.

Между тем не только из Цюриха, но и из Бухареста в Министерство иностранных дел Берлина поступают многообещающие сообщения относительно стратегии Германии от посланников в соответствующих странах о деятельности русских революционных групп, которые создали там направленную против России агентурную сеть.

Новым для Берлина в плане Парвуса является комбинация национального и революционного подъема с целью ослабления России. Систематика, которая отличает его обширную программу и позволяет судить об организаторских способностях ее автора, дает в Берлине повод для больших надежд.

При этом в Берлине проводится двойная стратегия двумя различными, отчасти противоречащими друг другу средствами, чтобы добиться желаемого сепаратного мира с Россией. С одной стороны, при помощи секретных миссий с предложением мира царю, с другой — посредством игры с революционным огнем, который должен оказать давление на того же царя и подготовить его к заключению мира.

В то время, когда в Министерство иностранных дел поступает разрешение Государственного казначейства на выделение Парвусу первых миллионов «на поддержку революционного движения в России», датский министр иностранных дел Эрик Скавениус информируется через германского посланника в Копенгагене Ульриха Графа фон Брокдорфф-Рантцау об условиях Германии на случай готовности России к сепаратному миру.

Одновременно устанавливается контакт с самым незаурядным и одаренным, правда, уже освобожденным от своей должности, государственным деятелем России, бывшим министром финансов и премьер-министром Витте, которому Россия обязана заключением Портсмутского мира в русско-японской войне. Тот проявляет принципиальную готовность к посредничеству и в целях предосторожности по отношению к немецкой стороне размораживает свои счета в Мендельсон Банке и переводит деньги в Швецию, чтобы не подвергать личные интересы подозрению и упрекам. Но до этого не дошло.

Канцлер Бетманн-Хольвег осторожно запускает щупальца через Данию в Россию, желая убедиться, что царь склонен к подписанию сепаратного мира и, только будучи обеспокоенным германскими условиями, боится проявлять инициативу. Это предположение вряд ли было близко к истине, что вскоре и становится ясно: через посредство датского короля принятый царем в Санкт-Петербурге датский судовладелец Андерсен, ведь мать царя — урожденная датская принцесса, 8 марта разочарованным возвращается назад. Рицлер пишет об этом в своем дневнике 11 марта 1915 года:

«Андерсен вернулся из Санкт-Петербурга. То, что он рассказывает, полностью противоречит тому, что мы слышали раньше. О мире нет и речи, Витте не имеет влияния. Царь и Сазонов уверены в победе и торжествуют...»

Очевидно, ни одному из обоих неравных партнеров — ни политическому руководству в Берлине, ни Парвусу — не кажется, что несоответствие целей и лежащих в их основе взглядов ничего не стоит. Если немецкие политики и дипломаты планируют заключение мирного договора с царем, — с кем же еще? — что в случае успеха испортит Парвусу дело, то программа революционизации Парвуса явно нацелена на свержение Николая. Более того, Парвус видит конечным результатом во главе России пролетарское правительство, которое, солидаризуясь с немецкой социал-демократией, по мнению Парвуса, переоцененной с точки зрения ее «революционной степени зрелости», задушит и германскую автократию. Политики и дипломаты Министерства иностранных дел, напротив, убеждены, например граф Брокдорфф-Рантцау, что Германская империя кайзера в конечном счете выйдет из этой войны «под управлением Гогенцоллернов и в единстве с простым народом».

Обе стороны ошибаются в своих оценках, причем, пожалуй, ошибки с немецкой стороны таят в себе больший риск: ведь здесь полагают использовать Парвуса (в действительности, все наоборот), установить контроль над развитием события и при этом взять бразды правления в свои руки. Все они сводятся к Диего фон Бергену.

Если Парвус опять темнит, то, пожалуй, по отношению к товарищам по партии, которых он хочет использовать для своего плана. Может ли он быть уверенным, что немецкие социал-демократы встанут на его сторону и находящиеся в ссылке революционеры, которым он в ходе своей программы предназначал ведущую роль, будут повиноваться ему? Все-таки он за годы, проведенные в Константинополе, отдалился от своих прежних

немецких и русских товарищей не только территориально, но и в идеологическом смысле: если для одних он из-за своего легендарного богатства стал подозрительным, то в глазах других, которые не смогли бы безоговорочно последовать его идее немецкой победы за счет России, он выглядит как «агент германского империализма».

Парвус же видит разницу между собой и агентом Германии, хоть его услуги и оплачивают немцы, в том, что он работает не на немцев, а с ними. Однако его немецкие товарищи не проводят таких разграничений.

Это открытие не минует Парвуса, когда он пытается установить контакт со своими старыми политическими друзьями в Германии. Все же в Министерстве иностранных дел он продолжал бахвалиться и определил для себя планку: устроить объединительный процесс социал-демократов на международном уровне как основу для публицистической поддержки своего плана — пацифистской пропаганды и критики всех возможных аспектов царской империи.

Только к его имени прилипла тень последнего скандала перед отъездом, когда Парвус из-за аферы с Горьким и растраченными деньгами приобрел репутацию мошенника. К тому же сообщения до и сразу после начала войны о его сказочном богатстве, приобретенном в Турции, в глазах старых партийных товарищей придали его облику торговца оружием и спекулянта, турецкого агента — в любом случае человека, предавшего социалистические идеалы, больше остроты. Вряд ли кто-то захочет иметь с ним дело.

Нынешний председатель партии Хаазе считает его русским агентом. Эдуард Давид так формулирует то, что думают остальные товарищи: «...вначале крайне радикальный революционер, затем русский шпион, негодяй и мошенник — теперь турецкий агент и спекулянт». Редактор партийной газеты «Форвертс» резюмирует: «...этот авантюрист с животом Фальстафа и черепом человека с большим мозгом, знаниями ученого и деловой энергией ловкого биржевого спекулянта (...) В Азии эта смесь политического кондотьера и промышленного магната, должно быть, уместна; в

Берлине ее время вопреки Хельффериху¹ еще не пришло...»

За годы его отсутствия немецкая партия раскололась на реформистское, прагматическое и радикальное крыло. Для Парвуса здесь, кажется, нет места. Понимание своей программы и его сотрудничества с немецким правительством Парвус встречает только у своего старого товарища и поклонника Конрада Хениша — и то только потому, что он превратился с началом войны из критического оппортуниста в пламенного патриота Германии, и волна национальной гордости смыла идеологические барьеры между ним и правительством кайзера.

И, наконец, ближайшие друзья леворадикального направления, на которых ставил Парвус, Роза Люксембург, Карл Либкнехт и Клара Цеткин продемонстрировали вернувшемуся свое пренебрежение и указали на дверь. С «сутенером империализма», как называет его Клара Цеткин, никто не хочет иметь дела. Здесь он ни на кого не может рассчитывать.

Этот первый амортизатор для его до сих пор невозмутимого самосознания знаменует начало той фазы, когда Парвус прощупывает своих сторонников в отношении реализации революционной программы; неожиданные барьеры не предвещают легкого успеха.

Но существует власть денег, что его успокаивает. Все-таки Парвус располагает средствами, с помощью которых можно приобрести людей, — а безопасность легальной свободы передвижения надо искать там, где есть надежные помощники.

Незадолго до приезда Парвуса в Берлин на беседу в Министерстве иностранных дел был ликвидирован старый ордер на высылку, по которому Парвус несколько лет назад был изгнан из Пруссии.

Еще в марте 1915 года, спустя два дня после вручения Парвусу первой денежной суммы, помощник государственного секретаря Министерства иностранных дел лично подключается, чтобы в тайном письме министру

---

¹ Карл Хельфферих — государственный секретарь Государственного казначейства, отвечающий за ассигнование средств на нужды революции; в 1908—1915 годах — директор Дойче Банк.

внутренних дел ходатайствовать о снятии всех ограничений, которые теоретически могли бы распространяться на Парвуса как гражданина вражеского государства — России. Теперь Парвус может беспрепятственно передвигаться между ведущими войну государствами Центральной Европы и нейтральными странами и начинать свою опасную игру.

Перед отъездом Парвус пытается в беседах в Министерстве иностранных дел привести в действие «запал» для реализации своей программы. Так как его революционная программа России опирается на оппозиционные силы в стране, социалистический пролетариат и сепаратистские движения национальных меньшинств, то прежде всего надо дать немецкому партнеру конкретные отправные точки для прямой и косвенной помощи, например, публикациями и листовками для движений в окраинных государствах и революционеров внутри страны и за границей, которые направлены на свержение царя. Русские листовки, которые должны попасть в Россию, будут печататься в Швейцарии. Помимо этого, Парвус требует финансовой поддержки для русской эмигрантской прессы в целях пропаганды пораженческой позиции и революционной активности. Наконец, он также просит немецких спонсоров о технических вспомогательных средствах, таких как карты или средства другого рода, например взрывчатые вещества, «которыми легко пользоваться...».

Кроме того, он советует начать действия сразу в нескольких географических точках. Движению требуются пламенные агитаторы. Как и написано в революционной программе, Парвус больше всего ожидает этого от политических ссыльных в Сибири. В количественном отношении и по своей мотивации они представляют собой идеальный потенциал, который он мог бы использовать для совершения политических и военных диверсий. Для этого надо организовать их побег в европейскую часть России. В его замыслах Украина имеет преимущества, потому что к этому времени внутри нее произошел раскол: часть ориентировалась на Запад, а другая имела прорусскую ориентацию. К тому же оппозиционная еврейская интеллигенция сконцентрирована

в столице — Киеве, недалеко от Одессы, в которой с точки зрения конспирации, лучше всего работается. Там Парвус может воспользоваться своими знаниями условий, группировок и контактов, которые он может поднять из Западной Европы через своих польских товарищей.

Следующая отправная точка — Финляндия. Здесь одним ударом можно убить двух зайцев. Использовать, по его мнению, имеющую место латентную готовность к мятежу против русского государя для легко разжигаемого настроения на отделение, а свободно пересекаемую границу — для передвижения агентов, доставки информации и денег, а также для контрабанды оружия и взрывчатых веществ. Следовательно, по мнению Парвуса, германское правительство должно попытаться наладить контакты между членами шведского правительства и финнами и оказать им поддержку в стремлении к суверенитету. Тайно должно быть подготовлено политическое и военное сотрудничество между Берлином и Хельсинки.

Что касается следующего пункта, то им Парвус хочет заняться сам, потому что считает его самым тяжелым — поддержка национальных движений на Кавказе. В этой этнически разнородной области с бесчисленными народностями в каждой стране было бы трудно организовать единое движение за отделение. Контакты с потенциальными лидерами такого движения Парвус хочет установить через турецкое правительство в Константинополе. Оно должно объединить усилия будущих мятежников в «священной войне» против России с их турецкими друзьями, но одновременно также сплотиться в борьбе с национальными силами в христианских странах, как Армения и Грузия, — утопически несбыточная идея.

Также через Турцию Парвус хочет наладить агитацию, чтобы ускорить украинское освободительное движение, а именно через те же каналы, которые Парвус уже использовал осенью 1914 года для своей идеи экспедиционных корпусов.

Парвус полагает, что и социальное революционное движение лучше всего разжигать из Турции. Оттуда он может устанавливать контакты с моряками на россий-

ской стороне Черного моря. Через них он хочет не только устраивать забастовки, которые должны как беглый огонь распространяться вдоль побережья портовых городов и переходить в глубь страны, в угледобывающие районы, но и организовывать акты саботажа, например поджоги нефтяных скважин в Баку.

Еще в марте четыре последующих миллиона марок отправляются из Государственного казначейства Германии в Министерство иностранных дел «на непредвиденные расходы», два из них — на революционную пропаганду в России, два — на не обозначенные точно цели; отсюда выделяется сумма разным бенефициарам и их банкам. Как видно из переписки между МИДом и Государственным казначейством, Парвус каждый раз требует возмещения возможных потерь при обмене, возникающих из-за колебания курсов валют других стран, например Румынии или Швейцарии, в которых он открыл счета для этих денежных переводов.

Итак, Парвус, хорошо снарядившись, может отправляться из Берлина в Константинополь. Там он съезжает со своего прежнего места жительства и возобновляет контакты с теми агентами, которые должны работать на него для связи из Турции с Южной Россией, Украинским Союзом и Кавказом. Создана командная иерархия, составлен план, обсуждены системы контактов, способы действия и конспиративные механизмы и срочно набросано несколько волнующих текстов.

Затем сильно загруженный революционер поспешно уезжает в Румынию. Здесь он может самоуверенно вести переговоры с немецким посланником Бусше, рассказать ему о своих разговорах в Берлине и посвятить в свои последующие планы. Парвус не случайно позаботился о переводе сюда части своего стартового капитала для перемещения революционной программы в этот регион.

О разговоре с Парвусом сам посол сообщает в телеграмме в Берлин:

«...Доктор Гельфанд-Парвус полагает, что саботаж в русской угледобывающей области близ реки Донец надо организовать не из Румынии, а скорее через Сток-

гольм—Петербург, хотя это дело трудное. Советую поговорить с ним в Берлине по этому вопросу. Предположительно он выезжает завтра через Вену в Швейцарию, а затем через Берлин в Стокгольм.

Фон Бусше».

Бухарест является для Парвуса контактным центром, имеющим влияние на юго-востоке для революционной работы прессы, формирования общественного мнения с помощью средств массовой информации и на западе; отсюда Парвус координирует агентурную и агитационную деятельность в направлении Украины и Южной России. Из Бухареста будет создаваться забастовочное настроение на судостроительных заводах в Николаеве и Одессе.

В Бухаресте Парвус создает финансовую основу для помощи эмигрантской прессе в Париже, которую он хочет использовать в качестве рупора для своей пропаганды в колонии русских эмигрантов. Вопрос состоит в том, чтобы объединить в единый фронт расколовшиеся на различные группы горячие революционные умы, вооружив их программой действий, а также агитировать за объединение тех товарищей, которые вовсе не занимают пораженческую позицию по отношению к России и не хотят видеть триумф «германского империализма».

Для этого Парвус заручается совместной работой своего старого товарища Христо Раковского. Он и так уже служит немцам — и не только им, он готов принять деньги Парвуса, чтобы, помимо прочего, субсидировать парижскую эмигрантскую газету «Наше слово».

Там трудится бывший друг и идеологический ученик Парвуса Троцкий вместе со своими товарищами Мартовым и Луначарским. Положение колеблется между линией меньшевиков — революция: да, но не ценой поражения России, и линией большевиков — война как исходный пункт революции, а именно международной. Но, по мнению Парвуса, эту ситуацию можно выгодно использовать: потому что, как он считает, достаточно дискредитировать российский режим провокационными кампаниями как в глазах ее населения внутри России и за границей, так и в глазах союзников и сломить рус-

ский боевой дух постоянной пропагандой на фронте и в тылу.

Парвус великодушно игнорирует тот факт, что Троцкий по поводу его возвращения в Европу — а заодно и по поводу всего, что доходило до ушей русских эмигрантов из Турции о нем и его контактах с правительством Германии, — в феврале 1915 года именно в этой газете попытался предостеречь общественность.

Еще раньше, когда Парвус находился в Константинополе, Троцкий провел под их отношениями толстую черту, рассматривая ее как разделительную линию между когда-то уважаемым, а ныне отверженным им человеком: «Парвуса больше не существует. На Балканах разгуливает политический Фальстаф, отрекшийся от своего двойника».

Когда Парвус вернулся в Берлин, Троцкий счел необходимым предостеречь от него в своей газете. Он делает это в известном «Некрологе живому другу». Названное так возмездие для драматизации произошедших, по мнению Троцкого, с Парвусом перемен начинается с дифирамбов в адрес «прежнего» Парвуса, до 1914 года, бывшим учеником и другом которого считал себя Троцкий, пока тот не превратился в «политического Фальстафа, шовиниста и спекулянта — ужасающий пример падения II Интернационала», в Парвуса после 1914 года, от которого он отстраняется и заявляет, что «Парвус политически мертв».

Слава, приобретенная Парвусом среди эмигрантов, которые после его молниеносного материального подъема на Балканах стали относиться к нему как к подозрительной личности или, еще конкретнее, как к спекулянту оружием, не очень-то шла на пользу его действиям. Но это его мало беспокоило. Главное, что среди его социалистических товарищей по партии достаточно журналистов, готовых за деньги пропагандировать то, что Парвус изложил в своей программе: настроение против царской России в странах Антанты, чтобы ослабить поддержку России под давлением общественного мнения, невступление в войну на стороне России, поддержку Германии и Австро-Венгрии или по меньшей мере соблюдение нейтралитета...

Кроме того, он заботится и о том, чтобы найти талантливых ораторов среди австрийских и немецких социалистов, которые были бы готовы вести агитацию в Америке против России и, более или менее прямо, вербовать на немецкую сторону.

Раковский сразу же усердно берется за дело, пожалуй, даже слишком усердно. Не напрасно уже в течение многих лет везде, где бы он ни появился, документы о его деятельности заполняют секретные папки русских агентов охранки, для которых он давно уже стал наиболее желанным объектом страсти.

Так, агенты из Бухареста постоянно отправляют новости в заграничное бюро охранки в Париже, откуда объединенные дела передаются в Петербург. Из документов следует, что Раковского с Парвусом уже с давних пор связывает революционная деятельность вплоть до акций пропаганды и шпионажа в Константинополе и судьба быть изгнанными почти из всех стран Европы (и Балканского региона).

В своей злободневной деятельности агенты удивляются, что Раковский постоянно агитирует «за дело социализма», ведет пацифистскую пропаганду и провокационную кампанию против России, умалчивая при этом, что Германия объявила России войну и что немецкие социалисты в Рейхстаге подали свои голоса за военные кредиты.

Раковский считается германофилом; известно, что он ведет агитацию среди сочувствующих и организует демонстрации. Во время одной из таких демонстраций он разбил окна в редакции газеты, прославившейся своим дружественным отношением к Антанте.

Русская разведка хочет знать, что Раковский, вместе с другими румынскими социалистами, еще до Парвуса не отказывался от оказания услуг в немецком деле для другого хозяина — Румыния, хотя официально (еще) считается нейтральной, тем не менее выступает на русской стороне. Немецкий депутат от социал-демократов Зюдекум заплатил тридцать тысяч марок за то, чтобы защитить в местной партийной газете политику нейтралитета.

Но когда Румыния позже вступила в войну — на стороне России, то в связи с мобилизацией было про-

ведено расследование счетов агентов в «Румынском кредитном банке». Среди получателей немецких денежных переводов значится имя Раковского. Разумеется, он получал крупные суммы, предназначенные «для субсидирования газеты «Лупта». Менее чем за два месяца до этого, 18 сентября, одна русская газета сообщила через своего корреспондента в Италии, что Раковский прибыл туда, вел агитацию за вступление в войну на стороне Германии и попытался завоевать для этой цели газету «Аванти».

Между тем Парвус по пути из Бухареста в Вену остановился на промежуточной станции, чтобы и здесь выстроить сеть для соответствующей пропаганды в социалистических средствах информации и для подпольных кругов в России. Как он узнает от своего давнего товарища, еврейский «Бунд» после начала войны тоже предложил германскому правительству революционную программу, правда, не содержащую такого подробного плана и комбинации социальной и национальной революции, как у Парвуса.

В Вене настроение противоречивое. Доверие к немецкому союзному партнеру переживает кризис; в апреле 1915 года союзная Италия отступает и меняет фронты. По этому поводу Италия обращается в секретной телеграмме к начальнику русского Генерального штаба, генералу Алексееву, с просьбой усилить наступление русской армии на австро-венгерском фланге, чтобы снять напряжение с фронта на Изонцо.

В отличие от его прежних визитов в Вену в этот раз Парвус может встречаться как с социалистическими товарищами по партии, так и с дипломатами германского посольства и австрийского МИДа. Из Вены также текут денежные средства, предназначенные «для русских пацифистов» в Швейцарии. Это видно из направленного в Берлин запроса аккредитованного в Берне посланника, где он задает вопрос, не нужно ли дипломату выделить сумму из своего бюджета, «так как австрийцы не заплатили своей ежемесячной суммы».

В середине мая Парвус прибывает в Швейцарию. Здесь его и его программу ожидает испытание огнем — встреча с Лениным и вопрос, как тот относится к Пар-

вусу и его планам, в которых он все-таки должен играть главную роль. Для Ленина и большевистского крыла революционеров Парвус также категорически потребовал финансовой поддержки в германском МИДе, «чтобы они смогли вести борьбу с царским правительством всеми средствами».

Теперь настало время привлечь Ленина к программе революционизации с немецким финансированием. В общем, Ленин, как и Парвус, находится на позиции «пораженцев», не заинтересованных в русской победе. А в остальном существует еще несколько небольших спорных вопросов, не говоря уже о том, что нужно преодолеть недоверие Ленина и его боязнь быть скомпрометированным своими инвесторами.

В отличие от Парвуса Ленин хочет превратить войну между державами в войну классовую, выходящую за границы своих государств.

Помимо того, Ленин никогда не имел той идеи, которой придерживался Парвус, что пролетарские массы и так уже готовы к революции и только ждут, чтобы их кто-то повел за собой. Ленину же представляется небольшая элитная партия, которая имела бы право совершить такое дело.

Парвус хочет вначале предложить Ленину созыв конференции, на которой разные фракции должны объединиться в единый широкий фронт действий. Ленин выступает категорически против объединения и, более того, пытается уничтожить умеренное крыло меньшевиков.

Парвус тщательно подготовил свое пребывание в Швейцарии. Через свою давнюю подругу и мать его второго родившегося в Петербурге сына, Екатерину Громан, он переправлял нуждающимся русским эмигрантам большие суммы, как бы желая начать предвыборную кампанию. Парвус хорошо знал, что в этих кругах он не пользовался хорошей репутацией, особенно после молвы о его турецком прошлом, а теперь еще и слухов о сотрудничестве с германским правительством, которые делали его фигуру только более одиозной и подозрительной.

Многое в сотканной о Парвусе сети слухов, как правдивых, так и вымышленных, придумал и распространил

провозгласивший себя революционером Карл Радек. Дезертировавший из армии гражданин Австро-Венгрии Радек в свойственной ему манере, замешанной на зависти и цинизме, держал эмигрантские круги Швейцарии в курсе дел Парвуса.

И вот Парвус здесь. Из-за своих широких финансовых жестов он справедливо производит впечатление восточного паши, щедро раздающего милостыню. Парвус выставляет напоказ свое богатство, что оказывает на его соотечественников провокационное действие. Все обсуждают то, что он якобы в фешенебельном цюрихском отеле Baug'au Lac уже на завтрак опустошает бутылку шампанского, окружив себя при этом целым гаремом пухленьких, привлекательных блондинок.

Некрасиво выглядит описание Парвуса, сделанное тогда одним из единомышленников, эстонцем Артуром Зифельдом: «Его массивная, гигантская фигура (...) теперь расплылась и стала жирной. Под широким, как у быка, лицом с высоким лбом, маленьким носом и ухоженной бородкой-эспаньолкой виднелся отвисший двойной подбородок, почти полностью скрывающий шею. Небольшие живые глаза глубоко посажены. Его туловище, как мешок с мукой, держалось на коротеньких ногах, и он постоянно размахивал руками, как бы стараясь удержать равновесие...»

Разумеется, его подруга Екатерина Громан видит все иначе. Это именно она привезла Парвуса к Ленину в Берн, потому что знала, в какой столовой обычно обедает Ленин с женой, Надеждой Крупской, и подругой, Инессой Арманд, и еще с кем-нибудь из эмигрантов. Христо Раковский в Бухаресте и Давид Рязанов в Вене известили Ленина, что Парвус обратится к нему «с интересным предложением».

Ленин и Надежда приглашают посетителя в свою квартиру на Дистельвег, понятно, что предстоящий разговор не предназначен для широкой аудитории.

Странная пара — маленький, резко жестикулирующий революционер с высоким голосом, гортанным «р», с татарскими чертами лица, в небрежном костюме, — а рядом с ним массивная фигура делового светского че-

ловека в темно-синем костюме-тройке, окруженного облаком дыма толстой сигары...

Скромная квартира, кажется, идеально подходит для роли кулис за той сценой, на которой Парвус хочет вернуть свое действие. Время благоприятствует его плану: на самом деле Ленин видел и лучшие времена. По дороге Парвус не упускает возможности напомнить Ленину, какая разница существует между двумя понятиями — иметь и не иметь — и как можно строить другие политические планы, если у тебя что-то есть в кармане. Разве не хватит уже вспоминать о прежних временах?

Где те годы, когда Ленин, живя на и без того выгодные жертвования партии и фондов солидарности, в фазе «экс»(-проприации), после удачно проведенной операции в Тифлисе мог прямо-таки купаться в неиссякаемом денежном источнике! Счет во французском банке «Креди Лионез», квартира в Париже, постоянный загар после пребывания в Ницце, или еще где-нибудь в Кот-де-Азур, или в горах, поездки из одного фешенебельного отеля в другой, а вечерами посещение концертов, от скуки...

Еще важнее: было все, что необходимо для революции. Денег на счетах хватало для всех видов оружия, от револьверов до винтовок, бомб, ножей, динамита, пользоваться всем этим Ленин обучал своих товарищей. Благодаря японцам и состоятельным американским спонсорам отец Гапон, прежде чем инсценировать закончившуюся кровавой расправой мирную демонстрацию в январе 1905 года, создал оружейный склад. После успешной банковской операции в Тифлисе товарищ Литвинов смог предпринять шоп-тур в Европу за оружием и вернулся обратно с тысячами штук штыков, пистолетов, винтовок и миллионами штук боеприпасов. И, наконец, революционеры могли даже зафрахтовать британское транспортное судно водоизмещением в 700 тонн, чтобы переправить оружие по Балтийскому морю в Петербург (что, разумеется, не получилось).

А теперь? Спустя десять лет Ленин мог только мечтать о таких средствах для «настоящей» революции. Узость радиуса его действия демонстрирует комната, в

которой запах шей создает ощущение бедности, помещение, соединенное с кухней, символично для небольшого жизненного пространства, ограниченного в большей степени политическими обстоятельствами, нежели одними только материальными.

При этом Ленина даже в 1915 году нельзя назвать «бедным», подчеркнуто скромный образ жизни нужен в основном для создания имиджа слуги революционным идеалам, но для революции и груженного оружием судна, как это было в 1905 году, средств не хватает.

Раз уж для революционера не принято зарабатывать на жизнь обычным образом, то наружу показывается лишь то, что получено официально. В конце концов, добропорядочный, почти спартанский образ жизни в быту является частью *corporate identity* (англ. — «фирменный стиль». — *Пер.*) профессионального революционера.

Но за счет чего живет революционер, который обычно кормится добровольными и недобровольными «пожертвованиями для партии», если вдруг этот денежный поток останавливается?

Мать Ленина, уже в преклонных годах, высылает ему свою пенсию, которую получает от царя (и это, кажется, не оскорбляет революционного достоинства); теща, которая совсем недавно умерла, оставила небольшое наследство; гонорары за доклады и публикации представляют еще один источник дохода.

То, что Ленин с супругой месяцами отдыхают в Швейцарских горах, а Надежда Крупская может позволить себе сделать операцию на щитовидной железе у лауреата Нобелевской премии Теодора Кохера, служит доказательством того, что о Ленине не стоит беспокоиться даже в это время.

Средства для этого он, конечно, получает неофициально — и по большей части от Парвуса: так, например, крупную сумму в виде якобы «дотации на книгу» от «Союза освобождения Украины» через посредников тех государств, которые в этой акции больше всего заинтересованы, то есть Австро-Венгрии и Германии. С этой суммы он финансирует свою новую газету «Дер Социал-демократ». Кескюла тоже направляет Ленину через

русских посредников деньги на большевистские публикации антирусской направленности. По предложению Парвуса, сделанному в Берлине, они печатаются немецкими властями и в небольших объемах выпускаются в Швейцарии, затем репродуцируются в Германии и через фронт попадают в Россию.

Для всего этого Ленин должен был что-то изменить в своих взглядах, громко и бескомпромиссно высказываемых в начале войны. Не отказываясь от требования мировой революции, теперь он выступает за поражение России «как за меньшее зло» (чем поражении Германии), то есть находится уже на полпути к поддержке немецкой военной политики. Остается главное: сначала победить Россию, а потом революционизировать. Это, правда, не совсем соответствует хронологическому ходу событий, как их представляет себе Парвус, но, по крайней мере, создает основу диалога о его плане.

Чтобы утвердиться перед своими сторонниками в роли революционера, Ленину пришлось немного позже дополнительно к «чересчур бескровному» манифесту Циммервальдской конференции послать еще и свой собственный. Итоговый документ собравшихся на конференцию в швейцарской деревне Циммервальд социалистов левого крыла разных партий дает патриотически настроенной умеренной социал-демократии резкий отказ. Вместо этого выдвигается требование борьбы за мир и «святые цели социализма».

Вскоре после этого Ленин в узком кругу своих единомышленников — Радек, Зиновьев и швейцарец Фриц Платен — собственноручно добавляет следующий постскриптум: «Никакой поддержки дальнейших военных кредитов, осуждение войны в прессе, организация уличных демонстраций против правительства, экономические забастовки и блокады и призыв к братанию на фронте». Все под лозунгом: «Гражданская война, а не гражданский мир!» Разумеется, все это касается только России.

Это теория. А практика слишком далека от нее. Ленин ежедневно просматривал множество газет, которые ему бесплатно предоставлялись в библиотеке. Одна ко-

лонка цифр сменяет другую, объединяя погибших и раненых, взятых в плен и пропавших без вести.

Вначале он радовался любому числу русских жертв, лишь бы они приблизили страну к тому отчаянию, которое выльется в беспорядки и хаос и, наконец, — в революцию! Но постепенно Ленина охватила безнадежность: ничего не движется! И почему только русское терпение так безгранично — кажется, что нет такой горечи, такого унижения, которое было бы способно наконец поднять массы против правительства!

А если — как пишут некоторые газеты — царь действительно должен будет заключить сепаратный мир, тогда можно забыть о революции. С оппозицией, даже с кадетами (конституционными демократами) он еще смог бы договориться — а кому еще нужна революция? Остается только Америка. Прав Троцкий, который там находится, все остальное не имеет смысла. Надя, мы тоже поедem в Америку...

Все эти изо дня в день повторяющиеся мысли Ленина вылились в глубокий вздох, с которым он вошел в квартиру и беспомощно бросил на стол свою шапку.

Тут Парвус, без длительных вступлений, начинает свою атаку, — Ленин и без того знает, зачем пожаловал его посетитель. Они не виделись десять лет, но все-таки пустые предисловия излишни. Парвус сразу же переходит к делу и посвящает Ленина в свой грандиозный план.

Сначала он выводит Ленина из состояния покоя веселой ироничной улыбкой, когда намекает на политические дотации, на которые, он, Парвус, для него раскошелился: платил ли он налоги за определенные поступления из-за рубежа или он вообще уклоняется от этого? Ленин в ответ хитро улыбается: в конце концов, надо быть всегда благодарным за партийные пожертвования...

Парвус переходит к лобовой атаке... «Как обстоят дела с настоящим капиталом? Не нужно? Чем он намерен защитить свою власть, если однажды он ее получит?

Что за мечты о революции! Разве она не требует концентрации всех сил? Сильнейшая из всех сил — это деньги! Они дают нужных людей, оружие, организацию,

убийц, которые уничтожат врага. Как — его не интересуют деньги? Может, он свои партийные газеты бесплатно делает?»

Затем он дружелюбно шепчет, как бы с пониманием к маленьким слабостям, и завлекает, словно Мефистофель, совращает: это же нормально, хотеть быть богатым... Богатство — это власть!

Через мгновение тон его становится умоляющим: «Не теряйте больше времени, Ильич. Второй раз Вам не выпадет такой шанс. Мой план определен: 22 января 1916 года — в годовщину «Кровавого воскресенья». До этого еще надо многое успеть. Чтобы совершить революцию, нужно много денег. Чтобы удержаться у власти — еще больше...»

Потом он убедительно демонстрирует, что это может означать, при этом от его резких жестов поблескивают бриллиантовые запонки, как бы напоминая о его материальном успехе, который, кажется, дает ему право на многое — если объединить средства и силы обоих, Ленина и его самого, да еще с таким мощным союзником! В лукавом взгляде Ленина проскальзывает недоверие. Парвус читает: боится быть скомпрометированным?

«Поверьте моему опыту, Владимир Ильич, на больших делах никогда не попадешься. Только мелкие рыбки попадают в сеть...»

Ленин испытывает отвращение к самоуверенной заносчивости визитера тем более, что он осознает его правоту. И он вынужден выслушать провокационный вопрос: «Вы хотите еще раз провалить революцию?»

«Израиль Лазарич¹, думайте лучше о Вашем провале!» — парирует он и продолжает, намекая на заключение, которого Ленину всегда удавалось избежать: «Петропавловка, петиции об освобождении — это и есть революционный вождь?»

Разгорелся спор — кто и что сделал неправильно в 1905 году, кто провалился. И все же оба, и Ленин, и Парвус, знают, они встретились не ради спора, а ради плана, для которого они нужны друг другу, и еще им

---

¹ Разговорная форма от Лазаревич.

нужно правительство Германии. По меньшей мере, на восемь месяцев...

Так, да или нет?

Ленин пожимает плечами. Он бы охотно согласился на predeterminedенную ему Парвусом в его грандиозном плане роль и поддался бы искушению получить крупные финансовые средства, но боязнь подвергать себя опасности компрометирующего сотрудничества, что, вероятно, не гоже для потенциального вождя России, осложняют его решение. А что, если Парвус сам...

Не «да», но и не «нет». И все-таки это уже значит для Парвуса, что он победил.

Зифельд, который остался в ресторане, наконец, разыскивает Ленина, чтобы узнать подробности встречи с Парвусом. При этом Ленин ему рассказывает, как он заявил Парвусу, что считает его «агентом германских социал-шовинистов и Шейдеманна», с которыми он не хочет иметь ничего общего. Он красочно описывает, как выставил его вон. Эту сцену в своем рассказе Ленин иллюстрирует другу наглядным жестом, озвучив его вульгарным выражением, которое вряд ли можно найти в официальной биографии Ленина.

Швейцарский публицист Эмиль Людвиг называет Ленина «гениальным оппортунистом» и говорит о нем: «Как беспристрастный математик, он готов к любому компромиссу, который ему повелевает время, и при этом остается неуязвимым для любых возражений идеологов...»

С ПОМОЩЬЮ БОМБ И МАГНАТОВ

В конце мая 1915 года игра может начинаться. Проложив путешествие из Берлина на Балканы, а затем через Цюрих обратно на Север, Парвус прибывает в Копенгаген.

Здесь он оборудовал опорный пункт для своей будущей деятельности. Датская столица представляет собой идеальный в политическом и стратегическом отношении

центр для претворения в жизнь его планов, потому что занимает выгодное положение между Петербургом, названным во время войны Петроградом, и Берлином: ведь Парвус хочет связать друг с другом эти метрополии.

Во-первых, Дания занимает нейтральную позицию, вопреки историческому прошлому, и во главе ее стоит правительство, доброжелательно настроенное к Германии. К тому же в стране выявлено мощное социалистическое движение, которое Парвус, принимая во внимание политический аспект своего авантюрного предприятия, может использовать с выгодой для себя. Во-вторых, Дания, как и нейтральная Швеция, которая позволяет осуществлять через финскую границу оживленную связь с Россией, в эти военные годы стала местом встреч агентов обеих сторон.

Здесь происходит обмен информацией среди российских эмигрантов, набираются агенты, отсюда осуществляется контрабанда денег, товаров и информации в Россию. Кроме того, эта оживленная возня возвращается в специально созданное в Берлине «Бюро русской революции», которое работает на треугольник: правительство, командование Генерального штаба и Министерство иностранных дел.

Не только внешнеполитический статус Дании облегчает Парвусу его задачу, высокий уровень безработицы в скандинавских странах благоприятствует привлечению агентов и политических работников.

И не последним, говорящим за то, что это идеальное место для намеченной Парвусом комбинации подпольной деятельности и торговых сделок, является следующее: с начала войны Швеция, где к этому времени общественное мнение находится под влиянием немцев и начинает формироваться положительное отношение к войне Германии против России, и Дания стали ареной и перевалочным пунктом военной торговли, как легальной, так и нелегальной, где можно без проблем заключать сделки с Россией. На русской стороне торговля до сих пор не была ограничена, что же касается немецкой стороны, то Парвус может рассчитывать на особые разрешения, в смысле поддержки его великих планов.

Парвус устраивает себе резиденцию в претенциозной трехэтажной вилле в аристократическом месте Копенгагена — Водрофская, 50Б. Здесь он создает два предприятия, одно из которых представляет собой коммерческую опору и одновременно алиби для деятельности и денежных поступлений другого предприятия, являющегося политической опорой. Его импортно-экспортная фирма служит официальным источником поступления доходов для операций, которыми Парвус занимается с большим размахом, и одновременно ширмой, прикрывающей его революционные цели — посредством поездок торговых агентов в Россию, а также другими способами, поглощающими денежные потоки.

Сотрудники параллельно действующего Института по изучению социальных последствий войны должны заниматься социальными и экономическими исследованиями, но, кроме того, они также являются агентами для подрывной деятельности средствами правительства кайзера.

Парвус пришел к этой идее в поисках способа соединения, координирования и активизации уже существующих революционных центров в России с помощью регулируемых денежных потоков. Теперь он может, ни у кого не вызывая подозрения, отправить своих деловых представителей в Россию, где они смогли бы создать подпольную сеть. Раз Парвус и в самом деле делает бизнес с Россией, ему уже не нужно заботиться о том, как оправдать в России предоставленные ему Берлином средства, поскольку он их не расходует на агентов, печатные материалы, бомбы и гранаты, взрывчатые вещества и огнестрельное оружие и не тратит на Западе. При всем этом у него всегда остается достаточно денег и для себя. Парвус заботится о том, чтобы его торговая фирма сразу же охватила сеть филиалов те страны, с которыми он заключал импортные или экспортные сделки, значит, и Россию. Если он, например, продает товары в Россию, то может сразу же оставлять прибыль там и трансформировать в политические деньги, к которым имеют доступ соответствующие лица. Если он экспортируемые в Россию товары прежде купил на немецкие средства, то таким образом эти политические

деньги «отмыты», а вырученные деньги текут обратно как легально заработанные доходы.

Часть поступлений остается в России, но иногда, отправленные вначале в Скандинавию, они просто возвращаются обратно в Россию. Еще проще и незаметнее происходит денежный оборот, когда Парвус покупает товары под щедрые кредиты правительства кайзера. Обычно срок погашения задолженности определяется так: на период времени от пяти до десяти лет «после окончания войны». Таким образом, он может щедро распределять прибыль прямо на месте и сколько угодно класть себе в карман.

В России этими деньгами кормятся агенты и информаторы, они идут также на оплату саботажников, забастовок и взятки.

Некоторые товары, предназначенные для дальнейшего экспорта или для контрабанды, даже доставляются ему через германскую дипломатическую почту в Копенгаген.

Так Парвус с германской помощью осуществляет экспортные сделки с товарами, которые из-за войны в Германии падают в цене при экспорте, импортирует их в Данию, а оттуда — дальше, в Россию. По официальной торговой статистике России, за 1915 год объем импорта составляет около 24 миллионов рублей, за следующий год меньше — тогда уже сказываются ограничения.

Но даже тут Парвус с умом использует свои привилегии на импорт из Германии товаров, запрещенных к вывозу: он импортирует в то время дорогостоящий энергетический материал — уголь для самой Дании, чтобы тем самым завоевать для своих политических целей и подчинить себе профсоюзы и связанные с ними круги.

Среди обычного населения России и в армии никто не подозревает, что все товары, являющиеся дефицитом: хирургические инструменты, медикаменты, химикаты, — поставляются той страной, которая навязала им эту войну. Цинизм и коммерция соединяются в Парвусе и тогда, когда он импортирует зерно из Румынии — или только по-настоящему тогда — в Германию, когда сохранившая нейтралитет до середины 1915 года страна пос-

ле некоторых колебаний вступает в войну против Австро-Венгрии на стороне России — то есть отныне становится военным и политическим врагом Германии.

Так же легко Парвус организует импорт анатолийского хлопка из Турции, а затем продает его в Россию, когда из-за значительных человеческих потерь на исходе материал для военной формы на вторую волну мобилизации.

Но и предметы роскоши представлены в широком ассортименте Торгового дома Парвуса, который постепенно превращается в торговую империю.

Парвус прикладывает немало усилий, чтобы не путать друг с другом деловые бумаги и круг деловых партнеров. Он участвует в доле прибыли от китобойных промыслов, в торговле китовым усом, бензином, продуктами питания от сардин до риса и фасоли с горохом для широких кругов населения и икрой для более удачливых. Через его письменный стол проходят как каучук, так и один за другим роскошные автомобили фирмы «Адлер», на подобном автомобиле ездит он сам. Парвус даже помышляет о создании собственного автомобильного завода. В Россию продаются дорогостоящие металлы, используемые в военной промышленности, такие как олово, медь, алюминий, или в электрометаллургии, и другие товары, запрещенные для экспорта из Германии в Россию, где с началом войны начал действовать запрет на импорт товаров из Германии.

Транспортный маршрут ведет от Швеции через шведско-финскую границу Гарапанда, во время мировой войны почтовую станцию. Через маленькое пограничное местечко Торнийоки проходят товары «черного рынка», оружие, взрывчатые вещества, курьеры с деньгами или секретными письмами, написанными невидимыми чернилами; здесь на границе в старом отеле проходят контрабандные встречи.

Финляндия уже к началу столетия представляла собой территорию, на которой русские революционеры чувствовали себя относительно уверенно и могли рассчитывать на поддержку сочувствующих им. Если в скандинавских странах, таких как Швеция, достаточно было лояльного отношения, то здесь русским оппозиционерам предоставлялась активная поддержка. Сочувствующие русским ре-

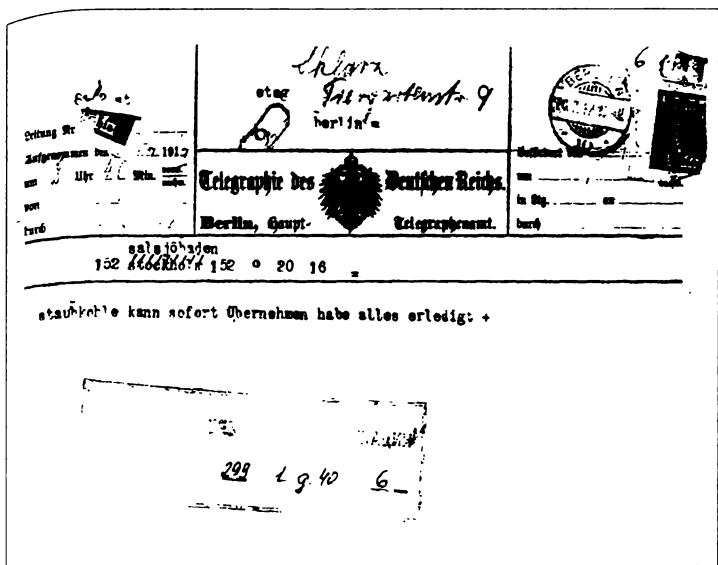
STATISTELEGRASTATION N.º. 10288 Dan. 1915	№ 24	DEN DANSKE STATISTELEGRAF København	Label No. B. 1 Label No. A. Serial No. 41787 and App.
TELEGRA	000	PETROGNA	05 0142214 45W 25 22 21
URGENT - <i>H. G. S.</i>	FUEHSTENBERG 19	<i>Massopol</i>	
<p>Предлагают завина подписат договор тysiacza тонн меди семнадцат тysiacza алюминия двадцат девят по тysiачзе оловасанка и оловасанкитс двадцат три нублеж золотом са пуд чиф архангельск без послыны кроозы немедленно согласие заплата форму ~~МЕТАЛЛОВ~~ ~~КАКОВ~~ ~~БАНК~~ НАШ РЕМБДУНЕ ВАСЗ ЗАЛОЗ</p> <p style="text-align: right;"><i>299. 1. 1915</i></p>			

Из деловых бумаг Парвуса в его Копенгагенской торговой империи. Телеграмма от 25 октября 1915 г. от его уполномоченного в России, Козловского, его компаньону в Копенгагене, Фюрстенбергу, т. е. Ганецкому, об одном готовом к подписанию контракте на поставку меди, алюминия и др. Валютой является золотой рубль

волюционерам в Великом Финском княжестве использовали революционную волну 1905 года в России, чтобы продемонстрировать свое сопротивление русской опеке. Здесь возникли центры обучения террористов, которых инструктировали, как обращаться с бомбами. Революционеры находили здесь приют и убежище — среди них в течение нескольких лет был и Ленин.

Вначале Парвус фрахтует, но вскоре покупает для транспортных перевозок и собственные грузовые суда, которые застраховывает на большие суммы. Они ходят под русским флагом — и обеспечены немецкими гарантиями. Склад он арендует в Лондоне, где для него хранятся товары из Европы и трансатлантических стран.

С одним исключением: склад сподручного оружия и взрывчатых веществ находится у него в Дании. Сделки с Россией Парвус проводит не сам, а через своего ком-

Компаньон Парвуса-Гельфанда Георг Скларц сообщает 20 июля 1917 г. своему партнеру в офисе фирмы в Копенгагене о завершении сделки с углем. Торговля этим дефицитным товаром во время войны должна была послужить поводом сильной критики Парвуса, а также Эберта и Шейдемманна, которые его поддерживали

мерческого и политического компаньона Фюрстенберга. 26 октября 1915 года Парвус получает от него телеграмму из Петрограда:

«Предлагают завтра подписать договор на 1000 тонн меди семнадцать тысяч, алюминий двадцать девять, олово в емкостях и слитках по тысяче каждого по цене двадцать три рубля в золоте за пуд Архангельск без таможенных платежей, сразу телеграфируйте согласие, тип металла и какая банковская гарантия...»

Но это был бы не Парвус, если бы сразу принял предложение: «Цены на алюминий резко возросли, на олово тоже, можем сделать заказ, если рамбурс и гаран-

тии не позднее 10 ноября нового стиля по цене за алюминий 36, оловянные слитки 25, медь 17 рублей в золоте, Хандельсбанк Копенгаген. Условия рамбурса следующие: мы обязуемся поставлять по указанным выше ценам медь электроид, чистый алюминий в банках и слитках по тысяче английских тонн каждого. Поставка на корабле емкостью не меньше четырех тысяч тонн брутто партиями не меньше двухсот тонн каждого металла в течение двух месяцев с момента получения рамбурса. Аккредитив на указанный двухмесячный срок, возврат исключен. Банк оплачивает по прибытии каждого судна в Архангельск или Александровск...»

Заклячая деловой договор с русской фирмой «Помор», Парвус одним махом убивает двух зайцев. Для него открываются сразу две отрасли торговли под одной крышей: рыбный промысел и торговля морепродуктами и линейное судоходство.

В составленном на русском языке нотариальном акте от 14/27 августа 1915 года в Копенгагене написано:

«Между нижеподписавшимся доктором Гельфандом Ал. Л. и А. М. Рабиновичем, которого представляет Павел Иванович Лукошин, заключено следующее соглашение:

1. П. И. Лукошин получил от С. П. Глазенап согласно нотариальному акту с С. П. Глазенап и разрешению министра торговли и промышленности все права и обязанности, касающиеся рыболовецкого акционерного общества «Помор» (уставные документы Общества в высочайшем заверении от 25 апреля 1912 года).

2. С намерением заполучить от П. И. Лукошина все права и обязанности на свое имя или на имя второго лица Гельфанд уполномочивает своего представителя М. Ю. Козловского выяснить на месте все данные, а также навести справки о лицах, которые находятся в связи с данным обществом — в особенности, ведение финансовых дел и общее положение судоходства в России...»

В Уставе общества от 1912 года, то есть тремя годами раньше, записано:

«Разъяснение вопроса о начале деятельности рыболовецкого акционерного общества «Помор» согласно § 1...

По Уставу обществу «Помор» полагается:

1. Рыбная ловля в Белом море, Северном море и других морях, а также торговля рыбной продукцией.
2. Разработка соляных озер и месторождений каменной соли, а также торговля солью.
3. Организация регулярных пароходных сообщений для перевозки грузов и пассажирского движения между русскими и заграничными портами.
4. Помимо торговли рыбой и солью еще нужно добавить «и другими товарами»...

Доходы от пассажирских перевозок на пароходных маршрутах являются и во время войны хорошим бизнесом. Только в европейских морских пассажирских перевозках русские пассажиры составляют девять десятых всего контингента; ежегодно выезжают двести тысяч человек — только по официальной статистике. При создании морского сообщения рынок одновременно подготавливается к послевоенному периоду. Так что не стоит беспокоиться о финансовом положении Парвуса.

Для общей цели, которую Парвус связывает с кайзеровским правительством, ему удается получить от авторитетных ответственных лиц разрешение на вывоз уже распределяемого по карточкам немецкого угля, чтобы продать его прямо по себестоимости профсоюзам Дании. Тем самым можно повлиять на политическую позицию Дании и заручиться ее сотрудничеством для претворения политических планов Парвуса, например в информационной кампании.

При этом Парвус спекулирует тем обстоятельством, что Дания хотела бы стать независимой от прежних английских поставок угля, ставших из-за блокады нерегулярными. С помощью своих политических друзей, немецких социал-демократов Фридриха Эберта и Филиппа Шейдеманна, Парвусу удается повернуть сделку. Названные политики «на короткой ноге» со своими датскими товарищами и усматривают в акции прямой про-

даже угля населению инструмент для углубления отношений с датскими товарищами по партии.

Парвус продолжает развивать немецко-датскую кооперацию. Германскому Министерству военных дел он небезуспешно рекомендует занять датские рабочие силы в немецких машиностроительных предприятиях. Этим он одним махом убивает сразу нескольких зайцев: с одной стороны, датский профсоюз металлургов чувствует себя обязанным Парвусу за снижение уровня безработицы и готов оказать ответную услугу; с другой — он дополнительно пополняет их кассу, чтобы германское правительство впоследствии получило из Дании готовую продукцию — токарные станки; last but not least (англ. — «последнее, но не менее важное». — *Пер.*), он за счет этого лишает квалифицированных рабочих те датские предприятия, которые производили продукцию преимущественно для России.

Что касается услужливых немецких товарищей по партии Эберта и Шейдемманна — кстати, оба поднимаются вверх по карьерной лестнице, — то они могут быть полезны Парвусу в его проекте и для других дел. Они заботятся о том, чтобы задуманная Парвусом применительно к России пораженческая и прореволюционная пропаганда была напечатана. Листовки субсидируются правительственными органами и выпускаются у Дитца в Штутгарте и у Ладыжникова в Берлине. Позже продукция в виде русских рождественских календарей доставляется военным транспортом через границу России.

Из одного секретного отчета следует, что уже в середине марта 1915 года в Тифлис, Одессу, Николаев и Кишинев было доставлено 10 000 листовок на русском и польском языках. В них содержались призывы к забастовкам и направленная против правительства полемика; в Грузии и на Украине одновременно проводилась агитация за выход из состава царской империи. Вот неполный текст выпущенной в мае 1915 года листовки, призывающей к отделению Украины:

«Воззвание Всеобщего Украинского Совета. В этот критический момент, когда мировая война, которая определит судьбу для содружества государств, приближа-

ется к кульминационной точке, в момент, когда решается будущее человечества, Украинский Генеральный Совет — который заменил бывший Национальный Совет и расширил его (он представлял только украинскую часть Галиции, а не всю Украину), торжественно заявляет перед лицом всего мира от имени украинского народа следующее...»

Далее следуют указания на прежние декларации и манифесты 1912—1914 годов, пока не звучит следующее: «...Мы выражаем уверенность, что будущее, свобода и независимость Украины полностью зависят от окончательного поражения царской империи. Исходя из этих соображений, мы непреклонно находимся на стороне Австро-Венгерской монархии, ее сильного союзника, Германии, а также Турции, которые ведут оборонительную войну против русской захватнической политики...»

Немного позже то же самое воззвание вновь циркулирует, только оно дополнено еще несколькими программными пунктами, первый из которых — процитированное выше признание Австро-Венгрии противником войны, далее написано следующее:

«2. Наше желание в отношении территории Украины, в настоящее время томящейся под русским гнетом, — создание свободного и независимого украинского государства.

3. Наша программа применительно ко всей украинской нации — полная национальная свобода...»

После дальнейших требований и заявлений о намерениях манифест заканчивается:

«Это освобождение обязательно в интересах человечества, цивилизации, демократии и свободы.

От Комитета Украинского Генерального Совета: Николай Василко, Бачинский, Николай Ганкевич. Председатель Лиги освобождения Украины В.Скоропис-Голтуховский».

Написание текстов выдает почерк Парвуса. Так это кажется и начальнику парижского зарубежного бюро охраны «По особым поручениям», который в своем подробном отчете начальнику полиции за истекший 1915 год от 22 февраля 1916 года рассматривает по порядку многочисленные работы своих сыщиков, рассыпанных по всей Европе; при этом узнаешь кое-что о том, каким активным был Парвус:

«...Одновременно с началом войны Австро-Венгрии с Россией австрийское правительство приняло меры, чтобы разжечь в России революционные беспорядки. С этой целью австрийские политики предложили некоторым русским политическим эмигрантам, находящимся в Австрии, выехать в Россию, — снабдив их фальшивыми паспортами, — и проводить там революционную пропаганду; этим лицам также были предложены соответствующие денежные суммы.

Насколько они воспользовались этим предложением, не доказано, но среди тех, кто сохранил в Австрии место жительства, преимущественно в Галиции, много бывших членов «Спилки», которые на эти средства начали открыто разжигать пропаганду с целью революции украинцев в России.

Из этой группы известны: Д. Донцов, М. Меленевский (предположительно настоящее имя — Иван Гилка, Басок — его писательский псевдоним)¹, В. Доровшенко, О. Скоропис-Голтуховский, Микало Тротцкий, А. Шук и член партии социал-революционеров, бывший студент Киевского университета Михало Зализняк.

Все перечисленные лица происходят из Киевской губернии.

На средства и по инициативе австрийского правительства названными лицами во Львове² тоже был организован «Союз освобождения Украины». Впоследствии он переехал в Вену.

---

¹ Марьян Меленевский-Карский уже в Константинополе подерживал украинское движение и его «Союз», пока в 1910 году не появился Парвус и не взял на себя эту задачу.

² Лемберг.

Параллельно с деятельностью Меленевского в Константинополе неким Гельфандом — «Парвусом», тоже проживающим в этом городе, было организовано отделение «Союза освобождения Украины», а вскоре после этого именно Меленевский и Гельфанд, который к этому времени пользовался значительным влиянием в турецких правительственных кругах, а также у немецкой и австрийской социал-демократии, создали тоже в Константинополе «Зарубежный комитет Украинской социал-демократической партии». Меленевский жил преимущественно в Константинополе и был делегатом «Союза освобождения Украины», имел там собственную типографию и получил от турецких властей право беспрепятственно выпускать публикации «Союза» и другой направленной против России революционной литературы.

Основные задачи «Союза освобождения Украины» следующие: во-первых, оказывать влияние на общественное мнение во всех враждебно настроенных по отношению к России, а также нейтральных странах; помимо этого, «Союз» издает на немецком языке в Вене «Украинские новости», а в Лозанне — «La Revue Ukrainenne» и публикует многочисленные воззвания, брошюры и книги, почти все на иностранных языках.

Во-вторых, задачей «Союза» является организация революционного движения в России. С этой целью «Союзом» на русском языке издается журнал «Вестник «Союза освобождения Украины», а также воззвания и брошюры, предназначенные для распространения в России, при этом «Союз» нередко прибегает к уловкам, издавая такие печатные материалы для видимости от имени других революционных организаций в России, от имени Украинской социал-демократической партии, а также грузинских и армянских социалистов.

Первая изданная «Союзом» прокламация была предназначена для русских революционеров и названа «К борьбе за демократию — против царизма». Смысл ее состоял в призыве способствовать поражению России, потому что это необходимо для всей европейской демократии, для чего в России должны провоцироваться восстания, чтобы облегчить немецким и австрийским борцам нанесение царизму смертельного удара «извне».

Далее в прокламации речь идет о том, что якобы только германское и австро-венгерское правительства являются абсолютно демократическими и только от них русский народ сможет ожидать тех политических свобод, которые ему необходимы.

Русскими социалистами за границей эта прокламация была воспринята крайне негативно, а именно преимущественно благодаря тому обстоятельству, что в ней была отчетливо выражена продажность ее авторов.

После этого манифеста «Союз» выпустил еще ряд прокламаций для немцев, австрийцев и турок с просьбой раз и навсегда освободить украинский народ от русского ига.

В этом направлении деятельность «Союза» развивается и до настоящего времени.

По случаю взятия Варшавы¹ он выразил Вильгельму II и Францу Иосифу свою радость и признательность. По поводу взятия города Холм немецкими войсками «Союз» отправил генералу Макенсену телеграмму следующего содержания:

«Союз освобождения Украины» — организация российских украинцев — имеет честь поздравить Ваше Превосходительство и славную немецкую армию, находящуюся под Вашим командованием и уже сражающуюся на украинской территории, с взятием Холма, бывшей столицы украинского Галицко-Владимирского княжества».

Макенсен ответил «Союзу» следующим образом:

«Немецкие солдаты благодарят за поздравление с завоеванной территорией».

Подобные телеграммы публикуются во всех немецких и австрийских газетах, чтобы в глазах общественности создать впечатление освободительной войны.

Соответствующая деятельность «Союза освобождения Украины» под руководством Гельфанда — «Парвуса», который сам не имеет никакого отношения к Украине, совершенно очевидно расценивается как купленная акция со стороны враждебно настроенного к

---

¹ В августе 1915 года столица была отделена от русской части Польши.

России государства и вызывает протесты среди настоящих украинцев.

Такую ответную реакцию представляет собой статья Александра Верховского «Протест», вышедшая в № 424 газеты «Дер гроссе океан» в Сан-Франциско, имею честь отправить Вам для сведения в приложении один экземпляр этого номера.

Париж, 1/14 февраля 1916 года
Статский советник К...»

Между тем Парвус работает над своей торговой империей.

Он лихорадочно открывает одну фирму за другой. Совместно с американскими партнерами возникает «Американо-Скандинавско-Русское акционерное общество» (АСРА). Исполнять обязанности директора в нем Парвус назначает американца Карла Смита, обычно он предпочитает плести интриги за кулисами, выставляя на передний фронт своих партнеров.

Это касается и его товарищей из прежних времен — польского революционера Якова Фюрстенберга, то есть Ганецкого или Ханецкого (псевдоним «Куба»). Он одновременно занимает наблюдательную позицию, на которую его отправил из Цюриха его друг Ленин. Фюрстенберг назначается Парвусом на должность коммерческого директора и управляющего по экспорту.

Через год нелегального бизнеса и после препритательства со страховой компанией из-за затонувшего транспортного судна Парвус должен отделиться от него, по крайней мере, территориально, потому что Фюрстенберг продолжает вскоре после этого работать на него в Стокгольме.

Его место в Копенгагене занимает уже работающий на Парвуса немец Георг Скларц, которому он дает долю в своем предприятии. Речь идет о немецком военном агенте, который был «предоставлен» Парвусу МИДом Германии, чтобы не только поддержать его контакты с Берлином, но и контролировать их.

Скларц — один из трех братьев, каждый из которых в той или иной форме служит Германии. Их деятель-

ность, а также других близких сотрудников в штабе Парвуса, проливает свет на темные механизмы политической игры и среди ее действующих лиц.

Существует восемнадцать персон, которых Парвус потоянно использует в качестве агентов в Копенгагене, восемь из них находятся здесь постоянно, а десять курсируют между скандинавскими странами и Россией. Они вносят деловой или конспиративный опыт — или и тот и другой — в общую схему.

Георг Скларц, к примеру, имеет опыт в транспортном деле, который приобрел в немецком международном обществе транспортных перевозок. Его шефом был русский эмигрант Хаим Виткин, которого Парвус также принимает в свою торгово-экспортную компанию. Официально ни Парвус, ни Скларц не указаны в руководстве предприятия.

Официально Георг Скларц является владельцем берлинской экспортной фирмы в Копенгагене, а неофициально — шефом общества контрабандистов в Скандинавии в российском направлении. В действительности у него гораздо больше дел, кроме этих: получив секретное поручение вести экономический шпионаж для отдела военной разведки германского Генерального штаба, он становится очень занятым человеком.

Братья Скларц, Вальдемар и Генрих, занимаются шпионажем в Копенгагене. Все трое собирают информацию об экономическом положении союзников. Для этого Георгу Скларцу оказывается помощь со стороны Генерального штаба для транспортирования (в большинстве случаев нелегальных или подпавших под военный запрет) немецких грузов в Скандинавию и через нее. Как должно выясниться, Парвус будет также рассчитывать на Скларца, а вместе с ним и его немецкий заказчик, в отношении деликатной перевозки одной персоны: Ленина.

Скларц полезен для Парвуса не только ценной информацией секретной службы, но еще и деловыми контактами. Вскоре предприятие разрастется до Швейцарии, Нидерландов, вплоть до Соединенных Штатов. Из этих стран торговая группа получает свой товар, от сырья до продуктов питания (последние поступают от

фирмы Нестле из Швейцарии), химических материалов и машин, одновременно с товарами из Германии от карандашей до тканей и одежды, от медицинских приборов, презервативов до «стратегических металлов» и гранат фирмы Круппа.

Все это затем отправляется в Россию. Самую большую прибыль Парвус получает от дальнейшего нелегального экспорта товаров, на вывоз которых наложен запрет страны-производителя или на которые существует торговая блокада России с военным противником. Так, например, Россия до начала войны импортировала карандаши непосредственно из Германии; с августа 1914 года с этим было покончено, и они превратились в дорогостоящий дефицитный товар или в товар «черного рынка». Парвус без особого труда восполняет этот пробел с момента, когда его компаньон Фюрстенберг начинает работать в Стокгольме, привозя карандаши из Германии в Швецию и транспортируя их оттуда через Финляндию по железной дороге в Москву.

С помощью Скларца Парвус создает в стране назначения, России, собственную сеть распределения. Как только товары пересекают финско-русскую границу, их принимает представитель фирмы Фабиана Клингсланда, управляющим которой в Стокгольме является Фюрстенберг, и распределяет далее торговцам и торговым агентам. Доходы отправляются обратно в Скандинавию сотрудницей фирмы Клингсланда Евгенией Суменсон.

Эта торговая сделка является прикрытием для финансовой транзакции между организацией Парвуса и Петроградом в подготовке революции. Шеф Петроградского филиала, представитель Клингсланда в России, а также сожитель упомянутой бухгалтерши Суменсон — старый друг Парвуса, адвокат и большевик польского происхождения Мичислав Козловский (псевдоним «Шустрый»).

Он родился в 1876 году, в 1893—1894 годах проявлял активность в революционных кружках в Вильнюсе и в начале нового столетия вступил в социал-демократическую партию Литвы. Он также стал сотрудником ленинской газеты «Искра» и присутствовал на всех партийных конгрессах российской рабочей партии, во время ее рас-

кола присоединился к большевикам. С 1909 года был членом большевистского комитета в Петербурге.

С лета 1915 года он служит в фирме Парвуса-Фюрстенберга адвокатом и является ее уполномоченным в Петрограде. Свою контору на улице Сергиевке рядом с Таврическим дворцом (штаб Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов) он разделяет еще с одним товарищем по убеждениям, петроградским адвокатом Николаем Д. Соколовым, который впоследствии возглавит Петроградский Совет и во время одного из своих потрясающих выступлений будет так избит возмущенными слушателями, что его придется госпитализировать. Через пару кварталов от Козловского живет Суменсон.

Козловский надежно манипулирует отмыванием денег, отделяя друг от друга политические и деловые финансовые каналы, вновь перемешивает их под своим контролем и добросовестно отчисляет часть поступлений от торговой сделки в партийную кассу или выделяет их тем лицам, которым нужно платить за осуществление революционной деятельности в качестве агитаторов, при организации забастовок или за акты саботажа. Впрочем, сами забастовщики стоят денег: по инициативе Парвуса каждому бастующему предлагается 1,50 марок¹ за день простоя. Получается круглая сумма.

Но и на отношении Суменсон к работе, чья задача состоит только в ведении бухгалтерии и переводе денег с одного счета на другой, тоже можно положиться: она в родственных связях с братьями Фюрстенберг-Ганецкими, наиболее активный из которых, Яков, работает на Парвуса, будучи ближайшим доверенным лицом и поручителем Ленина.

Как и Козловский, Суменсон родом из Варшавы и происходит, как и он, из буржуазной среды. В 1915 году она становится представительницей варшавского бизнеса Фабиана Клингсланда в Петрограде. Впоследствии Парвус приглашает ее для проведения финансовой транзакции своего Торгово-экспортного общества в Копенгагене с Россией. Когда польская фирма Клингсланда получит разрешение на продажу фармацевти-

---

¹ Это соответствует в 2000 году DM 15.

ческой продукции в России, а позже и на продажу продуктов от швейцарской фирмы Нестле, Суменсон будет поручено хранить доходы «на специальном счете в Петроградском банке». Их поступления переводятся в банк «Ниа Банкен» в Стокгольме на имя Фюрстенберга.

Родственник Суменсон Яков (Якуб) С.Фюрстенберг, он же Ганецкий (Ханецкий) с партийной кличкой «Куба» является самой яркой фигурой в ролевой игре Александра Парвуса. Он родился в зажиточной варшавской семье и был более чем на десять лет моложе Парвуса, революционную активность начал проявлять уже в школьные годы. Во время учебы в Берлине, Хайдельберге и Цюрихе он уже состоял в социал-демократической партии Польши и встретился с Лениным на конгрессе в 1903 году, будучи ее делегатом.

Вскоре после этого Фюрстенберг стал членом Центрального комитета большевистской партии и российского партийного бюро. Это он организовал в 1912 году переезд Ленина из Парижа в Краков, что позволило Ленину легче переправлять свою партийную газету через границу Галиции в Россию и пользоваться поддержкой с немецкой и австрийской сторон.

Когда Ленин в начале войны в 1914 году вместе с несколькими единомышленниками находился в заключении в тюрьме в Галиции, то именно Фюрстенберг обратился за помощью к Виктору Адлеру — и ему удалось вызволить Ленина с помощью премьер-министра графа Штюрка. Впрочем, Фюрстенберг женат на кузине Адлера, урожденной Гизе Адлер (дочери Адольфа Адлера).

Итак, Фюрстенберг — помощник Ленина в шекотливых делах. Когда Ленин и партия были основательно скомпрометированы двойным агентом Малиновским и попали в затруднительное положение, то Фюрстенберг снова спасает его, а стало быть, помогает партии не потерять свое лицо «за неимением доказательств».

Когда Парвус в мае 1915 года находился в Цюрихе и вербовал в кругах революционных эмигрантов своих сотрудников, Ленин настоял на том, чтобы Фюрстенберг поехал с Парвусом в Копенгаген, не позволив последовать за Парвусом Бухарину.

Только в Фюрстенберге Ленин видит надежного осведомителя, который снабдит его всей интересующей информацией о действиях Парвуса, воспринимаемого Лениным как конкурента. Впрочем, он приставляет кое-кого и к Фюрстенбергу — как известно, «доверяй, но проверяй», это Александр Шляпников (псевдоним Беленин). Он предостерегает его от Фюрстенберга, который хоть и обладает «деловым и конспиративным талантом», но у него не очень «симпатичный характер».

Итак, Фюрстенберг, который еще недавно сопровождал Ленина в Цюрихе, действует теперь в первую очередь как компаньон Парвуса. Кроме того, Фюрстенберг имеет многолетний опыт контрабандистской работы с подпольной литературой. В своем новом качестве он может развернуть этот талант, и он организует на широкую ногу контрабанду товаров «черного рынка» в Россию. Но однажды органы перестают мириться с этим. Фюрстенберга арестовывают «из-за торговли термометрами без лицензии». Честно говоря, он уже давно для органов как бельмо на глазу; из-за скандала со страховой компанией по поводу затонувшего грузового судна он привлек к себе серьезное внимание — поэтому такой относительно пустяковый случай обернулся для него злым роком. Нейтральные страны, как Дания, снова и снова пытаются бороться с опасностью, быть не чем иным, кроме рая для «черного рынка», чтобы не слишком сильно испортить отношения с союзниками.

Фюрстенберг попал в тюрьму¹, где его, по просьбе Ленина, посещают прежние соратники по борьбе, например Моисей Урицкий (помощник со времен «Правды» в Вене), и приносят ему письма и подарки. Урицкий, позже председатель Петроградской ЧК, работает на Парвуса и исполняет или доставляет курьерские поручения в Россию.

Выплатив денежный залог, Парвус освобождает Фюрстенберга, который все же должен покинуть Данию как

---

¹ Советские справочные издания тактично замалчивают это обстоятельство, т. к. известно, что Ленин был в контакте с Фюрстенбергом; согласно Большой советской энциклопедии он вообще приехал в Скандинавию в 1916 г.

persona non grata без права на возвращение — ведь с тем, чтобы «что-то было неладно в Датском королевстве», страна не хочет мириться даже в военные годы.

Фюрстенберг переезжает в Стокгольм, где вместе с Александром Шляпниковым и его сообщником Богровским, позже с Карлом Радеком, продолжает как в бизнесе, так и в политике работать на Парвуса, точнее — на Ленина. Со временем Парвус тоже переводит местонахождение своей торгово-экспортной фирмы к Фюрстенбергу в Стокгольм.

В Копенгагене Парвус остается со Скларцем и поддерживает постоянный телеграфный, а зачастую и личный контакт с Фюрстенбергом. Когда Фюрстенберг покидает Стокгольм, чтобы, например, поехать на финскую границу — его супруга Гиза (урожденная Адлер) заботится об офисе. На ее сознательность тоже можно положиться. Член партии с молодых лет, она окончила торговую школу в Кракове и работает у своего мужа и Парвуса бухгалтером.

Фюрстенберг по-прежнему остается в Стокгольме директором фирмы «Фабиан Клингсланд» и шефом Евгении Суменсон, с которой он ежедневно обменивается телеграммами. Вопросы продажи и перевода денег в Петроград и из него она решает с ним, а относительно поставок товаров, продуктов питания и муки договаривается непосредственно с Нестле в Вевье. Для фирмы Нестле общение с русскими было привычным делом, так как в Вевье жили многие русские эмигранты, один из которых стал представителем фирмы в России, прежде чем Клингсланд взял на себя эту задачу.

Деятельность революционера и магната в одном лице не удалось скрыть от зорких глаз охранки. Не зря же эта организация располагает более 20 000 агентов, которые для того и существуют, чтобы фиксировать, наблюдать, инфильтрировать, ферментировать и ослаблять революционное движение в стране (России) и за рубежом.

Один находящийся в Копенгагене агент тайной зарубежной разведслужбы России в 1915 году докладывает своему руководителю, начальнику полиции Петрограда, позднее ставшему министром внутренних дел, Степану Белецкому:

«Его Превосходительству

Степану Петровичу.

Милостивый государь!

Ввиду дружеских отношений между Данией и Россией немцы предпочли налаживать связи с Россией через датские фирмы и организовывать свои аферы под коммерческим прикрытием.

Во главе всех их, работающих на территории Скандинавии на поражение России — как внутри, так и внешнеполитическое, — стоит доктор Гельфанд (Helphand) со своим помощником Фюрстенбергом и уполномоченным Козловским и многими другими, о которых я уже имел честь сообщить Вам.

Помимо коммерческого прикрытия, у доктора на службе находится множество агентов во всевозможных странах, предположительно уполномоченных заниматься исследовательскими заданиями, например финансовыми мероприятиями в войне, но на самом деле, например, снижением курса рубля, чтобы воспрепятствовать тем самым своевременной поставке товаров военной необходимости из нейтральных стран.

В последнее время доктором Гельфандом изданы многочисленные брошюры: это циркулярные послания с призывами к революции в России. По его прибытии Козловскому были переданы более 200 машинописных страниц текста, предположительно находящегося в настоящее время в квартире Фюрстенберга (Мартинс, 9Б).

Но деятельность доктора Гельфанда на благо Германии этим ни в коем разе не исчерпывается: в отеле «Конг Фредерик», номер 41, проживает агент или подруга доктора Гельфанда — Радегонде Капровски Лоуренсен. Эта дама поддерживает отношения с одним датским лейтенантом, который периодически навещает ее по нескольку раз в день, иногда (...) ¹ в присутствии других офицеров (...), в большинстве случаев они, переодевшись, появляются снова; расспросив портье отеля, можно легко установить имя лейтенанта и других соучастников. Для лучшего контакта с этой женщиной секретарь доктора (Helphand), Фюрстенберг, тоже остановился

---

¹ Пропущено в оригинале.

в отеле «Конг Фредерик» на целый месяц и был курьером этой организации. Директор одного банка из Лодзи, Феликс Нельсен, имел с ним дела и проживал в номере 2 отеля «Конг Фредерик».

Соблюдаемая осторожность и конспиративный характер их действий видны из следующего факта: по прибытии из Петрограда в конце июля 1915 года Козловский с Фюрстенбергом вначале проживали в отеле «Калбиоренсгад», 18, через несколько дней переехали в «Скатсборг Сабад отель»; в середине августа Козловский уехал в Россию, а Фюрстенберг поменял отель на отель «Клопенберг Фенсила Хансен», комната 82; там пробыл недолго и после нескольких конспиративных встреч с сомнительными личностями из России и других стран переехал в отель «Монополь», через некоторое время он, наконец, вновь очутился в отеле «Конг Фредерик».

Деятельность этой организации можно остановить только репрессивными мерами как по отношению к перечисленным в моем первом списке, так и по отношению к проживающим здесь — в противном случае от них можно ожидать много неприятностей.

С глубоким уважением и всегда к Вашим услугам
преданный Вам

Бурштейн

P.S. Козловский вернулся 2.12 вместе с Гельфандом из Стокгольма и Берлина».

Тот же агент охраны докладывает из Стокгольма в конце года, ставшего таким удачным для Парвуса:

«Гранд-отель „Реваль“, Стокгольм, 12 декабря 1915 года.

Его Превосходительству Степану Петровичу.

В конце ноября 1913 года я имел честь передать лично Вашему Превосходительству записи о нелегальной деятельности судоходных компаний в России, занимающихся перевозкой пассажиров в Америку, во главе ко-

торых находились Мясоедов, Фрайберг, Фальк и К°, которые сейчас находятся под арестом (...)

Во время моего пребывания в Копенгагене по торговым делам я установил, что глава революционеров, Доктор А(лександр) Л(азаревич) Гельфанд, уполномочен германским правительством и получает крупные суммы для разжигания в России беспорядков.

Прошло всего несколько месяцев с момента переезда в Копенгаген упомянутого Доктора Гельфанда (российского гражданина, хорошо известного отделу полиции), который раньше по поручению правительства германского рейха организовал долгосрочный заем для Турции; здесь он развернул широкую деятельность, направленную на осуществление революции в России. Он делает это с помощью своего уполномоченного Мечислава Юльевича Козловского, проживающего в Петрограде на Сергиевской, 81, и тоже известного полиции — по его деятельности в 1905 году и его выступлениям в Вильнюсе совместно с Врублевским и другими...»

Далее следует точное перечисление, когда Козловский вызывался Парвусом в Копенгаген, когда он — предположительно 14 августа 1915 года — опять поехал в Россию, а оттуда в Берлин, там встретил Парвуса и, получив от него указания, опять поехал в Россию. Затем отчет продолжается.

«...Месяц назад Козловский опять был вызван, он все время находится здесь, получает крупные суммы и придает своим поездкам деловой характер.

Это излюбленный метод немцев — придавать своим политическим агентам определенную коммерческую составляющую.

Для маскировки своей деятельности Доктор Гельфанд открыл несколько офисов, якобы осуществляющих экспорт товаров в Россию, остальные якобы служат научным целям. Одна контора находится на Остергард, 58, ее возглавляет Яков Фюрстенберг, известный революционный агитатор из Варшавы.

Благодаря Козловскому ему удалось избежать тюрьмы и скрыться в Австрии. Там он находился под защитой немцев и австрийцев и мог, невзирая на свое российское гражданство, в любое время свободно передвигаться из страны в страну...»

Далее речь идет о псевдокоммерческой деятельности, которой Фюрстенберг и Парвус все-таки уделили достаточно времени, издавая революционные журналы, выходящие за границу, о встречах Фюрстенберга с другими лицами из России — со своим братом, затем с неким Стояновым и из других фешенебельных отелей («Палас», «Конг Фредерик»), в которых они обычно останавливались. Не совсем точный отчет дальше звучит так:

«На основании деятельности Козловского и других, о которых я расскажу в следующих записках, вырисовывается действительная картина работы с Россией, о чем я дам устные разъяснения.

В интересах безопасности России я предлагаю незамедлительно арестовать Козловского по его прибытии в Россию и закрыть его конспиративное бюро, которое он держит в своей официальной конторе на Сергиевке, 81.

Кроме того, надо затребовать копии всех телеграмм, поступивших из-за границы на имя Козловского, а также те, которые отправлены им в последние месяцы с подписью (Мечислав) или без нее. На имя Фюрстенберга на два адреса: Кольбиорензаде, 18, или Остергаде, 58, или на имя Гельфанда...»

Далее следует еще одна рекомендация по поводу мер, применимых к купцу по фамилии Розалер, который общается с другими революционерами в России за столом завсегдаев одного петербургского кафе. Потом корреспондент еще раз переходит к разговору о компании Парвуса Фюрстенберге:

«Насколько немцы доверяют Фюрстенбергу и используют его, видно из того, что его жена только два с

половиной месяца назад, несмотря на ее российское гражданство и их шпиономанию, приехала из Берлина — так же, как и их другие друзья из Польши, по-видимому, желанные гости Доктора Гельфанда.

О дальнейших фактах этого дела я буду иметь честь рассказать Вашему Превосходительству лично при встрече.

(...) С. И. Бурштейн»

Известна ли Парвусу степень осведомленности русской контрразведки о его делах, или он просто старается избежать излишней утечки информации: в любом случае он пытается по возможности пользоваться услугами симпатизирующих его целям кругов. Также и в денежных расчетах.

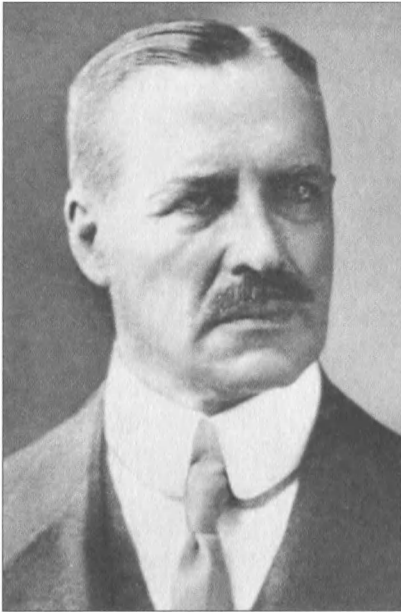
То, что Парвус выбрал из многочисленных банков, через которые он проводит сделки, для особых коммерческо-политических денег банк «Ниа Банкен» в Стокгольме, так же не случайно, как и выбор контактного банка в России — «Русско-азиатский коммерческий банк», в правление которого входит товарищ Красин. В лице директора и основателя «Ниа Банкен» в Стокгольме, Олафе Ашберге, Парвус встречает сочувствующего русскому революционному движению. Даже когда позже на допросах он будет это отрицать, доказано, что Ашберг оказывал щедрую финансовую поддержку большевистскому движению.

Ашберг основал «Ниа Банкен» (Новый банк) в 1912 году с целью сделать услуги банка доступными и для рабочих слоев. Впоследствии все больше и больше русских эмигрантов и бизнесменов становились его клиентами.

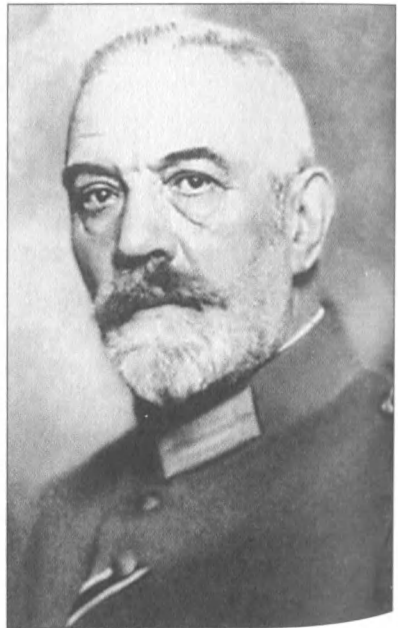
Однако симпатия Ашберга к русским революционерам не препятствует его деловой практике, когда он в 1915 году добился в США кредита для русского правительства на финансирование военных грузов; но одновременно с этим он прокручивает деньги предприятия Парвуса — Фюрстенберга из Петербурга и обратно. Он помогает большевикам при нелегальной покупке ино-

Александр Парвус —
псевдоним Израиля Лазаревича Гельфанда

Конрад Фрайхерр фон Вангенхайм, немецкий посол в Константинополе в 1915 г., когда Парвус впервые выступил с предложением революционизации России

Немецкий рейхсканцлер Теобальд фон Бетманн-Хольвег, который задавал политическую линию германского рейха в Первую мировую войну до июля 1917 г.

Здание Кайзеровского немецкого посольства в Константинополе в XIX веке. Здесь Парвус выступил в 1915 г. со своим предложением революционизировать Россию

Царь Николай II
(1868—1918)

В заговоре против России объединились (слева направо): рейхсканцлер Бетманн-Хольвег, унтер-, а позднее госсекретарь Готтлиб фон Ягов и Карл Хельфферих, госсекретарь Имперского казначейства

Владимир Ильич Ленин (Ульянов)

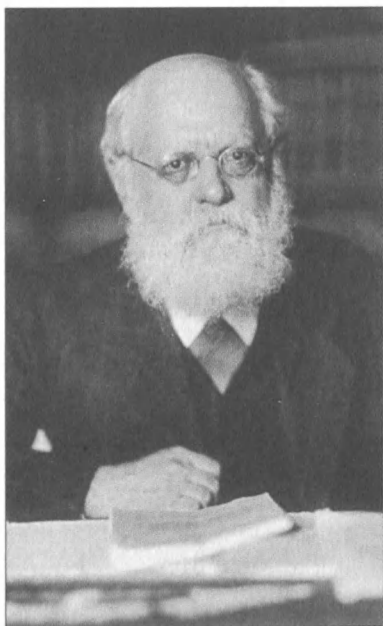
Яков Фюрстенберг,
он же Ганецкий, польский
большевик и связной Ленина
и Парвуса

Лев Давидович Троцкий,
он же Бронштейн, сначала
ученик Парвуса, затем его
противник

Виктор Адлер
(1852—1918), руководитель
партии социал-демократов
в Вене

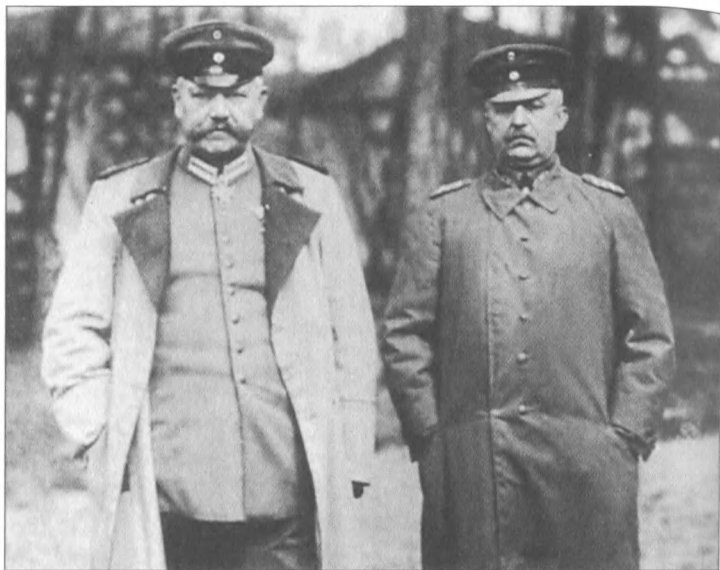
Карл Каутский
(1854—1938), известный
немецкий социал-демо-
крат

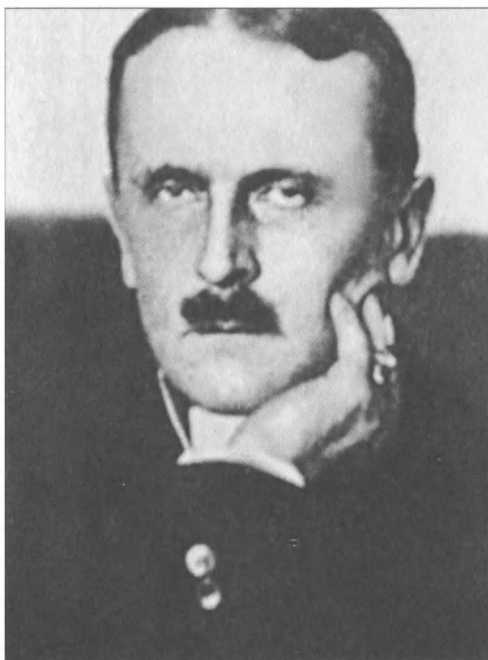
Парвус в 1905 г. в возрасте 38 лет

Генерал Эрих Людендорфф,
начальник Генерального штаба в Первую
мировую войну. Приветствовал немецкую
политику революционизации согласно
программе Парвуса как поддержку воен-
ных операций Германии на Востоке

Генерал Пауль фон Гинденбург (слева),
главнокомандующий 8-й армией в Первую мировую войну
с 1916 г., и начальник Генерального штаба сухопутных войск
и генерал Эрих Людендорфф

Ульрих граф Брокдорфф-Рантцау (1869—1928), во время Первой мировой войны немецкий посол в Копенгагене, а для Парвуса — важнейший представитель МИДа в реализации революционной программы 1915—1917 гг.

Артур Циммерманн,
госсекретарь в Германском МИДе до 1917 г.

Рихард фон Кюльманн,
сменил Циммерманна в 1917 г. на посту
германского госсекретаря

Диего фон Берген,
советник посольства в МИДе Германии:
в его руках находились нити контактов
и информация из посольств Германии
в нейтральных государствах
о революционерах

Владимир Бурцев,
революционер, позже журналист,
после попытки Ленина совершить путч
в июле 1917 г. раскрыл связь Ленина
через Парвуса с Берлином

Александр Керенский (в центре), адвокат, член рабочей партии, во Временном правительстве 1917 года министр юстиции, затем военный и морской министр и, наконец, министр-председатель. До ленинского государственного переворота верил во власть большинства умеренных партий

странной валюты и сохраняет их партийные деньги. Поскольку американский кредит предусмотрен также для покупки боеприпасов, то его нужно — в прямом смысле слова — «превратить в прах»: на готовую к отгрузке партию боеприпасов при отправке в порту Нью-Йорка совершается покушение со взрывом, и все содержимое взлетает в воздух.

Достопочтимый директор банка Ашберг работает вместе именно с теми сообщниками из окружения Парвуса, которые в своей крутой партийной карьере отличились успешным проведением нападений на банки для партийной кассы — Леонидом Красиным и Вацлавом Воровским.

Пятью годами позже Красину будет позволено по поручению Ленина поехать в Лондон, чтобы официально провести переговоры о заграничных активах прежнего царского правительства против внешних долгов — в действительности, чтобы продать драгоценные камни, принадлежавшие царской семье, а на вырученные деньги субсидировать Британскую коммунистическую партию и газету «Дейли Геральд».

Леонид Красин является старым заслуженным большевиком. Он сделал выдающуюся карьеру в этом качестве. Чтобы наладить контроль над революционной и коммерческой деятельностью на российской стороне программы, Красин с места оказывается в правлении Русско-Азиатского коммерческого банка в Петрограде. Его директором является владелец самой большой русской оружейной фабрики, Путиловских заводов в Петрограде. Этот относящийся к категории самых крупных русских банков институт является русским банком-посредником «Ниа Банкен» в Стокгольме для оттока денежных средств Парвуса из Петрограда в Скандинавию. Здесь Евгения Суменсон обычно хранит деньги, которые должны вернуться в Стокгольм.

То, что в Наблюдательном совете крупного банка находится бывший банковский грабитель, может удивить только того, кто отклоняется от прямого пути революционной логики. Литвинов, ставший впоследствии

дипломатом, и его брат тоже принимали участие в ограблении банка в Тифлисе — вместе с молодым грузинским революционером Джугашвили, то есть Сталиным, и Красиным. Ограбление сопровождалось множеством человеческих жертв. В Париже при попытке обменять часть денег Красин был арестован, а спустя годы он оказался на посту советского министра иностранных дел и депутатом ООН...

Красин на службе у Парвуса получил высшую квалификацию первоклассного двойного агента. В годы, когда Ленин еще находился в Финляндии, он выполнял различные операции, будучи членом революционной сети в предвоенном Петербурге. По образованию инженер-техник, он проявил себя как многосторонний агент. Агитатор, изготовитель и распространитель нелегальных печатных изданий и листовок, добытчик средств для партийной кассы у сочувствующих либералов, составитель планов дислокации агентов в обоих направлениях от русской границы, а также изготовитель бомб для террористических актов. Его последняя квалификация пользовалась особым спросом в период 1906—1907 годов: в это время в России четыре тысячи человек пали жертвами политических убийств. После съезда партии в 1906 году в Стокгольме, на котором меньшевики раз и навсегда отказались от такой формы добывания денег, а значит, и от большевиков, Красин был принят Лениным в узкий круг «Банды троих», как называлась тайная оперативная группа внутри партии. В дальнейшем он возглавлял в этом качестве нападения на частных лиц, банки и поезда, для чего, разумеется, нанимал молодых исполнителей.

Осенью 1915 года Леонид Б. Красин вместе с другим выдающимся большевиком, Вацлавом В. Воровским (он же Орловский и Боровский), становятся партнерами Парвуса и одновременно прямыми деловыми партнерами Олафа Ашберга. Парвус назначает Красина управляющим Петроградским филиалом фирмы «Сименс-Шукерт», что не препятствует тому занимать должность в правлении Русско-Азиатского банка, а Воровского — руководителем отдела.

Последний открывает импортно-экспортное бюро фирмы «Сименс-Шукерт» в Стокгольме и до приезда Фюр-

стенберга является там и представителем торгово-экспортной фирмы Парвуса. От него Воровский получает товары первой необходимости, такие, как медикаменты, которые Фюрстенберг покупал у международных торговцев и частично продавал их Русскому Красному Кресту.

Другую часть Воровский ввозит в петроградскую фирму «Сименс-Шукерт» как импортный товар для России. Главным содержимым в посылках с каталогами товаров фирмы «Сименс-Шукерт», регулярно поступающих из Скандинавии в Петроград, являются конфиденциальные сообщения революционеров (среди них также сообщения Ленина из Цюриха), написанные невидимыми чернилами.

Позже Фюрстенберг и Воровский получают от Ленина награды за их бесценную деятельность с представительством Большевистской партии в Стокгольме — о лондонской алмазной сделке надо умолчать...

Через бюро его фирмы (точнее, группы фирм) Парвус прокручивает при случае те деньги, которые он получает из Германии для партийной кассы большевиков. Эти суммы редко проходят через банки, а чаще через людей — или, как было упомянуто раньше, как фиктивные кредиты под сделки, которые практически не осуществлялись.

Кроме названного узкого круга людей, на службе у Парвуса, конечно, находятся многочисленные агенты и помощники в бизнесе и политической деятельности под его руководством. Некоторые проявляют двойственный характер и по отношению к своему работодателю. Бывает, что один шпион работает на два или три различных государства. И не всегда курьеры с деньгами доставляют свой груз по назначению.

Агенты также не всегда лояльны по отношению к своему заказчику. Коллега Фюрстенберга Шляпников мог бы многое рассказать об этом; его помощник Богровский, используемый как курьер для доставки пропагандистской литературы, а иногда денег в Россию, например, растрчивает деньги, работает на две стороны и, в конце концов, обманывает обе.

Упомянутые товарищи работают одновременно и на находящегося в немецком услужении эстонца Александра Кескюла. Он действует параллельно с Парвусом, не встречаясь с ним официально — их пути пересекаются только через посредников, которые представляют между ними связь. Кескюла не только в своих финансовых притязаниях, но и в своих прогнозах менее кичлив, чем Парвус, и при этом более верный. Как и у него, у его собаки тоже хороший нюх: последняя — хоть обычно и гостеприимна — имеет обыкновение рычать при приближении агента Богровского.

Работающие «за» и «против» Парвуса агенты могут брать пример с известных образов. Самым авторитетным из них был Евно Азеф. Прошло уже более десяти лет с тех пор, как он, будучи агентом охраны, настолько слился с революционной камерой, в которую был заслан, что как «анархист» убил министра внутренних дел Плеве — своего собственного шефа. Разумеется, он остался безнаказанным — в качестве агента охраны — и продолжал работать на охранку и революцию, которые с обеих сторон оплачивали его услуги, и, в конце концов, и та и другая были им обмануты.

Еще более одаренным, интеллектуально и артистически, был Роман Малиновский, чье имя мало благозвучно для ушей Ленина. Он тоже был активным участником революционной деятельности в Скандинавии. Он еще раз разбередил рану, нанесенную вождю революции.

Малиновский встретил Ленина в 1912 году, когда он, разыгрывая из себя представителя Московского профсоюза металлургов, был отправлен охранкой на партийную конференцию в Прагу.

Его игра была настолько безупречна, что Ленин находился под глубоким впечатлением от Малиновского. Конечно, дело было не только в одном его элегантно-популярном появлении, искусном выступлении, риторическом таланте и силе убеждения, которые импонировали Ленину: Малиновский давал каждой идее воссоединения с меньшевиками решительный отпор, высказывая при этом бескомпромиссное мнение Ленина, и делал это гораздо

искуснее любого другого. Ленин сделал все, чтобы выдвинуть кандидатуру этого «образованного пролетария» Малиновского в Думу.

И действительно — агент охраны, наконец, вошел в Думу в числе одиннадцати депутатов партии от рабочих. Таким образом, он поднялся выше и по карьерной лестнице охраны, потому что теперь Малиновский, по крайней мере, мог предоставлять еще больше сведений обо всех интересных делах.

Находясь на двух постах, Малиновский в полной мере наслаждался двойной жизнью и двойной зарплатой. В конце концов, ему приходилось выполнять и двойную работу, когда он, например, должен был отправлять свои речи в Думе в партийный комитет и в охранку. Или когда он за статьи в партийной газете облагался штрафом со стороны своего хозяина, который он себе сам и назначал. Придя к заслуженному благосостоянию подобным образом, он мог себе позволить щедрые пожертвования в большевистскую партийную кассу из доходов со своего рабочего места в охране.

Наконец, он стал негодным своим первым работодателям, и они уволили его с выплатой соответствующей компенсации. То, что он отказался от места в Думе, его товарищам показалось странным. В 1914 году он бежал в Галицию, где встал под защиту своего наставника. Но Ленин не мог предотвратить расследование, начатое партией против Малиновского, которое постепенно выявило, насколько много партийных товарищей он подставил под удар своего собственного работодателя; однако согласно партийному приказу ведь не могло быть того, чего не должно было быть, Малиновский «из-за недостатка доказательств» избежал приговора о наказании.

Ленин еще долго занимался общественным опровержением в отношении посмеивающегося политического противника. Агент-provokator в нашей среде? Никогда! Кто это тут отважился дискредитировать нашего лучшего члена... Спустя годы Малиновский еще раз появится, чтобы выступить в свою защиту с многочасовой речью и покончить с кажущимся всем таким «очевидным», как с «недоразумениями» — раз и навсегда покончить с

этим коротким процессом. Нет, революционное течение в военные годы далеко не так чисто, пока еще не пробил час настоящей революции.

Как в своих торговых предприятиях, так и в созданном им Институте изучения социальных последствий войны, оперативной базе для своих агентов, Парвус не афиширует себя как шефа. На руководящих постах он расставляет внушающих доверие людей; так например, на должность директора он приглашает датского социалиста Свена Триера.

Штат сотрудников состоит по большей части из революционеров обоих лагерей, большевиков и меньшевиков, которых Парвус привез из Швейцарии. Среди них находится и его давняя подруга Екатерина Громан (мать его сына Льва), которая занимается особенно деликатными заданиями — например, контрабандой оружия в Россию.

В странах, участвующих в действиях, находится немало сочувствующих революционерам, которые помогают им словом и делом, а порой и материально, или выручают из беды, если тот или иной, постоянно находящийся в состоянии канатоходца над пропастью нелегальности, вдруг сорвется.

Они также выполняют вспомогательные поручения: например, норвежский социалистический журналист Альфред Крузе. После высылки из Норвегии он присоединяется в Стокгольме к русским большевикам как сочувствующий, называет себя Николаем Гордоном и выполняет курьерские поручения (как правило, связанные с деньгами) в России. Он работает в особо тесном сотрудничестве с Богровским (коллегой Шляпникова в предприятии Парвуса), Урицким, Бухариным и с Кескюла, так сказать, со «вторым хозяином».

К другим сочувствующим русским революционерам нерусской национальности относятся шведы Х. Г. Штрем и Яльмар Брантинг, который оказывал эмигрантам много любезностей — особенно, если кто-то из них попал в тюрьму; затем шведский социал-демократ Густав Мёллер, выполняющий обязанности связного с Петроградом, или швейцарский социал-демократ и журналист газеты «Бернер Тагвахт» Карл Моор — двойной агент.

Все они находятся на службе у Парвуса, непосредственно германского МИДа, а некоторые также на службе у Кескюла.

Охранка не только через своих агентов, которые проникают на разные командные уровни революционеров, находится в курсе событий. Но если кто-нибудь случайно — как уже упомянутый Воровский — при переходе границы России попадает в ловушку, они могут получать информацию *up to date* (англ. — «в духе времени», «современно». — *Пер.*) через изъятые предметы или слежку провалившихся при этом контактных лиц. После освобождения единожды задержанный должен иметь в виду, что он никогда больше не будет один, за ним постоянно будет следовать тень — сколько бы и насколько хорошо выполненных фальшивых паспортов он ни имел.

Парвус получает информацию об актуальных событиях и обстановке в России от давнего доверенного лица, не входящего ни в какую партию и поэтому объективного, — польского подданного Владислава Шаттенштейна. Часто от него исходит оценка ситуации, которую Парвус передает дальше своим немецким заказчикам, даже основные положения плана революции в начале 1915 года, с которого все и началось.

Независимо от заказчика на выполнение революционной программы — правительства германского рейха, Парвус опирается также и на магнатов, которые прямо или косвенно поддерживают его планы. В основном это те же сочувствующие, что и у меньшевиков, то есть лица из либеральных кругов, иногда предприниматели, которые ни в коем случае не станут поддерживать радикальную программу вождя большевиков Ленина (не в последнюю очередь из-за его программы экспроприации) и считают, что цель состоит в окончании войны и демократизации России.

Так, в России средства для партии жертвуют железнодорожный предприниматель Савва Морозов или промышленник М.И. Терещенко, миллионер, известный «сахарный барон» — последнему позднее за это пожалуют министерский пост. Все они относятся к тем людям, которые мечтают о том, чтобы, помимо экономи-

ческого могущества, обрести еще и политическую власть. Еще один состоятельный человек с либеральным мировоззрением, без глубоких знаний путей и целей революционеров, позднее оставляет партии завещание в виде финансового дара.

Даже принадлежащие к аристократическому обществу выделяют пожертвования на поддержку РСДРП или непосредственно революционеров. То ли в целях критики правительства или династии, то ли потому, что это считается шиком, быть настроенным «прогрессивно» или «революционно», а главное — оппозиционно. Под этим общественным давлением находятся прежде всего люди искусства. К моменту, когда Россия уже преодолела первые вершины авангардного искусства в живописи (Малевич, Кандинский, Гончарова), театре (Мейерхольд, Таиров) и музыке (Скрябин, Прокофьев), интеллигенция должна и в политическом отношении мыслить «соответственно духу времени».

Следует добавить: жестокое подавление мирной демонстрации 1905 года вызвало к жизни многочисленные инициативы. Кто мог знать, что при этом речь шла о циничной инсценировке, в которой Гапон, сыщик в облике священника, взял на себя режиссуру и главную роль в жестоком провокационном спектакле и превратил в статистов как ни в чем не повинных демонстрантов, сделав из них «полезных идиотов», так и полицейских, которых он заставил стрелять в них. Немногие знают, что он бежал за границу и проявил там свой истинный характер. Цель была достигнута: дискредитировать царя, который из-за своего отсутствия узнал обо всем только постфактум, и раз и навсегда стигматизировать его событием «Кровавого воскресенья»; теперь революционное движение больше не нуждалось ни в каком оправдании, могло выйти из нелегального подполья и открыто добиваться поддержки: ни один спонсор больше не должен был его стыдиться.

С тех пор и для людей искусства стало делом чести в годовщину 9 января поддерживать своей работой в театре и литературе, вплоть до изобразительного искусства в пользу близких родственников погибших жертв дух свободы или провести акции «Символы демократии».

Выдающимся посредником между партией — конкретнее, фракцией большевиков — и меценатами является Максим Горький. Между прочим, даже его состоятельная супруга относится к их личным партийным спонсорам. А сам Горький публикуется в одном московском издательстве, финансируемом русскими посредниками правительства Германии. Он действует им на руку: его произведения подходят для того, чтобы повлиять на русскую общественность в духе немецких интересов.

Сюда относятся его описания среды низшего пролетарского слоя — действительно, социально обделенного, который согласно плану должен стать для революционеров целевой группой. Затем, для правительства Германии выгодна пацифистская позиция Горького и его антивоенный протест, точно так же ему приятно критическое отношение Горького к царскому правительству. Не только мирное население, но и солдаты в окопах находятся под воздействием подобных тенденциозных произведений; разумеется, того, кто бы выступил среди солдат с призывом перейти на сторону немцев, тут же расстреляли бы.

Настоящие деньги поступают не только от правительства германского рейха, но и из Америки и даже Англии.

Троцкий получил из Англии на нужды русской революции от одного финансиста, входящего в Британскую Рабочую партию, кредит «в миллионном размере», как он выразился. «Революция позже добросовестно вернула эти деньги», — замечает Троцкий в своих воспоминаниях.

Через год для революционеров открывается даже сейф британского правительства. Союз с Россией? Король в родственных отношениях с царем? Все это не учитывается, когда речь идет о стратегических интересах: 5 сентября 1916 года Англия должна дать свое согласие на контроль России над Босфором.

И тут созревает план удержать Россию от ее заветной цели «изнутри» — то есть путем организованного хаоса внутри страны. Отныне заклятых врагов Англию и Германию связывает общая цель: революция в России.

Ллойд Джордж и Лорд Милнер, по сообщению британской разведслужбы, выделили на это 21 миллион рублей.

В США еврейские организации собирают средства для революционеров «на освобождение от репрессивного царского режима». Самое большое поступление в размере двенадцати миллионов долларов приходит от магната Якова Шиффа из Нью-Йорка. Он уже перед революцией 1905 года, которая была вызвана поражением России в войне с Японией, финансировал вооружение Японии, чтобы придать Японии больше сил в борьбе с Россией, «врагом человечества», как обычно говорил Шифф. Революционерам 1905 года Шифф тоже выражал свою симпатию «наличной монетой». В то время, как он запрещает своим банкам и партнерам «Кюн, Лёб и К°» удовлетворять их запросы на кредиты, так как речь идет о союзниках России, Шифф через фирму «Кюн, Лёб и К°» финансирует крупными суммами русских революционеров. Следовательно, финансистами революционеров в Нью-Йорке являются: Яков Шифф лично, фирма «Кюн, Лёб и К°» (директора фирмы: Яков Шифф, Феликс Варбург — брат Макса, Отто Кан, Джером Ханауер), а позже и Гугенгейм и Макс Брайтунг.

По сообщениям посла России в США в военные годы Бахметьева, большевистские лидеры должны были в период 1918—1922 годов осуществить поставки золота фирме «Кюн, Лёб и К°» в Америку стоимостью в 600 миллионов долларов в качестве погашения задолженности.

Шифф, напротив, заботится о том, чтобы немецкий банкир Макс Варбург, женившийся на дочери Шиффа и вошедший в его финансовую империю, раскошелится на крупный кредит для Германии из Америки — потому что надо приложить все совместные усилия, если они направлены против России.

Конечно, Россия уже давно знает об антирусских настроениях в Америке, теоретически естественном союзнике России. Поверенный в делах посольства Австро-Венгрии в Вашингтоне Людвиг Граф Амбрози уже в 1910 году записал в своем дневнике содержание одного разговора с русским послом фон Розеном:

15 марта 1910 года.

Русский посол часто жаловался мне на то, что его официальная деятельность на этом посту, как и вообще внутренняя и внешняя политика России, из-за постоянной враждебности международного еврейства значительно пострадала.

(...) Его мнения о японских вооружениях и о шансах войны подтвердились событиями. (...) Также, при рассмотрении американских вопросов, я считаю, что его решения почти никогда не бывают неправильными, а его прогнозы в большинстве своем оправдываются. Исходным пунктом наших переговоров послужила недавно вышедшая статья в газете «Нью Йорк таймс», принадлежащей американскому еврею по имени Окс.

В этой статье передаются взгляды м-ра Якова Шиффа, чье значение в политической и экономической жизни Америки заключается в том факте, что он является одним из крупнейших финансистов Соединенных Штатов и одновременно самым агрессивным представителем нью-йоркского еврейства...

Далее следует доказательство того, что якобы американское правительство в своих действиях во время русско-японской войны и мирных переговоров поставило себя «на службу международных еврейских интересов»; будто бы президент Рузвельт вмешался и навязал обеим воюющим сторонам мирный Портсмутский договор только потому, что он «действовал как инструмент беспokoящихся за свои кредиты еврейских кругов с Уолл-стрит», которые прежде предоставили или одолжили Японии деньги на вооружение.

Русский посол, сообщает в конце его австрийский коллега, чувствует себя в связи с антирусским настроем в Союзе неуверенно; он знает, что этим Союзом управляют определенные круги, которые даже угрожали одной калифорнийской газете запрещением ее рекламного бизнеса, если она и дальше будет демонстрировать свои прорусские симпатии.

Необычный симбиоз финансовой олигархии и пролетариев, правительств и революционеров, за которыми

стоят магнаты, финансирующие революцию, тайно скрыт и проявляется там, где политические интересы самым гармоничным образом совпадают с коммерческими. Так, Парвус имеет долю в британской оружейной компании «Викерс», которая вновь (как 1905 г., когда Шифф поставлял японское вооружение для войны с Россией) входит в «Japan Steel и К°».

Шифф, таким образом, входит в концерн, контролируемый британским банкиром Касселем. Те же круги либерального крыла правительства Британии имеют долю в фирме «Викерс», но и Парвус является совладельцем этого предприятия и делает свой бизнес как представитель торговца оружием Сахарова, который, между прочим, делает закупки у Викаерса, сам владеет фабрикой в Царицыне и имеет свою долю в Путиловских заводах в Петрограде.

Петроградский банкир Дмитрий («Митя») Рубинштейн тоже принимает участие в этой опасной игре на русской территории и оказывается партнером военного противника в финансовых махинациях; он входит в правление Русско-Французского торгового банка, объединенного с Русско-Азиатским банком, где коллаборационист Красин создает сеть между империей Парвуса и Россией.

Парвуса все это устраивает. Он наживается на военных заказах, на поставках оружия и на спонсорских деньгах для революции. Он участвует в общем деле с финансистами, но каждый тянет одеяло в свою сторону.

Самым важным клиентом для Парвуса, конечно, остается правительство Германии. Их представителем в Копенгагене и постоянным собеседником Парвуса является германский посол граф Ульрих Брокдорфф-Рантцау. Его дипломатическое представительство образует вершину посольского пятиугольника из пяти нейтральных стран, оплетенных сетью агентов и информаторов.

Если следовать с севера на юг, то это германский посол в Стокгольме, барон Гельмут Люциус фон дер Штрёттен, поддерживаемый шефом контрразведки, Штайнваксом, граф Брокдорфф-Рантцау в Копенгагене, посол барон Гизберт фон Ромберг в Берне, барон фон дем Буше-Хадденхаузен в посольстве в Бухаресте

и барон фон Вангенхайм в посольстве в Константинополе.

Берлин является центром, где сходятся все нити, где советник Диего фон Берген пытается составить общую картину для государственного секретаря Ягова (ранее скептически настроенного по отношению к программе Парвуса) и помощника Государственного секретаря Циммерманна о порой противоречивых сведениях и оценках, о разрозненных между собой революционерах. Его поддерживают Матиас Эрцбергер в службе разведки, востоковед в Министерстве иностранных дел Эрнст Екх и Курт Ришлер, связной МИДа в Генеральном штабе. Нельзя забыть и о советнике Отто-Гюнтере фон Везендонке, так сказать, консультанте по вопросам «восстания русских национальностей» в политическом отделе МИДа.

Стоит упомянуть еще Рудольфа Надольного, офицера запаса, однако служащего советником в МИДе. Учитывая выбранную им профессию, упомянутую выше, он идет на службу в Министерство военных дел, чтобы принять участие в деле революции в отделе «по русским вопросам». Зарекомендовав себя недостаточно квалифицированным для работы агентом в лагерях для русских военнопленных, он, наконец, попадает в отдел III б, «Секцию П(олитика)», исполняющую обязанности Генштаба. Его работа: организация саботажей и восстаний в России.

Таким образом, сеть совместной работы объединяет такие инстанции, как МИД, Генеральный штаб, разведку, подразделение Восток, Министерство финансов, Рейсбанк, Дойче Банк, Коммерцбанк и посольства нейтральных стран.

Реализация избранной канцлером Теобальдом Бетманн-Хольвегом под покровительством кайзера Вильгельма политики вменяется в обязанности государственному секретарю Готтлибу фон Ягову. В 1916 году он уходит в отставку, Циммерманн становится его преемником, Кюльманн — помощником Государственного секретаря. Последние являются носителями решений, Берген — контактным лицом для Брокдорффа-Ранцау или самого Парвуса во время его визитов в Берлин,

на этом уровне информация докладывается непосредственно кайзеру. Воля кайзера превыше всего.

По убеждению кайзера, стратегия комбинированного ослабления противника — единственный выход из двойного германского фронта. Даже в мирные времена простой вариант не удался: австрийцы еще до начала войны, в июле 1914 года, контрабандой переправили на Украину оружие, чтобы развернуть с Черноморского флота запланированное восстание, которое бы ослабило силы потенциального русского противника перед войной, вопрос о которой был уже решен. Правда, это мероприятие проводилось неохотно, потому что австрийцы не хотели выкладывать на это большие деньги; а тут еще весь проект, включая план наступления, был выдан русским одним из его создателей, полковником Альфредом Редлем, и все потеряло смысл. Восстание не только не состоялось, но и русские, а не австрийцы, стали наступать, когда дело дошло до войны.

После того как осенью 1914 года все, начиная с германского Генерального штаба до дипломатов Министерства иностранных дел и самого самоуверенного кайзера, пришли к убеждению или, точнее, осознанию того, что война против России не может быть выиграна так легко и прежде всего так быстро, как предполагалось, в вытекающих отсюда выводах ничего не изменилось. Теперь любое невоенное средство оправдывало цель.

Так, например, офицер разведки восьмой армии, а позднее начальник штаба военной разведки на восточном направлении, генерал-майор Гемпп, в документах тайной разведслужбы сухопутных войск 20 июня 1915 года зафиксировал, что с немецкой стороны была предпринята попытка подкупа русского генерала Григорьева: за вознаграждение в размере миллиона марок сдать крепость Ковно, расположенную к северу от Варшавы. Первый посыльный бесследно исчез (вместе с чеком), второй, по крайней мере, дошел до него. Григорьев, казалось, был даже готов к этому предательству, но оно было раскрыто, и генерал попал под военный трибунал. Это была уже вторая подобная попытка подкупа после Озовица.

То, что немцы полагаются не только на Парвуса и его агентурную сеть, видно из действий, которые пускаются в ход разными отделами Генерального штаба за линией фронта. При этом разведслужбе, которой вменяется в обязанности планирование актов саботажа, например, сразу на месте, приходится нелегко, потому что начальник Генерального штаба Людендорфф полагает, что в связи с большими успехами в области радиошпионажа можно отказаться от информации агентурной службы. Кроме того, русская линия фронта так сильно уплотнилась, что о прямом проникновении позиций с агентами не может быть и речи.

Наконец, севернее реки Мемель выявляется брешь в линии фронта, где охрана со стороны русских войск ослаблена. Здесь Гемпп запускает ночью германскую разведгруппу, которую он формирует из добровольно законспирированных русских и польских евреев. Эти связные затем должны проникнуть на ближайшую железнодорожную станцию на русской территории в северном направлении.

Там из польских и литовских националистов, одержимых желанием отделиться от царской империи, набираются коллаборационисты и саботажники. Так, уже в первую военную осень поляк Томашевский приказал своему земляку Малиновскому по поручению немцев взорвать железнодорожные мосты между Белостоком и Варшавой за сто тысяч марок.

Параллельно с этим предпринимаются попытки подкупа командующих крепостями, как, например, уже упомянутого генерала Григорьева. Ведь крепость, взятая не разрушенной, представляет бóльшую ценность, чем разрушенная, кроме того, при этом экономятся как военная сила, так и средства. Так, иной стратегически важный вождеденный объект стоит полмиллиона рублей — только один в целом ряду трофейных объектов.

Как и Парвус, Гемпп тоже набирает агентов в Скандинавии, не отдавая ценнейших из них на произвол случайной зависимости от образования коридора на фронте. Они в качестве разъездных агентов официально ездят из Швеции в Россию. На русском побережье Балтийского моря можно легко завербовать балтийских

националистов, которых за их деструктивные планы поддерживают зажиточные промышленники этих стремящихся к автономии стран.

Так, в распоряжении германской разведслужбы находятся люди разных профессий: от бумажных фабрикантов до лесничих, медсестер, торговцев и официантов — перечислены еще не все профессиональные группы, которые докладывают информацию немецким контактным лицам о состоянии оружейных запасов или о перевозке войск, выведывают ценные сведения из окружения русского Генерального штаба, работая санитарями и санитарками в русских лазаретах, и передают в Германию, в качестве телеграфистов, только что вышедшие из Ставки царя приказы. Не говоря уже о бесценной информации, полученной из первых рук, которую передает торговец лесом, находящийся в дружеских отношениях с, вероятно, очень доверчивым зятем царя. Таким образом, Гемпп, а значит, и руководство германской армии знают о потерях русских, планах армейского руководства, блокаде железнодорожных линий для гражданского транспорта, планах наступлений, о решениях до сих пор колеблющихся стран (например, о вступлении в войну Италии) и о русском плане похода на Берлин, минуя Восточную Пруссию, в пользу Кракова и Бреслау — верш совершенства немецкой логистики и организации.

Что же касается революционной политики по плану Александра Парвуса, то кайзер Вильгельм имеет в лице своего посла в Копенгагене Брокдорффа-Рантцау не только послушного, но и внутренне убежденного и преданного слугу своего господина. Хотя он еще относительно молод, или благодаря этому на нем пока нет отпечатка усредненного прусского менталитета, и он не отличается закостенелым консервативным мышлением.

Дипломату, происходящему из старого немецкого дворянского рода (Холштейнер) с датскими корнями, в возрасте не старше сорока лет, три года назад, то есть в 1912 году, была доверена германская дипломатическая миссия в Копенгагене; причем до этого, в начале века, он находился на службе при царском дворе и в Вене. Брокдорфф-Рантцау — немецкий патриот. Но согласно

его либерально-консервативной позиции, как по отношению к плану Парвуса, в сильном национальном государстве все классы и прослойки населения должны быть гармонично интегрированы. Имея особенно характерную для дипломата политическую дальновидность, Рантцау пришел к осознанию того, что возникший в результате стремительной индустриализации рабочий класс при небрежном отношении к его потребностям может превратиться в опасную силу, которая именно в военное время представляет собой при умном обращении положительный потенциал. Эта точка зрения для дипломата влечет за собой понимание и симпатию к задачам немецкой социал-демократии, а в дальнейшем и к задачам Парвуса.

Как лояльный подданный, германский посол, конечно, является пламенным поборником идеи превратить Германию в победоносную военную и мировую державу, в начале которой лежало бы уничтожение России. Мировую державу — потому что Рантцау мысленно видит перед собой как отдаленную цель «освобожденную» от династии Романовых и уменьшенную территориально Россию, которая была бы лишена власти как скромное государство «допетровских размеров», влачащее свое существование в зависимости от великого германского соседа, охотно позволяющее использовать себя в экономических интересах и тем самым помогающее Германии дать отпор английской колониальной империи, сломить ее господствующее положение.

Если бы внутреннюю социальную стабильность и внешнюю мощь Германии можно было пробрести за счет организованной дестабилизации России и уничтожения ее величия, с Рантцау можно было бы согласиться.

Здесь интересы обоих собеседников, Брокдорфф-Рантцау и Парвуса, совпадают — по способу одного и по цели другого, а в остальном трудно себе представить более разных людей.

Когда Парвус в конце июля 1915 года прибывает в германское посольство для первой личной беседы, его успех у своего контрагента уже преопределен.

Массивный человек эпохи Ренессанса идет навстречу застенчивому интеллектуальному дипломату. Немец-

кий агент Циммер, который специально пребывает в Копенгагене, чтобы наблюдать за поведением Парвуса и подготовить его первую встречу с дипломатическим представителем германского рейха в Копенгагене, так описывает контраст между обоими мужчинами: «Парвус был евреем, эмигрантом, теоретиком, представителем богемы, полным жизненных сил бонвиваном, социалистом, к тому же капиталистом. Брокдорфф-Рантцау, напротив, олицетворял чувствительного, самоуверенного и преданного традициям аристократа, у которого даже внешне не проявлялось ничего общего со своим социалистическим визави. На его аскетично худом туловище восседала контрастно очерченная голова, напоминающая орлиную, с гладко зачесанными на пробор волосами. Внешность посланника ассоциировалась с внешностью культивированного вельможи, чья церемонная вежливость, однако, была смешана с крепкой долей скабрёзной иронии...»

Домашний доктор Брокдорффа-Рантцау Янош Плеш, который, очевидно, прощупывал пульс исключительно в высших кругах политического потомственного дворянства и купленного за деньги, познакомился с обоими протагонистами независимо друг от друга и неосознанно в своем описании раскрывает тайну того притягательного действия, которое Парвус оказывает на Рантцау, и той ауры, окружающей революционного миллионера: «Меня пригласили в Цюрих к постели банкира Леопольда Коппеля, страдающего воспалением легких, владельца фирм «Ауэр» и «Осрам». Там я познакомился с человеком, который, вероятно, играл немалую роль в связях России с остальными европейскими странами в период первой мировой войны. Его имя — Гельфанд, а всем он был известен как Парвус. Роль его интересна, хотя весьма и весьма сомнительна. Он был гениальным шпионом — или, лучше сказать, гением шпионажа. Он создал сеть русских революционных эмигрантов. Он был закулисным руководителем, наделенным необычайной хитростью и бесстыдством; великий обманщик — но все же очень хорошо осведомленный. Этот человек имел строгие принципы, чем строже они были, тем больше денег он брал, чтобы отказаться от них.

Он заинтересовал меня как очень живой и дружелюбный собеседник, как человек с юмором и интеллектом. И это несмотря на то, что его внешность можно было назвать как угодно, только не привлекательной. У него было лицо бульдога с двойным подбородком и бородой, а его умные небольшие глаза заплыли жиром. Мощное туловище располагалось на коротеньких ногах, а когда он ходил, то широко размахивал руками, как будто стараясь удержать равновесие. Он курил большие дорогие сигары и пил шампанское, с которого всегда начинал свой день.

О нем рассказывали невероятные истории. Тогда его опорным пунктом был Цюрих, откуда он организовывал разведку и контрразведку. Для прикрытия он работал швейцарским агентом греческого торговца оружием Василия Сахарова¹.

Не знаю, пользовался ли Парвус успехом у женщин, но, в любом случае, он всегда находился в окружении гарема из четырех — шести женщин — все белокурые и толстые, что соответствовало его вкусу. В общем, во всем личность необычная, и когда я увидел Брокдорфа-Рантцау, то сообщил ему о Парвусе, и, как я полагаю, он его использовал.

Во всяком случае — кстати, очень дорогостоящий — договор на сумму свыше тридцати миллионов марок о поставках угля в Данию должен был достаться Хуго Штиннесу, но, к общему удивлению непосвященных, он был отправлен Гельфанду...»

Доктор Янош Плеш охотно приглашает на «мужские вечера» в свою берлинскую резиденцию наиболее интересных людей из своих пациентов, где на первом плане стоят умные, содержательные беседы и дискуссии. Во время такого клубного вечера он умело соединяет знаменитых людей, например лауреатов Нобелевской премии Альберта Эйнштейна и Фритца Хабера,

---

¹ Как и в отношении Цюриха, якобы опорного пункта Парвуса, эти данные тоже неверны: Василий Сахаров был русским эмигрантом в Константинополе.

музыкантов Фрица Крайслера и Артура Шнабеля и других деятелей искусств. В качестве дипломатического моста — еще и «благородного большевика» Йозефа Грюнберга и, наконец, дипломата Брокдорффа-Рантцау, впоследствии ставшего министром иностранных дел, признанного всеми в его служебном окружении чопорным и малоконтактным: «Граф был личностью неординарной. Он соединял в себе две противоположности — Аполлона и Дионисия. Казалось, Рантцау днем являл собой Аполлона, а ночью — Дионисия. С каждым часом ближе к полуночи он все больше оживлялся, его ум становился активнее, а беседа, которую он вел, — остроумнее. Днем он казался лишь тенью того, каким его знали поздним вечером. Он был большим знатоком вин, и с каждым глотком «Короля Королей», как он называл вино из запасов Меттерниха в замке Иоганнисберг, речь его становилась все более искристой и виртуозной...»

Почему такой утонченно-корректный и интеллигентный дипломат, как Брокдорфф-Рантцау, проявил интерес, прежде всего, к личности Александра Парвуса, а не только к его программе, скорее всего объясняется двойственной сутью самого Брокдорффа-Рантцау. Возможно, написанное на лице Парвуса жизненное отзывалось скрытой страстью в обычно чопорном немецком дипломате, а значит, дополняло и его самого?

Как бы то ни было, посол чувствует непроизвольное доверие и симпатию к своему такому непохожему на него собеседнику и после разговора с Парвусом 1 августа 1915 года сразу же направляет телеграмму в Берлин. В ней он особенно подчеркивает «германофильскую позицию Гельфанда» и утверждает, что тот произвел на него впечатление необыкновенно умного человека.

В начале августа немецкий агент Макс Циммер, с помощью которого в Константинополе был установлен первый контакт Парвуса с посольством Германии, тоже отправляет свой отчет. Министерство иностранных дел в Берлине отправило Циммера в Копенгаген в качестве соглядатая за действиями Парвуса.

В телеграмме, отправленной в Берлин, Циммер сообщает о «конспиративном шедевре» и гениальности, с которой Парвус выполнил свой план. Дальше Циммер описывает связь бизнеса Парвуса с политикой, формирование им денежных каналов для превращения доходов от бизнеса в политические деньги и использование его экспортной фирмы как инструмента для подрывной деятельности.

«Из центрального офиса в Копенгагене ведется длительная переписка с организациями, созданными агентами, — между тем поясняет Циммер. — Господин доктор Парвус предоставил организации денежную сумму на управленческие расходы, которая экономно расходуетя. До сих пор удавалось так тайно обставить дело, что даже работающие в вышеупомянутой организации господа не замечают, что за всем стоит наше правительство.

Тем не менее бросается в глаза, что Парвус расходует такие большие суммы на нужды партии. Это можно было бы сделать незаметно, если проводить некоторые сделки через связанное с конторой экспортное предприятие.

После двухдневных переговоров я смог убедиться, — пишет Циммер в заключение, — что Парвус приложит все силы в направлении поставленных в Константинополе и Берлине задач, и можно ожидать, что работа приведет к запланированному результату».

Вскоре после первой встречи Парвуса с Брокдорфом-Рантцау в начале августа 1915 года происходит еще одна встреча. Посол безоглядно верит в революционера и 10 августа сообщает в МИД:

«Я считаю Гельфанда не только опытным знатоком России и всех стран Балканского региона, но и уверенным в себе политиком широкого диапазона, чьими советами мы вне всяких сомнений можем пользоваться, пока он, как сейчас, на нашей стороне и в наших руках...»

Спустя еще три дня он дает следующую телеграмму:

«Теперь я ближе познакомился с доктором Гельфан-дом и считаю его (...) значительной личностью, чью выдающуюся силу, — соответствует это его убеждениям или нет, — на мой взгляд, мы о б я з а т е л ь н о должны использовать с выгодой для себя на протяжении войны, а если возможно — то и после...»

Здесь дипломат заблуждается. Все происходит как раз наоборот: Парвус использует правительство Германии и его интересы и только весьма относительно позволяет эксплуатировать себя для их военных целей. Более того: правительство германского рейха заинтересовано в заключении мира, а не в революции, и если бы его можно было достичь по-другому, то революционное развитие было бы даже «нежелательно», что следует из записей разговоров.

Затем, существуют разногласия, которые, конечно, не произносятся вслух. По мнению дипломата, победа Германии должна упрочить престол, а значит, локализовать революционное движение. Парвус же исходит из того, что победа Германии над Россией стоила бы царского престола, а стало быть, пошатнула бы и Германскую кайзеровскую империю.

Не обсуждаются и последствия, к чему стремились и Парвус и Ленин: экспорт революции из России в Германию и другие страны — это то последствие, которое Рантцау исключает из своих рассуждений.

Последнее событие придает уверенности дипломату и лишает его всяких сомнений: еще одна попытка заключить сепаратный мир с царем с помощью датского посредника Андерсена провалилась в начале августа. Царь по-прежнему чувствует себя верным слову, данному своим союзникам сразу после начала войны: не заключать сепаратного мира с Германией. Кроме того, подобное решение из-за «вероломной», по его мнению, манеры поведения немецкого кайзера, объявившего России войну во время попытки царя к примирению, оскорбило бы его самолюбие.

Парвус может вздохнуть с облегчением. Заключение сепаратного мира сейчас, когда его программа находится только на первой фазе реализации, могло бы уничтожить все его планы. Брокдорфф-Рантцау, напротив, после провала последней попытки может с полной уверенностью откинуть те сомнения, которые, к его неудовольствию, прозвучали со стороны германского кайзера: Вильгельма неожиданно начали мучить угрызения совести, правильно ли с его стороны добиваться свержения своего кузена и не поставит ли это под вопрос систему монархии как таковую?

«Царь лишил себя всякого сочувствия», — высказывает свое мнение граф в письме в Берлин. После чего канцлер Бетманн-Хольвег формулирует в своем сообщении кайзеру от 11 августа 1915 года план действий, по которому «границы Московского государства отодвигаются на восток из-за потери его западных земель». При этом он умело подпекает решению кайзера Вильгельма, принятому им на год раньше. 8 августа 1914 года он пустил в ход силу своего личного авторитета, дав распоряжение своему послу в Константинополе, Вангенхайму, использовать германофильскую Турцию как базу для революции на Украине, которую он поощрял немалыми средствами, и форсировать операцию «грубо и беспощадно».

Не только попытка заключить сепаратный мир, которая только что провалилась, разрушила бы программу Парвуса как карточный домик, потому что революция, к которой стремился он, была бы не нужна Германии. Опасность угрожала его плану и с фронта военных действий: ранней осенью 1915 года немецкий Генеральный штаб принимает решение совершить марш на Петроград одним из флангов Восточной армии.

Захват столицы сорвал бы революционные замыслы: вероятно, народ, как и в начале войны, объединившись в патриотическом порыве, пошел за своим командованием; кроме того, план сделать Петроград из-за наличия в нем фабрик исходным пунктом забастовочного движения тогда бы тоже провалился; большие лагеря по обучению новобранцев тоже не могли служить платформой агитационных центров, потому что на первом плане стояла бы оборона.

Парвус должен хорошо продумать убедительные аргументы, которыми он будет воздействовать на посла Брокдорффа-Рантцау в безотлагательном разговоре с ним 7 сентября 1915 года, чтобы не противоречить самому себе и сохранить достоверность и убедительность. Еще за несколько дней до того, как до Парвуса долетели слухи о возобновленной миссии мира, он заговорил о «неотвратимости революции», даже в случае заключения мира, что внутри мирного населения, как и в армии, происходит брожение и что царь больше не располагает необходимым авторитетом для сепаратного мира с Германией. Посол дословно передает эту «оценку» в Берлин.

И тут Парвус поворачивает орудие противника в другую сторону. Не упоминая и слова о планах нападения на Петроград, чудовищных для него, он подчеркивает большое политическое и экономическое значение, которое могло бы иметь германское нападение на юг России с его аграрным и индустриальным богатством (Парвус описывает его в самых ярких красках).

Тогда бы Германия смогла одновременно исполнить пожелания экономических и промышленных магнатов в отношении военных трофеев, сформулированные ими вскоре после начала войны: завоевав эти территории, напасть на жизненный нерв России; нападением на Сербию сберечь силы исторического противника России — Турции и лишить царское правительство шанса достичь желаемой цели — пролива Дарданелл. Это лишило бы царя остатков его престижа. Нанесение такого рода «последнего удара» является прямой необходимостью.

В отправленной в тот же день, 7 сентября 1915 года, телеграмме в МИД Брокдорфф-Рантцау передает аргументы Парвуса, безоговорочно присоединяясь к ним; он слово в слово повторяет его прогнозы о том, что распространение немецкого контроля на эти важные сырьевые месторождения может благоприятно повлиять на еще колеблющиеся нейтральные балканские страны.

Насколько Парвус в действительности сумел воздействовать через Брокдорффа-Рантцау на изменение планов нападения Германии, он никогда не узнает. Но для него важен сам факт, что его влияние на немецкого по-

Die Vorteile eines Feldzuges nach Süd-Russland

Das wirtschaftliche und folglich militärische Schwergewicht Russlands liegt im Süden des Reiches.

*Das wirtschaftliche
und militärische
Schwergewicht
Russlands
liegt in
Süden*

Die Besetzung Petersburgs würde gewiss einen grossen moralischen Effekt haben, aber die militärische Rüstungsarbeit in Russlands wenig behindern, höchstwahrscheinlich würde das Material der grossen Waffen- und Munitionsfabriken schon vorher transportiert werden. Es liegen Anzeichen vor, dass man schon jetzt das Schwergewicht der russischen Waffenindustrie nach dem Donezgebiet verlegen will. Die Besetzung Petersburgs würde nicht einmal verhindern können, dass man die Archangelsk wegen der geringen Leistungsfähigkeit der Eisenbahn angesammelten Vorräte im Laufe des Winters nach und nach in das Landesinnere hinüber führen würde.

Sollte der Feldzug nicht nach Petersburg, sondern nach Moskau gehen und Moskau okkupiert werden, so werden die russische Regierung und Armee sich nach dem Süden konzentrieren. Denn zwischen dem Dnieper und der Wolga hat Russland die Masse der Bevölkerung und die besten Eisenbahnerverbindungen. Nur fehlt mit Moskau auch Petersburg. Die Hauptkraft Russlands bleibt aber dadurch unberührt.

Andererseits, wenn Russland von Süden gefasst wird.

Das hauptsächlichste natürliche Hindernis an diesem Wege ist der Dnieper. Ist die russische Armee über den Dnieper geworfen, wird sich die weitere Bewegung mit kaum grösseren Schwierigkeiten ausführen lassen, als im Nordosten. Die Gegend ist sehr mit Eisenbahnen und Wegen versehen, als alle andere

Отрывок из памятной записки Парвуса, датированной осенью 1915 г. для МИДа Германии, в которой он советует наступать на Россию (рукописная пометка слева на полях: «Экономический центр тяжести России находится на юге»). Повод: он узнал, что начальник Генерального штаба Германии планировал двигаться прямо на Петроград, не дожидаясь более начала революции. Это, однако, противодействовало бы революции и разрушило планы Парвуса

сла настолько велико, что с беспокойством высказанное Парвусом предупреждение с достоверностью передается в Берлин, как если бы это была срочная рекомендация. Атаки на Петроград в 1915 году не было.

Но революционный план Парвуса нуждался также в иной ударной силе, кроме средств, применяемых в самой России, — от наличных денег и материалов, обеспечивающих материально-техническое снабжение, до оружия и взрывчатых веществ. Как он написал в своей революционной программе, необходим инструмент для проведения управляемой кампании в прессе в Западной Европе.

С ее помощью Парвус хочет, прежде всего, восстановить общественное мнение в Западной Европе против России — царской России. Нужно раздуть уже существующие по отношению к России антипатии и тем самым морально оправдать войну против этого государства как «крестовый поход за освобождение от восточной тирании». Своей «социально-экономической газете» Парвус хочет дать название «Ди Глоке» («Колокол». — *Пер.*) по образцу одноименной газеты Александра Герцена, выходившей в середине XIX столетия.

С этой целью он просит Брокдорффа-Рантцау рекомендовать его в Берлин, где он хочет лично выступить с ходатайством о поддержке газеты как средства агитации. Для Парвуса — это рупор с социалистической тенденцией, которая представляет позицию социал-демократической фракции, составляющей большинство в Рейхстаге, и провозглашает революцию, поддерживаемую средствами правительства Кайзера? Это по меньшей мере неестественно — для этого нужны веские аргументы, чтобы суметь отклонить возражения вроде «недальновидности» и «односторонности». И это как раз в то время, когда кайзер Вильгельм впервые начал серьезно задумываться над тем, какую лавину он вызовет, подобает ли одному императору стремиться к свержению другого, к тому же собственного кузена, и не ставит ли это вообще под сомнение принцип монархии? Вильгельм, можно сказать, с облегчением принимает аргумент своих дипломатов, что царь после неоднократно провалившихся попыток заключения сепаратного мира

больше на заслуживает никакого сочувствия (а тут еще Парвус и Ленин как бельмо на глазу).

Под воздействием силы убеждения Парвуса Брокдорфф-Рантцау в своем послании в Берлин не кажется смущенным. Прежде всего, снимается забота, что это могло бы стимулировать социалистическую оппозицию в стране. В качестве аргумента он приводит основную идею Парвуса о продолжении Германией войны (с целью уничтожения России), которая утвердила бы во взглядах таких товарищей, как Карл Каутский, возглавлявший в своей партии направление противников войны.

Напротив, так как Парвус не представляет «сентиментальное направление» Розы Люксембург или Карла Либкнехта, который считает, что войну уже практически выиграли, и она продолжается больше из жажды завоеваний, то он скорее ослабит левое партийное крыло немецких социалистов. Поэтому, по утверждению Рантцау, нужно использовать «Гельфанда, чтобы парализовать влияние таких пораженцев».

«Ди Глоке», как народная газета, предоставляла бы возможность с расчетом на широкие слои продавать немецкие военные цели и связанную с ними политику и привлекать к ним население.

Наконец дипломат настраивается на патристически-патетический тон, когда он приводит следующие аргументы в последней телеграмме от 14 августа 1915 года, адресованной помощнику государственного секретаря Циммерманну, которого он убедительно просит о разговоре с Парвусом: «Иначе нам никогда не достичь той великой цели, которая мне представляется. Надеюсь, что мы не только победоносно выйдем из этой войны как первая мировая держава, но и, что мы после блестящей репетиции, которую выдержал (...) немецкий рабочий класс, сможем также с полным доверием произвести попытку подключить к совместной работе и объединить вокруг трона те элементы, которые до войны находились в стороне и казались ненадежными».

В тот же день Парвуса принимают в берлинском МИДе. Сразу же после этого он сообщает в Копенгаген

своему покровителю: МИД и Генеральный штаб, невзирая на возражения Министерства внутренних дел, выразили согласие относительно поддержки социалистического журнала правительством.

Теперь у Парвуса есть все, что он может пожелать, не только для того, чтобы начать процесс революционизации России, но также и для того, чтобы в информационном отношении тщательно подготовить западноевропейскую общественность, убедить ее в необходимости революционных процессов и воспитать в ней моральную поддержку этого явления. Направление движения формулируется так: мобилизация социал-демократии против царизма, ее психологическая подготовка и солидарность с теми массовыми забастовками, которые Парвус хочет развернуть по всей России, чтобы они впоследствии вылились в организованные революционные беспорядки.

Предполагаемая дата: январь 1916 года — время, которое он уже сообщил в германский МИД как «срок».

Парвус может вздохнуть с облегчением. Он уже в июле с оптимизмом начал готовиться к созданию «Глоке», совместно с издательством в Мюнхене, то есть еще до того, как получил на это от МИДа «зеленую улицу» и гарантированную поддержку. Он сделал преданного ему товарища Конрада Хэниша шеф-редактором, привлек к совместной работе симпатизирующего ему немца Адольфа Мюллера, а Луиса Кона назначил коммерческим директором издательства. Кроме того, он умело привлекает к сотрудничеству с этим изданием и официальной партийной газетой «Социалистише Монатсхефте» известных иностранных авторов.

Сам Парвус отправляет свои статьи из Копенгагена, откуда они дипломатической почтой попадают в Мюнхен. Вначале он бичует «революционную пассивность» немецкой социал-демократии. То, что цензура немецкого Генерального штаба предоставляет ему свободу действий, лежит в основании его концепции, в которую он включает абсолютную поддержку немецкой военной политики и где он по-настоящему запугивает мир Россией:

«За демократию — против царизма!» — повторяет Парвус в первом номере уже опубликованные год назад в Константинополе программные лозунги.

«Время работает на Россию, которая в ближайшем будущем должна стать великой мировой державой, к тому же представляющей опасность для мира, если она не будет децентрализована и демократизирована.

Поэтому самым верным решением здесь является преобразование царской империи в федерацию по американскому образцу. Однако, если не удастся децентрализовать Россию, — под чем Парвус, не скрывая, подразумевает распад царской империи в результате успешного движения за автономию входящих в него стран, — то это уже в ближайшие годы породит страшнейший милитаризм, который когда-либо знал мир...»

Чтобы сразу определиться в выборе направления, Парвус не скупится нападениями на почтенных ветеранов немецкой социал-демократии, которых надо пробудить от летаргии. Полемика — его стихия. При этом достается и древнему отцу партии, Карлу Каутскому, перед которым сам Троцкий почтительно умолкал, однако он занимает неправильную позицию. Этого «кабинетного ученого и вульгаризатора» Парвус обвиняет в том, что «...революционное учение Маркса в Германии расплывчатое, потому что он, думая его улучшить, переписал полностью. Мысли от Маркса, стиль от Каутского, а целое сокращено (...) Без особого труда он сделал из закваски Маркса мацу».

Парвус, будучи русским публицистом, примерно так объясняет необычную связь между поддержкой немецкой военной политики и активным участием в общественно-политических процессах России — цель революции при этом, разумеется, остается в подтексте:

«Немецкое военное руководство служит пролетарским интересам, чего противники войны левого партийного крыла не понимают; немецкая партия является оплотом европейского социализма и должна утверждаться, иначе социализму вообще придет конец. Но в настоящее время это возможно только путем военного утвер-

ждения Германии; только так пролетариат можно уберечь от опасности царизма» (стоит добавить: а русский пролетариат освободить от него).

К счастью, Парвус избавлен от вопроса, почему немецкая победа означала бы также победу пролетариата, однако русская победа означала бы его поражение. Почему в одном случае в результате победы формируется престол и рабочий класс, в другом же — только укрепляется престол?

Места для нападений остается еще достаточно.

Сразу после выхода первого номера газеты Парвус подвергся атакам со стороны немецкого и русского лагерей социал-демократов. Немецкие товарищи левого крыла называют его «рупором немецкого империализма». Для Ленина Парвус — «клоака немецкого шовинизма». Он дисквалифицировал газету как «орган ренегатства и грязного лакейства».

При этом Ленин, разумеется, стремится тщательно дистанцироваться от Парвуса. Именно потому, что он знает, что тот работает не только на правительство германского рейха, но и на него самого. Ленину, как политику, необходимо, чтобы его публично не идентифицировали с Парвусом. Чтобы не порвать с ним, он все-таки избегает называть Парвуса тем, кем тот является на самом деле — агентом Германии. На всякий пожарный случай, Ленин сможет высказаться лишь о его связях с Фюрстенбергом и при этом не иметь «никакого представления» о том, что тот вместе с Парвусом работает на Ленина.

Ленин называет попытки Парвуса оправдаться «шутовской фразой» — всегда и везде думая о том, чтобы не быть идентифицированным с его целями и тем самым не скомпрометировать себя. Атакуемый апеллирует к общественности. Теперь он должен раскрыть свои карты. Он патетически маскирует свою революцию под так называемой «миссией»: «Это моя миссия — установить идеальную связь между вооруженным немецким и революционным русским пролетариатом (...)

Войну и создавшуюся в результате нее политическую ситуацию надо использовать для укрепления политической позиции пролетариата. Социал-демократия долж-

на выйти из этой войны более сплоченной и решительной, чем прежде...»

Но на эту сплоченность Парвус не может рассчитывать ни по ту, ни по другую сторону границы. Даже его давняя подруга по партии Роза Люксембург, которая, как и он, мечтает о революции в России, оказывает ему сопротивление. В ее чувствах слишком доминирует антипатия по отношению к прусскому государству, чтобы она смогла разделить очевидную лояльность Парвуса к его интересам. Кроме того, война скорее приостановит революцию в России, чем поспособствует ей, как она заявила в Берлине. Люксембург припомнила Парвусу и его «миссию»: «Выполнять миссию по связи немецкого и русского пролетариата и собирать в безопасной Дании миллионы» — этого она не могла понять.

Получив подобного рода отпор со стороны левых сил, Парвус начинает больше льстить правому крылу немецких социал-демократов. Парвус устраивает эксклюзивные званые обеды на специально снятой им в Берлине вилле. Он умеет произвести впечатление и развлечь умными беседами своих гостей, вокруг которых меж бесконечно длинных столов вьется целая армия лакеев в ливреях.

Это ему удастся. Авторами его газеты становятся именитые политики, как, например, Филипп Шейдеманн и другие, с которыми он вскоре устанавливает личные дружеские отношения.

Несмотря на то, что Парвус изданием этой еженедельной газеты, ставшей вскоре печатным органом в Берлине, прорвал вакуум партийных газет левого спектра, это не приводит к достижению ожидаемого результата — воздействия на широкие слои населения. Конечно, многие всерьез относятся к поставленной им в первом номере цели: обсуждать возникшие в результате войны политические и социальные проблемы, искать пути преобразования жизни послевоенного периода, а также пробуждать духовные интересы и втягивать в культурную жизнь представителей рабочего класса, то есть выполнять культурную задачу. Естественно, обо всем этом тоже ведутся дискуссии.

И все же Парвус уже давно занимается в Копенгагене практической стороной революции. Всего несколько месяцев отделяют его от того январского дня 1916 года, когда он в годовщину «Кровавого воскресенья» 1905 года собирается устроить стотысячную рабочую забастовку для разжигания революционной искры, которая из Петрограда в дальнейшем должна перекинуться на всю страну.

Парвус считает, что самые серьезные препятствия на пути к высшей цели остались позади: крах такой опасной для его проекта миссии мира, отражение плана прямой военной атаки на Петроград, одобрение создания печатного органа на Западе для формирования антироссийского общественного мнения.

В начале августа была взята Варшава. Спустя несколько дней встревоженный царь не только взял на себя командование армией и флотом, но и перевез золото и наиболее значительные драгоценности из Петрограда в Москву; об этом немецкий посол в Стокгольме, Люциус, немедленно сообщает телеграммой в Берлин. Никаких сомнений, что достижение цели становится делом ближайшего будущего.

В разных точках России уже приводятся в действие планы саботажей, а о выполненных подрывных работах немедленно сообщается в Берлин, распространяются листовки с воззваниями в потенциальных забастовочных центрах России и местах проведения демонстраций и постепенно проводится подготовка к долгожданному дню запланированного на январь 1916 года восстания.

Одновременно с этим Парвус атакует постоянными сообщениями посла Брокдорффа-Рантцау, которые призваны утвердить его надежды на скорое начало революции. При этом Парвус дает волю своей буйной фантазии и сообщает, что после грандиозного поражения на русской территории Польского государства и перехода командования армии к царю русская армия пала духом и в ней созрело настроение к свержению царского режима.

На самом деле все наоборот: к этому времени — к осени 1915 года, из-за смены командования армии и более строгой организации снабжения, прежде всего, на

фронте, улучшилось как положение в армии, так и население, по меньшей мере ненадолго. Бойцы на фронте, вопреки изложению Парвуса, чувствуют себя значительно увереннее с тех пор, как царь и его сын стали чаще появляться на фронте.

Созванная по инициативе царя конференция промышленников и экономистов способствовала финансовым вливаниям для укрепления общего состояния снабжения. Сам Николай внес все свое состояние в это финансовое начинание. Для заводов боеприпасов и военного производства были дополнительно наняты рабочие из Кореи и Китая.

На этот раз высказывания Парвуса вызывают у посла совершенно справедливые сомнения, потому что до него доходят и другие слухи. Например, от барона Уэквелла, бывшего сотрудника Министерства финансов России, переселившегося во время войны в Скандинавию и изъявившего желание работать на немцев. Он полагает, что в настоящее время вряд ли есть шансы надеяться, что забастовка, если она вообще состоится, выйдет за пределы Петрограда.

Тогда Парвусу нужно еще кое-что организовать.

Несмотря на несколько миллионов марок — два в марте, затем четыре и, наконец, пять в июле, — на которые МИД постоянно раскошелливается, начиная с весны этого года, на революционные процессы в России, Парвус в конце осени 1915 года требует еще большую сумму — 20 миллионов рублей.

Брокдорфф-Рантцау исполняет и это его желание — по крайней мере, в форме полученной из Берлина гарантии, потому что сумма будет выплачена ему не сразу. Дипломат является лучшим защитником интересов Парвуса, потому что в одном пункте они совпадают с его собственными: подавление России. Чего нельзя добиться при помощи военного компонента, можно достичь с помощью политико-дипломатического путем внутреннего распада царской империи.

После того как Брокдорфф-Рантцау почувствовал близость намеченной цели, он в своем послании в Берлин настаивает на последнем, как он полагает, финансовом поступлении. Он рассказывает (согласно интер-

претации Парвуса) о развивающейся деморализации, брожении по всей стране, бессилии русского правительства, нарастающем стачечном движении — короче говоря, обо всем том желаемом, что Парвус выдавал за действительное.

Ввиду якобы нарастающего революционного движения царь не смог бы себе позволить и думать о сепаратном мире, говорит в заключение посол словами Парвуса. А поэтому только организованная анархия сможет привести к успеху, поставить на колени русское правительство, довести до готовности заключения мира и при этом еще вынудить на территориальные уступки Польшу, сообщение на этом заканчивается.

Это звучит для рейхсканцлера настолько убедительно, что Бетманн-Хольвег со своей стороны немедленно слово в слово передает кайзеру все, что ему сообщил посол. Из письма канцлера кайзеру Германии от 11 августа 1915 года:

«Если бы развитие военных событий и процессов внутри самой России позволило оттеснить Московское государство на восток из-за расщепления его западных территорий, то с освобождением от этого монстра на Востоке мы смогли бы достичь желанной цели, которая стоит огромных жертв и невыносимых тягот этой войны...»

Немного позже дипломат сумеет убедить своего канцлера и другими аргументами дальновидности, как он понимает, и политической мудрости, как он полагает, своего русского собеседника, когда речь пойдет уже о задачах послевоенной Германии. Здесь, по представлениям Парвуса, на долю немецкой социал-демократии выпадает забота оградить страну от экстремизма и анархии, а значит, внутренне сохранить ее. Когда посол рекомендует канцлеру полностью положиться на Парвуса и обеспечить ему поддержку (финансовую), его патриотический пафос достигает своего апогея: «Победа и первое место в мире Германии обеспечены, если удастся своевременно революционизировать Россию и тем самым подорвать коалицию», — ликуя, пи-

шет Брокдорфф-Рантцау в своем послании канцлеру Бетманну-Хольвегу.

До сего времени сохранилась расписка Парвуса в получении первого миллиона рублей из двадцати, запрошенных им.

Готовность Берлина, несмотря на наличие определенных сомнений, выложить еще большую сумму тем не менее зависит не только от риторического таланта Александра Парвуса. Скорее Ленин, которого он все же поставил во главе своей революционной программы, косвенно изъявил готовность сотрудничать с правительством Германии. В сентябре 1915 года Ленин через эстонца Александра Кескюла (псевдоним «Штайн»), который уже в сентябре 1914 года первым обратил на него внимание немецкого посла в Берне, Ромберга, передает немецкой стороне целевую программу на случай взятия им власти. В Берлине читают:

1. Создание республики.
2. Конфискация крупной земельной собственности.
3. Введение узаконенного восьмичасового рабочего дня.
4. Мирное предложение (Германии), не принимая во внимание Францию.
5. Отказ Германии от аннексий и военных контрибуций.
6. Отказ России от Константинополя и пролива Дарданеллы.
7. Вступление русской армии в Индию».

Прежде всего, последние пункты — это гораздо больше, о чем могли мечтать на Вильгельмштрассе в Берлине. В первые минуты эйфории в Берлине забывают принять во внимание то, что Ленин мог внести пункт 7 только как приманку. Или он и вправду не шутил?

В срочном послании от 30 сентября 1915 года из Берна в МИД посол Ромберг предлагает подсунуть эту программу оппозиции во Франции с целью оказания давления на французское правительство, чтобы оно, принимая во внимание возможность заключения сепаратного мира между Германией и Россией, тоже было готово к заключению мира. Но в Берлине из-за риска разглашения тайны от этого отказываются.

Кескюла, которого позже спрашивали, в том ли дословном тексте Ленин сообщил ему программу, уклончиво объясняет, что это версия Ромберга всего, что он устно сообщил дипломату. Подразумевалась под этим, в сущности, не что иное, как готовность Ленина, в случае успеха его революции, «оказать содействие» в «антиимпериалистической» освободительной войне (против английских колонизаторов).

Этому проекту программы предшествовал доклад немецкого посланника в Берне канцлеру в Берлине о недавно состоявшейся конференции русских социалистов, организованной Лениным. Вот некоторые из ее решений — что-то среднее между заявлениями о намерениях и программой действий:

«Превращение империалистической войны в гражданскую; создание нелегальных подпольных организаций там, где правительство и буржуазия провозгласили военное положение и отменили конституционные свободы; поддержка солдатского братания на фронте и пролетарских масс; приветствие свержения царской монархии...»

Это было весной 1915 года. Разумеется, Кескюла смог, воздействуя путем убеждения, финансово подпитанного им, осторожно изменить точку зрения Ленина, причем Ленин при этом не потерял своих революционных лозунгов (и своего лица). Если вначале он был готов только к разговорам о мировой революции, испытывая отвращение к патриотизму «защитников отечества» среди своих товарищей, то теперь его высказывание в этом отношении можно интерпретировать так: «по-моему, вначале надо победить Россию» (то есть косвенно поддержать необходимость немецкой победы), прежде чем думать о революции.

Таким образом, Ленин высказался двояко: с одной стороны, изъявил готовность к диалогу, то есть к сотрудничеству с германским правительством, а с другой стороны, готов к вознаграждению, которое он надеется от них получить за это.

План Парвуса начал действовать.

Впрочем, эта видимая перемена в мышлении Ленина на руку не только германскому правительству, Пар-

Habe am 29 Dezember 1915 -
eine Million Rubel in
rasenden Banknoten zur
Förderung der revolutionären
Bewegung in Russland von
der deutschen Gesandtschaft
in Kopenhagen erhalten

Dr. G. G. G.

Собственноручное подтверждение Парвуса-Гельфанда, что он «получил 29 декабря 1915 г. миллион рублей в (...) банкнотах для развития революционного движения в России от немецкого посланника в Копенгагене». Эта сумма соответствует удвоенной сумме в долларах США

вусу и всем тем, кто делает с ним общее дело. Но и самому Ленину и товарищам из его большевистской фракции пригодится моральный и финансовый стимул.

Ленин уже раньше получил сумму от «Союза освобождения Украины» (поддерживаемого Германией и Австро-Венгрией), за счет чего он финансирует свою газету «Дер Социал-демократ». Теперь благодаря Кескюла он располагает в десять раз большей суммой и, кроме того, не должен беспокоиться о технических мелочах: большевистская газета издается в типографии имперского правительства в Швейцарии, а затем тиражируется в Германии. Оттуда газета проделывает путь через фронт в разные области России.

За то, что его пропаганда поощряется подобным образом, Ленин проявляет очевидную готовность к компромиссам, в конце концов, он известен своими «прагматическими компромиссами».

При всем том, что Кескюла поддакивает Парвусу, работая тем самым ему на руку, эстонец принципиально отличается от Парвуса. В противоположность революцион-

ному миллионеру, на лице которого написаны деловитость и бесцеремонность, Кескюла выглядит аскетичным, высоким, элегантным интеллигентом, которого вряд ли можно было бы принять за революционера и к гостям и собеседникам которого, бывающим на его вилле в Швеции, может быть причислен архиепископ Уппсулы.

Цель Кескюла — это независимость его родины Эстонии, и, будучи идеалистом, он верен ей. Он признал Германию логическим союзником и порекомендовал ей Ленина как «деструктивную силу и бессовестного политика», которого стоило использовать. Но деньги, получаемые Кескюла от Германии, он берет не для себя, а для финансирования своей цели, а если точнее, как кредит, который он собирается вернуть.

И наконец, есть еще одно различие между ними: у Парвуса речь идет только о миллионах, с более мелкими суммами он не имеет дела, в то время как Кескюла, имея скромные финансовые запросы, обходится тысячами золотых марок и поэтому является для германского правительства значительно более дешевым, но более серьезным и при этом не менее продуктивным партнером. В общей сложности наберется меньше полмиллиона марок, которые Кескюла «одолжил» у правительства Германии и, к изумлению немцев, вернул после окончания войны. Но для германской стороны каждый из обоих мужчин по-своему ценен.

Впрочем, Кескюла с пренебрежением относится к Парвусу. В его глазах — он не политик, а «стяжатель». Услышав, что Парвус обещал Германии скорую революцию в России, Кескюла характеризовал его как более чем «шарлатана».

Кескюла со своей стороны составляет для германского МИДа подробный отчет об актуальном положении и соответствующем настроении различных политических группировок в России в преддверии революции, резюмируя его программой с тремя пунктами требований: приоритетная поддержка национальных меньшинств; организация движения внутри России, независимо от революционеров, находящихся в эмиграции, и совместные усилия, чтобы перетянуть революционеров в эмиграции на немецкую сторону.

В Берлине доверяют обоим — и Кескюла и Парвусу. Первый получает паспорт для поездок из Швейцарии в Германию и Скандинавию на имя Александра Штайна. В целом деятельность Кескюла — наконец, передача заявления о намерениях Ленина на случай захвата им власти — благоприятна для Парвуса. Берлин намерен по-прежнему оказывать ему поддержку как катализатору желаемых событий в России. И это независимо от того, насколько будут едины или разрозненны между собой революционеры в эмиграции.

Насколько известно в германском МИДе от послов в столицах между Стокгольмом и Берном, русские социал-революционеры, как они сами себя называют, никак не образуют единого фронта: группировка Плеханова видит свою цель преимущественно в уничтожении германского милитаризма; для группировки Ленина, напротив, борьба с царизмом имеет большее значение, чем война с Германией; между ними находится группировка Аксельрода. Но здесь и скрыто противоречие между взглядами Кескюла и Парвуса.

Кескюла в своем сообщении в Берлин объясняет, что революционеры и сепаратисты ни в коем случае не договорятся друг с другом: в то время, как революционеры заинтересованы в централизации государства для обеспечения лучшего контроля, сепаратисты, имея в виду свое национальное движение, поддерживали, скорее, децентрализацию. Большевики и меньшевики тоже были едины в ожидании революции, но не хотели, чтобы она была осуществлена преждевременно, во время войны. Кроме того, меньшевики занимают патриотическую позицию и категорически против немецкой победы.

У Парвуса есть все основания форсировать события в России. Чтобы придать своей революции больше силы и ускорить ее, он в конце 1915 года предлагает немецкому послу план, состоящий из пяти пунктов:

1. Театр военных действий: для деморализации настроения психологически было бы целесообразно успешное наступление, например, на Ригу; это было бы крушением надежд, способствовало падению боевого

духа на фронте и лишило самоотверженности мирное население.

2. Воздействие на армию: надо оказать на нее прямое пропагандистское воздействие — разумеется, не так, как раньше, анонимными листовками, а в форме прямой агитации немецкими социал-демократами и профсоюзами, они должны провозглашать задачу борьбы и призывать к братанию.

3. Надо энергично содействовать революционному настроению, чтобы запланированные события смогли состояться в день годовщины 9/22 января.

4. Мероприятия на русском денежном рынке как дополнительное средство для создания паники: пустить в обращение банкноты с одинаковыми серийными номерами — в результате падение курса рубля, утрата доверия населения к рублевой валюте, а вместе с тем и к правительству, паника на валютном рынке, к тому же нанесение ущерба русской кредитоспособности за границей.

В последнем пункте Парвус умалчивает, что он имел в виду подделку рублевых купюр, как Ленин в прежние годы уже делал, находясь в Финляндии. Как бы то ни было, германскому канцлеру это мероприятие кажется слишком рискованным, и он отказывается поддержать его. Впрочем, Парвус связывает надежды на скорое начало беспорядков с ожиданием предполагаемого голода.

Впрочем, Брокдорфф-Рантцау добился, чтобы Парвус со своей программой был принят в Берлине, а если получится, как бы ему хотелось, то и самим рейхсканцлером (ему дали понять, что «люди вроде Парвуса не должны быть допущены к высшим инстанциям»). Посол закончил свое изложение, являющееся основой для актуальных планов Парвуса, уже процитированными словами в патетическом тоне:

«Победа, и как награда первое место в мире будет нашим, если удастся своевременно революционизировать Россию и тем самым подорвать коалицию.

(...) То, что он не святой и не приспособленец, это точно; но он верит в свою миссию и выдержал испытание своих способностей во время революции после русско-японской войны...»

16—20 декабря 1915 года Парвуса принимают в МИДе в Берлине и в ведомстве Государственного казначейства. Заручившись согласием на получение следующего миллиона (на этот раз, рублей) от государственного секретаря Хельффериха, он уезжает.

Вернувшись в Копенгаген, Парвус с гордостью и радостью торопится поведать немецкому послу, как много встреч у него было назначено в берлинских министерствах и как «хорошо» и «с пониманием» отнеслись к нему и его планам. Брокдорфф-Рантцау опять передаст это в Берлин с обратной почтой, не забыв намекнуть, что Парвус «для окончательной организации русской революции» запросил сумму в 20 миллионов рублей, но срочно из них необходим только один миллион.

На самом деле, называя послу эту сумму, Парвус добавил, что было бы опасным переводить сразу всю сумму целиком: после распределения этих денег в России существует слишком большой риск, что где-то через слабое звено может произойти утечка информации об их происхождении.

29 декабря Парвус получает в немецком посольстве в Копенгагене обещанную сумму в размере одного миллиона рублей. Он хочет в ближайшие дни выдать деньги агентам в Стокгольме, которые должны в предстоящие недели инициировать в Петербурге большую стачечную волну.

Парвус может подвести первые итоги по результатам прошедшего 1915 года — и кажется, он был довольно успешным:

Сотрудничество с германским правительством институционализировалось и принесло финансовые результаты в виде неоднократных денежных выплат в миллионных размерах — в марках и рублях.

После первой выплаты, то есть аванса, в марте, в финансовом отчете Государственного казначейства в апреле записано:

«Министерству иностранных дел согласно статье 6 расходов чрезвычайного бюджета (...) предоставлены последующие четыре миллиона марок:

два миллиона на пропаганду в России;

два миллиона на особые нужды прессы...»

Деньги и материалы для революции попадали в Россию через него или непосредственно отправлялись из Берлина.

Июнь. Телеграмма немецкого посла в Швеции в Берлин с сообщением об оплате более четырех тысяч винтовок, шашек и патронов.

Июль. Телеграмма политотдела Генерального штаба в МИД относительно перевода 73 376 марок через «Дойче Банк» исключительно как компенсация потерь от колебаний курсов для Парвуса. Остаток суммы бюджета на «расходы по напечатанию и транспортировке русских воззваний», а также на хранение «необходимых Гельфанду взрывчатых материалов...»

Затем летом предоставление следующих пяти миллионов марок «на пропагандистские цели в России».

Поездка шведского единомышленника Крузе в Петроград и конспиративная поездка Густава Мёллера, который контрабандно перевозит письма из Швеции в Россию и обратно через финский пограничный город Торнио, обе прошли успешно, при этом сочувствующий в качестве прикрытия перевез большую партию презервативов.

Затем осенью состоялся успешный старт газеты «Глоке», субсидированный Берлином.

Октябрь. Создание акционерного общества на равных долях с Георгом Скларцем, аренда служебного помещения на Остергаде, 58.

Заключение сделок на поставку тонн меди, олова, алюминия, свинца, никеля, каучука; гарантия имперского правительства на необходимое грузовое судно.

Призыв Георга Скларца на военную службу успешно предотвращен, благодаря вмешательству Берлина.

Также в октябре: сообщение военно-морского агента из Румынии в МИД в Берлине об удачном «взрыве русской юго-западной магистрали».

С политического фронта приходит благоприятная для Германии новость: русский министр иностранных дел Сазонов, как и царь Николай II, связанный союзническими обязательствами, а значит, являющийся противником «позорного» сепаратного мира, подал в отставку. Его сменил прогермански настроенный, немец по про-

исхождению, министр Штюмер, что было ошибочным внутривнутриполитическим решением.

Ноябрь. Отчет немецкого посла в Стокгольме в Берлин от 21 ноября о договоре с агентом Львовым: в течение месяца организация взрыва железнодорожного моста через Волгу Транссибирской магистрали за гононар в десять тысяч рублей; через две недели после взрыва — (сообщить об исполнении телеграммой) поставка немецких пистолетов и револьверов с 375 000 патронов.

Когда Львов (в документах германского МИДа транскрибируется как «Лбофф») начнет проводить революционную агитацию в индустриальных центрах, особенно в Донецком угольном бассейне, и успешно призывать к забастовкам, он получит следующую партию пистолетов (3500) и патронов (875 000), 2000 винтовок с 500 000 патронов.

Для прекращения работы в угледобывающих областях или для восстаний в одном районе Львов получает следующую партию оружия и полмиллиона марок, если ему удастся сделать это во всей губернии — два миллиона.

Еще в ноябре приходит сообщение о распространении выпущенных Кескюла (но какая теперь разница?) пропагандистских изданий за линией фронта.

Декабрь. Ответное сообщение об удачной контрабанде из Скандинавии в Петроград оружия и денег, в частности, Екатериной Громовой и Перасичем, основное занятие которого — депутат русской Думы.

Одновременно в декабре в Японии в тайном меморандуме зафиксировано, что в случае заключения сепаратного мира с Германией она нападет на Россию с востока.

План, по которому должны быть перекрыты важные пути снабжения для армии на фронте и населения в тылу и в связи с этим созданы стесненные условия, которые надо суметь использовать для агитации и вооруженного восстания, в конце 1915 года полностью вступил в силу. Также успешно проходит агитация против Центра, или против государства в целом, в так называемых окраинных областях, если не сказать везде.

В целом итог достойный. Над некоторыми деталями еще стоит хорошо поработать, что следует из отчетов охраны, отражающих общую картину.

Так, в секретном отчете министра внутренних дел начальнику Тайной полиции от 15 декабря 1915 года написано:

«На основании поручения № 171142 от 8 июля сего года имею честь доложить Вашему Превосходительству, что, по полученной от агентуры (охраны) информации, Кавказский окружной комитет, объединяющий все кавказские организации, входящие в меньшевистскую фракцию, в настоящее время переживает сильный внутренний кризис, что объясняется существующими сейчас разногласиями во мнениях членов этой организации о войне.

В самом начале войны известный немецкий социал-демократ Парвус — его настоящее имя Гельфанд — хотел развернуть среди грузин, населяющих Кавказ, анти-русское движение. Он долго жил в Константинополе и некоторое время принимал активное участие в Российской социал-демократической рабочей партии. Кроме того, он также замешан в деятельности «Союза освобождения Украины». С указанной выше целью он направлял многих эмиссаров из грузин на Кавказ, которые должны были убеждать отдельных социал-демократов в необходимости его замысла, но ни одна грузинская организация в своем большинстве не разделила взглядов и намерений Парвуса.

С сильным сопротивлением Парвус столкнулся в армянском движении, так как они видели решение своих национальных вопросов в поражении Турции. Но даже среди армян мнения по отношению к России принципиально различаются. В то время как одни хотят присоединения к России в форме автономной территории, другие усматривают в этом новую национальную катастрофу и требуют полной независимости.

Большевики-ленинцы на Кавказе, в первую очередь в Баку, где они сильны, хотели призывать к движению «за мир», но в кавказских организациях гораздо сильнее влияние «Кострова», депутата I Государственной Думы

и бывшего члена Центрального комитета РСДРП, Жордания, который заявляет о своей принадлежности к социал-патриотическому движению (то есть к движению по защите Отечества).

Этот так называемый Костров-Жордания к началу войны находился в Вене, откуда он поехал в Швейцарию и попытался нелегально вернуться на Кавказ. Под его влиянием усилились социал-патриотические настроения в Грузии и Армении...»

Но если «в окраинных областях» не все происходит сразу так, как хотелось бы, ничего уже нельзя изменить: в конце 1915 года. Парвус может оглянуться на плоды своих усилий, распространившиеся повсюду. И уверенно шагнуть в новый год. Он предвещает, что по стране прокатится волна беспокойств, которые, по мнению Парвуса, должны всколыхнуть затишье перед бурей.

Чтобы и географически оказаться ближе к предстоящим событиям, Парвус к началу 1916 года отправляется в Стокгольм.

3 января — менее чем за три недели до запланированного старта «своей» революции — он отправляет оттуда телеграмму послу Брокдорффу-Рантцау в Копенгаген:

«Все как нельзя лучше. Жду здесь сообщений из Петрограда».

ЗАБАСТОВКА ИЛИ ПУТЧ — ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ К ПАРВУСУ

Близится 22 января 1916 года; по принятому в России календарю это девятый день нового года. Как и каждый год, в этот день нужно почтить память жертв кровавой расправы во время демонстрации 9 января 1905 года и, воспользовавшись случаем, дать возможность накопившимся эмоциям вылиться, согласно плану Парвуса, в волну забастовок и восстаний по всей стране.

Когда наступает день «Х», 45 000 рабочих выходят на забастовку в столице Санкт-Петербурге в память о

«Кровавом воскресеньи». В южнорусском городе Николаеве 10 000 рабочих судостроительной верфи прекращают работу. Причина: требования повышения заработной платы. Но поскольку они так высоки и неисполнимы, что кажутся неправдоподобными, полиция подозревает, что «эта политическая забастовка организована левыми партиями или агентами Германии», чтобы «дестабилизировать существующий порядок».

То, что бастующие могут терпеливо выдерживать такое положение недели напролет, непосвященным может показаться сомнительным. Согласно своему плану, Парвус внес в комитеты бастующих рабочих по полторы марки на человека в день. Но что если через месяц забастовки фабрика закроется?

Итак, по всей России в этот магический день 9/22 января 1916 года бастуют менее 100 000 человек. Еще хуже для Парвуса то, что искра не переходит на другие фабрики или области. Объявленная революция не состоялась.

Парвус переоценил свои возможности. Он осознает, что, возможно, слишком верил своим агентам и курьерам, доверял тем мрачным прогнозам, что они ему сообщали относительно положения в стране, о настроении, о мнимом брожении в армии — одним словом, обо всех признаках якобы созревшей революционной ситуации. При этом они умалчивали о скорей всего, несуществующей организации, которая бы проделала подготовительную работу по превращению местных забастовок в массовую стачку в масштабах страны...

В действительности начало 1916 года было для России многообещающим — для правительства, для армии и для населения. Царь с осени прошлого года стал Верховным главнокомандующим и контролировал военную ситуацию из Генерального штаба. Он провел ряд эффективных мероприятий по улучшению снабжения на фронте и населения в тылу. Наступление противника было остановлено, на фронте наступило затишье. После отставки военного министра Сухомлинова, который должен был отвечать за понесенные убытки, назначение нового строгого руководства, казалось, имело позитивные последствия и для солдат в окопах.

Царь Николай, созвав собрание ведущих промышленников, призвал их всеми силами поддержать военные действия и в качестве образца для подражания внес свое личное состояние. Благодаря золотым запасам России — до войны самым большим в мире — он имел возможность и дальше заказывать из Англии боевую технику; а чтобы при этом еще и не растратить эти золотые запасы, министр финансов Барк золотом не расплачивался, а только брал под него ссуды. Николай II отдал министерские посты лояльным, выступающим за продолжение войны чиновникам. С тех пор, как командование армии перешло к царю, его появление в Ставке и на различных участках фронта, где он всегда бывал с особенно любимым наследником престола Алексеем, тоже положительно сказывалось на боевом духе солдат. Все это доказало беспочвенность революционной пропаганды.

До Парвуса, находящегося в Стокгольме, дошли сообщения о всего лишь разобренных забастовках. Но он ни в коем случае не собирается сдаваться. Во всяком случае, он должен что-нибудь придумать, чтобы объяснить Брокдорффу-Рантцау, а через него и своему заказчику в Берлине, почему не состоялась революция. Он мастерски подыскивает достоверное объяснение и заверяет, что революция не прекращена, она только немного смещена по времени. Почти дословное содержание его аргументов можно найти в сообщении, которое посол срочно отправляет в Берлин — на этот раз, лично рейхсканцлеру Бетманну-Хольвегу:

Имперская дипломатическая миссия Германии.

Копенгаген, 23 января 1916 года.

Телеграммой. Секретно!

«Др. Гельфанд, который вернулся в Копенгаген после трехнедельного пребывания в Стокгольме, где он был на совещании с русскими революционерами, конфиденциально сообщил мне следующее:

Предоставленная в его распоряжение сумма в размере одного миллиона рублей сразу же была отправлена дальше, уже переведена в Санкт-Петербург и доставле-

на по назначению. Гельфанд настаивал на том, чтобы начать акцию 22 января, но его доверенные люди решительно отговаривали от этого, называя немедленное выступление преждевременным. Они нарисовали следующую картину положения дел в настоящее время: принятое в организациях решение приступить к революционным действиям остается неизменным, но политическое положение в течение двух последних месяцев некоторым образом изменилось, поэтому прямое и внезапное нанесение удара сейчас было бы рискованным.

Соппротивление буржуазных партий революционному восстанию возросло и проявляется еще более решительно, чем раньше. Правительство тем временем тоже не бездействовало и, без сомнения, вело искусную политику, чтобы противостоять революционному движению: оно расставило некоторых господ, бывших до войны представителями революционеров, на руководящих постах и тем самым значительно ослабило движение. Затем оно провело мероприятия по устранению продовольственной нужды в Петрограде, которая вот-вот угрожала наступить. Между тем пассажирское сообщение между Петроградом и Москвой уже давно прервано, чтобы можно было осуществить быструю доставку продуктов в Петроград.

Но наибольшей помехой является позиция правых, которые хотели бы использовать восстание в своих интересах (...) Нет уверенности в том, достаточно ли хорошо контролируются массы, чтобы по-прежнему оставаться во главе движения (...) Пропаганда мира реакционерами тоже компрометирует восстание, которое имеет революционные цели. Все эти моменты недостаточно сильны, чтобы помешать революционному восстанию, но достаточно важны, чтобы предотвратить преждевременную акцию...»

На основании этого в Берлине решено приостановить процесс революционизации и финансировать только небольшие акции, вроде пропагандистских изданий, агитирующих за заключение сепаратного мира или за движения за независимость.

№ 298 pt. 23. Januar 1916. G. M.

Keiserlich Deutsche
Gesandtschaft.

74/1
Kopenhagen, den 23. Januar 1916.

Nr. 19.

durch Depeschkasten.

Geheim!

18. 1. 1916
27. JAN

Dr. Helphand, der nach dreiwöchigen Aufenthalt

in Stockholm, wo er mit russischen Revolutionären Leuten hat, nach Kopenhagen zurückgekehrt ist, teilte mir vertraulich Nachstehendes mit:

Die ihm zur Verfügung gestellte Summe von einer Million Rubel ist sofort weitergesandt, bereits in St. Petersburg eingetroffen und ihrer Bestimmung zugeführt. Helphand hat darauf bestanden, mit der Aktion am 22. Januar zu beginnen, seine Vertrauensleute haben aber mit aller Entschiedenheit davon abgeraten, ein sofortiges Vorgehen als verfrüht bezeichnet und folgendes Bild von der gegenwärtigen Lage entworfen:

In den Organisationen steht der Entschluss, zu einer revolutionären Aktion zu schreiten, unverändert

fest

Seiner Exzellenz

des Reichskanzler

Herrn von Bethmann Hollweg.

B
Königsberg 104. n. 119. am 18. 1. 1916. 11/11 29

Немецкий посол в Копенгагене Брокдорфф-Рантцау докладывает 23 января 1916 г. в Берлин о переправленных МИДом через Парвуса денежных средствах и о его информации. Тот уже определил январь 1916 г. началом акции, благодаря которой должна была вспыхнуть революция

Сомнения нынешнего госсекретаря фон Ягова подтвердились: он никогда не был высокого мнения ни о Парвусе, ни о его плане. Гораздо серьезнее ему казался Кескюла; его не только подкупил образованный эстонец, который, в противоположность Парвусу, не посягал на личное обогащение и к тому же не ставил своей целью тщеславные замыслы, он бы довольствовался независимостью Эстонии.

Кескюла убеждал сдержанными предложениями, связанными со сравнительно скромными финансовыми запросами, и осторожными оценками, которые, в противоположность оценкам Парвуса, оказались правильными.

Так, например, в своем докладе из Стокгольма в конце 1915 года, перед началом январских событий 1916 года, Кескюла предупреждал, что в России в настоящее время революционная ситуация не сложилась. Более того, среди социал-демократов и революционеров умеренное крыло меньшевиков пользовалось большим успехом, а также из-за сильной поддержки со стороны состоятельных еврейских кругов располагало и большими деньгами; они, в отличие от окружающих Ленина большевиков, разумеется, не поддерживают «пораженческую» политику, а в большинстве своем выступают за защиту отечества. Поэтому преждевременно произведенный переворот пошел бы на пользу умеренным революционерам, которые, очевидно, объединились бы с «кадетами» (конституционными демократами) — самыми сильными патриотами страны. Тогда бы вопрос об окончании войны сепаратным миром, которого хочет Германия, даже не возник. Тем самым Германия поставила бы не на ту лошадь и, совершив большие финансовые затраты, не получила бы желаемого результата — мира на Восточном фронте.

И не в последнюю очередь эта оценка впоследствии, после несостоявшейся в январе 1916 года революции, приведет к ослаблению, если не сказать к прекращению, немецкой активности по развязыванию революции. В самом Берлине образовались два лагеря мнений — за продолжение политики революционизации или за ее отсрочку и вместо этого за возобновление усилий по за-

A 1631 für 9. Mai 1916.

Berlin, den 8. Mai 1916.

Handwritten initials and a checkmark.

Handwritten initials.

Handwritten notes and a circular stamp.

Der mir Ende September 1915 für russische Propaganda von Auswärtigen Amt eingeräumte Kredit von 130,000 Mark ist laut Abrechnung vom 26. April 1916 nicht nur völlig aufgebraucht, sondern schloss mit einem Defizit von M 1011,93 ab, die mir heute von der Legationskasse des Auswärtigen Amtes zum Ausgleich ausbezahlt wurden.

Er. Hochwohlgeboren hatten dann im Dezember 1915 noch 60,000 Mark bewilligt, die Herrn Kesküla in drei Monatsraten von je M 20,000 für die russische Propaganda ausbezahlt werden sollten. Es gelang mir hiervon 50,000 M aus Ersparnissen von dem Kredit von 130,000 M zu bestreiten. Die restlichen 10,000 M habe ich inzwischen zum größten Teil aus eigenen Mitteln ausbezahlt. Aus dem Kredit wurden fernerhin mehrere, mehr oder weniger erfolgreiche neue Unternehmungen, bezw. Vorarbeiten unterstützt, über die von mir von Zeit zu Zeit mündlich Bericht erstattet worden ist.

Zuletzt wurden noch im Einverständnis mit Er. Hochwohlgeboren der Sektion Politik des Generalstabes des Feldmars

S. H.
Herrn Kaiserlichen Gesandten und
Kaiserlichen Legationsrat
Dr. v. n B e r g e n
Auswärtiges Amt

B e r l i n

Handwritten signatures and initials: aa, B 13, HC, etc.

«(...) кредит (...) истощился...», — сообщает немецкий посол Ромберг 8 мая 1916 г. МИДУ в Берлин из Берна, запасной арены встреч немецких дипломатов с русскими революционерами. Эстонец Кескюла, через которого идут деньги на пропаганду в Россию, намного скромнее Парвуса.

ключению мира. Результат: в ближайшие месяцы Германия находится на распутье; канцлер Бетманн-Хольвег, во всяком случае, принял предложение шведского министра иностранных дел Валленберга: представить на рассмотрение через его посла в Петрограде предложение о мире.

Что касается фронта подрывной деятельности, то на этом этапе Берлин оплачивает только небольшие позиции: пропаганду печатных изданий, прежде всего, для поддержания движений за отделение в Финляндии и на Украине; текущие расходы агентов информационных и курьерских служб; перевод протоколов заседаний Думы и прочее.

Еще одним новым важным информатором становится русский эмигрант в Швейцарии Евгений Шивин — псевдоним «Вайс». Он происходит из круга социал-революционеров, возглавляемых Виктором Черновым, он производит хорошее впечатление на немецкого посла в Берне, фон Ромберга. С августа 1916 года его используют на немецкой службе как надежного информатора о положении в России, дав ему второе имя Артур Кёллер (или просто «Вайс»). Чернов и Бобров организуют поездки агентов в Россию, которые тайно переправляют в страну финансовые средства. Шивин ездит туда с разными паспортами и возвращается обычно хорошо осведомленным и нередко со списком новых агентов. Все происходит по плану Парвуса и, отчасти, с его агентами.

В мае этого же, 1916 года, начальник контрразведки, Штайнвакс, предъявляет в Германской дипломатической миссии в Стокгольме финансовый отчет за текущий период. Здесь речь идет только о мелочах:

«Предоставленный мне МИДом в конце 1915 года кредит в размере 130 000 марок на пропаганду в России согласно финансовому отчету от 28 апреля 1916 года не только полностью израсходован, но и закрыт с дефицитом (...).

Поэтому я прошу Ваше Высокоблагородие о разрешении и предоставлении следующих сумм:

1. Кескюла, остаток за март, апрель, май, июнь М(арк) — 70 000.
  2. Личев, май, июнь, июль — 18 000.
  3. Клайн, апрель, май, июнь (зарплата, организация, книга) — 7 000.
  4. Типография в Стокгольме май, июнь — 2 000.
  5. Доклады в Думе — 10 000.
  6. На мелкие акции, поездки, небольшие печатные издания — 23 000.
-

130 000

Нижайше прошу Ваше Высокоблагородие перевести их в депозитную кассу А, в Дойче Банк.

Штайнвакс»

Как упомянуто выше, в германском МИДе и политическом отделе Генерального штаба переводят доклады заседаний в русской Думе, чтобы вовремя на них отреагировать. Так, депутатам дают взятки, чтобы они срывали определенные решения — например, такие, которые полезны для успешного ведения войны или способствуют тому, чтобы успокоить ситуацию в стране. Так как представители РСДРП — (умеренные) социал-революционеры и большевики — тоже сидят в Думе и одинаково заинтересованы в ослаблении России, как и немецкий военный противник, то этот метод тоже действует.

Так, например, предложенная министром сельского хозяйства Александром Кривошеиным реформа в области сельского хозяйства по улучшению продовольственного положения и ситуации с крестьянским сословием была подобным образом сорвана. В конце концов, Парвус использует недовольных крестьян как инструмент для революционной пропаганды и как статистов в армии повстанцев. Как и бывшему начальнику Кривошеина, убитому в 1911 году министру внутренних дел и премьер-министру Петру Столыпину, который начал проводить аграрные реформы по социальной и матери-

альной независимости крестьян, так и министру сельского хозяйства стало ясно, что продолжение социальных реформ является лучшим средством для консолидации положения в стране и даже могло бы лишить назревающую революцию почвы. Параллельно с этим усиливается вербовка агентов в Скандинавии.

В финансовом отношении имперское правительство добивается пополнения. С помощью банкира Макса Варбурга — состоящего в родственных отношениях с Яковом Шиффом — оно берет кредиты в США.

Постепенно проведение революционизации России переходит из компетенции Министерства внутренних дел в компетенцию политического отдела Генерального штаба. Генштаб наряду с собственной стратегией проводит и ту, которую предложил Парвус или еще предложит. Так, например, вербуются финны и засылаются через Швецию в Германию для обучения. Затем их или набирают в немецкий пехотный полк, или делают агентами, или обучают на экспертов по взрыванию мостов. Некоторых обучают тому, чтобы захватывать из России дезертиров и вербовать их или использовать в качестве агитаторов в немецких лагерях для русских военнопленных.

Но и без этих консультативных контактов Парвус строит свои отношения с Берлином оригинальным образом. 11 февраля 1916 года он ходатайствует — редкий случай в истории русских революционеров — о получении немецкого гражданства.

Уже в 1914 году в одном интервью на вопрос, чувствует ли он себя русским или немецким революционером, он утвердительно ответил на последнее и объяснил, что является «сторонником германской культуры» и его судьба «неразрывно связана с судьбой немецкой партии». Согласно его *curriculum vitae* (лат. — «краткая биография». — *Пер.*), приложенному к ходатайству, он принадлежал «Германии почти на протяжении всей жизни по воспитанию, образу мыслей и жизнедеятельности».

Однажды он уже при встрече с унтер-штатс-секретарем Циммерманном в Берлине ходатайствовал об этом. Теперь же через своего лучшего друга, посла Брокдорф-

фа-Рантцау, вновь обращается с прошением и просит «ускорить его рассмотрение». Он обосновывает свою просьбу «возможностью большей свободы действий», с помощью которой он смог бы «оказывать больше услуг». Заканчивает он так: «...Если я сейчас возобновляю ходатайство о предоставлении мне прав немецкого гражданства, я делаю это (...) потому, что у меня есть потребность в том, чтобы духовные узы, соединяющие меня с немецким народом, формально тоже были признаны, равно как и из политических соображений...»

При этом Парвус видит очевидную разницу между прусским и немецким гражданством. К последнему он стремится, в то время как первое вызывает у него отвращение.

Но желаемого немецкого гражданства он не получает и вынужден довольствоваться прусским паспортом. Для его практических нужд этого достаточно — главное, его уже нельзя выдать охранке, если он зайдет в своих действиях слишком далеко, а его пребывание в Германии наконец-то будет узаконено — «лишено позорного пятна эмигранта и сомнительного запаха его политического прошлого», как выразился критик Максимилиан Гарден.

Парвус пытается и внешне быть достойным своего нового статуса. Кроме копенгагенской резиденции, он имеет элегантное место жительства на берлинской Тиргартенштрассе. Тем не менее он по-прежнему иногда ненадолго останавливается в отеле «Кайзерхоф» и устраивает там встречи. Помимо этого, он упорядочивает и свою личную жизнь. Теперь он ограничивается одной подругой, Марией Шиллингер; через год она родит ему еще одного сына, которому он даст фамилию своей жены и свое собственное имя Александр.

Пока время работает на него и на революцию, Парвус может сосредоточиться на расширении своей торговой империи. Весной 1916 года его бизнес в Копенгагене опять процветает. Он также владеет рекламной фирмой, транспортным предприятием, складскими помещениями, оружейным складом, пароходами. Когда из-за начала подводной войны начинаются блокады, которые сказываются и на поставках из Англии, Парвус

проворачивает выторгованную у Германии год назад сделку с немецким углем для Дании (уже при запрете на вывоз).

В апреле он делит свою долю в деле с партнером Георгом Скларцем, который одновременно работает на военную разведку немецкого Генерального штаба, отправившего его в непосредственную близость к Парвусу. Брат Георга Вальдемар работает на него в Стокгольме, другой брат, Генрих, занимается в Копенгагене экономическим шпионажем, подчас используя для этого и русских агентов под их псевдонимами. Парвус анализирует полученную информацию.

Из-за торговли сырьем, металлами и различными товарами, от медикаментов и икры до подтяжек и презервативов, предприятие Парвуса занимает своего рода положение монополии; на что-то он имеет лицензии, а чем-то занимается контрабандно.

Когда его изначальный компаньон и политический единомышленник Фюрстенберг был арестован, а затем продолжал работать на него в Стокгольме, ему помогали товарищи по партии Моисей Урицкий¹ и Бухарин, которым Ленин не разрешил (непосредственно) работать на Парвуса, когда он набирал агентов среди эмигрантов в Швейцарии. Это связано с тем, что Ленин хочет контролировать Парвуса через своих товарищей и доверяет это только тем из них, на которых может положиться.

Оказывается, что Ленин очень хорошо сотрудничает с Парвусом, — но делает это через Фюрстенберга и узкий круг его сотрудников, — получая в Берне и Цюрихе, где у него теперь есть место жительства, от Парвуса сообщения, письма или что-то еще через целую цепь посредников. При этом Ленин использует людей по их способностям.

Примером личности русского революционного теоретика является Бухарин. Ленин ценит в нем интеллект и лояльность, правда, его личность не кажется слишком стойкой, но он, скорее, обращает на себя внимание своей экзальтацией. Его сочинения так сложны, что однажды шведский социалист Густав Мёллер, прочитав одну

---

¹ Позже начальник петроградской ЧК.

финансированную им и подготовленную к печати работу, признался, что не понял в ней ни слова. Как только Бухарин получил известие, что нашелся кто-то, кто заинтересовался его книгой, — в данном случае германский МИД, решивший финансировать ее как пропагандистское издание, — он от волнения не мог уснуть всю ночь.

Но Бухарин притягивает к себе еще и своим лучезарным характером. Когда сочувствующий революционерам Крузе выразил согласие поехать в Петроград, чтобы подготовить почву для пропагандистской работы, Бухарин от радости пустился в пляс. А когда он в Стокгольме попал в тюрьму — он якобы на конгрессе рабочей партии знакомил своих товарищей с научными методами по взрыванию мостов — и один из его товарищей постучал к нему в камеру, Бухарин в знак приветствия радостно поднял свой ночной горшок и крикнул: «Ваше здоровье!»

Поэтому и Ленин сам не может решиться на то, чтобы ходатайствовать за своего товарища Бухарина, находящегося в заключении, — постоянно приходится думать, чтобы не быть скомпрометированным или оказаться посмешищем. Немного поколебавшись, он поручает заняться этим делом Зиновьеву, который должен написать письмо шведскому социалисту Брантингу и передать ему деньги для Бухарина.

В таких случаях Парвус тоже остается в тени — равно, как и в бизнесе. На стадии политического затишья его бизнес развивается особенно хорошо. Часть своей коммерческой прибыли он инвестирует в реорганизованные им аграрные предприятия в Болгарии, находящейся на стороне Германии в войне, и в Турции, чтобы помочь обеим странам обеспечить свое продовольственное снабжение во время войны. Полученная в России прибыль, как уже сообщалось раньше, частично переводится госпожой Суменсон через специальный счет в Петрограде в различные большевистские центры в России, или лично им переправляется дальше. Свой личные доходы Парвус вкладывает в пакеты акций, которые наряду со своими наличными средствами держит во всех нейтральных странах.

Но уже осенью 1916 года Парвус и его берлинские партнеры вновь концентрируют свое внимание на России. Ведь драматическое ухудшение положения России опять делает актуальной программу революционизации.

В России начинают приходить плохие новости с фронта. Брусиловское наступление в июне — сентябре провалилось, так как не все генералы, находящиеся на линии фронта, примкнули к нему. В Румынии все предвещало катастрофу — зимой положение этого русского союзника окончательно ухудшилось. В соответствии с этим падает настроение в армии и среди населения.

К тому же с сентября 1916 года усилия немцев по революционизации России получают поддержку с неожиданной стороны. Когда Англия должна подтвердить России уступку Босфора, в Англии принимается решение делать все, «чтобы не осуществилась старая русская мечта о Константинополе». Ллойд Джордж и Лорд Милнер выкладывают на это 21 миллион рублей. К этой сумме, распределяющейся между завзятыми подстрекателями беспорядка в Петрограде, прибавляется более двух миллионов долларов от трехкратной суммы, которую заплатил Американский комитет помощи еврейским беженцам во время массового мероприятия в Нью-Йорке и которая попала в кассы русских революционеров.

Но как показали ошибочные расчеты Парвуса в январе 1916 года, чтобы разжечь революционный пожар на огромной территории с помощью одной забастовочной искры или вспыхивающих то там, то здесь организованных беспорядков, мало одних только финансовых затрат. Только существенные факторы в больших масштабах создают предпосылки подрыва общественных устоев в их совокупности. Одна только военная ситуация не смогла этого сделать, нужны соответствующие обстоятельства внутри страны, чтобы осуществить план Парвуса.

Но во второй половине 1916 года, в отличие от начала года, обстоятельства в самой России складываются на руку ее внешним врагам. С тех пор как царь почти перестал бывать в столице, а находился чаще всего в Генеральном штабе (поездка туда занимала целый

день) и на разных отдаленных участках фронта, положение в столице постепенно начало выскальзывать из-под его контроля. Это создало опасность для только что восстановленного относительного покоя и стабильности. У опасности появилось имя: Распутин.

Царица доверяет только Распутину, якобы спасающему жизнь ее сына во время кризисов болезни крови, внесенной ею от бабушки, королевы Виктории, в царскую семью. Впрочем, не доказано, что Распутин действительно когда-нибудь спас жизнь Алексея, и не является ли улучшение его состояния после тяжелых обострений чисто психологическим фактором или простой случайностью.

Разумеется, царица Александра считает, что этот сибирский мужик не только чудесный целитель божьей милостью, но и видит в нем компетентного, наделенного пророческим даром политического советчика. При этом она не подозревает, что все это уже давно развратило характер когда-то благочестивого, превратившегося теперь в ханжу сына сибирского крестьянина Распутина. Свою власть над ней он давно уже превратил в выгодный бизнес.

Если речь идет о мужчинах с карьеристскими наклонностями, которые встречаются с ним у посредника или посылают к нему своих жен, то за соответствующую мзду можно было решить проблему. На следующий день Распутин торопится к царице, чтобы рассказать ей о своем «ночном видении», в котором сам Бог своим святым перстом указал на кандидата X или Y на министерский пост или — в случае повышения на военной службе — на определенного генерала для командования на каком-либо участке фронта. Александра с обратной почтой передает в своем письме Николаю эту «рекомендацию». Государь, имеющий в своем подчинении более ста пятидесяти миллионов подданных, несмотря на неоднократно выказываемое недовольство против вмешательства его жены в политику, здесь бессилён.

Иногда Распутин обходится и без решающего слова царицы, заменяя отсутствующего царя. Сибирский невежда, например, царапает в записке два-три с трудом читаемых слова и передает ее тому или иному просите-

Der Krieg wird ja nicht bloß mit wirtschaftlichen
sondern zugleich mit wirtschaftlichen Mitteln
geführt. Würde man den Waffenkampf, der eine
Überlegenheit der Zentralmächte gezeigt hat, ohne
weiteres einstellen, so würden ~~die~~ die zentralen
Mächte den wirtschaftlichen Kampf fort-
setzen und sich ja eher mit Koalition verbinden
wären, um Deutschland auf dem Weltmarkt
zu erdrücken.

Выдержка из рукописного проекта меморандума, который Парвус направил в МИД Германии о запланированной им еще на 1916 г. революции в России. Он должен был гарантировать, что переговоров о заключении сепаратного мира не будет, так как они сделают ненужной его революционную программу: «Война будет вестись не только военными, но одновременно и экономическими средствами. Если бы можно было без последствий прекратить военные действия, которые продемонстрировали превосходство Центральных держав, страны Антанты продолжили бы экономическую борьбу и объединились в коалицию, чтобы задушить Германию на мировом рынке...»

лю для соответствующего министра. На ней с горем пополам можно прочесть: «Сделай это для него/нее!» И горе тому, кто без уважения отнесется к вмешательству Распутина...

Обстановка продажности причиняет значительный ущерб государственным интересам. Компетентные министры, которые отваживались заговорить о вывозе Распутина из города, за клеветнические измышления попали в опалу к царице и должны были рассчитывать на все вытекающие из этого последствия, вплоть до отстранения от должности. Распутин не представляет собой незаурядную личность, чего царица не понимает из-за недостатка знаний страны и ее литературы, он является прототипом всегда существовавшего в России и существующего до сих пор образа, увековеченного в литературе, например, Достоевским. Правда, не известно второго такого случая, когда пилигрим и природный цели-

тель подобный Распутину столкнулся с такой наивностью и легковерием в высших кругах и еще попытался использовать в сфере власти свои неожиданные возможности в преступных целях. Даже если и так: ни в какое другое время это не могло поколебать правительство так, как в это время — война и без того расшатала устои социальной системы, к тому же сформировалась решительная группа хорошо организованных радикальных сил, способных использовать создавшееся положение. Вряд ли кто-нибудь смог более четко выразить словами воздействие феномена Распутина, чем одна современница: «Фатальным его сделали только время и место».

Премьер-министр Трепов, которому Николай с полным основанием доверяет контролировать ситуацию, пытается в корне пресечь зло и предлагает Распутину состояние и пожизненную ренту, если он вернется в свою родную деревню Покровское и не будет вмешиваться в политику. Но в ответ раздался насмешливый хохот Распутина: он имеет денег куда больше, чем тот может сосчитать, не говоря уже о том, чтобы потратить. Чем он, как ребенок, упивается, так это властью.

А где же решающее слово царя? О том, как он многократно отправлял Распутина в Сибирь в его родную деревню, но потом все же должен был вернуть обратно, он заявил своему доверенному — и это высказывание дошло даже до германского МИДа, где было зафиксировано в одном из сообщений:

«Если бы Вы видели истерические припадки царицы, Вы бы согласились иметь трех Распутиных, чем захотеть пережить эти припадки еще раз...»

Новый министр внутренних дел Хвостов, назначенный царем для нормализации ситуации, планирует убийство Распутина; кое-кто до него уже пытался это сделать, но Распутин, даже находясь на волосок от смерти, всегда избегал ее. В народе с давних пор говорят: «У него душа срослась с телом, поэтому он не погибнет...»

План Хвостова тоже проваливается — заговор преждевременно раскрывается, и Распутина предупреждают. Карьера Хвостова непродолжительна.

За ним следует Протопопов, которого царь выбрал как человека Думы для преодоления пропасти между парламентом и правительством, но он оказался не только непопулярным, но и неспособным стать хозяином тяжелой и постепенно обостряющейся ситуации. Не удивительно, что левый либерально настроенный адвокат и депутат Александр Керенский, в конце своей карьеры, чему он не в последнюю очередь будет обязан обостряющейся ситуации, позже сделает вывод: «Без Распутина не было бы Ленина».

Насколько хорошо информированы германский МИД и Генеральный штаб о событиях в Петербурге, видно из внутреннего секретного сообщения МИДа, сделанного в мае 1916 года:

«То, что Григорий Распутин сейчас самый сильный человек в России, я уже упоминал. С одной стороны, он относится к наиболее ненавистным людям, с другой стороны, у него большая и преданная свита, состоящая из более чем сомнительных личностей, которые ему обязаны должностями и званиями, правительственными заказами и заказами на поставки, защитой от наказаний или еще чем-то. Как придворное общество, так и политические партии только к тому и стремятся, чтобы убрать его, но до сих пор безрезультатно (...) Тайная полиция и ее агенты охраняют его с той же тщательностью, что и императора. Бесконечная любовь императорской четы к болезненному наследнику престола служит Распутину средством укрепления и сохранения своей власти (...) Его влияние в первую очередь держится на умело поддерживаемой им выдумке воздействия на состояние здоровья престолонаследника. Его власть распространяется на все гражданские ведомства, на военные, пожалуй, только в экономических вопросах, возможно, еще при повышении по службе отдельных личностей (...) Особенно те личности, которые имели шансы на высокие назначения в военном министерстве, искали протекции Распутина за определенную плату ему...»

Вероятно, здесь имеется в виду военный министр Сухомлинов, который был снят с должности и арестован не только из-за недостаточного снабжения в армии,

но и по обвинению в коррупции. Это мог быть еще и банкир Дмитрий Рубинштейн. «Митя», как его все называли, был юристом, директором двух горнодобывающих предприятий, страхового общества, Русско-Французского банка, биржевым маклером и многим другим. С помощью Распутина он протаскивает «своих» кандидатов на министерские посты. С помощью своего пакета акций оказывает влияние и на прессу. В середине 1916 года его арестовывают по подозрению в нелегальном бизнесе с Германией, в том числе в купле-продаже акций через нейтральные скандинавские страны Германии, а также в валютных спекуляциях...

Распутину выгодно поработать на Рубинштейна: он не только финансирует его широкий образ жизни, но и вкладывает личное состояние Распутина в свой собственный бизнес. Так, Распутин с его помощью, — возможно, даже не зная этого, — владеет акциями на каучук и металл в тех фирмах, торговлей товарами которых занимается Парвус, оплачивая доходами от этого революционное движение.

Рубинштейн находится в заключении недолго. Банкир тайно передает Распутину 300 000 рублей, чтобы он нашел подходящие аргументы для вмешательства в его дело царицы. «Просто отправь его в ссылку в Сибирь без особого шума!» — вскоре после этого рекомендует Александра в письме Николаю. Царь против подобных вмешательств — особенно, если личность подозревается в измене Родине. И все-таки Рубинштейна освобождают под залог, разумеется, после этого он должен сразу же выехать из столицы (правда, не в Сибирь, а только в провинцию). Впрочем, ему удастся с помощью Распутина, на всякий случай, «протолкнуть» назначение нового министра юстиции Николая Добровольского, выбранного Рубинштейном. Но до его вступления на должность Распутину не суждено было дожить.

Без сомнений германская разведка уже давно открыла для себя ценность продажного именитого крестьянина и засылала агентов в его окружение. Именно это и были те «друзья», которые во время дружеской пирушки подсказывали жизнерадостному мужику имена якобы пригодных для военной карьеры людей или задава-

ли ему вопросы, ответы на которые Распутин при первом удобном случае должен был «вытянуть» у царицы. Некоторые из агентов через посредников также состояли в контакте с Парвусом.

Контакты между оплачиваемыми Германией агентами и Распутиным, информатором и интриганом, устанавливаются также с помощью женщин. Так, время от времени баронесса Уэксквелл гостит у Распутина и принимает участие в его легендарных чаепитиях. Ее супруг, Эдгар Уэксквелл, по поручению германского МИДа курсирует между Швецией и Петроградом. Это именно тот человек, который при случае привозит в Россию взятки, например, для депутатов Думы и министра внутренних дел Протопопова, чтобы ускорить революционное развитие или склонить некоторых личностей, находящихся на официальных должностях, к переговорам о заключении сепаратного мира.

Сам Распутин вряд ли является немецким наемником — он уже давно дисквалифицирован как агент из-за недостатка сдержанности и дисциплины. Кроме того, он, как известно, до середины 1916 года решительно возражал против войны; но вдруг — примерно ко времени возобновления немецких усилий по проведению мирных переговоров — он выступает перед царицей за продолжение войны «любой ценой». «Вероятно, он продался англичанам», — такое предположение высказывается в берлинском МИДе в одном секретном меморандуме.

При этом Распутин, даже не будучи никем купленным, наживается на войне: он держит акции фирмы «Дойче Кригсметалл-АГ», из которой Парвус в обход запрета на вывоз (и закона об ограничении русско-немецкой торговли во время войны) получает сырье и перевозит его через Скандинавию в Россию. И все-таки Парвус не смел бы и пожелать себе более полезного катализатора для хаотических отношений, создающих благодатную почву для революционной деятельности и агитации. Для правительства Германии и для Парвуса Распутин бесценен, поэтому неудивительно, что тайком поговаривают, будто сибиряка в Петрограде не только охраняют, чтобы контролировать его действия, но и за-

щищают — причем с разных сторон, заинтересованных в сохранении его жизни и благополучия.

Зима 1916/17 года ознаменовалась обострением политического кризиса в столице, усиливающегося еще и за счет материального. Царица Александра, во всяком случае, заботится о том, чтобы держать в узде назначенную на декабрь министром внутренних дел — протеже Распутина — Думу. Это именно Александра добивается у царя не предоставлять парламенту требуемой им неограниченной законодательной власти и отклонить их требование о формировании подотчетного Думе правительства. Корона, которую Александра подобным образом хочет сохранить «невредимой» для престолонаследника Алексея, тем самым, однако, вообще находится под угрозой потери.

Между правительством, сформированным по указанию царицы и Распутина (другие члены или отказались, или вынуждены были уйти из-за интриг), и Думой, бессильной прекратить скандальные интриги власти Распутина с царицей, поддающейся его внушениям и, очевидно, потерявшей разум, образовалась непреодолимая пропасть.

В январе 1917 года в Петроград направлена миссия союзников, Франции, Англии и Италии, чтобы получить представление о своем русском союзнике — точнее, о ее способности вести войну. Несмотря на роскошный банкет, на который способен только Петроград, и блестящие приемы, они обеспокоены положением дел. Если верить записям французской военной миссии, Лорд Милнер, возглавляющий британскую делегацию, несмотря на соглашение Антанты, поручил лорду Буханану по возможности поддержать повстанцев в случае возникновения беспорядков, как было решено в Лондоне в сентябре прошлого года.

Глава парламента приходит к царю и пытается предупредить его. Чтобы выйти из опасной кризисной ситуации, он советует незамедлительно назначить новое ответственное перед парламентом правительство. Царь потрясен этим ничем не приукрашенным сообщением чиновника. Помолчав несколько мгновений, он закрывает лицо руками и тихо произносит: «Я двадцать два

года старался, чтобы все было лучше, неужели я ошибался двадцать два года?»

Затем вновь приходит в себя и говорит, что после окончания войны надо полностью взять в свои руки «все необходимое», от реорганизации правительства до преобразования системы самодержавия, даже при наличии Думы не де юре, а де факто. «Только не теперь, не во время войны, — добавляет он почти умоляюще, — не надо показывать своей слабости немецкому врагу...»

Наконец, Николая предупреждает один близкий ему родственник: Александр Михайлович, «Сандро». Если он, царь, немедленно не отстранит супругу от правительственных дел, произойдет катастрофа — для царской семьи, династии и для всей страны — это вопрос ближайшего будущего. Но Александра, присутствовавшая во время беседы, остается непреклонной и с возмущением выпроваживает «Сандро».

Одновременно с этим в ход пускаются все средства, чтобы воспользоваться ситуацией. Надо торопиться. Большая группа крупных немецких предпринимателей собирается в Берлине, чтобы провести переговоры с представителями правительства. Они напоминают о совместных военных целях, намеченных еще в 1914—1915 годах, и выказывают нетерпение по поводу их выполнения. Где результаты тех усилий, которые они так сильно поддерживали? Когда они увидят угольные богатства Украины и запасы нефти в Баку? На государственного секретаря фон Кюльманна, преемника фон Ягова, оказывают давление, чтобы он совместно с генералом фон Гинденбургом провел жестокую военную операцию на Восточном фронте. Но фронт подрывной деятельности в этот момент, кажется, сулит бóльший успех.

Так, детализированное многостороннее секретное сообщение политического совета уполномоченных в Берлине МИДУ с прогнозом, соответствующим плану Парвуса, гласит:

«...Средством республиканской (революционной) партии, ожидающей своего часа, станет не вооруженное восстание, а всеобщая забастовка железных дорог,

связанная с саботажем, который из-за отсутствия запасов продовольствия в крупных городах должен привести к ужасному голоду...»

Так проходят подготовительные работы по программе, представленной Парвусом МИДу в 1915 году. Неужели это вскоре случится?

На сей раз гораздо больше говорит «за», чем в начале 1916 года, так как ситуация в стране предполагает для этого идеальные условия, было бы глупо не воспользоваться таким благоприятным моментом для осуществления своего плана. Сам Парвус в сочинениях о революции неоднократно предлагал попытаться свергнуть правительство во времена социальных или экономических кризисов: «...Решающая цель революционной стратегии — устранение ослабленного правительства путем уничтожения экономического доверия в государстве и соответствующей пропаганды...»

23 февраля 1917 года немецкий посланник Люциус фон Штрёттен сообщает из Стокгольма в Берлин: «Я слышал об одном важном человеке из лагеря Антанты, который только что вернулся сюда из Санкт-Петербурга, потому что там предстоит внутривластный переворот. События большой важности ожидаются уже в этом месяце».

Стокгольм, как показало присутствие Парвуса в ожидании революции уже в начале 1916 года, служит форпостом для контроля над событиями в Петрограде и узловым пунктом сбора информации и агентов в обоих направлениях.

Спустя день после отправления указанной выше телеграммы, 24 февраля 1917 года, в Берлине читают следующее сообщение:

«Революционное движение радостно продвигается. Запланировано весной объявить правительство недееспособным и создать из революционных союзов Временное правительство...»

genom gewonnen, etwas weniger die Börsenwerte. Da man tatsächlich infolge des Aufnahmeverbotes die Zirkulation der russischen Banknoten im Auslande sehr gering ist, so liesse sich mit verhältnissmässig geringen Mitteln ein weiterer Kurssturz herbeiführen. Neben den Banknoten kommen auch besonders die russischen Wechselcheine und eine Reihe anderer Börsenwerte in Betracht. Auch die direkte Einwirkung auf den inneren Geldmarkt in Russland ist nicht unmöglich, schon kursierten in Russland Gerüchte, dass die Regierung eine geheime Notenausmission veranlasst habe. Würde es gelingen, dafür den Nachwech zu führen, z. B. dass Banknoten mit gleicher Serien- und Nummernzahl zirkulieren, so würde die schlimmste Geldpanik zur Folge sein.

Es ist klar, dass dies auch auf den russischen Kredit in Auslande eine gewal-

Выдержка из перечня мероприятий Парвуса по организации беспорядков в 1916 г.: манипуляции по обвалу курса рубля, что должно было дестабилизировать население и поднять его против правительства

Сообщение заканчивается просьбой «не прекращать субсидии».

Имперское правительство, кажется, выполняет данное обещание. 2 марта 1917 года в его представительство в Стокгольме поступает следующее указание № 7443 Германского имперского банка:

«Вы сим извещаетесь, что из Финляндии будут поступать требования на денежные средства на пропаганду мира в России. Требования будут исходить от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Суменсон, Козловского, Коллонтай, Сиверса или Меркалина. Для этих лиц открыты текущие счета в отделениях частных германских банков в Швеции, Норвегии и Швейцарии в соответствии с нашим приказом № 2754. Эти требования должны быть снабжены одной или двумя из следующих подписей: «Диршау» или «Милькенберг». Требования, завизированные одним из вышеупомянутых лиц, должны быть исполняемы без промедления».

Неудивительно, что перед началом ожидаемых беспорядков в Берлине уже существует точная информация об их хронологической последовательности и принимающих

ся меры по отношению к тем лицам, которые к этому времени еще находятся в эмиграции в Швейцарии или, как в случае Троцкого, в Америке. Причина этого кроется в информационной цепи между Берлином и Петроградом через Копенгаген и Стокгольм, радиус действия Парвуса, а также в координации революционной активности и военных процессов. Эта коммуникация поддерживается радио и военным шпионажем, которые обычно заранее извещают о наступлении противника на фронте.

Уже в середине прошедшего 1916 года, когда поражение Брусиловского наступления положило начало русским военным неудачам и одновременно внутривнутриполитическому брожению, промышленник и фабрикант-оружейник Александр Путилов в паузе между двумя затяжками своей толстой сигары предрек французскому послу: «Революция будет».

Тот, кто присутствовал на бурном заседании парламента, состоявшемся в конце 1916 года, когда накопившиеся неприятные ощущения достигли кульминационного момента, не удивится этому предсказанию. Выпады против правительства градом посыпались со всех сторон. Правительство и царь видят три группы оппозиционеров: революционеров, либералов и саму династию. Все стараются очернить положение в стране и осыпают правительство упреками в недееспособности. Речи о «темных силах, которые правят страной и заковали в кандалы волю суверена...» буквально тонут в криках «Браво! Браво!».

Несмотря на запрет затрагивать имена членов царской семьи, председатель фракции конституционных демократов, Милюков, для наглядного описания положения в стране достал зарубежную газету — венскую «Фрайе Прессе». В ней перечислены имена «камарильи, командующей царицей, — Распутина ...» и всех остальных. В конце этого анализа из-за границы, позволившего ему назвать вещи своими именами, докладчик с яростью бросает в зал риторический вопрос: «Это глупость или предательство?» Бурные аплодисменты. Речь нельзя опубликовать, но она распространяется в бесчисленном количестве экземпляров.

Тут зал обходит записка, в которой Распутин, издеваясь над Думой, нацарапал имя своего последнего протеже: «Пока Дума думает и гадает, у Бога все готово: Добровольский будет министром юстиции!»

Это было последней каплей. Аудитория стала совсем неуправляемой. Зал наполнился рукоплесканиями, возгласами, криками. Выступление одного депутата, открыто заявившего, что «зло надо пресечь в корне», почти утонуло в бурных овациях.

Когда царица услышала об этой сумятице и критике в адрес правительства и царской династии, она самовольно распорядилась закрыть заседание с помощью министра внутренних дел — царь, как обычно, находился в далеком Генеральном штабе.

Дума перенесла последующие заседания в Москву. Но и там полиция должна была закрыть их. В разных политических фракциях подготавливаются заговоры, в которых наряду с депутатами принимают участие и сами роялисты. Поговаривают о заточении царицы в монастырь, о свержении царя и его замене регентом до совершеннолетия престолонаследника — но эти планы рушатся из-за бесконечных дискуссий, разногласий, нерешительности или недостатка секретности.

В феврале следующего, 1917 года Дума вновь должна собраться на заседание. Одно решение уже принято: надо вывести людей на улицу и таким образом усилить давление на царя. Но вначале необходимо «пресечь зло в корне»: в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года убит Распутин. Слишком поздно, чтобы еще суметь остановить последствия его действий.

Еще никогда общественность не откликнулась с таким энтузиазмом на убийство — и никогда так явно не обнаруживалась пропасть между царем, а еще больше царицей, и народом: в то время, как Александра требовала у Николая самого сурового наказания для убийцы Распутина, верующие ставили свечи в церкви перед иконами своих святых заступников и молились за тех людей, которые освободили страну от Распутина. В этой мрачной обстановке конца 1916-го — начала 1917 года люди задавали себе вопрос: «А что же принесет новый год?»

Насколько далеко, в двойном понимании этого слова, были русские революционеры обоих направлений, находящиеся в эмиграции в Швейцарии, от событий в Петрограде, и какие планы на ближайшее будущее они при этом строили, видно из сообщения русской службы внешней разведки от 23 декабря 1916 года. В нем агент информирует своего начальника о докладе, с которым выступил один из радикальных русских революционеров 3 ноября в Женеве. Тема его посвящена не положению в России и вероятным действиям эмигрантов, она звучит так: «Дело Адлера и кризис социализма — Адлер и Либкнехт».

В нем докладчик Радомысльский (он же Зиновьев) выражает заботу о том, что большинство немецких социал-демократов в последнее время в своем партийном органе газете «Форвертс» перешло на «социал-шовинистскую» линию германского правительства — в защиту войны, что происходит в ущерб рабочему классу. Далее он на международном уровне обвиняет «кризис социализма», так как бывшие борцы за дело социализма попадают на буржуазные правительственные посты (цитирует пример такого случая в Дании).

Третий пункт: убийство австрийского премьер-министра графа Карла Штюрка именно Фрицем Адлером, сыном венского вождя социал-демократии. Этот акт является якобы «новым и нежелательным методом борьбы против буржуазного правительства». Докладчик интерпретирует убийство, которое совершил пацифист Фриц Адлер, «как протест против инициаторов войны» (Штюрк подписал ультиматум Сербии), как «попытку встряхнуть спящую общественность»; он сравнивает мотивацию Адлера с мотивацией русских «народников, которые в борьбе с реакционным русским правительством стали террористами». Убийство Штюрка было инструментализировано друзьями и врагами союза стран Центральной Европы.

При всем понимании попыток спасти честь Виктора Адлера, объявляя его сына сумасшедшим, этот поступок все же следует рассматривать как политический акт. Согласно сообщению охраны, Зиновьев заканчивает свое выступление программными лозунгами: «И мы, револю-

ционные социал-демократы, понимаем этого человека, этот характер, мы разделяем его чувства и мысли — и все-таки мы не должны признавать это убийство как средство борьбы. Мы выступаем за власть масс в ответ на гнет правительства, за революцию, за массовую забастовку, за массовый террор. Мы протестуем против формулы швейцарских социалистов, которые одобряют убийство, совершенное Адлером, как метод политической борьбы. Мы выступаем не за индивидуальный террор, а за массовый террор, за который выступал и Энгельс и который готов осуществить Либкнехт. Итак, на вопрос, идти ли нам по пути Адлера или Либкнехта, мы должны ответить: «Мы выбираем путь Либкнехта!»

Однако возможность осуществить свои намерения на практике представилась значительно раньше, чем этого могли ожидать швейцарские эмигранты. Решающий фактор времени связан в первую очередь с действиями на фронте. Отъезд царя в Могилев, в Генеральный штаб, для наблюдения за весенним наступлением послужил стартовым сигналом для предстоящих внутривнутриполитических событий.

21 февраля 1917 года (6 марта по западному календарю) Николай еще принимает у себя министров и премьер-министра. К их удивлению, он заявляет, что на следующий день он хочет пойти в Думу и согласно требованиям ее депутатов провозгласить назначение ответственного перед ней правительства.

Но уже в тот же вечер он отказывается от этого намерения и сообщает своему ошеломленному премьер-министру, что на следующий день он все-таки, как и было запланировано, уезжает. Но ему хотелось бы вернуться «не через четыре, а уже через три недели, однако, уловив испуганное выражение лица премьер-министра, быстро исправляет ошибку — или, если удастся, уже через неделю».

Даже если для царя, как известно, на первом месте было успешное окончание войны, которой он изначально пытался избежать всеми средствами, а не внутривнутриполитические вопросы, казавшиеся ему из-за постоянных интриг невыносимыми, в этот решающий момент информационный вакуум и утрата чувства реальности ста-

ли до такой степени очевидными, что вряд ли что-нибудь могло сравниться с ними по резкости и ожиданиям тяжелых последствий.

Когда царь 22 февраля (7 марта) садится в поезд, отправляющийся в Могилев, в руках германского Генерального штаба, в обязанности которого входит контроль над запланированными Парвусом событиями, уже находится сообщение о том, что самими депутатами Думы (среди которых, как известно, есть и революционеры) начаты беспорядки и восстание. Уже пять дней назад очередная партия германских денежных средств отправлена на скандинавские счета революционеров и их агентов.

При температуре минус тридцать любой недостаток в чем-либо имеет значение. Люди мерзнут, потому что нет топлива, не хватает продуктов, потому что они не могут попасть в столицу. Останавливаются поезда, отопительные котлы локомотивов разрываются от мороза. Если в столице и ходят слухи о том, что эти обстоятельства «спровоцированы», то есть перекрытие подъездных путей, саботаж и задержка товарных поставок искусственно вызваны чьей-то невидимой рукой (следует вспомнить о революционной программе, составленной Парвусом), то это не облегчает дело.

Молва о предстоящих беспорядках, конечно, дошла и до тайной полиции Петрограда. Кто-то должен был все это отлично спланировать, использовать ситуацию в своих целях. Они не сомневаются в существовании заговора — и тем не менее бессильны. Из фабричных кварталов доносятся известия, что при голосовании победу одержали сторонники забастовки. Значит, за ними стоит организация. Но силы правопорядка не смогут особенно много добиться, потому что военная элита Петроградского гарнизона, обычно защищающего город, находится на фронте, а гарнизон наполнен малообразованными и менее всего заинтересованными в этом резервистами из деревни...

То там, то здесь, где есть очереди за продовольствием, вспыхивают беспорядки. Тут же появляются агитаторы, чтобы воспользоваться сумятицей. «Долой правительство! Долой войну!» Кто-то из стоящей перед булоч-

ной очереди разбивает окна. Искра разгорается и переходит дальше. Неожиданно этот магазин начинает штурмовать банда, затем она громит и другие магазины, опустошая их.

На следующий день, 23 февраля, начинаются организованные забастовки. 87 000 рабочих прекращают работу. Еще через день их уже 97 000, затем 240 000 — даже больше, чем Парвус ожидал. Они шагают по улицам с транспарантами, скандируя хором свои лозунги: «Хлеба! Мира! Долой правительство!»

Министр внутренних дел хочет использовать армию. Он дает телеграмму в Генеральный штаб. Одновременно царица телеграфирует царю, что в Петербурге действуют подстрекатели беспорядка, а голода нет — дефициту способствует всего лишь спекулятивная скупка продуктов.

В обратной телеграмме царь приказывает «срочно ликвидировать» беспорядки, так как в связи с войной с Германией и Австро-Венгрией их нельзя допустить. Специальным декретом он прерывает вновь созданное заседание Думы.

27 февраля — 12 марта беспорядки достигают своего кульминационного момента. Улицы заполнили толпы народа, объединенные общим чувством протеста. Восставшие завладели арсеналом оружия и начали занимать стратегические объекты города. Это уже не просто гражданское отчаяние, а великолепный ход инсценированного *coup d'état*¹.

Между тем для восстановления спокойствия и порядка подтягиваются части Волынского и Павловского полков. Но даже эти элитные подразделения братаются с демонстрантами, которых вообще-то должны были подавить. Оказывается, несколькими часами раньше какой-то никем не опознанный неизвестный раздавал солдатам Павловского полка 25-рублевые купюры, чтобы они переходили на сторону противника, а не подавляли восстание. Кто-то заметил это и впоследствии рассказал французскому генералу Жаннину, который в свою очередь сделал соответствующую запись в своем днев-

---

¹ Государственный переворот. — *фр. (Примеч. пер.)*

нике. Выяснилось, что речь идет об одном британском агенте. Как уже упоминалось выше, после принятого в сентябре 1916 года лордом Милнером и Ллойдом Джорджем решения англичане, так сказать, бок о бок со своими немецкими противниками всячески пытаются разжигать в России беспорядки, чтобы не дать ей возможности приблизиться к своей заветной цели — Босфору.

Как только царь осознает всю серьезность положения и поворачивает в сторону Петрограда, его поезд останавливают на полпути. Он уже потерял драгоценное время, когда решил изменить направление и направиться в объезд, чтобы не преграждать путь поездам с продовольствием и снабжением для фронта. Но и на этом пути его поезд останавливается в Пскове. Повстанцы блокировали связь между Псковом и Петроградом. Возможно, они заинтересованы, чтобы царь «опоздал»?

Между тем сформирован Временный руководящий комитет из Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов и буржуазного парламентского блока Думы. Царские министры вынуждены уйти в отставку. Происходит лихорадочный обмен телеграммами, в котором бывший председатель Думы просит царя немедленно вернуться и сразу же назначить новое правительство, а царь, который только что дал свое согласие, находясь в Пскове, почти сразу же после этого сообщает следующее: «Слишком поздно. Теперь остается только отречение от престола...»

Еще находясь в поезде, царь Николай II 2/15 марта подписывает документ, в первой редакции которого он отрекается от престола в пользу своего сына, а в окончательной, посоветовавшись с врачом, — от имени сына в пользу своего брата Михаила, который предоставил принятие престола на рассмотрение Учредительного собрания и утвердил Временное правительство.

Берлин уже в курсе событий, происходящих в русской столице. Но, разумеется, дипломаты и политики осознают, что решающая фаза плана еще впереди и она будет еще многого стоить.

Спустя несколько дней после указанной выше телеграммы немецкий посол Брокдорфф-Рантцау, обсудив ситуацию с Парвусом, сообщает содержание этого разговора в телеграмме в Берлин от 21 марта 1917 года:

Berlin, den 14. März 1917.

an den Herrn Staats-
sekretär des Reichs-
schatzamts.

bei I b z. gefl. Mitz.

durchschlag an I b.

Indonesien

Geheim!

Ew. PP. ^{bekannt} ^{mein J. L. im} bitte ich ~~erzählen~~, dem Auswärtigen

Amt für politische Propaganda in Russland den Betrag von fünf Millionen Mark zu Lasten des Kapitels 6 Abschnitt II des ausserordentlichen Etats geneigtest zur Verfügung stellen zu wollen. Für tunlichste Beschleunigung wäre ich ~~besonders~~ dankbar.

St. 3.

F

Секретная телеграмма МИДа Германии Государственному казначейству от 14 марта 1917 г. Речь идет о пяти миллионах марок «для политической пропаганды в России»

«Гельфанд, с которым я обсудил события в России, пояснил мне, что сейчас существует конфликт между умеренными либералами и социалистическим крылом. Он не сомневается, что победа за последним. Победа социал-демократов означала бы мир. Милюков и Гучков хотели бы продолжать войну и поэтому пытаются оттянуть Учредительное собрание, так как затем о продолжении войны уже не может быть и речи¹.

На вопрос о позиции армии Гельфанд ответил, что офицеры, преимущественно высших чинов, в основном

¹ В действительности это собрание было назначено для решения о выборе будущей формы государственного устройства в России только на сентябрь, но в конце лета перенесено даже на ноябрь 1917 года.

хотят продолжения войны, но низшие военные чины хотят мира, показательным для этого является то, что солдаты братаются с рабочими.

Как только вступит в силу политическая амнистия, появится возможность, используя прямые контакты с социалистами, бороться с Гучковым и Милюковым¹.

Соединенные Штаты живо реагируют на результаты Февральской революции, и не только словами поздравлений, но и политическим актом — немедленным признанием Временного правительства. Президент Уилсон в своей речи перед конгрессом, состоявшимся 2 апреля 1917 года, с восторгом говорит о «чудесных, согревающих сердце событиях», «происшедших в России за последние недели и свергнувших самодержавие...».

Франция, которой союзная Россия пожертвовала в начале войны свою военную элиту и тем самым сделала возможным осуществление «чуда на Марне», отправляет в Петроград через Альберта Томаса телеграмму с «поздравлениями и дружественными приветствиями».

Берлину теперь предстоит решить, нужно ли усиленно форсировать разрушительную политику, сопровождая ее военными наступлениями, или сразу же начать переговоры о мире. Все зависит от полученной из России информации и анализа ситуации, присланного из Стокгольма, Копенгагена и Берна — основных узлов контактов агентов с немецкими послами.

Вряд ли можно было бы найти более наглядный пример, демонстрирующий общность интересов германского правительства и большевиков, чем полное настоятельных рекомендаций сочинение, объемом в 16 страниц, посланника в Копенгагене государственному секретарю МИДа в Берлине от 29 марта 1917 года. Среди прочего речь в нем идет о последствиях Февральской революции и отречении царя от престола:

---

¹ А. И. Гучков — председатель III Думы, во Временном правительстве — военно-морской министр; П. Н. Милюков — министр иностранных дел, лидер партии конституционных демократов (кадетов, выступает за конституционную демократию); оба одобряют продолжение войны.

«...Если даже царизм и был для России благом, что я отвергаю как *nota bene* у нас, в самом деле нет причин одобрять и разъяснять, какой им от него прок. Нам нужно заботиться только о том, чтобы анархия и хаос там возросли так, чтобы Россия уже не смогла вести войну (...)

Не стоит напоминать Вашему Превосходительству, что я сам абсолютный роялист, и если говорить о чувствах, то судьба царской семьи вызывает у меня сожаление (...) Но все это отступает на задний план при ощущении, что речь сегодня идет о Германии и ее существовании, и было бы преступлением с нашей стороны действовать по-другому (...)

Что мне сейчас нужно сообщить, так это содержание длительных переговоров с русскими социалистами, а также депутатами Думы (...)

(Я) имел возможность подробно побеседовать с доктором Гельфандом, глубоко осведомленным в вопросе русских отношений, который сейчас работает на то, чтобы путем целенаправленной акции в России оказать нам большие услуги (...)

Ошибочно предполагать, что Англия инсценировала революцию, чтобы предотвратить опрометчивое заключение мира царем. Англия, вероятно, хотела установления в России либерального капитализма, наиболее удобного для себя, но она не думала о действительно большой революции и о свержении царизма (...)

Сейчас я полагаю, что по законам исторического развития социальная республика в России очень скоро будет разрушена и через несколько лет уступит место либерализированному правлению. Но сейчас мы не должны принимать это во внимание, а вначале нужно правильно воспользоваться ситуацией. Она для нас как нельзя лучше подходит, так как все национальности в России уже сегодня требуют определенного автономного управления. Волнения происходят среди украинцев, армян, даже сибиряков (...) Др. Гельфанд отправил в Россию ряд донныне находящихся в изгнании социалистических агитаторов, среди которых есть люди, которые вскоре будут играть руководящие роли. Программа этих революционеров следующая:

1. Вооружение рабочих и вообще народных масс как национальной гвардии.
2. Обвинение дома Романовых и бывшего русского правительства.
3. Проведение для этого особого судебного заседания, которое должно быть предано полной гласности, чтобы всему миру стали известны все безобразия.
4. Срочный созыв национального собрания.
5. Восьмичасовой день для рабочего класса.
6. Раздача всех сельскохозяйственных царских угодий крестьянам.
7. Аннулирование государственного долга (смертельный удар для Англии и Франции).
8. Проведение мирных переговоров (...).

Наконец, обязательно необходимо наладить контакты и с реакционными элементами в России. Разумеется, очень скоро поднимут головы духовенство и сторонники старого режима (...) Мы должны поддержать и это реакционное движение, но не ради его самого, а для усугубления беспорядков, как мы должны поддерживать вообще любую партию по той же причине. Я думаю, мы сможем найти в Вене и Лемберге подходящих людей (...).

Описанным образом мы сможем ослабить Россию и добиться того результата, который я в начале своего изложения назвал желаемым: предоставить России возможность в течение трех месяцев вариться в собственном соку, после чего она обессилеет или без особого труда падет жертвой нашего наступления; сегодняшнее наступление вызвало бы противоположный эффект. Антанта очень хорошо знает, зачем она распускает по всему миру слух о гинденбургском наступлении на Петроград. Этим она хочет не дать распасться погибающей России...»

В этой оценке, содержащей рекомендацию, чувствуется почерк Парвуса. Во-первых, это нужно для остановки военных действий, что позволяет выполнить, наверное, не одну задачу: избежать патриотического перелома в настроении и увеличить хаос.

Для Парвуса важно, чтобы революция перешла из буржуазно-либеральной в большевистскую фазу, а общая программа закончилась распадом царской Российской империи.

Для него Февральская революция стала продолжением революции 1905 года: тогда, как и теперь, военные поражения и потери играли важную роль для формирования настроения. В своей пропагандистской газете «Ди Глоке» Парвус призывает: «Ваша победа — это наша победа! Демократическая Германия должна протянуть руку демократической России для мира и единодушного сотрудничества в области социального и культурного прогресса...»

Этим он подготавливает к цели классовой борьбы, поставленной им для России, и, как всегда, внушает единение с немецким рабочим классом, чтобы особо выделить интернациональный характер переворота.

В письмах своим партийным друзьям Парвус высказывается более определенно. Когда он раскрывает планы, касающиеся его дальнейших замыслов в России, это напоминает текст приведенного выше послания, в котором посланник из Копенгагена набросал для Берлина план программы революционеров. Это пункты программы самого Парвуса, которые тот выдал посланнику за план революционеров: вооружить пролетариат, поделить крупную земельную собственность, ввести восьмичасовой рабочий день, выдвинуть обвинение против царя, заключить мирный договор и назначить Учредительное собрание. Одним словом — подготовить почву для захвата Лениным власти.

Когда Парвус в «Глоке» говорил о том, что России сейчас нужен мир, то он имел в виду, очевидно, только внешний мир, на фронте. В действительности его концепция во внутреннем плане предусматривает противоположное: он хочет более резко выделить социальные и национальные проблемы через пропаганду, углубить пропасти и сокрушить оборонную силу армии.

В своей беседе с германским послом в Копенгагене, который ее записал и почти дословно передал в Берлин 1 апреля 1917 года, Парвус выразил следующие пожелания Берлину:

«Два-три месяца военной передышки, чтобы положение созрело до анархического состояния, — и затем германское военное наступление, которое нанесет необходимый последний удар Российской империи».

Под «последним ударом» Парвус понимает ряд концентрированных мер. Военное наступление должно начаться «примерно через три месяца» в апогее проснувшейся анархии с южной России «и обезоружить Россию»: «...Сюда относится разоружение русской армии, снос укреплений, уничтожение флота и запрет на производство оружия и боеприпасов; одновременно обширная оккупация России. Если это не произойдет, то громадная империя наверняка через некоторое время превратится в новую сильную военную державу, вражда которой по отношению к Германии будет тем опаснее, чем более глубокие раны ей будут сейчас нанесены...»

Пользуясь случаем, Парвус высказывает свое мнение германскому послу, что для мирных переговоров с российским Временным правительством, где бы доминировали революционеры, фактически было бы выгодно, чтобы прежнее трехклассное избирательное право в Пруссии было заменено демократическим всеобщим избирательным правом. Это лишило бы правительство реакционности, что могло бы облегчить мирные переговоры с революционно-буржуазным коалиционным правительством.

Теперь Парвус подходит к тому, чтобы укрепить радикальное крыло внутри Временного правительства и постепенно исключить буржуазное крыло. Не только для того, чтобы закончить революционное состояние, но и чтобы воспрепятствовать умеренным членам пробиться в Совете, коль скоро они были ангажированы для продолжения войны французской и английской поддержкой. В конце концов, Антанта заинтересована в войне до тех пор, пока Германия не будет побеждена, но для этого Парвус не подходит. К тому же США вступили в войну против Германии, и чтобы не дать ей остановиться, они думают (не в последнюю очередь по британскому желанию) направить профсоюзных деятелей с соответствующей агитацией в Петроград.

Временному правительству в его дуалистической форме таких различных элементов не может быть отпущено

но много времени. Революционерам срочно требуется личность решительного вождя, чтобы захватить инициативу и раз и навсегда решить распределение сил и поддержку населения в пользу радикального крыла. Должен приехать Ленин.

Тем временем Ленин сам, наэлектризованный событиями в Петрограде, предпринимает усердные попытки как-нибудь попасть в Россию. Особенно его нервирует возвращение умеренного товарища Мартова из Сибири в Петроград. Из своего теперешнего места жительства в цюрихском Шпигельгассе Ленин пишет своему оставшемуся в Берне другу, Вячеславу Карпинскому, чтобы тот все же помог ему достать вместе с его документами проездные документы для Франции и Англии. Через страны Антанты ему было бы легче попасть в Россию (несмотря на войну подводных лодок), чем через вражескую Германию. Сам же он пока должен скрываться — «лучше всего в горах, а я беру расходы за это на себя» — до тех пор, пока Ленин дал бы о себе знать из Петрограда.

Одновременно он пишет в Швецию Ганецкому, посреднику между ним и Парвусом: «Достань мне паспорт какого-нибудь шведа, который на меня похож ...» Ганецкий посылает ему с обратной почтой денежную купюру как символические деньги на поездку, хотя и не может пока предложить конкретного решения для способа организации этой поездки. Теперь Ленин сожалеет об отказе от предложения Парвуса в 1915 году переехать в Скандинавию. Оттуда теперь было бы рукой подать до России.

Но Парвус уже давно действует. Сначала он направился к германскому послу и объяснил ему, как важен срочный приезд Ленина в Россию, чтобы форсировать ситуацию. Все-таки он в революционной программе «гальяунная фигура» и его девизом, в конце концов, стало заключение мира. Вместе с Лениным Парвус хочет вытащить из Цюриха и Зиновьева.

Потом он едет к Ганецкому (Фюрстенбергу) в Стокгольм. Вскоре после переговоров Парвус посылает своего компаньона Скларца к Ленину в Цюрих. Из-за спешки он использует не как обычно одного из посред-

ников в контактной цепи между Лениным и Парвусом, а сам появляется без предупреждения в квартире Ленина. После протестов вначале — что Скларц пришел лично — Ленин чувствует себя под постоянным наблюдением — он выслушивает, что хочет предложить Скларц, точнее, Парвус. Сначала он отклоняет предложенное, затем начинает колебаться.

Наконец, он ставит условия. Так, например, чтобы поездка не оплачивалась членами имперского правительства. Первоначально, очевидно, против всех правил конспирации Парвус планировал, что его коммерческий совладелец Скларц должен был сам привезти Ленина и Зиновьева и сопровождать их до российской границы.

Когда Ленин был в принципе согласен принять помощь Берлина, следовало расшевелить товарищей его ближайшего окружения, чтобы они поехали вместе с ним. Здесь он наталкивается на неожиданное препятствие. Они подозревают германский шахматный ход по дискредитации русских социалистов. Наконец, Ленин находит в свойственном ему тоне подходящий аргумент, о чем вспоминает Анатолий Луначарский: «Когда революция в опасности, мы не можем думать о каких-то буржуазных предрассудках. Если германские капиталисты настолько глупы, чтобы доставить нас в Россию, то они роют себе тем самым могилу. Я принимаю предложение — я еду».

23 марта германский посол в Берне фон Ромберг телеграфирует в Берлин о готовности Ленина и других революционеров вернуться в Россию через германскую территорию. Через три дня приходит ответ из Берлина. Имперское правительство получило от верховного командования сухопутных войск прикрытие с тыла и конвоирование для обратного пути революционеров. Людендорф ничего не имеет против въезда Ленина — в конце концов, он его даже не знает; позже ему приписали, что именно он осуществлял возвращение Ленина.

МИД хочет сборной транспортировки, то есть ни в коем случае не отправлять Ленина одного или вдвоем (как бы этого желал Парвус), а еще примерно человек

сорок, среди которых должны быть представители различных политических направлений. Не должно слишком бросаться в глаза, что Германия импортирует в Россию как раз тех революционеров, которые ей нужны там для ее политических целей. Тем не менее — и уже из этого можно видеть противоречивость данного предприятия с германской точки зрения — еще несколько месяцев назад были повешены более тридцати германских солдат, так как они распространяли среди товарищей на фронте Кинтальский манифест с ленинским мирным лозунгом («Гражданская война вместо империалистической»).

Билеты Парвус оплачивает сам, и ему, которому уже напоминают об оплате его налога на собак в Копенгагене, редко какая выплата доставляет так много удовольствия.

Подготовку и переговоры с германским посольством о деталях Ленин поручает Роберту Гримму, председателю швейцарских социал-демократов, и социалисту Фрицу Платтену. Из почти пятисот русских эмигрантов в Швейцарии, которые основали собственный Возвращенческий комитет, в конце концов, в ленинском поезде едут только 32 человека.

9 апреля поезд революционеров отъезжает под громкие протесты остальных русских. «Предатели! Вильгельм оплачивает вам поездку!» — кричат им вслед. Не является ли поезд в действительности символом предательства вдвойне? Ленин тем не менее готов как потенциальный вождь России воспользоваться помощью человека, который уготовил русскому народу войну и систему которого он собирается разрушить. Для этого прусские офицеры должны сопровождать поезд революционеров в качестве защиты.

Хотя возвращающиеся на родину едут в вагоне третьего класса, поезд считается «дипломатическим». Русские пассажиры не должны выходить из вагона. Занавески на окнах должны быть задернуты. Позже будут приводиться многие сравнения в отношении символического характера «пломбированного вагона». Австрийский писатель Стефан Цвейг говорит о том, что «транспортировка революции опаснее любой бомбы...». Уин-

стон Черчилль формулирует: «Ленин перевезен в Россию как палочка чумы...»

По пути подсаживается германо-датский профсоюзный лидер Вильгельм Янссен, чтобы передать приветственное послание. И это затеял Парвус, который хотел бы выделить постоянное место германской социал-демократии в событиях в России: этим жестом должны быть продемонстрированы заверения в симпатиях «немецких трудящихся русским трудящимся» и как бы на одном уровне прозондированы основные черты представлений о мире.

Но Ленин резко отклоняет прием Янсена в своем купе и с оказией передает ему, «чтобы тот убирался к черту». Чтобы не позволить Янссену взять реванш, обоснованно критикуя революционеров за нанесенное ему оскорбление, Ленин поспешно просит спрятать Карла Радека в багажном вагоне, так как Янссен знает Радека с того времени, когда тот был не политическим заключенным, а сидел в тюрьме как обычный уголовник.

В Германии поезд Ленина везде пропускают первым — даже по отношению к особому поезду прусского наследного принца, который должен целых два часа ждать на станции в зале.

В Берлине поезд стоит почти двадцать четыре часа на запасном пути. Под вечер, когда становится темно, в поезд входят представители имперского правительства. Вероятно, это объяснение того, почему с самого начала Ленин сидел в купе только со своей женой и, кроме того, по прибытии в Петроград должен был распространять лозунги, кстати, сильно измененные, которые он проповедовал до своего отъезда из Швейцарии.

В Стокгольме, в одной из гостиниц, революционеров торжественно принял бургомистр города. Он был представителем левого крыла социал-демократов. В эйфории он называет их теми, кто «ex oriente lux»¹ принес на Запад свет, идущий с Востока.

Парвус с нетерпением ожидает революционеров в Швеции. Непосредственно после того, как разразилась Февральская революция, он взял на себя инициативу

---

¹ Свет с Востока. — лат. (Примеч. пер.)

Путь Ленина и ехавших с ним революционеров в «опломбированном вагоне» из Швейцарии через Германию и Швецию в Петроград

по началу мирных переговоров между германским и российским Временным правительством. Этим он хотел сразу убить двух зайцев: подключить германскую социал-демократию и установить партнерство между ней и революционным правительством; поэтому он рекомендует также взять на вооружение пропагандированную революционерами формулу «мир без аннексий и контрибуций». С другой стороны, переговоры о мире должны обеспечить внешнее спокойствие в пользу пропагандистской деятельности революционеров, чтобы продвинуть вперед развязку во внутренних делах.

Ранее Парвус пытался довести свои взгляды до сведения статс-секретаря Артура Циммерманна, который за год до этого сменил Ягова на его посту и был более открыт по отношению к подрывной политике России, чем его предшественник. Посол Брокдорфф-Рантцау в осторожной форме и хорошо взвешенными словами рекомендовал Парвуса своему начальнику: «...Я, конечно, знаю, что современники в своей оценке его (Парвуса) характера не проявляют единства. (...) Однако я могу утверждать, что Гельфанд в политическом смысле сделал много позитивного и одним из первых активно выступал в России на благо того успеха, который мы сейчас видим; конечно, кое-что было бы еще лучше, если бы Ягов два года назад не оставил без внимания его (Парвуса) инициативы (...)

Прошу его выслушать, так как я убежден, что, если им правильно руководить, он может быть очень полезным — не только в вопросах международной, но также и внутренней политики империи...»

Но желаемая встреча не состоялась. Приглашение Циммерманна Парвусу во время его пребывания в Берлине было составлено, когда тот уже покинул город.

Зато ему удалось привлечь к атаке партийных вождей Филиппа Шейдемманна и Фридриха Эберта. Они позволили себя уговорить и на приветственное послание «победителям» Февральской революции — хотя не были ни в коей мере приверженцами радикальных методов революционеров; Парвусу это казалось важным, чтобы укрепить тыл революционных сил.

№ 1406 от 12. April 1917
Berlin den 12. April 1917.

— 4 —

154

G.A.

Lersner telephoniert:

1.) S.M. der Kaiser hat heute beim Frühstück angesetzt, den durch Deutschland transportierten russischen Sozialisten Vetschöcher und ähnliche Schriften wie Abdruck der Osterbotschaft und der Kanzlerrede mitzugeben, damit sie in ihrer Heimat aufklärend wirken könnten.

2.) Für den Fall dass dem Russentransport die Einreise in Schweden verweigert werden sollte, wäre O.H.L. bereit, die Reisenden durch die Deutschen Linien nach Russland hineinzubefördern.

3.) O.H.L. wäre bereit solche Russen, die sich noch in der Schweiz zu halten durch unsere Linien nach Russland hineinzubefördern. Telegramm hierüber folgt.

2. Zitiert in ...

Q 12/4

Q in ...

Lein 1917

OR

J.S.A. Q 15/4

Сообщение связного МИДа в Генштабе Лерснера в МИД Берлина от 12 апреля 1917 г., когда Ленин и другие революционеры проезжали через Берлин и Скандинавию в Россию. Шведы долго не давали им разрешения на транзит, поэтому кайзер Вильгельм даже заявляет об их транспортировке через линии фронта

Наконец, они направляют в Петроград по согласованию со статс-секретарем Циммерманном датского, но дружелюбно настроенного к Германии депутата Рейхстага от социал-демократов Фредерика Боргбьерга с предложением территориально примирительного «согласительного мира без аннексий», как его пропагандировал Парвус в своем «Глоке», и с указанием, «что об исправлении границ можно будет легко договориться». Когда Эберт, Шейдеманн и профсоюзный деятель Густав Бауер едут в Копенгаген, чтобы подготовить к поездке датчанина, выясняется, что Парвус побаловал их заранее забронированными местами первого класса, роскошными гостиничными номерами и торжественным приемом на его вилле.

В это время русские революционеры пересекают шведскую границу.

Парвус, само собой разумеется, на месте. Первоначально он хотел сподвигнуть германских партийных вождей на встречу с Лениным, но они отказались по «причине нехватки времени». Зато они поручили Парвусу как представителю немецких правых социалистов встретить Ленина и прозондировать его планы.

Через Фюрстенберга Парвус пытается договориться о встрече с Лениным. Но тот слишком осторожен, чтобы создать себе уязвимое место встречей с Парвусом — важнейшим посредником между германским имперским правительством и революционерами: риск слишком большой, вернее, есть уверенность быть скомпрометированным. Как юрист, он, также на всякий случай, просит Радека письменно зафиксировать свой отказ от встречи с Парвусом.

Ленин назначил Радека своим представителем в Стокгольме, где он учреждает «Заграничное бюро Большевистской партии» как заграничную организацию, перевалочный пункт для денежных и других поставок, обмена информацией и одновременно пропагандистский орган. Наряду с Карлом Радеком здесь работают еще два других большевика польского происхождения — Яков Фюрстенберг-Ганецкий и Вацлав Воров

ский-Орловский; все трое — старые друзья Парвуса; последний, как говорилось выше, представитель Сименса-Шукерта, действовал между германским Центром и Московским филиалом. Через стокгольмское бюро трио тайно перекачивало германскую помощь в Петроград.

Парвус чувствует себя обиженным из-за отказа Ленина встретиться с ним. Даже если Ленину ясно, что все то, чего революция достигла до сих пор и что революционеры перевезены обратно домой, сделал прежде всего Парвус, он все же не может или именно поэтому не может с ним встретиться. Парвус хочет быть коронующим лицом для революционного трона Ленина и одновременно продемонстрировать свою роль закулисного руководителя революционной программы и хранителя германских мирных интересов. Через Фюрстенберга он спрашивает Ленина о его планах. Ленин просит передать, что он не занимается дипломатией, его дело — социал-революционная агитация.

Ответ Парвуса: «Он должен только агитировать; но если для него не существует государственной политики, то он будет инструментом в моих руках...»

С Радеком Парвус договаривается о дальнейших конкретных шагах, которые необходимы для продолжения революции и ее финансирования, вероятно, при условиях мира. Он спешно едет с добытой информацией, которая касается, очевидно, и денежных интересов, в Берлин и также быстро возвращается в Стокгольм, где теперь Заграничное бюро большевиков через своего представителя будет иметь уже физически прямой доступ к денежным потокам.

Тем временем вопрос о разрешении на проезд русских через Швецию висит на волоске. Об этом заботятся также германские дипломаты в Стокгольме. Шведские власти медлят сначала с выдачей своего разрешения. На тот случай, если это не будет сделано вовремя, в Берлине готовится уже другая, авантюрная, альтернатива. Это вытекает из телеграммы кайзеровского советника посольства в Генеральном штабе Министерству иностранных дел и германскому посольству в Стокгольме:

«Лерснер передает по телефону:

1. Его величество кайзер попросил сегодня за завтраком дать с собой проезжающим через Германию русским социалистам Белые книги и подобные издания, вроде перепечатки пасхального послания и речи канцлера, чтобы они смогли на своей родине провести просветительскую работу.

2. На случай, если русскому транспорту будет отказано во въезде в Швецию, ВВК¹ было бы готово пропустить едущих через Германские линии в Россию.

3. ВВК готово пропустить в Россию тех русских, которые еще находятся в Швейцарии, через наши линии. Телеграмма об этом следует».

Но последнее больше не потребовалось, так как Швеция в конце концов согласилась на проезд революционеров. Одновременно кайзер Вильгельм получает телеграмму из Австрии от кайзера Карла, который сменил на этом посту кайзера Франца Иосифа в ноябре 1916 года:

«Мы боремся против нового врага, который опаснее, чем Антанта, — против международной революции (...) Умоляю Вас не упускать из внимания эту судьбоносную сторону вопроса...»

Вскоре после отъезда революционеров из Цюриха секретный агент британского посольства в Берне, от которого не ускользнула лихорадочная деятельность перед отъездом, попытался по меньшей мере воспрепятствовать прибытию эмигрантов в Петроград. Обо всем, что знал, он сообщил в Лондон.

Была быстро созвана конференция стран Антанты в Стокгольме, на которой обсуждалось, что можно сделать. Результат ее был нулевым. Конечно, после этого Лондон предостерег в телеграмме Временное правительство и особенно министра иностранных дел Милюкова, что организованный германским правительством поезд с русскими революционерами находится на пути в Россию с целью свергнуть Временное правительство. Одна-

---

¹ Высшее Военное Командование.

ко Милюков ответил спокойно: «Когда станет известно, с чьей помощью они приедут, они будут настолько дискредитированы, что больше не будут представлять никакой опасности!»

Англичане и французы, которые хотели воспрепятствовать тому, чтобы Россия в революционном состоянии вела войну, кроме того, они не заинтересованы в ленинской мирной пропаганде, обращаются, в конце концов, к начальнику русской тайной полиции в Петрограде Борису Никитину. Так как со свержением царского правительства охранка была распущена, он, в свою очередь, может просить о поддержке только командира военного округа Петрограда, Лаврентия Корнилова. Но и тот бессильно пожимает плечами.

Милюков пытается в последний момент сподвигнуть Временное правительство на издание запрета на въезд группы в Россию. Но как и следовало ожидать, радикальное крыло, Исполнительный комитет Совета рабочих и солдат провалил большинством голосов буржуазные предрассудки. Ничего удивительного: в Исполнительном комитете сидит лучший друг Парвуса, партнер и адвокат революции Козловский.

14 апреля Ленин и его сопровождающие прибывают в Петроград. Уже его первая речь показывает, что он бросает за борт то, что обещал перед отъездом из Швейцарии. Ничего не осталось от обещанного сотрудничества всех сил. Остался только лозунг о мире.

Так, германский Генеральный штаб, который обо всем информирован по радио, может с удовлетворением сообщить министерству иностранных дел:

«Ставка Верховного главнокомандования; 21 апреля 1917 года.

К. советник посольства министерству иностранных дел. № 551.

Высшее военное командование передает следующее сообщение секции политики Генерального штаба в Берлине:

Штайнвакс телеграфирует из Стокгольма 17 апреля 1917 года:

«Въезд Ленина в Россию удался. Он работает полностью по нашему желанию. Отсюда негодование стокгольмских социал-демократов Антанты.

Платтен был возвращен англичанами на границе, что стало здесь большой сенсацией».

Платтен — признанный швейцарский социалистический вождь, который вел русских революционеров из Швейцарии через Германию в Стокгольм и сам хотел оттуда поехать в Петроград.

Подпис. Грюнау».

Ленин не теряет времени. Сначала он резко обращается с меньшевиками, членами умеренного крыла партии, отказав им в любом сотрудничестве. Нет ничего удивительного, что о сотрудничестве не может быть и речи: Ленин хочет один захватить власть. Максималистская цель большевиков отличается от меньшевистской — не в последнюю очередь в средствах ее достижения. И Ленин хочет заключения мира даже на германских условиях, которые, вероятно, были уточнены на тайной встрече в Берлине. Ни один из умеренных партийных вождей, который относится к патриотическому крылу, не стал бы в это ввязываться.

Усилия по заключению мира, предпринятые во время инициированной Парвусом датской посреднической поездки в Россию с германским предложением общего, то есть не только сепаратного, мира, не принесли никаких результатов. Временное правительство отклонило его — особенно большевики не хотели показаться открытыми по отношению к «представителю социал-шовиниста Шейдемманна». И вот в мае организуется предварительная мирная конференция правых социалистов; партийные представители Антанты не принимают в ней участия, потому что у них для этого нет паспортов; она меньше всего заинтересована в мире, а намного больше в поражении Германии и уж совсем не заинтересована в том, чтобы одна партия, партия социал-демократов, вырвала у Министерства иностранных дел инициативу и чтобы исчез результат контроля правительств. Пропась между Министерством иностранных дел и партий-

Abstr. 110

Pr. 21 April 1917 in

Telegramm

214

Großes Hauptquartier, den 21. April 1917

5 Uhr 35 Min. nachm.

Ankunft:

6 " 35 " "

Der K. Legationsrat an Auswärtiges Amt.

No. 551

Oberste Heeresleitung übergibt folgende Meldung der Sektion Politik des Generalstabes Berlin:

"Steinwache drahtet aus Stockholm am 17. April 1917:

"Lenin Eintritt in Rußland glücklich. Er arbeitet völlig nach Wunsch. Daher Wutgeheul Stockholmer Entente - Sozialdemokraten. Platten von Engländern an Grenze zurückgewiesen, was hier großes Aufsehen macht.

Platten ist angesehenen schweizer sozialistischer Führer, welcher die russischen Revolutionäre aus der Schweiz durch Deutschland nach Stockholm geleitet hat und selbst von dort nach Petersburg gehen wollte.

gez. Grünau.

Ri

O. S. M.

G 22 / 4

D 963859

... 2. g. d. ...

Сообщение от 21 апреля 1917 года из Генерального штаба в МИД Берлина: «...Прибытие Ленина в Россию удалось. Он работает в соответствии с нашими планами...»

ными инициативами намечается также в германской и австрийской делегациях. Министр иностранных дел Чернин признается в телеграмме, отправленной из Вены, одному из своих послов, графу Паллавичини:

«...Важно, чтобы Стокгольмская конференция прошла безрезультатно, потому что нужно, чтобы на конференции социалистов были выдвинуты на первый план те требования, которые, как нам кажется, мы с успехом сможем позже выполнить сами, но не социалисты...»

В ответ на это состоящий на германской службе русский публицист Ярослав Колышко, с 1915 года живущий в Скандинавии и имеющий в России финансируемый имперским правительством издательский дом, выпускающий германофильскую прессу, все же предлагает чиновнику Матиасу Эрцбергеру «купить» Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, чтобы патриотические голоса во Временном правительстве влились в общий хор о мире, что могло бы облегчить ведение переговоров правительствами государств, ведущих войну.

Однако в июле в Стокгольм неожиданно прибывает делегация Петроградского Совета и доверительно обсуждает с Парвусом свои представления о мирных переговорах. Он передает их с обратной почтой правлению партии в Берлине, которое несколькими днями позже в ответ на это публикует мирную резолюцию.

Тем самым положение Парвуса реабилитировано, и его впервые принимает Циммерманн. Министерство иностранных дел сознательно не торопится со своими мирными предложениями. От этого можно будет ожидать большего, когда большевики войдут в правительство и боеспособность на фронте будет сломлена пропагандой.

Начиная с Февральской революции, средства из германских денежных источников стали поступать к окружающим Ленина радикальным революционерам с новой

силой. 14 марта 1917 года статс-секретарь Рейхсказначейства получил следующую телеграмму от Министерства иностранных дел:

«Секретно!

Ваше величество. Имею честь просить Вас выделить Министерству иностранных дел на пропаганду в России сумму в пять миллионов марок за счет главы 6 раздела II бюджета на чрезвычайные расходы. Был бы благодарен, если бы по возможности дело было ускорено.

Ст.-секр.».

Ленин строит на этом громадную пропагандистскую систему, которая должна помочь ему в обеспечении большего доступа к народу и армии. Важнейший выдвигаемый им лозунг для рабочего класса и солдат на фронте — мир. С его помощью тираж одной солдатской газеты в мгновение ока взлетает до сотен тысяч экземпляров, а вскоре после этого — во много раз больше. Ленин продолжает агитировать за «власть Советов» и, конечно, хочет, чтобы в составе Советов были большевики, способные постепенно вытеснить буржуазные силы. Нужно помешать возникновению парламентской республики. Вместо этого должен распространяться хаос, в котором он хотел бы подготовиться к удару.

Следующий шаг Ленин предпринимает в мае 1917 года. Демонстрации противников он пережил уже после своего прибытия на поезде в апреле. Теперь он провоцирует восстание большевистских сил против умеренных. После того как большинство резервистов в петроградских гарнизонах уже созрели для ленинской пропаганды мира, они готовы его поддержать. В ходе беспорядков Ленин требует для их прекращения больше представителей крайне левых в правительстве. В этом случае уйдет с поста также военно-морской министр Александр Гучков. Не случайно последний особенно резко высказывался против пропагандируемой Лениным экспроприации земли, так как он видел в этом опасность для социального мира в стране. Еще важнее: он

слушал те патриотические голоса, которые придерживались позиции продолжения войны «до победы».

Еще более неотложным теперь кажется то, чтобы Ленин скорее одержал верх. Во второй фазе Временного правительства с середины мая радикальные силы преимущественно противостоят леволиберальным. Три центральные фигуры пускаются теперь в новый виток борьбы между буржуазно-социальной и большевистской революцией: на стороне правительства — самоуверенный юрист и оратор Керенский и на другой стороне — бескомпромиссный революционер Ленин, сопровождаемый только в мае вернувшимся из Америки Троцким, организатором от бога, который стремится первым захватить власть.

Парвус в эйфории комментирует далекие события в Министерстве иностранных дел в Берлине, развитие которых имеет большой успех, ведь большевики вскоре должны завершить свое дело по разрушению страны.

В июне союзники снова подталкивают Россию к наступлению, чтобы разгрузить французов, которых германская кайзеровская армия снова поставила в затруднительное положение, и, вероятно, чтобы также ограничить рост сторонников большевиков. По интерпретации Парвуса, это происходит только потому, что американцы и англичане потребовали это как условие для дальнейших поставок денег и материалов.

Александр Керенский, ставший вместо Гучкова военно-морским министром, надеется, что сможет укрепить патриотическое настроение и вырвать почву из-под ног у большевистской пропаганды. Он одевается в фантастическую форму и объезжает фронт, чтобы заинтересовать солдат будоражащими речами. Если лозунги Ленина и его товарищей о мире еще не полностью парализовали боевой дух, то в ближайшем будущем в армии и среди уставшего от войны народа настроение должно измениться.

Наступление начинается уже в июне. Генерал Брусилов сразу совершает прорыв в Галиции на сто километров. Но на северных участках русского Западного фронта армия терпит крупное поражение от германских войск. Наступление терпит неудачу.

Тайна состоит не только в специфике военного таланта русской армии. Намного большее значение имеет тот факт, что имперское правительство было заранее проинформировано через агентурную связь (Ленин — Козловский — Ганецкий — Парвус — германское посольство в Копенгагене) о времени предстоящего наступления и могло спланировать свое контрнаступление. Ожидаемая вслед за этим на русской стороне катастрофа должна была быть использована для путча большевиков с последующим захватом правительством монопольной власти.

План был тщательно согласован:

6 (19) июня начало русского наступления;

1 (14) июля начало германского контрнаступления;

3 (16) июля начало вооруженного восстания в Петрограде.

Момент удачный, так как Петроградский гарнизон наполнен резервистами, не имеющими ни подготовки, ни мотивации к ведению боевых действий против внутренних или внешних врагов государства и в большинстве своем выступающими за заключение мира, то есть тоже поддерживают ленинские лозунги.

Но не все проходит по плану. Из-за плохой погоды германское контрнаступление начинается лишь 6—19 июля. К этому времени восстание в Петрограде уже идет полным ходом. Когда Ленин понимает, что еще слишком рано для этого, он пытается, кроме всего прочего, через призывы в руководимой Сталиным «Правде» притормозить восставших, однако к этому не все готовы. Идут противоречивые обращения к общественности. Одновременно правительство приняло контрмеры. В течение нескольких дней путча расстреляны многие демонстранты, с обеих сторон оплакивают многочисленные жертвы. Силы безопасности сумели одержать верх за короткое время.

В эти июльские дни появляется подобное взрыву бомбы сообщение: Ленин и его товарищи куплены германским имперским правительством и действовали по его поручению. Министр юстиции собрал соответствующие документы и теперь хочет опубликовать свои заключения.

Все началось в начале июня. Альберт Томас, член правительства от социалистов в союзнической Франции,

во время своего визита в Петроград проинформировал военно-морского министра Керенского и министра иностранных дел Терещенко о своем подозрении и об отношениях Ленина с немцами. В начале июня перед отъездом из Петрограда он дал поручение агенту французской военной миссии в Петрограде, Пьеру Лорену, держать в курсе событий русского министра иностранных дел.

Вскоре после этого Лорен сообщает об обмене телеграммами между Лениным и Стокгольмом, перехваченными французской контрразведкой, что свидетельствует о связи с Германией. Министр иностранных дел передал это министру юстиции Переверзеву, который вступил в контакт с Борисом Никитиным, начальником контрразведки в Петрограде.

21 июня на письменном столе Никитина лежали четырнадцать перехваченных телеграмм. Одни только имена участников, состоявших в регулярном контакте, говорили сами за себя, о чем он сам писал в своих воспоминаниях: «Ленин состоял в почти ежедневной связи с Ганецким, немецким агентом и доверенным лицом Александра Парвуса».

Лорен был приглашен на заседание правительства на одно из слушаний. Но к его немалому удивлению, большинство членов правительства расценили материал не как Никитин, Переверзев и Терещенко, а как «недостаточно отягчающий для обвинений против большевиков». Они полагали, что с опубликованием документов следует повременить до «более подходящего момента». Таким образом, Переверзев должен был действовать в одиночку.

Как член Народных социалистов, одной из многих левых партий, и бывший защитник политических заключенных, Переверзев обладал достаточным количеством контактов с социалистическими и большевистскими кругами; многие большевики порвали с Лениным, так как они или не были согласны с его пораженческой политикой в отношении России, или он сам стал для них подозрительным своим возвращением в Россию, которое, очевидно, было «по меньшей мере разрешено» германским врагом. Так, бывший ре-

волюционер Владимир Бурцев и Григорий Алексинский, юрист и бывший большевистский, теперь умеренный и критически настроенный по отношению к крайне левым депутат Думы, были теми, кто снабжал министра юстиции основной информацией о связях Ленина, через Парвуса, с правительством Германской империи.

Кроме того, Переверзев заручился сотрудничеством с контрразведкой, затем с Центром шпионажа Генерального штаба и с военной цензурой. За подозреваемыми лицами в Петрограде велось тайное наблюдение, чтобы затребовать от заграничных шпионов информацию о контактных лицах в Скандинавии.

1 июля Переверзев уже имел почти семьдесят телеграмм, которые мог использовать в своем деле против большевиков. То, что он в своей двойной функции — в качестве министра юстиции и генерального прокурора — в дни восстания и путча большевиков хотел опубликовать сообщение о германских связях Ленина, имело одну цель: не допустить победы большевиков под руководством Ленина и спасти Временное правительство.

Утром 4 июля положение в столице стало настолько критическим, что Переверзев решается опубликовать правду, поставив все на карту. Только разоблачив Ленина, можно привлечь для защиты правительства полки, пока оставшиеся нейтральными. Только несоциалистическая газета «Живое слово» готова напечатать этот материал, что наглядно демонстрирует объем средств массовой информации уже находившихся в руках крайних левых. Так как документов для газетного издания было слишком много, Алексинский быстро составляет краткое сообщение для прессы.

В первой половине дня 5 июля везде в столице видны афиши с крупным заголовком: «Ленин, Ганецкий и компания — шпионы». Это подтверждают выдержки из сообщений свидетеля, кадета Ермоленко.

Теперь Временное правительство должно возбудить обвинение против подозреваемых в государственной измене и отдать распоряжение на арест Ленина, Зиновье-

ва, Ганецкого, Козловского, Суменсон, Коллонтай и Парвуса.

6 (19) июля арестовывают Козловского, а через два дня Суменсон. В результате утечки информации в Министерстве юстиции Ленин был предупрежден своим другом Бонч-Бруевичем в ночь перед намеченным арестом и смог в последний момент бежать с Зиновьевым в Финляндию.

Но для министра юстиции Переверзева его действия по аресту руководителей путча в результате публикации неудавшейся акции становятся гибельными. Его забрасывают упреками, что он торпедировал дальнейшие расследования через разоблачения; руководители в Совете, как и следовало ожидать, настроены «скептически» и требуют дальнейшую перепроверку предыдущей информации. Министр юстиции уходит со своего поста. Тем не менее он прежде всего не дал осуществить Ленину план насильственного захвата власти.

Алексинский в одиночку продолжает публиковать телеграммы в одной еженедельной газете под заголовком «Без лишних слов». Часть их выходит также в консервативной газете «Русская воля», тем более что ее главный редактор обязан юристу Алексинскому с 1915 года за материалы о деятельности Парвуса и его связях с имперским правительством.

Этими, теперь конфискованными, телеграммами обменивались Козловский и Суменсон в Петрограде с партнером Парвуса в Стокгольме, Ганецким-Фюрстенбергом. Потом еще возникают имена, например, коммерсанта Хирша, торгующего немецкими товарами, и некой госпожи Рубинштейн в Петрограде, затем Юлия Мартова (Цедербаум) и Анатолия Луначарского, тоже вернувшихся в Россию после Ленина с немецкой помощью, Александры Коллонтай, курьера между скандинавскими странами и Петроградом.

Содержание телеграфного общения было преимущественно коммерческим. Это вытекает из того, что Суменсон платит большие суммы в один банк, а в другом получает доходы; точно так же она переводит деньги в Стокгольм. Для контрразведки важно то обстоятельство,

что Фюрстенберг-Ганецкий идентичен с когда-то хорошо известным охранке польским социалистом и интернационалистом Ганецким; что он же является сотрудником и представителем в Стокгольме империи фирм Парвуса, которая торгует немецкими товарами и контрабандой провозит их в Россию. Что он, таким образом, является коммерческим и политическим партнером, а в нелегальных акциях и сообщником Александра Парвуса, то есть Гельфанда.

В целом имеется достаточно оснований считать, что при коммерческих связях речь идет об организации «крыши» для нелегальных политических дел. В сумме всех фактов и косвенных улик становится ясно, что связи между большевиками и правительством Германской империи существуют и что Парвус работал в качестве посредника между ними, кроме всего прочего, используя свои коммерческие связи, вместе с Фюрстенбергом и для пополнения партийной кассы.

Одному судебному следователю доверили юридическое освещение дела — «Попытки свержения Временного правительства и противозаконного захвата власти». Широта охвата исследования простирается от самого начала до запланированной попытки путча в начале июля.

Примеры из чаще всего безобидного, нередко неясного обмена телеграммами, который охватывает период с момента возвращения Ленина до лета 1917 года:

«Срочно. Суменсон. Спросить, можно ли сейчас приехать...»

«Козловскому. Обязательно взять с собой подписи, передать нам публикацию, посоветуйтесь с Володей...»¹

«Из Петрограда Фюрстенбергу, Зальцебаден (Стокгольм). Срочно телеграфно с подписями документ, который защищает Куба². Смутный³».

Однако следующее сообщение предельно ясно:

---

¹ Владимир Ильич Ленин.

² Кличка Фюрстенберга (Ганецкого).

³ Тоже кличка.

«Из Петрограда Фюрстенбергу, Зальцебаден.

Воскресенье митинг за великую революцию, наши лозунги:

Долой контрреволюцию, Четвертую Думу, Государственный Совет, империалистов, орган, который служит контрреволюции, вся власть Советам! Да здравствует рабочий контроль над производством! Вооружение всего народа! Никакого сепаратного мира с Вильгельмом! Никаких тайных соглашений с английским и французским правительствами! Срочное опубликование Советом справедливых условий мира! Против новых наступлений! Хлеб! Мир! Свобода!»

Телеграмма была отправлена за день до запланированного начала июльского наступления и согласованного с ним восстания большевиков.

Уже из первых протоколов допросов и слежки и при домашних обысках, а также при обысках партийного бюро большевиков картина постепенно проясняется. Прокурор вскоре рассматривает Парвуса как посредника перевода финансовых средств из Берлина, которые затем через него поступали Ганецкому, а затем через «Ниа Банкен» или курьеров, например Александру Коллонтай, в Петроград Суменсон и Козловскому. Передвижения счетов «Сибирского банка» говорят сами за себя.

«Исследование показывает, — говорится далее в сообщении, — что Яков Ганецкий-Фюрстенберг во время своего пребывания в Копенгагене тесно сотрудничал с Парвусом, который, со своей стороны, является агентом германского правительства (...) Деятельность Парвуса направлена опять-таки на интересы Германии и Австро-Венгрии и на поражение России и отделение Украины...»

На основании имеющихся документов считается доказанным, что обвиняемые также «сотрудничали с Германией с целью сокращения русской военной силы.

Кроме того, они с помощью пропаганды вражеских стран в армии и среди населения организовали призывами отказ от ведения военных действий...»

Если в цепи действий от Берлина до Петрограда, включая Скандинавию, были два имени, вызывающих наибольшее негодование у общественности, так это Ленин и Парвус.

Бывший агент охраны так заканчивает характеристику Парвуса в одной русской газете: «Парвус — не провокатор, он значительно большая фигура: агент Вильгельма II».

ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ

«Я клянусь перед Всемогущим Господом, его святым Евангелием (...), что я с чистой совестью во всем говорю правду и только правду, ничего не утаиваю и буду отвечать за свои показания перед законом и перед Страшным Судом Бога. В качестве подтверждения этой моей клятвы я целую Святое Писание и крест моего Спасителя. Аминь...»

С этой клятвы начинается каждый допрос, будь то подозреваемые, если Петроградская полиция их смогла поймать, или сотни свидетелей, которые опрашиваются о восстании и большевистской попытке путча в июле и беспорядках в апреле—мае. Механизмы, пароли и организаторы, в конце концов, одинаковые — так или иначе, число симпатизирующих и жертв в июле было все равно больше. После отправления ленинского «пломбированного вагона» в Россию посланниками германского имперского правительства были организованы и другие способы транспортировки русских эмигрантов из Швейцарии и других стран в Россию, зачастую от 200 до 300 человек за одну поездку. Не без причины, ведь политические эмигранты были в большинстве своем потенциальными революционерами, к тому же, согласно ордеру германского Министерства иностранных дел, организаторы заботились о том, чтобы «только дружественные по отношению к Германии эмигранты перевозились в Россию». Что касается жертв июльского

путча, то многих спас счастливый случай. Их число могло бы перевалить за четыре сотни, если бы во время стрельбы не пошел сильный дождь, после чего не только потенциальные жертвы, но и нападающие ушли в укрытие, и, очевидно, у них не было больше желания продолжать. Вот высказывание одного свидетеля о закулисных руководителях, который должен был это знать: «Я, Иван Дмитриев Зубовский, православный, 36 лет (...), проживающий на Тверской ул., 1/6, не судим, в событиях не участвовал, говорю по существу для протокола:

Я служил ранее, с 1905 года, в спец. отделе № 1 полиции (...) Он занимался шпионажем. (...) Для шпионов в пользу Германии использовались акты № 38 (...), в пользу Австро-Венгрии — № 38А; я не могу вспомнить, идет ли сейчас речь при попытке путча в июле о тех же подозреваемых, что и тогда, в 1905 году (...) Из шпионов, которые работали против России и на Германию, я могу назвать только фамилию Парвус, который в действительности является Гельфандом (...) Что касается Ленина-Ульянова, то он как руководитель партии потерпевших поражение должен быть в III отделении, которое занимается списками политического сыска. Больше я не могу к этому ничего добавить ...»

Пометка на шапке протокола: «Не могу поверить».

Другая свидетельница сообщает о подготовке к демонстрациям еще в мае:

«Евгения Ивановна Шеляховская, 37 лет, православная, медсестра Красного Креста при 109-м головном отряде, проживаю (...), не участвовала, ухаживала за ранеными (...)

Я была с 1914 года на фронте и в Петрограде в отпуске (...) После обеда я остановилась вблизи дома Кшесинской; по тому, что говорили в народе, оттуда велась агитация против Временного правительства и Миллюкова. Я стояла около часа перед зданием; при этом я наблюдала, как собиралась пестрая толпа из рабочих, женщин, молодых ребят и обычных хулиганов.

Друг за другом функционеры выходили из дома, где, как известно, размещался «штаб Ленина», внешность у них полуофициальная, в шапках; они раздавали что-то

людям в толпе. Я видела, как к их рукам протягивались руки, и можно было различить, что «люди Ленина» раздавали деньги. Один из них сказал что-то о том, что «нужно организовываться, действовать сообща...».

Потом я увидела, как один мальчик лет 13—14 получил десятирублевую купюру, спрятал ее в кармане брюк и убежал — чтобы еще раз подойти с другой стороны и прокричать: «Дай мне тоже что-нибудь, старик! За это я тоже крикну: „Долой Милюкова!“»

Раздача денег продолжалась довольно долго (...) Были розданы тысячи рублей. Через какое-то время толпа собралась на «митинг»; людям были розданы плакаты с надписями «Долой Временное правительство!» и «Долой капитал!», потом все двинулись в путь. Я шла вместе с ними, чтобы посмотреть, куда они идут. Все шли к городской Думе; там их приняло несколько кадетов, которые им что-то пробурчали, отняли у них плакаты и разогнали их...»

Названные лозунги идентичны тексту в телеграмме Козловского (конфискованной тайной полицией) Фюрстенбергу в Стокгольм, что указывает на то, что они были составлены в сотрудничестве с командой Ганецкого, Радека и Парвуса. Милюков, как известно, ушел в отставку по окончании выступлений почти одновременно с военным министром Гучковым — новый этап победы максималистов во главе с Лениным на пути к свержению буржуазного правительства. С тех пор, что видно и по Всероссийскому съезду Советов в июне—июле, Керенский стал врагом номер один.

То, что теперь восстановлено об июльском восстании по актам следствия, в основном предопределила словесная дуэль во время упомянутого съезда. Тот факт, что ленинская большевистская партия была представлена только 105 делегатами против 285 социал-революционеров и 284 меньшевиков, то есть соотношение в социалистическом Совете составило один к пяти, Ленин должен был, вероятно, компенсировать своей агрессивностью: он нападал на Керенского из-за продолжения войны, говорил об «опасности контрреволюции», требовал передачи «всей власти Советам» и роспуска Временного правительства.

Керенский не остался перед ним в долгу с ответом и заявил, что прекрасно осознавал положение и правильно оценивал его развитие, однако был не в состоянии остановить его: ленинские методы напоминали о Французской революции; он не отступал перед властью, которая с помощью диктатуры могла уничтожить все свободы, завоеванные Февральской революцией.

«Рогов Андрей Кондратьевич (...), 62 года, православный, не судим (...) 5 июля на Николаевской улице, недалеко от Звенигородской улицы перед продовольственным магазином в очереди стояла небольшая группа. (...) Вдруг один четырнадцатилетний начал кричать, как на собрании: «Долой войну! Она нужна только капиталистам и буржуазии!» Когда его спросили (поскольку в своем возрасте он не мог этого сказать сам), почему он это сделал, он прямодушно ответил, что он — ученик сапожника, а однажды пришли мужчины, которые каждому ученику давали по 10 рублей, если те будут кричать то, чему их научат (...)

Нечто подобное рассказал один солдат, который заучивал такие лозунги на другом собрании, а когда его за это стали ругать, добавил: «Почему я не должен этого делать, если я за это получаю 100 или 200 рублей?»...»

Важнейшим инструментом распространения известий об июльском восстании для большевиков были их газеты, которые они, очевидно, создавали на голом месте, используя для этого внезапно появившиеся в мае наличные деньги, но их тираж тем не менее резко пошел в гору. Известно, что германский МИД одновременно с принятием решения о транспортировке Ленина в Россию 1 апреля 1917 года послал запрос в Рейхсказначейство на 5 миллионов марок.

41-летний Григорий Абрамович Гутнер, инженер-печатник, дает свидетельские показания: «Я уже три года был руководителем типографии «Труд». Незадолго до 15 мая я узнал, что типография продана. Мы обратились с вопросом к директору Манделю, который подтвердил наши опасения. 16-го (мая) пришли новые владельцы типографии; сотрудники остались на своих рабочих местах. Сначала мы продолжали работать по заказам; выяснилось, что наш новый хозяин — Центральный коми-

тет Российской социал-демократической рабочей партии, вскоре типографию переименовали в «Рабочую печать». Мы узнали, что должны будем выпускать «Правду»; для этого нам нужно было предпринять некоторые технические изменения, что заняло около месяца. В это время мы как раз печатали брошюры Ленина и его многочисленные воззвания на листовках, которые распространялись не только в Петрограде, но и в Кронштадте. Сначала мы печатали вместо «Правды» «Солдатскую правду», первый номер «Правды» вышел 5 июля в форме брошюры, так как газета не была готова...»

Другой свидетель, младший лейтенант первого мотострелкового полка, вводит в игру основных ораторов, создающих настроение для восстания и привлекающих офицеров этой части к участию в нем: «...2(15) июля я был на собрании стрелков в Народном доме, потому что, как нам сказали, мы должны были на нем присутствовать. Там выступали разные докладчики. Сначала политический эмигрант, которого я не знал. Он говорил о демократии, за которую нужно бороться, и закончил призывом передать власть в руки Советов рабочих и солдатских депутатов.

Вторым выступал Луначарский. Он что-то рассказывал об истории государственных переворотов и о необходимости передать власть Советам. (...) Публика пока оставалась спокойной.

Наконец, третьим выступил Троцкий. Он говорил эмоционально и с энтузиазмом — это был настоящий призыв в резких словах, горячий и страстный. Он сказал, что военный министр Керенский обманул нас, собственных солдат, точно так же, как и Вильгельм своих, что они якобы принесут свободу всей Европе с винтовками в руках. Он кричал, что нам не нужно больше предпринимать никаких наступлений, что предшествующее наступление произошло только из-за присутствия американцев и что война нужна только капиталистам.

Вся речь Троцкого, насколько я мог понять, была направлена на то, чтобы призвать к вооруженному восстанию против правительства. Его призыв возымел действие на аудиторию. Люди то и дело выкрикивали: «До-

лой Керенского! Смерть Керенскому!», среди слушателей царил атмосфера возбуждения, и если бы они были вооружены, мне кажется, они бы двинулись в бой и с помощью винтовок потребовали передачи власти Советам. Странно, что Троцкий сказал, что нам больше не нужно бороться, французы тоже зря боролись, но о том, что немцы наступают и борются, — ни слова. Я осознаю это только сейчас, задним числом (...)

Я должен по этому поводу сказать, что полковой комитет был против вооруженного восстания — как я потом узнал, поэтому кадет Семашко образовал свой, так называемый революционный комитет, который потом, собственно говоря, взял в свои руки руководство вооруженным восстанием, и перед началом говорил что-то о том, что предводители имеют связь с какой-то организацией, от которой они ждут сообщения, будет ли наступать определенный полк.

Потом была команда «Становись!», и мы вышли в полном вооружении; винтовки перевозили на грузовиках и на легковых машинах (...) Мы выступили примерно в полдесятого вечера. Нас сопровождали незнакомые мужчины с револьверами. Все мы направились к дому Кшесинской и там остановились (...)

Оттуда мы двинулись к Таврическому дворцу, там сказали, что нам больше не нужно идти к Думе, но обстановка уже была так накалена, что один из солдат выстрелил в оратора, а все закричали: «Вперед, к Таврическому дворцу, долой правительство!»

Там нас дружески приветствовал Троцкий и заявил: «Вы свою задачу уже выполнили: только что принято решение, что отныне власть будет только в руках Совета рабочих и солдатских депутатов!» Лишь поздно ночью мы вернулись в казармы; через несколько дней все опять повторилось, пока отряды буржуазного правительства не разоружили нас и других...»

Кадет Александр С. Емельянов вспоминает об одном из уличных боев: «В дни восстания я был свободен и не служил в своей роте. 3 июля в 8 часов вечера я переходил через Литейный проспект и увидел движущийся автомобиль, в котором находился пулемет, а на крыше машины лежал солдат с обычной винтовкой. Из этого

я сделал вывод, что где-то проходила вооруженная перепалка, и снова направился домой.

На следующий день, снова на Литейном, я стал свидетелем того, как с места шли вооруженные солдаты, и когда они приблизились к Захарьевской, прозвучал выстрел из пистолета, в ответ на что был открыт беспорядочный огонь от здания Армии и Флота, на который солдаты потом тоже ответили. Кто начал огонь, я не знаю. Улицы были полны людей, в основном солдат.

Когда я вернулся 6 июля в свою роту, я узнал, что перед выступлением полка состоялось заседание так называемого Революционного комитета, в котором принимали участие дезертир по фамилии Семашко, от нас — младший лейтенант Зеберг и несколько солдат (...)

Я могу рассказать еще кое-что из более раннего времени: уже в апреле к нам приезжала некая Коллонтай, которая выступала с речами, призывая нас не ходить на фронт и брататься с врагом, так как это должно привести к быстрому заключению мира с Германией...»

Пропаганда заключения мира и другие методы большевиков, способные сломить боевой дух простых солдат, проводились, по показаниям свидетелей, прежде всего в лагерях для военнопленных, в которые, очевидно, имели доступ революционные вожди, как сообщает 24-летний кадет Федор Новицкий: «...В прошлом году я вместе с другими попал в плен во время Брусиловского наступления (...); через полгода, проведенных в Будапеште в лазарете, я попал в австро-венгерский транзитный лагерь, где провел следующие полгода на германской границе. Потом меня вместе с другими офицерами и солдатами привезли обратно через Германию и Швейцарию в Россию. В Заснице к нашему эшелону присоединился один функционер, утверждавший, что он был полковником в отставке, — не то Алексей, не то Зиновьев. Он сказал нам, что ушел в отставку более 10 лет назад и с тех пор живет во Франции и Швейцарии, перед войной был в Германии у своей дочери, которая замужем за немцем. Далее он утверждал, что был интернирован с другими русскими в начале войны, почему его отпустили, он не сказал, а теперь он ехал к своему сыну в Петроград. Всю дорогу Зиновьев был за-

нят пропагандой окончания войны с Германией и заявил, что Германия нам не враг, мы должны прекратить бороться с немцами, потому что они все хорошо относились к нему и хорошо его кормили; он едет в Петроград с целью агитировать за мир с Германией...»

Из протокола слежки за одним подозреваемым:

«Сухой¹ покинул свой дом в 12 часов дня, пошел к Саперному переулку, вошел в дом № 2, почтовое отделение, в 12.10 он получил там два перевода из Америки, вышел через 15 минут, пошел на угол Литейного и Пантелеймоновской, вошел в овощной магазин, вышел с покупкой (...), поехал на дрожках к Невскому, вошел в дом № 1, Частный коммерческий банк, подошел к кассе для иностранных чеков, — было 1.25, — вышел через 15 минут, проехал на трамвае по Невскому проспекту, вышел у дома № 62, зашел там в Азиатский банк, направился к кассе № 6, где принимают переводы, спросил что-то, пошел в тот же банк на Караванной, вышел через 5 минут, входил в него несколько раз со стороны Невского (...), пошел в Государственную Думу, вышел через 30 минут, сел в трамвай и поехал домой (...)

14 июня Сухой вышел из дома в 11.40, поехал на трамвае к Литейному пр. (...) вышел, шел на площади у набережной, вошел в Американский банк, вышел через 15 минут, пошел через Мойку к парадной в редакцию газеты «Правда» (...), затем на Всероссийское заседание, пробыл там до 1 часа 30 минут, вышел с «чемоданчиком» и поехал с ним на трамвае домой...»

Коммерсант Израиль-Итцек-Хаим Лебен сообщает о другом конспиративном фронте:

«В Стокгольме я занимался торговыми сделками. В этом году, два-три месяца назад, я познакомился с Фюрстенбергом, который жил у Зальтзебадена. По

---

¹ Обычно тайная полиция давала подозреваемым лицам клички.

слухам, у него жил некий Радек, с которым я его часто видел вместе. Деловых связей у меня с Фюрстенбергом не было и с «Ниа Банкен» тоже. Фюрстенберг вел себя всегда чрезвычайно осторожно и тщательно взвешивал каждое слово. Я тогда искал определенный товар, для больших поставок (зимние носки), и когда мне сказали, что у Фюрстенберга есть все, я к нему обратился. Он произвел на меня впечатление совершенно неопытного коммерсанта, который не имел представления о вещах. Наша сделка не состоялась. (...) Он часто бывал в кафе «Рояль». Он не скрывал своих симпатий к большевикам и к Ленину и часто ездил на границу, чтобы финансами помочь эмигрантам, которые возвращались в Россию из Америки и Европы...»

Целая гора материалов судебного следователя по особо важным делам Александрова: протоколы допросов, слежек, конфискованные документы, собранные косвенные улики — все это создает более ясную картину. Результат предварительного следствия следователь формулирует следующим образом:

«...Вечером 3 июля на некоторых улицах Петрограда появились автомобили и грузовики с пулеметами, вооруженными солдатами и рабочими. Они останавливали частные машины, под угрозой принуждали водителя и пассажиров выйти, захватывали автомобиль и загружали туда минометы; затем вместе с другими вооруженными машинами они образовали одну колонну. Вскоре началась беспорядочная стрельба, жертвой которой стали многочисленные прохожие из мирных граждан (...)

Предводителем этого выступления был кадет Семашко (...). С апреля он должен был снова находиться на фронте, но оставался в своем полку и начал проводить собрания, формируя при этом «коллектив большевиков» (...). Этот коллектив был связан с одной военной организацией, входящей в партию, которая овладела виллой Кшесинской на Дворянской ул., д. № 1 (...) Оттуда его полк (...) в полном вооружении

двинулся к Таврическому дворцу, где был встречен Зиновьевым и Троцким словами: «Вы свою задачу выполнили (...)»

В акции принимали участие около 5000 человек, включая прибывших из Кронштадта вооруженных матросов. Когда они вернулись к вилле Кшесинской, на балконе сначала появился Луначарский, потом Ленин, который приветствовал кронштадтцев, называя их «украшением и гордостью революции»; он требовал свержения всех капиталистических министров в Таврическом дворце, а если те, несмотря на вооруженную угрозу, все-таки откажутся уйти в отставку, то члены делегации должны выполнить другие предписания (...)

Что касается зачинщиков восстания, имеются обширные показания кадета Ермоленко. Его рекрутировал германский Генеральный штаб в Берлине и за высокую плату (сначала 1500, потом 50 000 рублей), на основе письменного соглашения, завербовал в качестве агента; как беженца из русского лагеря для военнопленных в Германии его переправили через фронт для работы в России на Германию. Во время переговоров Генерального штаба с Ермоленко ему сообщили, что он, конечно, не один занят этим делом, в пользу Германии работает уже целая шпионская организация в России, важнейшим человеком которой «от Германии для Германии» является Ленин. Из немецкой части Швейцарии он поддерживает контакт с неким Парвусом, Гельфандом, имеющим репутацию немецкого агента.

Он сообщает, что Ленин, проезжая через Германию, надолго задержался в Берлине. В это время его привезли в лагерь для военнопленных, где находились украинцы. Там Ленин выступал с пропагандистскими речами в пользу отделения Украины от России (...) По данным Ермоленко, Ленин ехал, по согласованию с Германией, в Петроград с целью организовать там беспорядки с помощью большевиков и повернуть войну в пользу Германии...»

Кроме Ермоленко, который, находясь в плену в немецком лагере, действительно был «повернут» и пере-

правлен через фронт в русский тыл с оплаченным поручением, особо ценным свидетелем является упомянутый выше публицист, бывший социал-революционер и агент, Владимир Бурцев. Его дело занимает более 30 страниц, так как он может многое сообщить, а среди прочего следующее:

«...Тогдашняя деятельность Ленина-Ульянова в России с момента его прибытия сюда совпадает с его деятельностью между 1912 и 1914 годами, которую я сам мог наблюдать. Тогда Ленин, Зиновьев, Каменев и другие, к которым приходил Малиновский, жили в Австрии, Кракове, всего в нескольких верстах от русской границы. Обычно пребывание в Австрии для русских эмигрантов в те годы было трудным, но Ленин и К°, выпускавшие в то время газету «Социал-демократ», не только не боялись никаких проблем, а, напротив, пользовались со стороны правительства определенной защитой, как и Польша, и Украина: в связи с предстоящей в скором будущем войной правительство поддерживало тех лиц и партии, которые могли ослабить власть и мощь России. (...) Их обучали построению в Армии и стрельбе (...) К ним поступала большая финансовая помощь (...) Когда Ленин к началу войны находился в тюрьме, то после вмешательства одного министра¹ был выпущен с аргументом, что на свободе он будет больше полезен Австрии, чем в тюрьме (...)

Перед своим возвращением Ленин также воспользовался поддержкой германского врага, а среди агентов важнейшим был Парвус (...) У него уже были завязаны прочные связи с германским правительством со времени подготовки войны против России. В связи с этим Парвус организовывал в Турции, Болгарии, Румынии и Австрии враждебную России пропаганду. Для этого он налаживал контакты со многими известными людьми. (...) Многие его агенты в Копенгагене, как, например, Ганецкий-Фюрстенберг, находились в тесной связи с Лениным и его людьми и оказывали ему не только боль-

---

¹ Премьер-министр граф Штюрк.

шие идейные, но и материальные услуги. Это я знаю от людей, которые приезжали из Копенгагена, а также из переписки Ганецкого с агентом Парвуса (...) Сколько он получил от Парвуса, Ганецкого и других германских агентов, я точно сказать не могу, но исключено, что он не знал, что его партия получает средства от Германии (...)

(...) Впрочем, накануне объявления войны России мне позвонил сотрудник одной крупной австрийской газеты: ему была известна позиция по отношению к царскому самодержавию; он пригласил меня в середине войны поехать в Германию и предложить там свои услуги в борьбе против царизма; за это он обещал мне 100 000 марок и неограниченные кредиты. Я объяснил ему, что поеду, но не в Берлин, а в Петербург (...)

Болгарский публицист Раковский тоже непосредственно участвовал в акциях Парвуса. На германские деньги он издавал в Румынии газету «Борьба» в интересах германского правительства; в настоящее время он как раз выступает здесь, в Совете рабочих и солдатских депутатов...»

Документы все ближе подводят к кругу лиц, окружающих Парвуса. Доклад тайной полиции о Козловском, в квартире которого при его аресте были конфискованы документы, может воссоздать картину его деятельности с помощью протокола тайного наблюдения:

«...1.4.1916 года вернулся из-за границы, 19—26 июля 1916 года в Финляндии (...)

С середины мая этого года у Козловского жил незнакомый мужчина, который ни слова не говорил по-русски. Предложение домоуправления заполнить на этого мужчину справку Козловский отклонил и обругал дворника, что тот принадлежит к «старой системе» (...) По сообщениям Бурштейна о заграничном шпионаже вице-министру внутренних дел Белецкому, он мог убедиться в том, что российский гражданин А.Л. Гельфанд получает большие суммы от германского правительства для организации беспорядков в России. Его доверенное лицо в России — Мичислав Юльевич Козловский.

Для маскировки своих политических целей Гельфанд по методу германских агентов открыл несколько торговых контор по экспорту товаров в Россию, во главе которых он поставил Якова Фюрстенберга, в свое время приговоренного в Варшаве военным судом. Он ушел от наказания — защищал его, между прочим, Козловский (...)

8 июля Козловский получил по чеку от Азово-Донского банка крупную сумму и отнес ее сразу в Сибирский банк, где он открыл текущий счет с вкладом в 9500 рублей¹...»

Обвинительная записка против Козловского обширна, как и протокол его допроса. Во всяком случае, шеф тайной полиции Борис Никитин распорядился о тайном наблюдении за ним уже за несколько дней до восстания; установили только, что он регулярно, каждое утро, посещал несколько банков и вносил деньги в один из них. Несомненно, он умеет ловко «объяснять» подозрительные моменты и как адвокат, и благодаря наличию торгово-политической организации. К тому же связи Ганецкий—Парвус и Парвус—Берлин уже известны, и Козловский пытается не только скрыть, что он уполномоченный Парвуса в Петрограде, но и действительный объем своей связи с Ганецким. Суть его показаний можно сформулировать из официального заявления Совету рабочих и солдатских депутатов, членом Исполнительного комитета которого он является. В нем Козловский пытается опровергнуть все обвинения против своей личности:

«В газете «Живое слово» от 5 июля под заголовком «Ленин, Ганецкий & К° — шпионы» утверждается, что среди «доверенных лиц германского Генерального штаба» в Петрограде (...) есть М.Ю. Козловский, что и он является основным получателем германских денег, которые поступали из Берлина через дисконтное общество в Стокгольме и «Ниа Банкен», а оттуда переводились в Сибирский банк в Петрограде. Далее, что на этом сче-

---

¹ До 1916 г. 1 рубль соответствовал 2 долларам США.

ту в то время находились 2 миллиона рублей. И что отношения между немецкими агентами и большевистскими руководителями подтверждаются благодаря перехваченным военной цензурой телеграммам политического и финансового характера.

Не переходя к политической оценке этой неслыханной клеветы, мне, как члену Совета, кажется необходимым сделать следующее заявление:

1. Я не поддерживал никаких отношений с агентом германского Генерального штаба.

2. На текущем счету в Сибирском банке у меня никогда не было таких больших сумм. Имеющаяся в настоящее время сумма составляет максимум несколько тысяч рублей.

3. Я никогда не был получателем немецких денег из Берлина через Стокгольм или другим путем.

4. Я не обменивался телеграммами политического или финансового характера с немецкими агентами.

(...) выражаю свою полную готовность давать в любое время Центральному комитету Совета (...) соответствующие исчерпывающие справки, как только будет выражено такое пожелание».

Козловский пытается освободиться под залог, но следователь это отклоняет. Одной из причин является высказывание бухгалтера Козловского Евгении Суменсон. Она была арестована через несколько дней после Козловского. В противовес намеренно распространявшимся слухам, что ее вынудили дать показания, чтобы использовать их, шеф тайной полиции Борис Никитин в своих личных заметках позднее описывает это совсем по-другому. Он приставил к ней агента, который должен был ее соблазнить, что привело к более быстрому успеху, чем можно было ожидать, зная о ее слабости к противоположному полу. При задержании она с готовностью рассказала все, что знала или могла знать. С учетом известных размеров этой политической операции — это, скорее, безобидный выход.

«Евгения М. Суменсон, 37 лет, лютеранского вероисповедания, российская гражданка, не судима, проживаю в Павловске... Родилась в Варшаве (...) После гитлеризации давала уроки, в 1905 году вышла замуж за Су-

менсона, представителя фирмы «Леопольд Ландау» в Лодзи, прожила с ним 4 года, он умер от туберкулеза. (...) Начала коммерческую деятельность, (...), пришла на фирму Фабиана Клингсланда, который среди прочего представлял большую швейцарскую фирму «Нестле Вевье». Сначала я была корреспондентом. (...) Познакомилась с Генрихом Фюрстенбергом, который был критически настроен к правительству, (...) но вдруг выбросил за борт свои социалистические идеалы и посвятил себя больше коммерческой деятельности. Он предложил мне работать на фирме «Клингсланд» в России. Чтобы ввести меня в курс дела и познакомить с медикаментами, он пригласил меня в Копенгаген, где жил его брат Яков Фюрстенберг. С последним я вела переговоры. Так я познакомилась в ноябре 1915 года с Яковом Фюрстенбергом. (...) Согласно контракту, я была не его представителем по продаже медикаментов, а представителем Генриха Фюрстенберга, а он был партнером своего брата по фирме «Клингсланд», я — уполномоченным фирмы в России, также по продаже медикаментов. (...)

Когда я вернулась в Россию, то познакомилась со шведкой Гертрудой Юнгбек, которая представляла одну шведскую фирму в России. Когда она переехала в Петроград, работая на одну английскую фирму, я познакомилась с ней ближе; она работала на Красный Крест, и я пользовалась ее поддержкой в своей деятельности с медикаментами (...)

После того как она пожаловалась на договорную практику Фюрстенберга, Суменсон продолжает: «...Он посылал мне следующие товары: аптечные принадлежности, термометры, шприцы (...) Я не могу себе представить, что он занимался какой-то другой деятельностью, как говорят, он был очень предан делу (...)

Первая партия оценена в 288 429 рублей, следующую я продала за 440 850 рублей, четвертую — за 314 720, пятую — за 449 400, итого 2 030 044 рубля (...)

Полученные деньги я размещала в Русско-Азиатском и Сибирском банках для перевода в «Ниа Банкен» и Ревизионсбанк Якову Фюрстенбергу; первый банк находится в Стокгольме, второй — в Копенгагене.

Кроме того, я еще переводила деньги на имя Якова Фюрстенберга в Московский коммерческий банк и в Частный коммерческий банк для дальнейшего перевода ему 58 200 рублей, 44 000, 100 000 (...) Кроме того, у меня хранятся еще деньги для Якова Фюрстенберга на мое имя в «Сибирском банке» (...), в банке «Азов-Дон» (...) Кроме того, Яков Фюрстенберг сказал мне, что я в любое время должна давать деньги Мичиславу Козловскому, когда бы он их ни потребовал, и не должна была брать с него за это расписку. В последующие дни я выдала ему следующие суммы (...) Однажды пришел Козловский и заявил, что американский вице-консул в Стокгольме, Рейли, который как раз в это время был в Петрограде, возьмет деньги для Фюрстенберга, и я должна ему заплатить 50 000 рублей. Я это сделала.

Шесть недель назад Фюрстенберг сам был здесь и на мой вопрос, что он здесь делает, ответил, что у него здесь коммерческие и другие дела. Затем он упомянул что-то о политических делах, но не назвал фамилий людей, с кем имел дело. (...) Только при отъезде он объяснил: так как обычным путем в то время нельзя было выехать из России, у него было на это специальное разрешение. Он даже предложил мне получить паспорт через Совет солдатских и рабочих депутатов, по которому я могла бы тоже в любое время выехать за границу. Потом я должна была выплатить ему 40 000 рублей, и он назвал мне целый ряд людей, которые будут приносить на его счет, который был оформлен на мое имя, деньги, которые они ему должны. Было много фамилий, но я не могу вспомнить ни одной...»

Последнее высказывание о выдаче больших сумм Козловскому, члену Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, «без расписки», наверняка является ключевой информацией из показаний Суменсон. В остальном речь идет о деньгах, которые нужно было депонировать и которые незадолго до этого были переведены из берлинского Дойче Банка согласно поручению, как цитировалось выше, на имя большевистских лидеров в Стокгольм. Среди счетов в мае—июне следует обратить внимание на один из последних — в 800 000 рублей, снятых Суменсон. Тем не

менее на счету остаются 2 миллиона. Из всего этого следователь может сделать свои выводы. Однако он не может обвинить Евгению Суменсон. Поэтому в сентябре он дает положительный ответ на заявление освободить ее под сравнительно небольшой залог — 15 000 рублей. Это опять дает хороший повод для пропаганды большевиков: они злобно выступают в своей печати, утверждая, что ее освобождение доказывает беспочвенность всех обвинений и подозрений.

Для Троцкого все складывается замечательно. Очевидно, его открытый призыв к невыполнению приказов на фронте и его более или менее завуалированное требование государственного переворота имели меньше оснований для беспокойства, чем его отношение и отношение партии к Парвусу. Он может легко оправдаться, указав на свой «Некролог политически мертвому другу» и предостережение от Парвуса, опубликованное в «Юманите» — газете, которую Троцкий почитает, как и раньше. У него есть политическое алиби. Впрочем, он не упускает возможности напасть со своей стороны на Временное правительство и представить его в нелicenseприятном свете. Наступление в июне — июле осуществилось, открыто заявляет он, только потому, что Временное правительство получило за это деньги. Это соответствует тем фактам, что в мае в Петрограде действительно находилась американская делегация и, исходя из 100-миллионного долларового кредита на покупку оружия, перед отъездом заявила: «No fight — no loan!»¹.

В остальном он не остается в долгу перед своей известностью оратора, находясь на посту председателя Исполнительного комитета: «Как же смог враг капитализма протянуть руку за его деньгами? И если произошло — где они? Неразрывная цепь подозрений в гермаофилии и шпионаже простирается от царицы, Распутина и придворных газет через министерства и их чиновников, Думу, либеральные газеты до Керенского (...) и удручает еще больше в своей монотонности. Политический враг, кажется, не очень хочет напрягать свою фантазию, перевернув обвинения только справа налево!»

---

¹ Нет борьбы — нет займа! — англ. (Примеч. пер.)

К опровержениям Стокгольмского партийного бюро Ленин из своего финского укрытия добавляет и собственное утверждение, опубликованное в кронштадтской «Правде»: «...С Парвусом я порвал уже в 1915 году, а от Ганецкого я денег не получал. Ганецкий не был членом партии, так как он был поляком. (...) Впрочем, только потому, что я приехал на немецком поезде, я должен был взять деньги у немцев? Мартов и другие использовали тот же путь, но никто не стал бы их подозревать из-за этого!»

Вряд ли кто-нибудь знает, что Ленин, будучи проездом в Берлине, сознательно опоздал на паром в Засниц и переночевал в одном из отелей. Поезд отъезжал в 7.15, он прибыл на паромную станцию с опозданием в 26 часов: в Берлине задержался примерно на 20 часов, в пути находился тоже около 12 часов. Из дневника Курта Рицлера, референта рейхсканцлера Бетманн-Хольвега по политическим вопросам ведения войны, вытекает, что он сам вел переговоры с Лениным. Из его записей от 13 апреля 1917 года следует:

«Правильно также, что через пару недель Россия будет готова к большим концессиям...»

Но дневник Рицлера недоступен петроградскому следователю Александрову.

Кто теперь знает, что Ленин еще до Ганецкого и Парвуса получал деньги из Берлина через Кескюла, а еще раньше — от австрийцев, но, к его счастью, в 1916 году Кескюла порвал с Берлином и, таким образом, исчез из поля зрения. А кто знает о просьбе оказать еще большую денежную помощь и о благодарственной телеграмме Ганецкому о ее получении или о пассаже в одном из писем ему: «...Если они меня когда-нибудь схватят, привези мою записную книжку для безопасности в Стокгольм!»

Для Парвуса петля доказательств становится все уже — но он находится за границей, и поэтому не может быть схвачен.

Государственный советник Николай Александрович Пешков, который был послан Министерством торговли в 1916 году от имени «Комитета по ограничению торговли с вражескими нам странами» в Копенгаген,

чтобы составить так называемый «черный список», сообщает: «...Вскоре я услышал от датских коммерсантов и членов Российской миссии, что по инициативе германского правительства один русский эмигрант, социал-демократ Гельфанд, — известный среди прочего по кличке «Парвус», — основал «Общество изучения социальных последствий войны». Это общество имело библиотеку, но к ней не имели свободного доступа те, кто хотел читать русские газеты. Только те могли ею пользоваться, кто входил в общество, а это можно было сделать с большим трудом, будучи русским — во всяком случае, была нужна личная рекомендация от кого-либо, кто находился близко к Парвусу. Впрочем, общество не выпускало никаких трудов, и хотя оно называло себя «международным», там вращались только немцы.

Мне было также известно, что Парвус мог свободно въезжать в Германию и выезжать из нее; несколько раз он ездил в Берлин. Перед войной он (...) сколотил в Константинополе миллионное состояние. Когда он обосновался в Копенгагене, я видел однажды его автомобиль, который считался тогда самым фешенебельным и дорогим, какие тогда там были. Близким другом Парвуса был русский эмигрант Сукенников. Перед войной он жил в Берлине, и у него был издательский дом, в котором он печатал памфлеты о России или русских лидерах.

Во время пребывания в должности министра Штюрмера¹ и Протопопова², непосредственно перед Февральской революцией, он занимался тем, что издавал одну газету на шести языках с целью подготовить общественное мнение в нейтральных странах к необходимости сепаратного мира между Россией и Германией; он говорит, что получит за это много денег, но не говорит, от кого. Для газеты он хотел также заполучить известного писателя Колышко. (...) Кроме того, он на дружеской ноге с немецким агентом Зюнцем. У него было так называемое «корреспон-

---

¹ Министр иностранных дел в 1916 году.

² Министр внутренних дел в 1916—1917 гг.

дентское бюро». Я узнал, что другие агенты получали там задания и сообщения. К ним относился также Фюрстенберг, о котором было известно, что он работает на германское правительство...»

Из Копенгагена следователь получает письмо:

«Секретно. Министерство иностранных дел, правовой отдел.

Следователю по особо важным делам, Петроградский окружной суд.

По запросу Главного управления Генерального штаба прокурору уголовного суда передать информацию Министерства иностранных дел через Парвуса правовой отдел считает своим долгом переслать Вам копии телеграмм Русской миссии в Копенгагене и Министерства иностранных дел по его вопросам...»

К нему приложены некоторые документы — копии писем и телеграмм:

«Секретная телеграмма русского поверенного в делах в Копенгагене, барона фон Мейендорфа, от 30.6/13.7 1917 года, № 242.

Проездом через Стокгольм немецкий социал-демократ Хаазе утверждал в личной беседе с русским журналистом, что некий Гельфанд, он же Парвус, способствует тому, чтобы наши большевики получали денежную помощь, и работает как посредник между ними и германским правительством. Подпис. Мейендорф».

«Секретная телеграмма для миссии в Копенгагене. От отдела прессы МИДа.

Срочно.

Телеграфируйте, с какими корреспондентами говорил Хаазе, когда он высказал информацию касательно Парвуса.

Подпис. Терещенко».

В своем ответе русский посол в Копенгагене называет своему министру иностранных дел газеты и фамилии корреспондентов, прежде чем он продолжает: «...Вчера вечером французский военный агент Прео сообщил мне по собственной инициативе о Парвусе, причем он добавил к известному мне, что деньги большевикам переводятся отсюда и из Стокгольма через Сибирский банк в Петрограде. Мейендорф».

Далее Мейендорф пересылает 12 (25) июля 1917 года совместное заявление русских журналистов в Копенгагене, о передаче которого они его просили. В нем журналисты заверяют, будто от других лиц им известно, что Парвус является «агентом германского правительства» и что он на одном только исключительном разрешении вывоза немецкого угля датскому профсоюзу заработал миллионы, а также что он принимал активное участие на переговорах с Германией относительно транспортировки Ленина.

Двумя днями позже поступает более точная информация о Парвусе, его деятельности в Турции, в Копенгагене, о Ганецком и славе, которой он пользовался, к чему приложена копия договора между ними.

Тем временем русские средства массовой информации за границей и в самом Петрограде призывают обвиняемых к ответу. При этом не пропускается ни одна возможность напомнить Ленину о его бесславном заблуждении относительно одного из его ближайших друзей и товарищей, Малиновского, который оказался агентом-provокатором охраны. Один из авторов издания «День» спрашивает: «Три дня назад я спросил «Правду»: является ли большевик и участник Циммервальдской конференции Ганецкий, друг Парвуса, которого в Дании изобличили в мошенничестве и выдворили, идентичным с тем Ганецким, который вместе с Лениным и Зиновьевым занимался реабилитацией provокатора Малиновского? Три дня я ждал ответа. Но «Правда» все еще молчит. И сам Ганецкий, который находится в Петрограде, тоже молчит. (...) Итак, это правда. Мошенник и контрабандист (...) Возможно, большевики не понимают, что они делают и что их молчание только подтверждает подозрения?..»

На это Ганецкий, действительно, дает ответ в партийном органе «Правда», во всяком случае, в ее стокгольмском издании, так как редакция в Петрограде после об- лавы с опустошением редакционных помещений за- крыта. Его ответ должен одновременно освободить Ленина от обвинений, поскольку стокгольмское бюро отвечает за работу с общественностью перед большеви- стской партией. Сначала приведем телеграмму Ганецкого относительно персональных нападок на него:

«Разоблачения (...) это бесстыжий обман. Я никогда не предстал перед судом из-за контрабанды или обма- на. Как руководитель одной экспортной фирмы, я од- нажды был оштрафован за несоблюдение экспортных формальностей (...). Травля — это однозначно полити- ческая кампания. Моя деятельность в Копенгагене хо- рошо известна всем товарищам, которые меня там зна- ют. Я считаю ниже своего достоинства защищаться от лживых нападок бульварного журналиста.

Ганецкий».

Далее в «Правде» от 5 (18) июля написано:

«Мы приняли к сведению грязные нападки (...) на Ганецкого. Так как мы знаем 25-летнюю партий- ную работу Ганецкого и информированы о его дея- тельности (...), мы рассматриваем упреки как поли- тический маневр для дезавуации интернационалистов. Мы не сомневаемся, что все члены партии решительно отвергнут эти разлагающие методы политической борьбы.

Бронский, Орловский, Радек».

На это возражает «Вечернее время» от 6 (19) июля:

«...Почему Интернационал, а не Россия?

Откуда взялся Интернационал: сначала был Мали- новский — агент-provokator. Малиновский был продук-

том Виссарионова¹ и Ленина, а Ленин создал Зиновьева и Ганецкого, он в свою очередь создал Радека; Ганецкий занимался контрабандой, Радек — воровством. Немецкий агент Парвус произвел всех: Зиновьева, Ганецкого, Зурабова и всю шайку, которая в свою очередь создала Циммервальд и Интернационал (...)

После свержения Николая II они сели в пломбированный поезд, проехали беспрепятственно через все границы (...) и прибыли на подготовленный пир в Россию, чтобы прокричать во все горло: «Долой войну! Да здравствует кайзер Вильгельм! — Простите: Интернационал!»

С этого момента больше нет дезертиров, так как они назвали себя большевиками. В то время как одни устраивали демонстрации и принимали решения, другие умирали за Отечество...»

Защита Ганецкого стокгольмским трио его товарищей по партии иронично сравнивается одним публицистом газеты «День» с литературным произведением очень популярного в России перед войной австрийского писателя Артура Шницлера: «...Блестящий хоровод, автором которого, однако, является не Шницлер, а Ленин. В диком танце кружатся Зиновьев и Троцкий, с долларами американских немцев Ганецкий, Зурабов, Радек, Малиновский (...) Все они апостолы мировой справедливости, противники войны, разрушающие бациллы (...) и слуги русской тайной полиции, которые получали свои оклады одновременно от Виссарионова и германского агента Парвуса...»

Депутаты Думы и социал-революционеры С. А. Алексинский и В. С. Панкратов, считающие себя законно избранными представителями петроградских рабочих, которые в свое время сидели за революционную деятельность в тюрьме, обратились к прокурору с просьбой опубликовать выдержки из документов предварительного следствия. Особенно должны были быть обнародованы те высказывания свидетелей, в которых речь идет о

---

¹ Сокращенная фамилия Сталина от Иосифа Виссарионовича Джугашвили.

деньгах Германии, данных Ленину на пропаганду против Временного правительства, на разложение боевого духа армии и на отделение Украины. Деньги шли через Парвуса и Фюрстенберга-Ганецкого Козловскому в Петроград.

Когда первое разоблачение секретного документа можно было прочесть в газетах, стокгольмское трио реагирует на это высказыванием, в котором обвинения инсценируются как «заговор против большевиков (...) с помощью поддельных материалов канала Алексинского». Далее следует отстранение от Парвуса: что касается Парвуса, то они знают его только как издателя «Глоке» и уже давно считают «социал-шовинистом», мнением которого (имеются в виду большевики) «полностью пренебрегают».

Так как никуда не денешь отношения между Парвусом и Ганецким, то их оправдывают легковерностью товарища Ганецкого: «Когда Ганецкий приехал в Копенгаген и по политическим причинам не вступил в исследовательское общество, он воспользовался возможностью работать на фирме Парвуса. Он сделал это, потому что считал лично Парвуса честным и считает так до сих пор, потому что он тем самым мог поддержать не только свою семью, но и партийную кассу польской большевистской организации на своей родине. При этом обоих партнеров политически ничего не связывало; больше того, польская партия Ганецкого работала против политика Парвуса (...) От Парвуса, во всяком случае, ни один большевик не получил ни гроша, и он им этого никогда не предлагал... (...) Он и не германский, и не австрийский агент...»

На основе прочитанного в газетах все больше людей, лично знающих Парвуса, хотят высказаться.

Так, слова просит его бывший партнер, который помог ему в Мюнхене со строительством здания для его издательства, выступал поручителем для взятия кредитов и после обманной аферы с долей прибыли Горького должен был один выдержать финансовый крах. Статья от 7 (20) июля в «Вечернем времени» начинается словами:

«...Парвус, посредник между ленинистами и германским правительством, учитывал поражение России и использование революции для целей гогенцоллерновского империализма и милитаризма, авантюрист первой степени.

(...) Азеф¹ против него — просто младенец. Азеф предал свою партию, а Парвус хотел положить весь цивилизованный мир к ногам Гогенцоллернов...»

Дальше следует что-то вроде резюме в форме детального изложения биографии Парвуса и его деятельности в Европе и на Балканах. Автор показывает, как увеличивается влияние Парвуса как теоретика левого крыла германской социал-демократии с момента, когда он с фальшивым паспортом во время голода в России разъезжал по ней, а потом писал об этом статьи. Затем следует упоминание о его деятельности в Константинополе. Он спекулировал хлебом, вывозя его из Турции через Болгарию в Россию; он чуть было не прервал торговлю с одним общим знакомым; на его вопрос, не конфискует ли Турция хлеб, Парвус ответил: «У нас она его не реквизирует!»

Потом он переходит к воспоминаниям о 1915 годе, когда «можно проследить свежеставленные шаги Парвуса в Болгарии и Румынии»:

«На Балканах он проводил активную агитацию против России, в пользу присоединения Болгарии к Германии, что он, впрочем, делал и в Румынии, пользуясь поддержкой Раковского (...), которого мы встречаем еще раз в организации «Союза за освобождение Украины» как сотрудника Парвуса (...) Везде, где бы он ни находился, Парвус оставлял следы в виде организаций и публикаций (...) Везде, где он появляется, он действует как разлагающий элемент. В Германии он издавал журнал, который занимался оправданием

---

¹ Евно Азеф, один из известнейших русских двойных агентов, работал как в охранке, так и в террористическом отделе социал-революционеров; известной жертвой его убийства был министр внутренних дел Плеве.

империалистических тенденций германского правительства. (...) Одна из его статей: «К 70-летию генерала Гинденбурга»...

«Институт исследования социальных последствий войны» должен был заниматься сбором статистического материала по изучению последствий войны. К тому же во время начала блокады Германии (...) было бы особенно интересно узнать об экономическом положении союзников, можно предположить, что Парвус в данном институте собирал материал с этой целью. На языке офицеров это называется контрразведкой...»

К этому в «Вечернем времени» добавляется резюме деятельности Парвуса:

«...Автор этих строк знал уже в январе о переводе 24 миллионов рублей в Россию и направил запрос об этом тогдашнему министру внутренних дел Протопопову, который незадолго до этого имел беседу с Варбургом. Мне было известно, что деньги были переведены как раз через посредничество Макса Варбурга Дойче Банком и дисконтным обществом. Я уже тогда утверждал, делаю это и сейчас, что эта сумма должна была быть использована на пропаганду мира.

Помощники Варбурга известны: Бальцер он же Свендсон, Шва, представитель берлинского закупочного общества, и бывший пленный фон Герих, который во время ареста назвался бароном фон Раутенфельзом. Все они привезли большие суммы денег из Берлина в Копенгаген и Стокгольм и снабдили своих агентов взрывчатыми веществами. В мае агент Раутенфельз и финн Корнер перешли русско-финскую границу с чемоданом, наполненным взрывчаткой.

В самую Финляндию были привезены деньги Йонаса Кострена, барона Засса и Марквардта и распределены между определенными лицами. Вокруг Макса Варбурга и его пособников часто можно видеть хорошо известных в России германских деятелей: бывшего председателя Совета управляющих коммерческого банка «Рига», док-

тора фон Бюгнера и профессора, доктора Балода, родственника известного большевика доктора Залита, издателя и редактора прогермански настроенных латышских газет. Особую посредническую роль играют многочисленные экспортные фирмы, возникшие в Швеции, среди них фирма «Штернберг, Шваб и Загебоден».

В одном датском портовом отеле были арестованы несколько шпионов. То же самое имело место 15 июня в Копенгагене (...) Возглавляет германский шпионаж в Дании германский майор Беттигер. (...) Гримм и Боргбьерг, которые хотели отправиться в Россию как апостолы позора и предательства, имели перед этим важную беседу с германским посланником в Стокгольме, фон Люциусом, Максом Варбургом и Бальцером-Свендсоном. Гримм еще раньше (...), до созыва Циммервальдской конференции, когда он еще встречался с Лениным в Швейцарии, беседовал с Циммерманном, Хамманом и Хельфферихом.

Когда Ленин и Зиновьев выразили желание поехать в Россию через Германию, Гримм провел беседу не только с Платтенем, но и с бывшим австрийским консулом в Одессе, немцем Эрихом Герингом и с известным по процессу против Сухомлинова Альгшуллером¹, то есть с двумя важными германскими и австрийскими военными агентами.

(...) Русские коммерсанты, которые ездили в Стокгольм, все время каким-то образом натыкались на германских, все знающих и все видящих агентов. Теперь мы узнаем о заключительном акте деятельности Ленина, Козловского, Суменсон, вблизи которых можно увидеть и международного шпиона и провокатора Парвуса. Скоро мы услышим еще и другие вещи: о продаже металлов и продуктов питания Германии русскими гражданами, спекуляциях с рублем, подозрительной переписке, попытке скрыть шпионаж, защите распавшихся германских фирм в России — и снова мы услышим фамилии Варбург, Балод, Шваб, Свендсон, Парвус и Люциус...»

---

¹ Альгшуллер был австрийским агентом в Киеве, который стал в тягость военному министру Сухомлинову из-за обвинений его в коррупции.

Два чрезвычайно актуальных документа шефа контрразведки Бориса Никитина приводят, наконец, последние доказательства связи Берлина с руководителями путча в Петрограде и той задачи, которую они взяли на себя в пользу Германии, и ставят их в затруднительное положение. Никитин сам сообщает об этом в своих записях:

«...По различным указаниям для тайной слежки за подозрительными лицами и для домашних обысков, я увидел, что Манус, «король биржи»¹, был впутан в это дело. Так как в его финансовые операции были включены скандинавские банки, шпионская разведка обратила особое внимание на Германию. Поэтому я подписал приказ на домашний обыск у Мануса (...) Он, однако, не впустил агента и открыл из своего пистолета огонь. (...) При дальнейшей усиленной попытке он не оказал сопротивления (...) То, что я нашел, превзошло мои ожидания: в одном чемодане я нашел документ на двенадцати больших печатных страницах. Это был проект сепаратного мира между Германией и Россией. Из приложенного листочка было видно, что при передаче его в Стокгольме было уплачено 20 000 рублей. Соглашение предусматривало для передающего документ огромные, не обозначенные суммы при его пересылке в Петроград. (...) Что меня особенно удивило в тексте, так это требование немцев, отделить от России Финляндию и Украину. Тем, что Ленин, очевидно, был готов обещать это немцам, он сам вызвал конфликты в своей партии; так, Дзержинский его упрекал в том, что он сделался защитником сепаратистов и тем самым предал интернационализм, так как право наций на самоопределение ослабляет русский пролетариат...»

Далее Никитин сообщает, как он задержал последних членов в цепи связи Ленин—Парвус:

«У нас были указания на то, что через Торнео из Петрограда в Финляндию и обратно курсировали курьеры. (...) Мы уже конфисковали 10-рублевые купюры,

---

¹ Банкир, промышленник, спекулянт на бирже, обезопасил себя протекцией Распутина на нелегальные сделки.

последние регистрационные цифры которых были маркированы, то есть подчеркнуты Германией, как узнали наши заграничные агенты. Точно такие же купюры мы могли изъять и обнаружить также у тех солдат, которые участвовали в июльском восстании на стороне большевиков (...)

То, что Парвус был политическим агентом германского правительства, было вне всяких сомнений, установлено группой из двенадцати русских корреспондентов в Копенгагене. (...) Подручные Парвуса были сотрудниками его института, и список этих лиц мы получили еще перед июльским восстанием (...) Телеграмма корреспондентов министру иностранных дел с этим сообщением была опубликована 19 июля в петроградской прессе. (...)

Не прошло и недели с начала наблюдения за станциями Выборг и Торнео, когда в Торнео во время перлюстрации было найдено письмо, адресованное Парвусу. За ним последовали еще два. Все они были подписаны одной и той же подписью. Первое письмо умещалось на четырех страницах, третье письмо — только на двух. Подпись нельзя было прочитать (...) Содержание писем было лаконичным и не содержало никаких деталей. Только общие предложения, как: «Работа продвигается очень успешно». — «Мы надеемся скоро достичь цели, но нам срочно нужен материал». — «Будьте очень осторожны в письмах и телеграммах». — «Материалы, которые Вы отправили в Выборг, я получил, но нужно больше». — «Пришлите еще материал». — «Будьте архиосторожны в обхождении с другими» — и так далее. (...) Третье кто-то привез с дачи, на которой жила Коллонтай. (...)

Нам потребовалось немного времени, чтобы установить автора писем, так как не надо было быть графологом, чтобы идентифицировать почерк Ленина по сравнению с другими пробами почерка. Учитывая важность дела, мы, однако, привлекли двух различных экспертов, которые незамедлительно подтвердили наше подозрение. (...) Настойчивые просьбы Ленина к Парвусу о пересылке «большого количества материала» были симптоматичны. В особенности если у Ленина речь шла не о ком-

мерсанте и царила полная свобода мнений и слова, обычно не нужно было ничего утаивать, когда речь шла о легальном деле...»

Опубликование общего заявления русских корреспондентов в Копенгагене от 20 июля, которое становится известным также в Петрограде, припирает к стенке и Парвуса. Больше всего давление ощущает на себе заграничное бюро большевистской партии в Стокгольме, так как ему надо реагировать как на русскую, так и на западную общественность. Ганецкий срочно пытается вступить в контакт с Парвусом в Копенгагене. Но тот бесследно исчез. Не потребовалось даже публикации обвинения двенадцати журналистов в датских газетах, чтобы он предпочел скрыться. Ганецкий отправляет 24 июля 1917 года телеграмму партнеру Парвуса, Георгу Скларцу, в Берлин, на Тиргартенштрассе, 9:

«Прошу срочно направить нам заявление, равносильное присяге, для соответствующих копенгагенских властей, что Вы не передавали денег ни через Ганецкого, ни через кого-либо другого, ни большевистской партии, ни Ленину. Заграничное представительство большевиков. Ганецкий.

Подпись Орловский¹».

Затем следует вторая телеграмма:

«...Дайте, пожалуйста, распоряжение Александру срочно приехать в Копенгаген. Куба²».

Однако и Скларц не может найти Парвуса. Он обращается к общим партнерам по переговорам в Министерстве иностранных дел с просьбой помочь его найти. Оттуда отправляется телеграмма в Берн, в германскую миссию. Действительно, посол фон Ромберг смог разыс-

---

¹ Орловский, он же Воровский, наряду с Ганецким и Радеком — третий представитель в заграничном представительстве партии.

² Кличка Ганецкого (псевдоним Фюрстенберг).

кать Парвуса в одном бернском отеле. Парвус возвращается в Копенгаген, используя в качестве повода заявление для развертывания в прессе кампании в свою защиту. Через Ганецкого он передает заявление в Стокгольм в свойственной ему форме на немецком языке:

«Заявление.

Нижеподписавшийся заявляет, равносильно присяге, что он не давал денег ни большевистской партии как таковой, ни ее вождям Ленину, Зиновьеву, ни каким-либо другим лицам, которые состоят в связи с большевистской партией, ни непосредственно, ни через посредничество Фюрстенберга-Ганецкого. Между нижеподписавшимся и вождями большевистской партии не было во время войны никаких политических или личных связей. Его отношения к Фюрстенбергу-Ганецкому были коммерческого, личного плана, а не политического.

За все эти заявления несу полную судебную ответственность».

В конце листа есть дополнение воинствующего подписанта, который, очевидно, снова почувствовал себя уверенно:

«Предположительно последнее предложение:

Это заявление я делаю по просьбе зарубежного представительства большевиков, чтобы помочь им установить правду, а не для того, чтобы защититься от упрека, будто я передавал деньги германского правительства русским революционным партиям. Дело клеветников — доказывать, будто я агент германского правительства, а не мое — доказывать их ложь».

Разумеется, Фюрстенберг чувствует себя, настолько стесненным, что считает необходимой для себя личную беседу с Парвусом. 5 августа он телеграфирует ему уже в Копенгаген:

«Русские журналисты в Копенгагене ведут против меня клеветническую кампанию, которая стоит головы моим политическим друзьям в России, вождям социал-демократической партии. Должен срочно приехать в Копенгаген, чтобы собрать документы в защиту, обращаюсь к Вашему чувству справедливости, прошу срочно телеграфного разрешения на двухдневное пребывание в Копенгагене. Телеграфный адрес — Салтсьобаден. Фюрстенберг».

Для Берлина дело тоже постепенно становится щекотливым. 10 августа 1917 года германский посол Брокдорфф-Рантцау озабоченно телеграфирует в МИД в Берлин:

«Совершенно секретно!

Русская газета «Речь» от 20 июля опубликовала сообщение, что два германских офицера Генерального штаба по фамилии Шидики и Люберс сообщили русскому лейтенанту Ермоленко, что Ленин — германский агент. В качестве германских агентов посредниками между большевиками и кайзеровским правительством выступали Яков Фюрстенберг и д-р Гельфанд (Парвус).

Было бы очень желательно сначала установить, существуют ли действительно немецкие офицеры Генерального штаба Шидики и Люберс и, если возможно, категорически опровергнуть сообщение «Речи».

«Речь» сообщает также, согласно телеграмме из Копенгагена, что немецкий социал-демократический депутат рейхстага Хаазе высказался в беседе с русскими журналистами о том, что Гельфанд является посредником между кайзеровским правительством и русскими большевиками и перевел им деньги. Прошу телеграфных указаний.

Рантцау».

Теперь Парвус, ранее посредник между Берлином и Петроградом, обязан в обоих случаях отреагировать соответствующим образом. В этой ситуации правда, как уже показало заявление, равносильное присяге, не иг-

1009 Nr. 11. Vöngstf. ...
Telegramm.

Feb. 2. 18/8.
Kopenhagen 688.

Kopenhagen, den 10. August 1917,
Aufgegeben 11. August 1917, 12 Uhr 40 Min. Vorm., 76

Ankunft: 8 " 45 " "

Der K. Gesandte
an Auswärtiges Amt.

Nr. 1044.

Entzifferung.

Ganz geheim!

Das russische Blatt Retech vom 20. Juli bringt die Meldung, zwei deutsche Generalstabsoffiziere namens Schidicki und Luebers hätten dem russischen Leutnant Jermolenco mitgeteilt, Lenin sei deutscher Agent. Als deutsche Agenten hätten Jacob Fürstenberg und Dr. Helphand (Parvus) zwischen den Bolschewikis und Kaiserl. Regierung vermittelt.

Halte dringend erwünscht, daß zunächst festgestellt wird, ob deutsche Generalstabsoffiziere Schidicki und Luebers tatsächlich existieren und daß Meldung des "Retech" wenn irgend tunlich kategorisch dementiert wird.

Retech meldet auch, telegraphischer Nachricht aus Kopenhagen zufolge habe deutscher sozialdemokratischer Reichstagsabgeordneter Haase in Gespräch mit russischem Journalisten geäußert, Helphand sei Vermittler zwischen Kaiserlicher Regierung und russischen Bolschewikern.

Handwritten notes and stamps on the left margin.

Handwritten notes and stamps at the bottom left.

10 августа 1918 г. немецкий посол в Копенгагене с тревогой телеграфирует в Берлин о том, что русские эмигрантские газеты уже опубликовали тайну о Гельфанде-Парвусе как посреднике между немецким правительством и Лениным

БЕЗ ПРАВА ПУБЛИКАЦИИ 199. 1. 19. 19. 19. 19.	N 063	d = helpnand keithstrasse 14 berlin =	
	Telegramm Nr. Befehlsumme Nr. 191 von Uhr Min an durch	Telegraphie des Deutschen Reichs. Berlin, Haupt-Telegraphenampt	Berlin, Haupt-Telegraphenampt Ordnung Nr. 192
Telegramm c. drinfend vck 23 10.25 MTRC =			
habe selbstverstaendlich niemals gesagt dasz sie mittelsperson zwischen auswaertigem amt und lenin oder irgend einem bolschewiki sind = haase +			

На следующий день после телеграммы Парвуса, 8 августа, ему пришел ответ Хаазе с опровержением

18 августа помощник статс-секретаря дает Броккдорфу в Копенгаген отбой:

«Ответ на тел. № 1044. (...) По здешнему требованию Швейцарии был дан отпор встречным нападениям против подозрений Ленина как германского агента.

Тем самым лишены силы также русские сообщения о немецких офицерах. Мнимые высказывания Хаазе опровергнуты.

Пом. ст.-секр.»

Тем временем Парвусу становится ясно, что он начнет резкую встречную атаку. Он будет везде сыпать жалобами. Об этом написанное по-немецки письмо Радека Парвусу, которое, очевидно, прибыло из Стокгольма в Копенгаген:

«Многоуважаемый г-н Парвус!

Я звоню и звоню и никак не могу с Вами связаться. Теперь не остается ничего другого, как повторить письменно:

1. Тор(уп) отсутствует, его представитель сказал мне, что дело зависит только от министра юстиции.

2. Я думаю, что следует подождать с шагами у министра юстиции. Если Вы жаловались, может оказаться, что лучше всего, если Ф(юрстенберг) выступит не как обвиняющий, а как свидетель, так как (...) Поговорите с адвокатом, возможно ли это.

3. Надеюсь, что Вы мне сразу сообщите результат беседы с адвокатом.

4. Пожалуйста, срочно пришлите текст Вашего заявления на франц. (...), мне — немецкую копию. Я сообщу о ней в нашей брошюре, если она выйдет раньше, то будет наличествовать в процессе как приговор.

Прошу адресовать все письма по данному делу К. Радеку, Негленге. Вилла Йохансон. С приветом

Радек, Копенгаген, 17/8».

Двумя днями позже Парвус отвечает из Копенгагена:

«Дорогой товарищ!

Жалоба на здешних русских корреспондентов получила ход. К сожалению, мой адвокат объяснил мне, что дело затягивается (...)

Я передал свою статью социал-демократам, и она будет опубликована в понедельник. Прилагаю Вам ее копию. Кроме того, я принял редактора «Политикен», которому я дал интервью по делу. Оно, вероятно, выйдет в понедельник или во вторник.

Направляю Вам также несколько экземпляров моей брошюры. К сожалению, я должен уехать, но приложу все силы к тому, чтобы в среду снова быть здесь...»

Приложенная газетная статья представляет собой негодующее письмо в его защиту на пяти страницах. Заголовок — «Русские убийцы юстиции и их пособ-

ники в Копенгагене». Вступление уже одним своим тоном готовит читателя к последующей аргументации. В первый раз, спустя столько времени, Парвус принимает во внимание свое еврейское происхождение, чтобы обвинить противоположную сторону в антисемитских мотивах их нападок. Так, в этом длинном предложении в начале статьи Парвус обращается с просьбой к редакции:

«...в интересах демократии, мира и человечности открыть мне колонки вашей газеты для следующих строк, целью которых является опровержение некоторых гнусных, лживых высказываний, которые были переданы из Копенгагена в Россию, чтобы поддержать там судебное преступление, в котором правовое насилие и дьявольская игра интриг превосходит даже то, что известно об афере Дрейфуса и о процессе Бейлиса...»

В качестве доказательства необоснованности обвинений против него, Ленина и большевиков Парвус приводит тот факт, что Хаазе опроверг мнимое утверждение, попавшее в прессу. Далее он уведомляет, что его жалоба направлена против коллективного заявления русских журналистов, проживающих в Копенгагене. Он называет их «наглыми лгунами» и перечисляет их по именам, чтобы таким образом дискредитировать их этой статьей. Парвус также не забывает перейти к вопросу об «удовлетворении его выездов из Германии», что в дальнейшем и сделало его подозрительным. И это тоже «ложь» «подонков» и «клеветников». Даже то, что он откомандировал Ганецкого в Копенгаген, Парвус полностью отрицает, заявляя при этом: «Здесь нет ни слова правды. Я познакомился с господином Ганецким лишь в Копенгагене».

Таким же образом он оспаривает свои отношения с германским посольством в Константинополе. Кажется, он затратил не слишком много сил на то, чтобы Ленин был вне подозрений, однако тщательно продумывал каждое слово, говоря об этом:

«...Пытаются установить связь между мной и Лениным или другими борцами за свободу в России, и, после того как меня оклеветали «агентом» Германии, это переносят и на других. Пройдет много времени, пока не будет развязан узел клеветнических обвинений...»

Этим он одновременно пытается вывести Ленина из-под подозрения, которое окружает Парвуса, и оправдать действия большевиков как «борьбу за свободу». Почему он, собственно, стал объектом этих «клеветнических обвинений»? Парвус сам дает ответ: «Потому что я являюсь для русских обвинителей неудобным свидетелем защиты при подготовке этого судебного убийства». В заключительной части своего заявления Парвус прибегает к важнейшему опровержению, одновременно являющемуся защитной речью в пользу своих большевистских товарищей:

«...Но если русские судьи не хотят меня слушать, то мировая общественность меня слышит. Перед ней я заявляю: я ни разу не давал денег ни Ленину, ни другим обвиняемым, будь то подарок или ссуда, и не передавал им заказы германского или какого-либо другого правительства, я сам никогда не получал таких поручений (...) Кто утверждает обратное, тот лжец и клеветник.

Правда пробьет себе дорогу, но я очень боюсь, что русский народ должен будет потом снова снимать с виселицы своих мучеников за свободу. Он будет их чтить лишь после того, как повесит, убьет или растопчет.

Копенгаген, 18 августа 1917 г.

Д-р Гельфанд — Парвус».

Но и Берлин не бездействует. Через несколько дней после вышеприведенного письма германское посольство в Копенгагене сообщает в Министерство иностранных дел в Берлине:

«Для депутата Эрцбергера и тайного советника посольства Надольного:

Вухерпфенниг сообщает:

27897 *per 23. August 1917 am*
Telegramm.

183 154

Kopenhagen, den 22. August 1917

9 Uhr 59 Min. Nm.

Ankunft: 23. "

4 " -- " Vm.

Die K. Gesandtschaft an Auswärtiges Amt.

174.

-Entsifferung-

Für Abgeordneten Ersberger und Geheimen Legationsrat Nadolny:

Wucherpfennig meldet:

Leitis reist dieser Tage als Kurier hiesiger Gesandtschaft Petersburg, mitnimmt auch Belastungsmaterial für Lenin-Prozeß. Bolschewiki-Führer Radek hier noch anwesend, Bericht über seine Angaben abgeht morgen. Anwesenheit Goldbergs dringend nötig. Falls Abreise wegen Paß verzögert erbitte Parvus-Broschüren, da Gelegenheit zum Absenden.

Schrift (i. U.)
Ersberger mitgeteilt.

Inzwischen Meier Großmann (Russkija Wjedomosti) aus Petersburg zurückgekehrt, hat Sawenko ("Frontkommissar" Kerenskija) und Minister gesprochen. Bericht abgeht nach Rückkehr Goldbergs. Bitte Goldberg von vorstehendem zu benachrichtigen.

Gesandtschaft.

11.1
17
Goldberg ist informiert
3. d. d. A.
T

Weltkrisis 2 col.

D 967861

Телеграмма немецкого посланника из Копенгагена в Берлин после разоблачительных кампаний о связи Берлин—Парвус—Ганецкий—Ленин применительно к июльской попытке путча большевиков

Лайтис на днях поедет курьером здешней миссии в Петербург, берет с собой также обвинительный материал для процесса Ленина. Вождь большевиков Радек еще здесь, сообщение о его данных уйдет завтра. Срочно требуется присутствие Гольдберга. Если отъезд задержится из-за паспорта, прошу взять брошюры Парвуса, так как есть возможность отправки.

Тем временем Майер Гроссманн («Русские Ведомости»), вернувшись из Петербурга, поговорил с Савенко (фронтowej комиссар Керенского)¹ и с министром. Сообщение уйдет после возвращения Гольдберга². Прошу оповестить Гольдберга о предстоящем.

Миссия».

Другими словами, коррeктура имиджа кажется завершенной. Берлин продолжает осторожнее, но ни в коем случае не сдержаннее, скорее энергичнее, поддерживать максималистов в Петрограде, так как цель еще не достигнута.

И как бы в наказание за предшествующую клевету в отношении связи Берлин — Копенгаген — Стокгольм — Ленин, в конце жаркого лета 1917 года Генеральный штаб отправляет телеграмму в Берлин, в Министерство иностранных дел:

«Для господина статс-секретаря.

Генерал Людендорфф телеграфирует:

С благодарностью признаю, что Министерство иностранных дел не только своими консультациями во время фронтowej пропаганды Верховного командования Восток, но и своей подрывной работой в секции политики предоставило поддержку, а именно — большими денежными суммами способствовало тому, чтобы увеличить успех военных операций на Восточном фронте по-

---

¹ Правильно В. Б. Савинков.

² И. П. Гольденберг был большевиком, сотрудником «Искры», позже отошел от партии; действовал как агент между Германией и большевиками.

10 101 7
Telegraphie
Deutsches Reichs.
Handwritten: AS 3761, 6.10.17, etc.

ss gr hqu s a - answ 73 6/10 6,45 aa - auswaertig Berlin

nr 1493 .r

fuer Herrn Staatssekretaar .r

auf tel . nr 1610 L. 143540 L. 3715 1/2

General Ludendorff Laesst drucken : absatz .

dass das auswaertige amt nicht nur durch seine beratende mitwirkung bei der frontpropaganda des obost , sondern auch durch die der ministerarbeit der sektion politik bewachte unterstuetzung , kausation an reichlichen geld = mitteln , dazu beigetragen hat , den erfolg der militaerischen operationen an der ostfront durch die staerkung zersetzender elemente , vor allen auch in finnland , zu vertiefen , erkenne ich dankbar an .r

H056912

eine foerderung der finnischen wuerken hatte ich nach wie vor fuer sehr wichtig . ich habe daher die aufstands = vorbereitungen finnlands dauernd mit allen mir zu gebote stehenden mitteln unterstuetzt . ich verschaesse mich auch keineswegs der grossen und guenstigen wirkung , die ohne besetzung der zalandsimapeln in finnland wie in schweden haben vuerde , und habe mit dem herrn chef des admiralstizes die noetigkeit einer untersuehung gegen die zalandsimapeln seit lzenperen eingehend gepreest . wie kann indessen nur im frage kommen , wenn der nachschub ueber schweden sicher = gestellt ist . inwieweit euere exzellenz in der lage sind und diese noetigkeit zu schaffen , darf ich der erwaendung anbelagende

beruehren .+ Bitte kommt bei Montz friyff v.m

В октябре 1917 г. генерал Людендорфф благодарит госсекретаря в Берлине за его вклад в военный успех против России, особенно за «подрывную работу отдела политики», план которой был составлен Парвусом, и «большие денежные средства», которые способствовали тому, «чтобы углубить успех (...) благодаря укреплению разлагающихся элементов (...)»

средством укрепления разлагающихся элементов, прежде всего в Финляндии.

Поддержку беспорядков в Финляндии я, как и прежде, считаю важной. Поэтому я длительное время поддерживал подготовку восстания в Финляндии всеми имеющимися у меня средствами. Я ни в коей мере не скрываюсь от благоприятного воздействия, которое имело бы занятие Арландских островов в Финляндии и в Швеции, и проверил с господином начальником Главного морского штаба возможность операции (...). Однако о ней может идти речь, если Швецией будет гарантировано подкрепление...»

Еще более сильным доказательством, чем все предыдущие роли Берлина в событиях в Петрограде, — это, понятно, «совершенно секретная» телеграмма связного Генерального штаба в МИДе Верховному командующему сухопутных сил, Лерснеру, от 29 сентября 1917 года — резюме:

«Широко задуманные и успешно осуществленные военные операции на Восточном фронте поддержаны подрывной работой в России. Мы приложили усилия к тому, чтобы способствовать националистически-сепаратистским устремлениям и мощно поддержать революционные элементы. Мы при этом действовали длительное время в полном единодушии с секцией политики в Берлине Генерального штаба действующей армии (капитан фон Гюльсен). Наша совместная работа показала видимый успех. Движение большевиков без нашей постоянной широкой поддержки никогда бы не приобрело того размера и не достигло бы того влияния, которым оно сегодня обладает. Налицо все признаки за его дальнейшее распространение. То же самое касается стремлений к независимости Финляндии и Украины (...)

По недавно поступившим сюда сообщениям, положение в России таково, что краха страны с разоренной экономикой и большими усилиями поддерживаемой английскими агентами можно ожидать от любого дальнейшего более сильного потрясения...

Ст.-секр.».

AS. 36405. 23 September 1917. *pers.*

Berlin, den 29. Septbr. 1917.

Zeit
Ans. 1.
I. W. J. J. - 9/10
März 1917.

Lernsäter

Streng geheim.

№ 1610

Teil 1. Ziffern.

Streng geheim
Zur Mitteilung an O. H. L.

Die groß angelegten und erfolgreich durchgeführten militärischen Operationen an der Ostfront sind seitens des A. A. durch eine intensive Winterarbeit in Rußland sekundiert worden. Wir haben es uns hierbei in erster Linie angelegen sein lassen, die nationalistisch-separatistischen Bestrebungen twilfchst zu fördern und die revolutionären Elemente kräftig zu unterstützen. Wir sind hierbei seit längerer Zeit in vollem Einklang mit der seitlich Politik Berlin des Generalstabes des Feldheeres (Hauptmann v. Hülse) vorgegangen. Unsere gemeinschaftliche Arbeit hat sichtbare Erfolge gemittigt. Die Bolschewiki-Bewegung hätte ohne unsere stetige weitgehende Unterstützung nie den Umfang annehmen und sich den Einfluß erringen können, den sie heute besitzt. Alle Anzeichen sprechen für ihre weitere Ausdehnung. Das Gleiche gilt für die finnischen und ukrai-

Herr Nahrung
7 9/11 Aug.
1917
1917

Генерал Парвус и др. *никогда.*

23450
4. 10. 1917
1917
1917
1917
1917

1917

NO56906

Как бы доводя до абсурда все опровержения после разоблачения связи Берлин—Парвус—Ленин в июле-августе 1917 г., госсекретарь германского МИДа генерал Людендорф напоминает в телеграмме Верховному военному командованию от 29 сентября 1917 г. о том, что успех последних операций на Восточном фронте «был поддержан интенсивной подрывной работой в России». Основное предложение: «Движение большевиков никогда не смогло бы приобрести того размаха, который оно имеет сегодня (...), без нашей постоянно растущей поддержки...»

ИГРА ОКОНЧЕНА

В октябре 1917 года Ленина в его финском убежище застаёт тревожная весть.

20 сентября по русскому — 3 октября по западному календарю австро-венгерское правительство обратилось через тайных посредников в Испании с совершенно секретным предложением к Англии вступить в переговоры о сепаратном мире под ее руководством. Британское правительство запросило мнение своих союзников — прежде всего, Франции и России (во главе с министром-председателем Керенским); они сообщили о своей принципиальной готовности к переговорам. В этом смысле Лондон ответил Вене, что он ждет ее предложений.

Ответа не последовало.

Однако через месяц, 23 октября/5 ноября русское Временное правительство получило через британского посла сообщение ее министра иностранных дел Балфура. Согласно этой телеграмме из Лондона, за пять дней до этого австрийский посланник в Берне сообщил своему британскому коллеге желание Австро-Венгрии вступить в переговоры о заключении мира и передал декларацию о том, что «Австро-Венгрия предлагает Англии начать мирные переговоры в тайне и сепаратно от Германии и ее союзников, австро-венгерское правительство просит далее держать в тайне это предложение от других держав, а Австро-Венгрия будет считать себя обязанной заявить до начала переговоров, что она независимо от достигнутых к этому моменту успехов в Италии гарантирует целостность итальянской территории в довоенных границах...»

Временное правительство объявило свое согласие с этим предложением Австро-Венгрии и косвенно проинформировало об этом ее правительство. Это важное событие временно должно было оставаться в тайне; кроме Керенского — с конца июля министра-председателя вместо князя Львова — и министра иностранных дел Терещенко это было известно только пяти лицам Комиссии по иностранным делам, которые должны были дать обязательство не разглашать тайну.

Как бы тайно и осторожно ни выпускал Мир свои шупальца, Ленин все-таки узнал об этом. Если бы это привело к успеху, то стал бы напрасным главный лозунг большевиков в борьбе за власть, призыв к миру. После угрожающего приближения немецких войск с момента летнего наступления, которое, по хвалебным словам Людендорфа в процитированной министру иностранных дел телеграмме, «не в последнюю очередь было успешным благодаря подрывным работам», снова господствуют настроения, связанные с приближением конца света в русской столице, во всяком случае, Рига уже была взята.

В спешном порядке Керенский позвал на помощь генерала Корнилова, главным образом, потому, что только ему с его полками казаков можно было доверить защищать русскую столицу. А на какой другой полк можно было положиться после постоянной пропаганды большевиков сложить оружие, поскольку любая дальнейшая борьба бессмысленна? Одновременно с этим только во власти Корнилова было держать под угрозой вновь собирающихся к восстанию большевиков. Однако генерал требовал полномочий и подчинения его командной власти также и в Петрограде. Этого боялся Керенский — боялся потери своей власти. Было ли это попыткой военного путча? С таким подозрением или по меньшей мере поводом министр-председатель приказал арестовать генерала «как предателя». Так Керенский в этот день рассчитался с внутренними и внешними врагами России.

Из-за внутреннего хаоса, распространившегося после Февральской революции, с его вакуумом власти и усиленного потерями на фронте министр-председатель стал самым ненавистным политиком в народе. После постепенного сведения на нет обвинений большевиков в попытке июльского путча и их освобождения из заключения за «недостатком улик» (что опять-таки подхлестнуло их оборонческую кампанию) вновь стала увеличиваться их численность. В газетах печатали открытые письма Керенскому, в которых патриоты требовали положить конец вылазкам «предателей страны». Однако возглавляемая Парвусом кампания, вроде написания

апологетического сочинения под заголовком «Ответ Керенскому и К°», в действительности носила пропагандистский характер, что не умаляло ее значения. После высказывания им в июле о попытке путча как о «дальнейшем развитии социализма» он провозгласил: «Я уверен, что революционное движение в России скоро будет таким сильным, что оно приведет к миру. Керенский и его гвардия дураков не смогут оказать отпора (...) потоку развития...» — для чего Парвус предлагает свержение правительства Керенского как путь к миру.

В условиях нестабильной ситуации Керенский перенес уже назначенные после Февральской революции выборы в законодательное собрание на 12 (25) ноября. Съезд Советов для их подготовки был намечен на 7 (20) ноября. Конечно, оставался еще месяц, но этого для большевиков было недостаточно, чтобы выровнять разницу с другими партиями. Ленин должен был опередить их, понимая, что его партия на этих выборах никогда не наберет необходимого количества голосов для законного прихода к власти.

В стесненные временные обстоятельства приводит его еще и известие о предложении мира, которое было на этот раз непосредственно от правительства и было принято Временным правительством. В то время как Керенский в полный голос опровергал любые слухи на эту тему, тайно уже был согласован срок проведения конференции в Париже и назначен на 3 (16) ноября, а десять дней спустя должны были состояться согласованные заранее переговоры Турции и Болгарии с Россией.

Товарищи, с которыми Ленин находится в контакте, настроены скептически. Слишком глубоко засел в них опыт июля, когда правительство с легкостью разгромило их попытку государственного переворота. Но Ленин торопит и аргументирует: «Было бы наивным ждать формального большинства большевиков. Ни одна революция этого не дожидается. История не простит нам, если мы сейчас не захватим власть...»

К этому времени, к середине октября, немецкий Генеральный штаб собирает силы для наступления, так как не уверен в том, что после неудавшегося государ-

ственного переворота большевиков летом они вскоре победят и сразу, по предварительному соглашению, будет заключен мир. С северо-запада направлен флот для использования при массивной поддержке с воздуха. Эта битва в последний раз продемонстрирует запас выдержки русской армии — по меньшей мере тех ее частей, которые остались лояльными правительству. Несмотря на качественный, а на этот раз и количественный перевес врага, русский флот смог довольно долго защищать вход в Моонзунд.

Тогда русские береговые батареи подверглись бомбардировке с воздуха. Немцы могут начать свои сухопутные маневры на острове Эзель и с укреплений на Моонзунде. Подход к Кронштадту и Петрограду остается открытым и незащищенным.

Ленин больше не собирается терять времени. Под воздействием волны этого уничтожающего настроения перед катастрофой он хочет перенести на правительство фронтальное наступление и использовать момент, чтобы подготовиться к мирной конференции и к выборам — теперь или никогда.

12 (25) октября партийный вождь убедил в этом своих трусливых сторонников. Больше ничего не будет отдано воле случая. Руководствуясь концепцией и извлеченными уроками из совместных с Парвусом действий в 1905 году, Троцкий быстро организует Военный революционный комитет внутри Петроградского Совета. Под прикрытием «мер защиты от немецкого вторжения» проводится психологическая подготовка вооруженного путча против правительства. Помимо солдат, вооружаются и рабочие, которые теперь называются Красной гвардией. Троцкий и Каменев призывают их пылкими, полными революционного пафоса речами «защищать идеалы революции», так как Керенский якобы «продает свободу и честь немецкому врагу». Правительство должно быть свергнуто и установлена «диктатура пролетариата», поскольку только она «может стоять на страже мира, и только так могут быть завоеваны свобода и земля для всех».

Правительство чувствует на себе давление в связи с открытым воззванием Троцкого к государственному пе-

ревороту и готово уйти в отставку. Но разве не часто уже приходилось слышать нечто подобное? И наконец, Троцкий ни разу не назвал точного времени. Поручение некоторых членов кабинета взять под охрану потенциальных вождей переворота, чтобы предоставить им безопасность, отклоняется. Не хотелось бы поддаваться упрекам в репрессиях и завоевать славу либерального режима, — аргументирует и так относящееся к левому крылу большинство. Дискуссии превращались, как обычно, в бесконечные споры о дальнейшем способе действий.

Так было и в ночь с 25 на 26 октября (6—7 ноября) — поздно вечером в Зимнем дворце проходило заседание по кризисной ситуации Временного правительства, в то время как путчисты спокойно и беспрепятственно занимали ключевые стратегические пункты Петрограда. В городе царит относительное спокойствие — на выходах стоит патруль, слышны отдельные выстрелы. По сигналу в направлении к Зимнему дворцу движется небольшой отряд. Несколько кадетов греют руки у небольших костров. Наверху, рядом с залом для балов, все еще идут дискуссии. Нарастающий со стороны лестничной площадки шум не предвещал ничего хорошего. Керенский сбежал, воспользовавшись потайным выходом. Он успел сделать это вовремя, до того, как командир бригады штурмовиков открыл дверь в зал заседаний и объявил ошеломленным министрам: «Вы арестованы! Ваше время кончилось!»

Штурм прошел незаметно для жителей города. На следующее утро, когда в благородных домах лакеи подавали своим господам завтрак, вскользь упоминая о том, что теперь у них новое правительство, над столицей уже летали листовки с программным сообщением новых властей:

«К гражданам России!

Временное правительство низложено! Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ:

немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

26 октября 1917 года, 10 ч. утра».

Через два дня в МИД в Берлине поступает телеграмма от связного офицера, адресованная Генеральному штабу.

«Ставка Верховного главнокомандования, 9 ноября 1917 года, 8 часов.

Прибытие: 8 часов 30 минут.

Секретарь посольства МИДу. № 1628.

Генерал Людендорфф телеграфировал полковнику и генералам фон Макенсену, фон Зеехту, фон Крамону (для генерала фон Арца):

«Согласно радиоперехвату, в Петербурге произошла революция, в которой, вероятно, победил Совет рабочих и солдатских депутатов. Он, по всей видимости, хочет воспрепятствовать отправке войск с фронта в Петербург. Победа Совета рабочих и солдатских депутатов желанна для нас. Прошу в этой связи использовать в пропаганде содержание радиоперехвата.

Подписал Лерснер».

В тот же день госсекретарь телеграфирует Федеральному казначейству:

«Ваше Высокопревосходительство. С учетом переговоров с посланником фон Бергеном и господином министерским директором Шредером имею честь попросить сумму в пятнадцать миллионов марок в соответствии с главой 6 раздел II внешнего бюджета МИДа на

политическую пропаганду в России. В зависимости от хода событий оставляю за собой право, с Вашего позволения, обратиться к Вам с дальнейшей просьбой об отпуске последующих сумм. За возможное ускорение дела был бы Вам очень благодарен.

Гос. секр.».

10 ноября немецкий поверенный в делах в Копенгагене, фон Виттгенштейн, телеграфирует в Берлин:

«...Ленину нужна поддержка Германии для осуществления его программы. Она будет в основном состоять в том, чтобы германское правительство публично признало себя причастным к существовавшим до сих пор военным целям партий большинства. Так как эти военные цели в основном совпадают с целями максималистов, Ленин может предложить союзникам начать на этой базе переговоры, и, в случае отказа, Россия может отказать от обязательств перед Антантой...»

Названное совпадение военных и мирных целей немецкой восточной политики с целями большевиков Парвус уже рекомендовал послу Брокдорффу-Рантцау после Февральской революции в тайной беседе с ним в Копенгагене. Тем самым он связывал победу большевиков с осуществлением целей Германии на Востоке и в качестве советника полностью ставил на карту большевизма.

Триумфальная новость о захвате власти Лениным застаёт Парвуса в Вене. Осенью этого года он ездил на лечение в Мариенбад, в Швейцарию, отдалившись от растущей публичности германо-большевистских отношений и своей роли в западных средствах массовой информации. Оттуда он поехал в Вену, вместе со своим новым другом и лоббистом Виктором Науманном. Науманн, позднее заведующий отделом прессы германского МИДа, был ангажирован Парвусом из-за его многочисленных контактов, чтобы обсудить его планы в от-

ABSCHEID.

9. November 1917 m

Telegramm.

70

Großes Hauptquartier, den 9. November 1917 8 Uhr -- Min. N.

Ankunft: 8 " 30 " "

Der K. Legationssekretär an Auswärtiges Amt.

No. 1022

General Ludendorff hat an Oberost und die Generale von Mackensen, von Seeckt, von Cramon (für General von Arn) gedruckt:

"Nach aufgefangenen Funkprüchen ist in Petersburg eine Revolution ausgebrochen, in der der Arbeiter- und Soldatenrat gesiegt haben soll. Er scheint die Entsendung von Truppen von der Front nach Petersburg verhindern zu wollen. Der Sieg des Arbeiter- und Soldatenrates bleibt für uns wünschenswert. Ich bitte in diesem Sinne die aufgefangenen Funkprüche für die Ausnutzung der Propaganda zu verwenden."

1 1 2

1. G. M. T. ...

2. Z. ...

gez. Lorenz.

D 947203

Aktion 2. ...

W

Сообщение от 9 ноября 1917 г. из Генерального штаба Германии МИДУ о государственном перевороте Ленина, который произошел по западному календарю в ночь с 6 на 7 ноября

ношении России с политиками и военными. Для этого Науманн инициировал встречу с министром иностранных дел Австрии Цернином, баварским кронпринцем и генералом Людендорффом.

Дождаясь в Вене аудиенции у Цернина, Парвус, к своему удивлению, становится свидетелем венской реакции на государственный переворот Ленина. 9 ноября, через два дня после путча в Петрограде, венская «Арбайтерцайтунг» эйфорически приветствовала это событие как «революцию за мир» и провозгласила «новую эпоху в освободительной борьбе международного пролетариата». Так звучат и лозунги массовой демонстрации, состоявшейся в воскресенье, 11 ноября, когда венские рабочие, ликуя, вышли на улицы.

На следующий день Парвус получил из заграничного представительства большевиков в Стокгольме телеграмму аналогичного содержания с той, которая была отправлена тамошним немецким поверенным в Берлин. В ней идет речь о необходимой общественной поддержке нового правительства в Петрограде, например, забастовками и демонстрациями в западных странах. Товарищи по партии просят Парвуса как можно скорее приехать в Стокгольм.

Науманн присутствует на беседе с Цернином. Из его доклада рейхсканцлеру Германии Гертлингу вытекает, что Парвус якобы является рупором Ленина в вопросе о мирных переговорах и считает возможным щедрое отделение таких территорий, как Польша, Литва или Курляндия, а также Украина, от Российской империи. Что касается Финляндии, то здесь вопрос уже решен — Германия, поддерживаемая военными действиями, хочет осуществить давление на русское правительство, чтобы то признало независимость Финляндии, и планирует посадить на финский трон зятя кайзера Вильгельма Фридриха Карла. Передавая беседу между Цернином и Парвусом, Науманн комментирует ее своим мнением, что решение об отколе территорий «само собой, может быть так организовано, чтобы это соответствовало нашим желанием». И здесь Германия играет против Австрии, и, наоборот, ни в коей мере не открывая карты союзника.

AP. 4187

Berlin, den 9 November 1917

A 8

43/4

Handwritten signature/initials

An den Herrn
Staatssekretär des
Reichsschatzamts.

Ew. pp. beehre ich mich unter Bezugnahme auf die
Gesamten von den
Besprechungen mit Herrn Ministerialdirektor Schröder

Bei I b
z. gerl. Mitz.

zu bitten, dem Auswärtigen Amt für politische Pro-
paganda in Russland den Betrag von zehn Millionen

Handwritten notes:
Ab 10. II.
K. Reich 53
F. 1. 11. 17

Mark zu Lasten des Kapitels 6 Abschnitt II des
ausserordentlichen Etats geneigtest zur Verfügung

Durchschlag an I b

stellen zu wollen. Je nach dem Laufe der Ereignisse
darf ich mir vorbehalten, an Ew. pp. demnächst mit

einer weiteren Bitte um ~~neuerliche~~ Bewilligung des
gleichen Betrages heranzutreten. Für tunlichste

Beschleunigung wäre ich dankbar.

St. S.

Handwritten signature/initials
L 9/11

27431

Handwritten note:
mit 9/11. 992 per. n. 12/17

L084033

Handwritten signature/initials

Handwritten signature/initials
B39/12 9/11

Как видно из телеграммы от 9 ноября 1917 г. Государственному казначейству, уже через три дня после захвата Лениным власти гос-секретарь в МИДе Германии хочет перевести ему пятнадцать миллионов марок

Планы раскола Российской империи Парвус обосновывает ленинским требованием права народов на самоопределение, разумеется, не упоминая о секретном программном списке, который Ленин предоставил немецкому правительству в 1915 году через Кескюла, на случай захвата им власти с немецкой помощью. Через стокгольмское заграничное представительство Берлин оказал правительству Ленина экстренную помощь в размере двух миллионов марок, которые были переданы через швейцарского социалиста Карла Моора, именуемого в секретной переписке «Байером».

Когда Парвус находится по пути в Берлин для осуществления следующего витка переговоров, Цернин пишет своему немецкому коллеге многостороннее письмо, в котором инициирует срочное начало мирных переговоров, «чтобы не упустить подходящего момента». Как оказалось, обе союзные державы ни в коем случае не должны были выступить заодно на мирных переговорах.

В Берлине Парвус передает унтер-штатс-секретарю фон дер Буше меморандум, в котором советует, чтобы правительство Германии поскорее публично ответило на мирный лозунг Ленина, чтобы, по его словам, упрочить «движение за мир в России». При этом его нужно предупредительно сформулировать, придерживаясь формулы «без аннексий и контрибуций». Рекомендация сформулирована настолько типично для Парвуса, что документ уже не нуждается в дополнительной надписи Бергенса «От д-ра Гельфанда-Парвуса». Касательно возможного отчуждения территорий Парвус высказывается здесь куда осторожнее, чем во время беседы в Вене, и считает, что это в принципе «не исключается», однако зависит от единодушного одобрения русского правительства. Одним словом, Парвус лоббирует ленинский режим для его укрепления, но до тех пор, пока это не противоречит интересам германского правительства, ведь без Ленина оно никогда бы не реализовало свои планы.

Как и после Февральской революции, Парвус снова пытается свести руководителей немецких социал-демократов «большинства», якобы как партнеров по классовому признаку, с большевиками для возобновления ди-

алога о мире. От его требований забастовок в Германии как манифестаций солидарности с Лениным Эберт и Шейдеманн, разумеется, мало что могли бы выиграть, разве что публичное выступление за скорейшее заключение мира. Политикам совершенно ясно, что, кажется, собирается игнорировать Парвус: переговоры должны быть делом правительства, а не одной фракции в парламенте. Или энергичный русский немец уже предвидел маневр по устранению правительства кайзера в расчете на его последующее свержение? Тем не менее Парвусу разрешено при его дальнейшей поездке в Стокгольм привезти Радеку и Воровскому (Ганецкий уже уехал в Россию) для опубликования приветственную резолюцию руководства немецкой партии.

В Берлине Парвус сам составил тексты митингов солидарности в Дрездене и еще одном городе. Чиновники МИДа медлили с этими пропагандистскими посланиями и даже воздержались от передачи их организаторам демонстраций в других городах. Медленно, но верно пути обоих неравных партнеров начинают расходиться, так как их цели уже не одинаковы.

В стокгольмском бюро у Радека Парвус составляет ответное послание СПГ и НСПГ от имени большевистской партии.

Затем он отзывает в сторону своего товарища по партии, пока тот не уехал в Петроград, для доверительного личного разговора. В беседе он раскрывает ему свое заветное желание, не покидающее его с момента написания революционной программы в России: вернуться в Россию. Теперь, когда он своей многолетней деятельностью достиг цели, ему хочется самому быть на службе революционного Советского правительства.

Редко кому приходилось видеть революционного магната таким покорным, как теперь Радеку, выслушивающему эти высказывания. Парвус допускает, что после июльского восстания подвергся «подозрениям и клевете» в русских партийных кругах, что может быть неприятно для имиджа нового правительства. Однако он готов предстать перед «судом рабочих» и, в случае необходимости, подчиниться его решению. Радек обещает передать это желание лично Ленину и уезжает.

В то же самое время, в конце ноября 1917 года, над Парвусом собираются мрачные тучи. Обмен приветственными телеграммами между немецкими социал-демократами и большевиками, инициированный Парвусом, привел в негодование вождей умеренного крыла социалистов. Парвус снова становится мишенью общественной критики, на этот раз в Германии.

С тех пор, как средства массовой информации, еще летом, идентифицировали его как связного между Берлином и Лениным, ему так и не удалось до конца отмыться. Он настойчиво отбрасывал от себя обвинение, что был финансовым курьером, и риторически восклицал: «Давал ли я деньги большевикам? Я дал им нечто более ужасное: революционную волю русского пролетариата...»

Прослышавший из-за сделанного в адрес находящегося в Копенгагене Парвуса замечания его критиком, депутат Хуго Хаазе нападает теперь и на СПГ за то, что потребовалось «воспользоваться услугами человека, который с помощью своих военных спекуляций получил немецкое гражданство во время войны, будучи русским, и послать его как посредника к большевикам».

Шейдеманн использовал всю силу и свою веру в обвиняемого, чтобы защитить его. Берлин настроен против Парвуса.

К этому присоединяется и МИД, который еще меньше, чем после Февральской революции, заинтересован в том, чтобы Парвус стал посредником между немецкими социал-демократами «большинства» и большевиками и включился в подготовку мирных переговоров. Помимо этого, начиная с весны изменились и цели правительства, и все же оно намерено диктовать свои условия в качестве спонсора Ленина в одиночку.

На всякий случай МИД организовал на важнейшем управленческом посту в Стокгольме между Германией и Россией собственный русский отдел в германском посольстве, который возглавил Курт Рицлер. Он присутствовал при той памятной беседе, которая привела Парвуса в феврале 1915 году на Вильгельмштрассе, чтобы представить свою революционную программу. Рицлер испытывает к нему меньше симпатии, чем Брокдорфф-

Рантцау в Копенгагене, и видит в нем всего лишь агента, который не должен предпринимать собственных действий, выходящих за рамки указаний МИДа.

Параллельно с этим австрийский МИД тоже направляет в свое посольство в Стокгольме специального советника по России, советника посольства принца Эмиля фон Фюрстенберга. Уже 22 ноября он жалуется в телеграмме, направляемой в Вену, что «усилия по заключению мира со стороны своеобразной личности немецкого посредника не принесли облегчения». Он смог четко описать его, Парвуса, взгляды в своем послании министру иностранных дел: их якобы «трудно совместить со взглядами на Вильгельмштрассе. Он исходит (...) из других побуждений (...) Гельфанд — старый русский революционер, который в последние два года активно работал над подготовкой русского переворота, а теперь хотел бы увенчать свою работу тем, что он, так сказать, под своим покровительством принесет мир братскому народу (...)

На одну треть он работает на страны Центральной Европы, на одну треть — на социал-демократию и еще на одну — на Россию, пролетариат которой он хотел бы считать обязанным себе за пробивание для него выгодных условий. (...) Советую строго следить за его шахматными шагами и не позволять ему слишком зазнаваться...»

Постепенно Вена и Берлин исключают Парвуса из дальнейших событий. Теперь он пытается на свой страх и риск организовать социалистическую мирную конференцию в одной из Скандинавских стран, что укрепило бы роль этих партий на международном уровне и, кроме того, означало бы поддержку стран Центральной Европы. Тем самым, однако, он угрожает сорвать планы этих стран. Переговоры в Брест-Литовске — это место определило германское правительство — должны скоро начаться. Когда же Парвусу удастся затянуть ничего не подозревающего лидера партии Шейдемманна на переговоры с большевистскими представителями в их зарубежное бюро в Стокгольме, в Берлине это вызывает беспокойство. Госсекретарь отдает приказ о поимке Шейдемманна на промежуточной остановке в Копенгагене. Ему

разъясняют, что отдельные социалистические переговоры не только являются антиконституционными, но и работают на руку Антанте. Перед тем как продолжить путь, Шейдеманн обещает посланнику в Копенгагене отказаться от переговоров в Стокгольме с представителями большевиков.

В Стокгольме Шейдемманна дожидается Рицлер, который предостерегает его от известных действий, как и его коллега в Копенгагене. Но когда, наконец, состоялись переговоры с одним из представителей тройки зарубежного бюро большевиков, Воровским (он же Орловский) и Парвусом, Шейдеманн остался верным обещанной Берлину линии. Он не полагается на выбранный Парвусом Стокгольм как место проведения конференции или Копенгаген, где Парвус смог бы использовать это событие в целях партийной пропаганды и никоим образом ни во что не вмешивается. У Парвуса нет шансов.

Наконец, немецкие дипломаты пытаются выдворить русского нарушителя спокойствия из Стокгольма, делая это под видом откомандирования его в Берлин «для экономических консультаций». Но Парвус хочет дожидаться в Стокгольме возвращения Радека. Ленинское «да» одним махом изменило бы и его позицию по отношению к Берлину. Отговариваясь, что у него нет билета, он твердо решил дожидаться возвращения Радека из Петрограда.

Возникает вопрос, серьезно ли задумывается Ленин над предложением Парвуса, ведь оно по своей сути наивно. Стал бы Ленин терпеть рядом с собой превосходящего его в интеллектуальном смысле и такого же одержимого конкурента? Не приведет ли это к окончательному расколу партии? Но прежде всего: мог ли Ленин позволить себе вскоре после всех июльских разоблачений и опровержений быть упомянутым рядом с именем Парвуса? Он даже не мог оставить без внимания связь своего друга Ганецкого с Парвусом, чему было посвящено восемь внутренних партийных заседаний с августа по сентябрь (в протоколах которых обнаружено несколько загадочных пустых мест). Наконец, Ленин должен был отказаться от того, чтобы послать Ганецкого дипломатическим представителем нового правительства в Сток-

гольм, поскольку ЦК три раза голосовал против этого. Ленин вынужденно уступил и послал вместо него Коллонтай.

Наконец в середине декабря возвращается Радек. Преисполненный цинизма и многолетней зависти к преуспевающему коммерсанту революции, он испытывает удовольствие, унижая Парвуса отрицательным ответом Ленина. «Революция не терпит никого, у кого грязные руки», — цитирует Радек ответ Ленина. И на этом тема закрывается.

Теперь Парвус предан собственными товарищами по партии, а тот, кого он сделал лидером, оттолкнул его. Таким образом, он потерял основу для своих действий, с помощью которых мог управлять немецкой политикой в отношении России. Достигнув конечной цели и для Берлина, и для Ленина, он выполнил свое назначение и превратился в мавра, который может уходить. Горечь его поражения не знает границ.

Парвус тихонько сообщает на Вильгельмштрассе в Берлин, где желают убрать его из Стокгольма, что готов приехать.

Берлин принимает его более дружелюбно, чем он мог ожидать после проявленного к нему недоверия, и вселяет надежду, что он еще будет востребован. И это на самом деле так: мирный договор еще не подписан, но даже если бы и был подписан, кто знает, не появится ли впоследствии желания избавиться от Ленина — «избавиться после выполненной работы», как написал кайзер на полях одного письма. Курт Рицлер предвидел это, когда писал из Стокгольма в Берлин фон Бергену, чтобы подготовить к приему Парвуса:

«Если его интересы снова пойдут параллельно с нашими, он опять станет слишком важным, и я рекомендовал бы побеседовать с ним в Берлине очень доверительно и близко, особенно посоветоваться по румынскому вопросу (...) Он очень сильный специалист, и у него отличные идеи. Легко может получиться так, что мы в скором времени будем заинтересованы опираться в России на более широкие круги, а не только на Ле-

нинское окружение, и тогда он нам обязательно будет нужен. У него не должно возникнуть подозрения, что от него здесь хотят избавиться.

Я ничего не имею против его возвращения, тем более если в Бресте дела идут хорошо. Я только думаю, что мы в скором времени сможем его лучше использовать на другом месте...»

Тем временем в Брест-Литовске еще в декабре 1917 года начались переговоры о мире. Между двумя сторонами, тайными многолетними партнерами, намечается глубокий разрыв. От лозунга «Без аннексий и контрибуций» не осталось и следа. В связи с гигантскими территориальными, экономическими и финансовыми требованиями Германии переговоры скоро заходят в тупик. А именно: немецкая сторона требует четверть Европейской территории России с отделением Эстонии, Лифляндии, Финляндии и Украины, плодородную сельскохозяйственную область, четверть железнодорожной сети, треть текстильной промышленности, три четверти железнорудных и каменноугольных шахт, хочет присвоить продукцию украинского сельского хозяйства и контролировать кавказские нефтяные скважины. К тому же еще шесть миллиардов марок — четверть в золоте сразу, остальное — до осени 1918 года.

Русские делают ставку на время. Им совершенно очевидно, что, поспособствовав заключению мира своим девизом, они должны были добиваться успеха, что ясно и противоположной стороне. Однако начало революционных беспоконий в Германии или Австро-Венгрии могло бы спасти новое советское руководство от последствий подобного договора. Демонстрации в Вене в этом отношении вселили в Ленина надежды.

Это демонстрирует переписка между Рицлером из германского посольства в Стокгольме, состоящим в контакте с правительством Ленина, и Министерством иностранных дел. Из нее следует, что «венские события разбудили новые надежды Воровского». Поэтому следует «соблюдать твердость по отношению к русскими только в случае, если венские события и там приведут к

новым требованиям, пойти на уступки», — а именно близ Украины, в районе Галиции. Очевидно, во время венских забастовок политики своими высказываниями нарушили немецкие планы, поэтому Рицлер жалуется: «...высказывания недооценивающей положение левой прессы в Австро-Венгрии осложняют заключение договора».

Переговоры в Брест-Литовске представляют собой последний этап совместного пути германского правительства и программы Парвуса. Атмосферу этих встреч характеризует напор, движущий Германией, желающей поставить все на карту и использовать зависимость правительства Ленина от заключения мира, а также и советскими руководителями на переговорах, которые не могут ничего противопоставить этому напору и борются за сохранение своей власти. Эта атмосфера отражена в записях ведущих партнеров по переговорам. Так, например, генерал Гофман, Верховный главнокомандующий Германской Восточной армией, насмехаясь над неоднородностью делегации и ее лицемерием, делает такую запись:

«Я никогда не забуду первого обеда с русскими. Я сидел между Йоффе и Сокольниковым, тогдашним комиссаром финансов. Напротив меня сидел рабочий, которому, по-видимому, множество приборов и посуды доставляло большое неудобство. Он хватался то за одно, то за другое, но вилку использовал исключительно для чистки своих зубов. Наискосок от меня рядом с князем Хоенлоэ сидела террористка Бизенко, с другой стороны от нее — крестьянин, настоящее русское явление с длинными седыми локонами и заросшей, как лес, бородой. Он вызывал у персонала некую улыбку, когда на вопрос, красное или белое вино предпочитает он к обеду, отвечал: «Более крепкое».

Йоффе, Каменев, Сокольников производили впечатление настоящих интеллигентов. Они с воодушевлением говорили о стоящей перед ними задаче привести рос-

сийский пролетариат к высотам счастья и благосостояния. Никто из них ни на минуту не сомневался, что обязательно настанет такой момент, когда народ сам будет управлять государством, руководствуясь марксистским учением. Они верили в то, что всем людям будет хорошо, а некоторым, — здесь Йоффе подразумевал, вероятно, себя, — чуть-чуть лучше. (...) В остальном русские открывали переговоры сразу потоком пропагандистских речей и нападка на «империалистов»...»

Упомянутая госпожа Бизенко, имевшая на своей совести несколько «политических» убийств, была лишь недавно освобождена из тюрьмы. Крестьянин, фигуралиби для представителей правительства, стремящегося узаконить себя как идеолога классов рабочих, крестьян и солдат, обязан своим присутствием на переговорах чистой случайности. По пути к вокзалу направляющейся в Брест русской делегации встретился устало бредущий крестьянин, и тут члены делегации вспомнили, что забыли взять с собой представителя этого класса. Они предложили его подвезти. Дело закончилось настоящим похищением. Когда обманутый запротестовал, что ему якобы нужно в другую сторону, «похитители» сначала озабоченно поинтересовались, к какой партии он принадлежит — к левому или правому крылу? — и только потом заявили: «Ну хорошо. Ты сейчас поедешь не в деревню, а с нами в Брест на встречу с нашим врагом. Мы хотим договориться с немцами о мире...»

Австрийский министр иностранных дел, граф Цернин, делает пометку о фазе, когда после безрезультатного прекращения первого круга переговоров — шок от немецких требований еще витал в воздухе — Троцкий сменяет Йоффе: «В первой половине дня прибыли русские под руководством Троцкого. Они сразу извинились перед сидящими за столом. И вообще они не привлекают к себя внимания, вероятно, подует другой ветер, не такой, как в прошлый раз...»

Немецкий госсекретарь фон Кюльманн высказывается о Троцком: «Уже на следующее утро состоялось первое пленарное заседание. Картина полностью изменилась. Троцкий был человеком совсем другого склада по сравнению с Йоффе. Не очень большие, острые и на-

сквозь пронизывающие глаза за резкими стеклами очков смотрели на его визави сверлящим и критическим взглядом. Выражение его лица ясно указывало на то, что он лучше бы завершил малосимпатичные для него переговоры парой гранат, швырнув их через зеленый стол, если бы это хоть как-то было согласовано с общей политической линией. Поскольку я знал, что Троцкий особенно гордился своей диалектикой, я был полон решимости избежать всего, что могло бы дать ему материал для агитации среди немецких социалистов...»

В автобиографических записках Троцкий вспоминает о своих партнерах по переговорам с крайним пренебрежением: «Кюльманн был главнее Цернина и, как я полагаю, главнее других дипломатов, с которыми у меня была возможность познакомиться. В нем виден характер практический, значительно превышающий средний ум и заметную долю злости, которую он демонстрировал не только нам, у кого он натыкался на сопротивление, но и своим союзникам.

Когда затронули проблему оккупированных областей, Кюльманн стал бить себя в грудь и кричать: «Слава богу, у нас в Германии нет оккупированных областей!» На что Цернин пожал плечами и позеленел, вероятно, Кюльманн, имел в виду его. Их отношения были далеки от дружеских.

Генерал Гоффманн, напротив, привнес свежую ноту в конференцию. Он показывал, что ему не симпатичны закулисные хитрости дипломатии, и несколько раз ставил свой солдатский сапог на стол переговоров. Мы сразу поняли, что единственная реальность, которую действительно следует воспринимать всерьез при этих бесполезных разговорах, это сапог Гоффманна (...)

Однако иногда генерал прерывал политические дискуссии, но по-своему. Раздраженный скучными речами о самоопределении народов, он пришел с папкой вырезок из русских газет, с помощью которых подтверждал свои обвинения, что большевики подавляли свободу слова и нарушали принципы демократии (...) Я ответил Гоффманну, что в классовом обществе каждое правительство опирается на силу. Отличие состоит лишь в том, что генерал Гоффманн осуществляет подавление

для защиты крупных помещиков, в то время как наши меры силового характера имеют целью защищать рабочих...»

Генерал Гоффманн пишет о Троцком следующее:

«Троцкий — хороший оратор, образованный, энергичный и циничный, создавал впечатление человека, который не остановится ни перед какими средствами, чтобы достичь того, чего хочет. Иногда я спрашивал себя, прибыл ли он вообще с намерением заключить мир, или ему была нужна трибуна, с которой он мог бы пропагандировать большевистские взгляды. Тем не менее, хотя они и стояли на переднем плане, я думаю, что он пытался прийти к соглашению, и когда Кюльманн давал достойный ответ диалектикой, то приводил его в затруднительное положение, и он перешел к использованию режиссерского хода, якобы Россия не может принять условия мира центрально-европейских стран, и он настоящим объявляет войну оконченной, и что он, наконец, завершил круг переговоров...»

Кюльманн говорит о той же фразе, находясь под давлением с обеих сторон: «Решение Троцкого резко прервать контакты между членами делегаций затруднило мою задачу как руководителя нашей делегации (...)

Троцкий, очевидно, хотел спровоцировать меня к диктаторскому выступлению, с ударами по столу и указаниями на военную карту. Я, однако, не смог оказать ему такой любезности, которая вооружила бы его столь опасным оружием, как натравливание против меня левых партий в Германии. Мое поле действий на переговорах было и без того узким и заключалось между требованиями со стороны руководства сухопутными войсками мягких аннексий и со стороны Рейхстага — мира без аннексий и контрибуций. Так что я мог только втянуть Троцкого в дискуссию о праве наций на самоопределение и вывести оттуда территориальные уступки...»

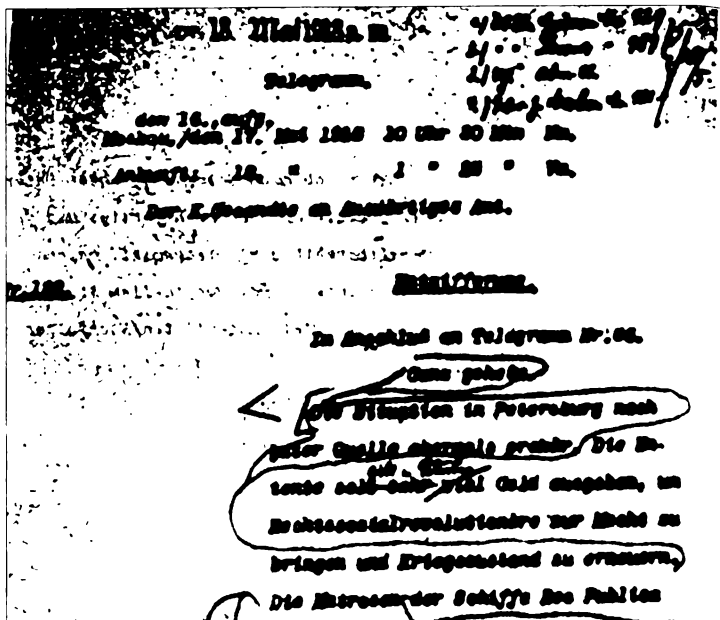
Одновременно с этим состоялась беседа Парвуса с Брокдорффом-Рантцау, которая и на этот раз была подробным образом зафиксирована. Здесь бросается в глаза то, что накопилось у разочарованного создателя ре-

волюционной программы. Он явно начинает дистанцироваться от Ленина и дает ему еще немного времени для его правления. По поводу немецких территориальных пожеланий в изменении их формулы «без аннексий и контрибуций» весной Парвус заявляет с широким жестом: «Уже после того, как разразилась русская революция, я указал на партийном собрании в Берлине на то, что мы, если Россия будет исключена, а Франция разбита, само собой разумеется, будем говорить совершенно в других тонах и должны будем аннексировать большие территории...» И не медля добавляет: если большевики создадут сложности, Германия должна будет использовать свою армию — 500 000 человек достаточно, чтобы сокрушить Россию.

Это и так понятно. Когда Троцкий покинул вышеописанную фазу переговоров, не добившись результата, а с лозунгом «Ни войны, ни мира», подключился Генеральный штаб. Генерал Людендорфф приказывает прорвать русскую оборонительную линию на северо-западе. Немцы продвигаются в направлении Петрограда. Ленин знает о состоянии своей армии, которая в конечном счете была морально разложена его же собственной пропагандой. В военном отношении он не смог ничего противопоставить немецкому нажиму. Финансированием своего прихода к власти он продался противнику — теперь у него нет выбора и нет оружия, чтобы опротестовать эту сделку.

3 марта 1918 года Ленин должен подписать Брест-Литовский мирный договор. Комментарий одного русского офицера: «Это уникальное явление в мировой истории, чтобы потерпевшая сторона диктовала условия победителю...»

Ленин, однако, имел холодный расчет. Он надеялся, что вскоре в Германии разразится революция и она снимет все тяготы этого договора. Все-таки он получил из Берлина, помимо срочной помощи в два миллиона марок, еще 15 миллионов в конце ноября. Теперь он может укрепить позиции своей власти в стране, финансировать партийный орган газету «Правда» и основать ЧК, навешивающую ужас тайную полицию «для борьбы с контрреволюцией (-онерами)». Когда из-за его политики экс-

Телеграмма от 18 мая 1918 г. первого немецкого посла в Москве при правительстве Ленина, графа Мирбаха, в Берлин. В ней он выражает озабоченность режимом: «Ситуация в Петербурге, согласно хорошему источнику, вновь критическая. Антанта должна тратить много денег, чтобы привести к власти (умеренных) социал-революционеров и возобновить войну...» По его оценке потребуется разовая сумма в 40 миллионов марок, чтобы удержать Ленина у власти

проприации, огосударствления, из-за грубых методов правления, и, наконец, мирного договора сторонники его партии начинают отпадать и перебегать на сторону оппозиции, поддерживаемой Антантой, его положение становится «затруднительным», о чем в мае 1918 года пишет в Берлин аккредитованный в Москве посол фон Мирбах:

«Антанта должна тратить очень много денег, чтобы привести к власти правых социал-революционеров и возобновить состояние войны.

Матросы на кораблях (...), вероятно, полностью подкуплены, так же как бывший Преображенский полк,

миллиона в дальнейшем, которые должны быть переданы большевикам. До выполнения условий договора Ленина нужно удержать у власти.

Когда кайзер Вильгельм узнает, что режим Ленина пошатнулся, он сам по своей привычке пишет на полях одного документа: «Ему приходит конец» — и приказывает находящемуся в Москве Мирбаху вернуть в Москву бывшего царя, сосланного в Сибирь, чтобы на всякий случай получить и его подпись под текстом договора. Несмотря на то что Николай этого бы никогда не сделал, Советское правительство готово на все, чтобы препятствовать его приезду в Москву: Яков Свердлов, Председатель Центрального Исполнительного комитета, по-дружески отвечает Мирбаху согласием на желание кайзера и приказывает через эmissара отправить царскую семью из Тобольска в еще более восточный город. Таким образом, теперь их экзекуция скреплена печатью и менее чем через два месяца, в июле 1918 года, будет приведена в исполнение. Перед Мирбахом Свердлов беспомощно пожимает плечами: в Москве у него нет контроля над тем, что происходит в далекой Сибири...

Одновременно с приездом в Москву Мирбаха в Берлин отправляется новый русский, а теперь советский, посол. Это Йоффе, первый участник переговоров в Брест-Литовске, и он собирается взять реванш за нанесенное ему там оскорбление. В качестве основы для этого он привез из Москвы 14 миллионов марок, которые положил в банк Мендельсона — один из тех банков, через которые большевики раньше получали свои средства из Берлина.

Теперь Йоффе работает над революцией в Германии и над свержением правительства кайзера, которое навязало условия Брест-Литовского договора. Из этих денег он финансирует десять левосоциалистических газет в Германии, предоставляет депутатам левого крыла «основы» для их речей в парламенте, поддерживает агентов в нескольких министерствах и может еще позволить себе печатать в Германии пропагандистские сочинения для агитации и забастовок. Одним словом, он занимается тем же, что уже привело к успеху Россию, из Германии. В то же время в советское посольство хлынул непрерыв-

2667 pr. 12. Juni 1918 *pm*

Der Staatssekretär
des Reichsschatzamts.

Heilm S. B. 985.

Berlin W. 66, den 11. Juni 1918.
Wagnersplatz 1.

157

und geteilt, in der Antwort Tag, von
1. v. Geschäftswesen und Gewerbe
denn Schreiben zu bezeichnen

18
Wagnersplatz.

19

Lieber Kühmann !

12.

Auf Ihr Schreiben vom 8. d.M., mit dem Sie mir
die Aufzeilung zu A.S. 2562⁺ betreffend Rußland
übersenden, erkläre ich mich bereit, einen ohne An-
gabe von Gründen gestellten Antrag auf Bereitstel-
lung von 40 Mill. Mark für den fraglichen Zweck zu-
zustimmen.

Seiner Exzellenz
Herrn Staatssekretär des Aus-
wärtigen Amtes
Herrn Dr. von Kühmann

Parasitisch.

Ответ государственного секретаря имперского казначейства, графа Федерна, от 12 июня 1918 г. госсекретарю МИДа Германии, фон Кюльманну, о выделении режиму Ленина заявленных 40 миллионов марок

ный поток предпринимателей. Все они хотели иметь эксклюзивные права и договоры. Промышленники Крупп, Тиссен, Хуго Стиннес основали синдикат, чтобы обезопасить русский рынок от захвата другими, так как немцы теперь конкурировали с американцами. Парвус помогает в этом немецким предпринимателям, поскольку хочет обеспечить своей вновь избранной родине доступ к русским сокровищам.

Насколько ему стала чужда страна, откуда он родом, в правительстве которой он до недавнего времени хотел работать, показывает следующий факт: в июле 1918 года, когда к Парвусу обратилась советская сторона с просьбой посредничества в немецких поставках угля, на которых он в свое время приобрел дурную славу, он сорвал сделку из-за требования слишком высоких комиссионных.

Тем временем Парвус разработал свою концепцию, как взять реванш у Ленина. Разочарование, задетая гордость и слепое негодование мобилизовали его фантазию. С помощью основанной им газеты «Извне» он направляет отравленные публицистические стрелы в Москву, куда Ленин перевел свое правительство из находящегося под угрозой Петрограда. Он бичует экспроприацию и огосударствление буквально как «неслыханное невежество», из-за которого молодая республика будет разорена, так как ее лишат важнейших доходов. Совет рабочих и солдатских депутатов более похож на «еврейский кагал, чем на современную демократию». Ленинский режим, опирающийся на ЧК, Парвус называет «режимом силы, который может пробивать себе путь вооруженной властью против большинства населения» и «со своей полуазиатской культурой является насмешкой над славной историей европейских революций».

Для его читателей самой ошеломляющей аргументацией нападок на Советское правительство является, вероятно, та, с помощью которой Парвус представляет Россию как «не совсем созревшую для социализма, так как она находится в эмбриональной фазе промышленного развития». Поэтому «ей нужен капитал как хлеб насущный». Россия «не созрела» также для единовластия пролетариата, так как рабочий класс находится в

меньшинстве. Вывод: в России не существует ни правовой основы, ни возможностей для диктатуры пролетариата. Все это пишет человек, который в 1905 году сам осуществлял притязание на власть пролетариата и строил свои многолетние пропагандистские сочинения на противоположных утверждениях. Человек, который обучил Троцкого тому, что впоследствии стало называться крылатым выражением «перманентная революция». Но он считает, что его идеи, реально использованные Лениным на практике, обрели «извращенные формы».

Парвус знает слабые места вождя революции и умело использует это: так, в условиях Брест-Литовского договора Ленин якобы «сам виноват», потому что упустил возможность в свое время обойтись без аннексий, возможно, используя вариант «с буферными государствами». Действительно, и австрийский принц фон Фюрстенберг в своем письме Цернину в апреле 1918 года констатировал, что крах России — по программе Парвуса — произошел «с запланированного согласия большевиков».

Парвус всеми силами ужесточает свои нападки и пытается уменьшить доверие и поддержку Ленина в его собственной стране. Ему снова удастся заинтересовать МИД Германии и заручиться его поддержкой. Ленин и его режим террора постепенно начали вызывать беспокойство Берлина. Обе стороны вновь стремятся отделаться от Ленина. Парвус планирует создать агентурную сеть, включающую сто филиалов и двести газет, распространяющуюся по всей России до Афганистана, Персии и Китая. С помощью этого инструмента он намерен вести оппозиционную пропаганду, используя накопившуюся усталость населения, измученного хаосом, экспроприацией и разрухой, чтобы в подходящий момент создать организацию, способную свергнуть Ленина. Одновременно с этим предприниматель-интриган хочет с помощью политических амбиций добиться, чтобы русский рынок был гарантирован для немецкой монополии и чтобы в России не возникал реваншистский климат по отношению к Германии. Стартовый капитал: четыре миллиона марок...

Эту сумму Парвус получил еще в 1918 году, но когда этого становится мало, он планирует еще сразу 200 миллионов. Однако высота его полета, кажется, не ограничивается даже немецкими средствами и готовностью предоставить их. При этом Парвус обеспечивает себя хорошей долей пакета акций газетной империи. Все начинается с изготовления безобидных рождественских календарей с тонкими пропагандистскими посланиями, которые печатались миллионными тиражами для рынка Советской России.

Однако этот план не удалось развернуть дальше. В середине 1918 года патриотически настроенными социал-революционерами был убит немецкий посол Мирбах. На Ленина тоже было совершено покушение, но он, правда, смог выжить. Ответом на покушение стал кровавый массовый террор, который навел ужас и на его немецких зачинщиков. А где же Парвус с его искусством подрывной деятельности?

Он все больше и больше погружается в утопические бредовые идеи. Парвус занимается спасением великой Германии, ставшей для него восхитительной второй родиной. Когда силы ее давно уже истощены, он все еще продолжает верить в «окончательную победу» Германии. При этом Ленин уже давно подготовил контрудар — разумеется, после того, как в конце августа 1918 года он позволил войти немецким частям для поддержки боя на одном из русских фронтов гражданской войны, — что вытекает из внутрипартийной переписки от 19 августа 1918 года. Осенью 1918 года он занимает такое уверенное и прочное положение, что на партийном заседании 20 октября смело сознается: «Меня часто обвиняют в том, что я смог победить в революции с помощью немецких денег. Этот факт я никогда не отрицал — не делаю этого и сейчас. Но все-таки хочу добавить, что мы с помощью русских денег инсценируем аналогичную революцию в Германии...»

Месяцем позже немецкая разведывательная служба, которая уже в курсе событий, организует «падение» курьерской посылки из Москвы для советского посла Йоффе. Что вываливается из разбитого ящика — это чистой воды пропагандистский материал, который явил-

ся основанием для выдворения посла из Берлина. Но эта мера была принята уже с опозданием. Еще в ноябре в Берлине и других немецких городах вспыхивает революция, финансируемая русскими деньгами, изначально бывшими немецкими. Вскоре после этого Шейдеманн провозглашает революцию. Аналогичное происходит и в Вене.

Достиг ли Парвус желанной цели — как минимум в том, что касается распространения революционной бактерии? В этом можно усомниться. И там и здесь он видит революцию «мелеющей», а «не наполненной истинным новым духом». Еще в 1918 году, когда наметился крах его гигантского газетного проекта, Парвус начинает работать над личными записками, которые он называет «В борьбе за правду». В них он пытается оправдать свое политико-коммерческое сотрудничество с неравными партнерами как идеальный проект по свержению царской системы и разгрому России. Миллионное состояние, которое он приобрел, не являлось противоречием или и вовсе предательством по отношению к его революционным убеждениям, а, напротив, основой для их воплощения.

В то же время его бывшие соратники на Западе, например Георг Скларц, тоже подверглись новым обвинениям. Как и Парвус, Скларц готовится к ответному удару в форме «Обвинения в клевете». Целая армия адвокатов занимается делами обоих.

В связи с настроением после катастрофы ищут виновных; обвинения все больше сходятся на Парвусе. Он снова вынужден спасаться за границей. Все еще одухотворенный мечтами о Германии как о гегемоне в Европе и ведомый утопическими идеями, ослепляющими его взгляд на реальность, он не хочет осознать, что мир его желаний разбился о крах Германии.

Парвус приобретает виллу в Веденсвиле на Цюрихском озере в Швейцарии, где хочет найти внутренний покой, окружив себя заботами персонала в доме и в саду и наняв шоферов для своего автопарка.

Но вскоре его и здесь начинают преследовать склонные к сенсациям и разоблачениям журналисты и политические противники, которые отождествляют Парвуса

с германо-российским заговором и его катастрофическими последствиями. Сначала Парвус не дает ввести себя в заблуждение и со спокойной душой пишет «Письма немецким рабочим» для немецких партийных газет. Но в начале 1919 года, во время конгресса европейских социалистов в Берне, истерия увеличивается настолько сильно, что Парвуса арестовывают как зачинщика следующего переворота (на этот раз подразумевалось, что на очереди Швейцария). Только под поручительство одного швейцарского друга по партии и под залог его освободили.

И все же граждане Швейцарии были обеспокоены всем, что говорилось об их знаменитом жителе. Может быть, образ его жизни с разными ночными увеселениями и гаремом женщин дает повод к нападкам и критике в упорядоченном швейцарском мире? В небольшой общине вновь устанавливается покой лишь тогда, когда власти решаются выдать Парвусу уведомление о выдворении его из страны. К этому удару он был совершенно не готов. Тем не менее он должен покинуть Швейцарию.

В феврале 1920 года он приобретает поместье в Берлине на острове Шваненвердер, окруженном парком, причал от которого ведет в озеро Ваннзее. Однако после разочарований последнего времени он стал апатичным; его вечная вера во всемогущество денег, которыми он все еще обладал в большом количестве в разных городах Европы, из-за зависти и нападок против него, исчезла. Он одинок. В подавленном состоянии он пишет одному другу:

«Я с трудом принял решение поехать в Берлин. У меня было такое чувство, что я здесь умру (...). Я не люблю берлинский дух, этот скептицизм столичного города и этот столичный цинизм без французского остроумия и тонкости, а, напротив, с грубым, неотесанным тоном карьеристов и выскочек (...). И болтовню. От ненависти, которой заполнен мир, можно задохнуться. Это трогает меня только потому, что я чувствую себя вне контакта с духовной жизнью наших дней. Я ее

не вижу, или ее нет? Мне нужна жизнь, создающая перемены (...)

Я хочу в мир созидających и целеустремленных (...), духовное созидание, радость надежд и триумф духовного успеха, радость новых открытий — пульс цивилизации я бы хотел ощутить вновь (...)

«Это то, что меня отделяет от культурного социализма, что я вижу в социализме и в борьбе за социализм борьбу за созидание, напряжение коллективных сил, идеальное стремление, духовную революционизацию всех человеческих отношений, бурю и натиск духовных сил!»

Произведение разрушения, которое было представлено в виде плана в Берлине в 1915 году, а потом реализовано в России, Парвус никогда не комментировал. Очевидно, он не видел собственными глазами то, что взволнованно описывал первый немецкий посол при правительстве Ленина, Мирбах, когда он в мае 1918 года прибыл в Москву: «...Святая Москва, символ царской власти и оплот православной церкви в руках большевиков, вероятно, это самая большая сумятица стилей, которую выявил русский переворот. Кто видел столицу в дни ее блеска, тот вряд ли узнает ее сейчас. Полное запустение, повсюду грязь, и следы бессмысленной разрухи видны на каждом шагу. Во всех частях города, а особенно в центральном деловом квартале, следы от пуль на стенах и окнах свидетельствуют о сильных боях, которые проходили за взятие города. Большая гостиница «Метрополь» была опустошена артиллерийскими орудиями, а Кремль тоже оставляет сильное чувство сожаления; некоторые башни сильно повреждены, а Иверские ворота частично разрушены и забиты досками...»

Госсекретарь убедительно просит посла в ответ на его запрос в июне: «Мы должны попытаться задержать консолидацию России и с этой точки зрения поддержать крайне левые партии...»

Двумя месяцами позже, в августе 1918 года, адмирал Хинтце, теперь уже в качестве госсекретаря, добавил к

этому: «Чего же мы хотим на Востоке? Военного паралича России. Это большевики сделают лучше, чем любая другая русская партия. (...) Мы не можем потребовать, чтобы они нас за это любили — давайте удовлетворимся их обморочным состоянием. (...) Мы их эксплуатируем. Это политично и это политика».

На этот счет Парвус не излагает никаких мыслей, ведь он столько лет над этим работал. Но в душе он стал немцем и страдает намного больше от крушения Германии. Когда началась Версальская конференция по уничтожению Германии — что было легко сделано одним только ультимативным требованием Антанты, предъявленным из Лондона Берлину, в размере 123 миллиардов золотых марок, 50 из которых они требовали сразу, — Парвус поднимает свой голос в собственных газетах и удивляет происшедшей с ним переменой. На сей раз он предостерегает от большевизма, который, вероятно, будет «приглашен» по запланированным договорам «к удару на Запад». И единственное, что могло бы спасти европейские окраинные государства между Западом и Востоком от превосходства будущего русского империализма, пророчествует он, так это объединение Европы. Он настолько европеец, что не думает об Америке иначе, чем Тосквилле.

В приятной обстановке роскоши своего нового места жительства, окруженный заботой ливрейных лакеев, Парвус в очередной раз расцветает. Он энергично работает над газетой «Глоке», главный редактор которой Конрад Хениш, — один из немногих, оставшихся верным Парвусу, — стал министром культуры Пруссии. Он издает еще одну газету «Дер Ауфбау», выходящую на нескольких европейских языках. На веселых вечеринках для особо интеллектуальных гостей или влиятельных персон он наслаждается представленным им форумом. Но политики избегают контактов с ним; некоторые, такие как Эберт, поддерживают с ним отношения тайно.

В это время Парвус планирует составить что-то вроде политического завещания, но здесь снова на его интеллектуальное вдохновение наслаивается коммерческое чутье и политэкономическая фантазия; дальше начала это сочинение не пошло.

№ 2936, m. 29. Juni 1918.

✓ J. J. i. Z. Moskau 25 Juni 1918!
133

Mein verehrtester Chef.

Don Ihre Aufforderung, Ihnen
gelegentlich privatim zu schreiben, weiß
ich heute Gehörig was zu sein und einige zu
jetziger Situation bezüglich kurz zusammenzufassen,
das sich zwar von in. Aufforderung bezüglich von
stark findet, das Sie aber willig schon zu
einmal zu einem Briefe beifalligst lesen:

Ich kann nicht, nur über denowatige
aufmerksamsten Beobachtung, den Bolschewismus
wie günstige Diagnose nicht nach stellen, wir
bestehen und verfallen an dem Lager eines
Herrn...

Verst. 131 g. N

Рукописный проект последней (на несколько страниц) телеграммы, которую граф Мирбах отправил 25 июня 1918 г. своему начальнику, министру иностранных дел, в Берлин. В ней он выражается скептически относительно шансов на выживание его режима, независимо от больших сумм для поддержки Ленина. Вскоре после этого Мирбаха убивают в Москве

Состояние его здоровья — ревматические жалобы и проблемы с сердцем, приводит, в конце концов, к тому, что Парвусу приходится сдерживать себя как в профессиональном, так и в личном плане. С момента возвращения в Берлин он живет в гражданском браке со своей секретаршей — первой неполитической подругой в его жизни, с ними вместе живет их общий ребенок.

В 1922 году два прусских офицера планируют покушение на Парвуса, во время которого с помощью ручных гранат должна быть взорвана его вилла. Но план был заранее раскрыт и поэтому не удался. Во всяком случае, Парвуса предупредили, что заставило его срочно сжечь документы того периода жизни, который связан с его политическими интригами и махинациями. Двумя годами позже зимним декабрьским днем 1924 года в возрасте 57 лет он неожиданно умирает.

Если какое-нибудь высказывание последних лет жизни Александра Гельфанда-Парвуса оказалось пророческим, так это, скорее всего, приведенное выше предостережение по поводу Версальских договоренностей 1921 года. Об этом же и адресованное Франции высказывание, в котором он, вероятно, выразил свои сокровенные мысли:

«Если Вы уничтожите германский Рейх, то сделаете немецкий народ организатором грядущей войны.

Есть только две возможности: или объединение Западной Европы, или господство России. Вся игра окраинных государств закончится присоединением к России, если они не объединятся с Центральной Европой в экономическое сообщество, которое можно противопоставить России...»

ЭПИЛОГ. МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

Он родился русским, а умер немцем.

То, что он годами строил, в конце он пытался разрушить.

Что он всегда обожествлял, стало для него даже проклятием.

Эти слова могли бы быть написаны на памятнике Александру Гельфанду-Парвусу. Немногие отважились проводить его в последний путь — слишком скандальной была его личность, слишком велико разрушение, которое он оставил после себя, охватившее Россию, а через нее и Германию.

Что касается дела жизни Гельфанда, захвата власти большевиками, то об этом с резкой критикой и мрачными пророчествами выразился один из его идолов ранних лет жизни в Германии, Карл Каутский, разочарованный результатами: «Ваше притязание построить настоящий социализм, — писал Каутский уже в 1918 году, — дискредитировало себя уже в начальной стадии и означает катастрофу. Режим Ленина не имеет ничего общего с Карлом Марксом, у которого речь шла не о произволе революционной элиты, а о поэтапном развитии. Для Ленина существует только одна альтернатива: или оставаться верным Марксу, — что означает отдать свою власть, — или удержаться у власти и сделаться «агентом исторического эксперимента», что «чуждо идеям социализма и интересам рабочего движения». Одна только коллективизация без демократической системы образует «основу для ужаснейшего азиатского деспотизма» и позволяет «возродиться еще более архаичным экономическим формам, которые когда-либо существовали...»

Система держалась с помощью силы, но она, помимо многих миллионов людей, поглотила и своих отцов-

основателей. Из них всех естественной смертью умерли только Ленин и Парвус, оба от кровоизлияния в мозг и в одном и том же году — 1924-м.

Куда делись другие?

Ганецкий — убит Сталиным, последователем Ленина, как «шпион и троцкист».

Козловский — ликвидирован как «поляк и немецкий агент».

Суменсон — умерла в исправительном лагере.

Шляпников — погиб в лагере.

Троцкий — убит агентом Сталина ледорубом.

Радек — погиб в тюрьме перед началом своего процесса.

Мархлевский (он же «Басок», работал в Константинополе) — погиб в лагере.

Каменев — расстрелян.

Зиновьев — расстрелян.

Раковский (действовал в Румынии) — приговорен к смерти, умер в тюрьме.

Абрамович — после исключения из партии исчез.

Бухарин — застрелен в ходе показательного процесса.

Малиновский — расстрелян во время своей речи перед судом.

Рязанов (действовал в Вене) — погиб в ссылке.

Платтен — умер в советском лагере для пленных.

Воровский — расстрелян одним патриотом на своей зарубежной службе в Швейцарии. На его швейцарском счету находилось 13 миллионов швейцарских франков.

Роза Люксембург, вначале соратница и ближайшая подруга Гельфанда, после основания ею Германской коммунистической партии и участия в восстании «Спартак» убита вместе с Карлом Либкнехтом. Не кто иной, как бывший компаньон Гельфанда, Георг Скларц, вместе с Шейдеманном предложили деньги за ее голову..

13 декабря 1924 года сотрудник советского Министерства иностранных дел в Москве (официально «Народный комиссариат иностранных дел») вручает своему коллеге Евгению Гнедину свежееизданный экземпляр «Вечерней Москвы». Гнедин читает:

«Парвус умер.

Берлин, 12 декабря. От последствий апоплексии умер Гельфанд-Парвус. Умершему было пятьдесят семь лет.

Кто был Парвус?

Парвус (Гельфанд) был русским эмигрантом. В 90-х годах и в начале века Парвус работал в немецкой социал-демократии и принадлежал к ее левому крылу.

В 1905 году он вернулся в Россию и принимал участие в первой русской революции. Был сослан и бежал в Германию.

Во время Первой мировой войны Парвус перебежал в лагерь крайних социал-патриотов и играл роль агента немецкого империализма».

«Я остановился и читал сообщение о смерти моего отца снова и снова. Я думаю, мой коллега задал мне много вопросов, но когда я не ответил, он удалился...», — писал Гнедин позже об этом эпизоде. Автором заметки был не кто иной, как Карл Радек, который тем самым раз и навсегда создал советскую версию случая с Парвусом, сформулировав ее несколькими словами:

«Я не могу сказать, что был глубоко взволнован — и все же при чтении этого сообщения меня охватывало внутреннее волнение...»

Евгений Гнедин был первым сыном Парвуса, который родился в 1898 году в Дрездене. С пятилетнего возраста он не видел своего отца, зато очень много слышал о нем. Его мать после расставания с мужем вместе со своим маленьким мальчиком вернулась из Мюнхена в Одессу. Позже Евгений взял фамилию матери — правда, только в год свершения революции: было ли это связано с тем значением, которое получило имя «Гельфанд» из-за разоблачения попытки путча Ленина в июле? Мать Евгения умерла как раз в том же 1917 году.

Евгений Гнедин-Гельфанд был пламенным революционером, но спартанского типа, поэтому его оттачивали доходящие до него вести о сильно разбогатевшем отце. Он стал публицистом, писал для московс-

ких партийных газет, а со временем с помощью бывшего друга Гельфанда, Мархлевского, который знал его еще по Мюнхену, когда тот был ребенком, попал в отдел прессы и информации Министерства иностранных дел.

Контакт с Парвусом после возвращения Гнедина в Россию прервался. «У меня нет потребности его поддерживать», — утверждал Гнедин в автобиографических записках. Было ли это политической предосторожностью, действительно идеологической критикой или личной раной, которую нанес Парвус Евгению и его матери, остается неизвестным.

И все же однажды, в военные годы, со стороны Парвуса была предпринята попытка сближения: через знакомых он узнал адрес сына в Одессе. Однажды Гнедин получил из Копенгагена письмо и платиновые часы. Его реакция могла привести Парвуса в негодование: Евгений ответил, что не хочет иметь с ним ничего общего. Часы он оставил себе, но никогда не носил их — и продал лишь в год смерти матери, когда ему были нужны деньги в связи с рождением собственного ребенка.

Однако теперь, когда он уже не может лично ближе познакомиться с отцом, Гнедина снедает любопытство узнать как можно больше о нем и его трудах. Он просит разрешения своего начальства на поездку в Берлин. Заявление Гнедина попало в руки к Бухарину. Он звонит Гнедину, чтобы выяснить причину. Тот объясняет, что хочет попытаться привезти домой свое наследство и наследие «для советского Отечества».

Вскоре Гнедин приезжает в Берлин. Разнообразные впечатления, кажется, возрождают тень умершего отца. Вот здание его газетного концерна с бегающими по делам, как в улье, сотрудниками, с элегантными стеклянными дверями и феодальным этажом для руководства, где Гнедина уже приветствуют как преемника — но, как вскоре выясняется, ошибочно. Его уже ждут адвокаты, которые позаботились о наследии умершего, и ближайшие родственники, которых Гнедин видит впервые, что проливает больше света на личность отца: молодая вдова с маленькой девочкой и постоянно находящийся рядом с ними молодой человек. К этой группе Гнедин отно-

сится с большим недоверием — и вскоре ему становится ясно, почему.

Из четырех браков Парвуса только два были заключены официально. Первый, по которому Гнедин, бесспорно, являлся одним из наследников, и последний — с молодой привлекательной вдовой, в союзе с которой появилась на свет маленькая девочка Эльза. После разговора с адвокатами и попечителями наследственного имущества Гнедин вскоре узнает, что молодая женщина не была замужем за Парвусом, как все предполагали в берлинском обществе, а была его секретаршей, которая зарегистрировала с ним брак лишь в последние недели его жизни, когда тот серьезно заболел.

Молодой человек, Леон; таким образом, является одним из сыновей от «неофициальных» браков Парвуса. Вероятно, он разделил судьбу многих сыновей, которые, имея состоятельных родителей, сами не имеют никаких амбиций к профессиональному росту; в последние годы он жил у своего отца и его подруги, отныне мачехи, в берлинской вилле на острове Шваненвердер. Попытка Гнедина установить контакт со своим сводным братом, которого он воспринимал, судя по воспоминаниям, как карикатуру на себя самого, встретила холодный отказ, вдова, кажется, тоже была не готова к личному контакту.

Между прочим, Гнедину бросается в глаза, что молодая темноволосая симпатичная женщина по своему типу очень похожа на его умершую мать, но он, несмотря на это, не испытывает к ней никакого человеческого тепла. Она из Баварии, куда позже и должна вернуться, и, похоже, плохо разбирается в экономических и юридических вопросах, но единственное, что она упорно отстаивает, так это единоличное право на ключи Парвуса к его сейфам, которые, вероятно, хранят сказочные тайны и сокровища. Для поддержки своих интересов она вызвала в Берлин брата, аптекаря, который помогает ей.

Как же сильно удивился Гнедин, когда обнаружил, что эта женщина не испытывает и тени горя или эмоций. А когда его друг затащил в известный берлинский ресторан «Барбарина» с танцевальной музыкой, Евгений увидел, как там танцует его молодая мачеха со сводным

братом и делает это в такой манере, которая заставляет его прийти к выводу, что она забыла не только о трауре по умершему мужу, но и о родственных чувствах к собственному пасынку.

Вскоре Гнедин узнает, что может претендовать на три восьмых наследства своего отца, на следующие три — Эльза, дочь Парвуса от женщины, с которой был заключен брак незадолго до его смерти, оставшиеся две восьмых переходят к самой вдове. Остальным внебрачным детям, среди которых — сводный брат Гнедина, утешающий вдову, и два сына от связи Парвуса с довольно симпатичной женщиной по фамилии Шиллингер в период его жизни в Копенгагене, не достается ничего.

Гнедин задерживается в Берлине на несколько месяцев, чтобы дождаться конца истории с наследством. Дело затягивается, так как в нем задействовано много людей, претендующих на частичное наследство для удовлетворения их кредитных запросов. Тот факт, что Московское руководство Гнедина позволило ему находиться в Берлине с декабря 1924 по май 1925 года, свидетельствует о том, что оно тоже чего-то ожидало от исхода дела с наследством. Посол Кретинский, занявший место Йоффе после его отъезда в Пекин, почти ежедневно сообщает о продвижении дела о наследстве Гельфанда-Гнедина. Однако лишь после новой поездки Гнедина в Берлин, осенью 1925 года, наметилось его окончание.

Но ему самому не кажется, что время течет слишком медленно, и это отчасти потому, что нужно было открыть швейцарский сейф, от которого даже у молодой вдовы не оказалось ключа. Как один из законных наследников, Гнедин решает поехать в Швейцарию, чтобы урегулировать этот вопрос через адвокатов. Однако камень преткновения оказался и здесь как косвенное последствие деятельности Гельфанда при жизни: Швейцария временно приостановила свои официальные отношения с Советским Союзом. Основание — Московское правительство после убийства Воровского в Берне, человека стокгольмского трио наряду с Радеком и Ганецким, выдвинуло претензию на тринадцать миллионов

франков на его счету, Швейцария, однако, отказалась признать эти притязания. Поскольку Гнедин пользуется служебным советским паспортом во время своих поездок, он не может туда попасть.

Зато в Берлине он переживает странную историю. Однажды на контакт с ним выходит Георг Скларц, многолетний компаньон Гельфанда, и приглашает на беседу. Когда Евгений сворачивает с Тиргартенштрассе на Приватштрассе, где находится роскошная вилла, она его одновременно и впечатляет и вызывает отвращение. «Знает ли он, — пишет Гнедин в своем дневнике, — как Парвус и его компаньоны обогатились во время войны на спекулятивных сделках — купить виллу вроде этой у обедневших аристократов было для них мелочью». Скларц тщательно подготовил прием аскетичного советского служащего. Лакеи ведут гостя на верхний этаж. Пройдя через несколько длинных залов, он, наконец, попадает в элегантную комнату для приемов. За огромным письменным столом сидит хозяин Георг Скларц, над головой которого висит большая, написанная маслом картина. На картине изображен Александр Парвус.

Гнедин останавливается перед изображением как вкопанный. Так вот как выглядел его отец в последние годы своей жизни. «Я заказал написать эту картину», — произносит Скларц, который заранее рассчитывал на этот ошеломляющий эффект, и начинает беседу с самых теплых слов о той связи, которая существовала между ним и Парвусом.

Наконец, Скларц переходит к делу. Он хочет сделать Гнедина своим союзником в борьбе против супруги Парвуса, по мнению Скларца, ставшей ею «незаконно», из холодного расчета. Вероятно, Гнедин должен выставить бóльшие требования. Во время беседы Скларц демонстрирует свое влияние, чтобы не сказать, власть, перед гостем, великодушно ведя телефонные разговоры с известными политиками, а затем, раздавая поручения своему персоналу отправить по тому или иному адресу подарки. Как выясняется, Скларц, помимо прочего, владеет киностудией.

Но Гнедин отклоняет это унижительное требование. Слишком щекотливым кажется ему предложение, слиш-

ком большими личные и профессиональные преубеждения и риск, чтобы позволить привлечь себя на эту сторону. Он, в конце концов, довольствуется тем, что привезет в Советский Союз документы и небольшую по сравнению с действительным состоянием Гельфанда сумму денег.

Гнедину было суждено вновь увидеть Берлин, но в совершенно другой перспективе: в середине тридцатых годов он был назначен пресс-аташе Советского посольства в Берлине. Таким образом, он как один из сотрудников министра иностранных дел Литвинова участвовал в подготовке пакта между Гитлером и Сталиным, пока его снова не отозвали в Москву секретарем по вопросам печати в Министерство иностранных дел.

На острове Шваненвердер на Ванзее позже обоснуется Геббельс, затем американское общество «Аспен». Поздними германо-националистическими трудами Парвуса, должно быть, особенно интересовался Розенберг. Очевидно, для главных идеологов Гитлера многое в теориях Парвуса и в том, что породила советская система, кажется достойным подражания.

Когда немного позже войска Гитлера напали на Советский Союз, Сталин выбрал министра Литвинова в качестве «козла отпущения» и начал арестовывать всех его сотрудников, чтобы под пытками выбить из них показания против Литвинова и тем самым подтвердить «подозрение в шпионаже». Гнедин становится жертвой этой тактики: его арестовывают, а затем отправляют в далекий лагерь. Он не поддается давлению на допросах и пытках. То, что он все-таки выжил, — одна из тайн, которыми овеяна власть Сталина. Так, незадолго до смерти в Москве Гнедин среди прочего описал и мгновения, которые он пережил после смерти Гельфанда в его Берлинском мире. Он, однако, умолчал, что был агентом НКВД или ГПУ. Может быть, Парвус был бы горд за него?

Примерно в то же время, когда в 1939 году в Москве был арестован Гнедин, в Риме у итальянского министра иностранных дел графа Галеаццо Чиано, зятя Мус-

солини, раздаётся телефонный звонок. На другом конце провода — некий Леон Гельфанд, агент НКВД и второй человек в Советском посольстве в Риме. Он просит аудиенции. В личной беседе он обращается к Чиано с просьбой помочь ему, его жене и дочери бежать в США по фальшивым паспортам. Он получил от Сталина ордер на возвращение, что не предвещает ему ничего хорошего.

Чиано устанавливает контакт с полковником Прайсом из американского посольства. Леон Гельфанд обещает выдать все, что он знает о фашистах и национал-социалистах. Для него, агента НКВД с многолетним стажем, это не составляет особого труда, ведь он до этого работал в советском посольстве в Париже, которое еще до 1917 года, будучи царским посольством, служило Центром русской зарубежной тайной политической полиции. В Париже Леон Гельфанд организовал овеянное сомнительными слухами похищение «белого» генерала Кутепова, который впоследствии был ликвидирован.

В начале 1940 года Гельфанд, под фамилией Моор, с женой и дочкой едет в Нью-Йорк. Там он живет и умирает как состоятельный предприниматель. Немного позже один живущий в Вашингтоне историк (Д.С.) хочет написать книгу о его жизни. Вдова Гельфанда выложила довольно крупную сумму, чтобы воспрепятствовать этому. Возможно, Моору-Гельфанду было что скрывать?

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛАН РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Всеобъемлющий документ в оригинале и в точном текстовом соответствии его составителя охватывает двадцать страниц:

Подготовка массовой политической забастовки в России

К весне в России нужно начать подготовку массовой политической забастовки под лозунгом «Свобода и мир». Центром движения будет Петроград, а в самом Петрограде — Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы. Забастовка должна охватить железнодорожную связь между Петроградом и Варшавой, а также Юго-Западную железную дорогу. Железнодорожная забастовка в основном будет проводиться в крупных центрах с крупными рабочими коллективами, железнодорожными мастерскими и т. д. Для расширения масштаба забастовки везде, где можно, будут взрывать железнодорожные мосты, так же как во время забастовочного движения 1904—1905 годов.

Конференция лидеров русских социал-демократов

План может быть осуществлен только под руководством русских социал-демократов. Радикальное крыло этой партии уже приступило к действиям. Но важно,

чтобы к ним присоединилась и умеренная фракция меньшевиков. Пока такому объединению препятствовали только радикалы.

Но две недели назад их лидер Ленин сам поставил вопрос об объединении с меньшевиками.

Единства можно достичь с помощью политики компромиссов, в основе которой использование ослабленного войной административного аппарата внутри страны, — и тем самым начать активные действия против абсолютизма.

Необходимо заметить, что группа умеренных всегда находилась под более сильным влиянием немецкой социал-демократии. Благодаря личному авторитету некоторых вождей немецкой и австрийской социал-демократии и сейчас еще можно многого достичь с их помощью.

После тщательной предварительной подготовки необходимо созвать в Швейцарии или в какой-либо другой нейтральной стране съезд лидеров русских социал-демократов. В нем должны принять участие:

1. Социал-демократическая партия большевиков.
2. Партия меньшевиков.
3. Еврейский «Бунд».
4. Украинская организация «Спилка».
5. Польская социал-демократическая партия.
6. Социал-демократическая партия Польши.
7. Социал-демократическая партия Литвы.
8. Финские социал-демократы.

Конгресс может состояться только в случае, если будет достигнута предварительная абсолютная договоренность о начале немедленных выступлений против царизма.

Конгрессу может предшествовать совещание между партиями меньшевиков и большевиков русской социал-демократии. Дополнительно возможными участниками конгресса могут быть:

9. Армянская партия «Дашнак-цутюн».
- 10 Хиндшак.

Кроме огромного организационного значения, конгресс своими решениями окажет большое влияние и на общественное мнение Франции и Англии.

Отдельные переговоры нужно провести с партией русских социалистов-революционеров. Эти люди наиболее склонны к национализму. Однако их влияние в рабочих кругах минимально. В Петербурге у них есть небольшое число приверженцев лишь на балтийских заводах. По вопросу массовой забастовки они могут быть без ущерба исключены. Их сфера — это крестьянство, где они оказывают существенное влияние, используя учителей народных школ.

Отдельные движения

Одновременно с подготовкой создания организационной базы для массовой забастовки необходимо немедленно начать проводить непосредственную агитацию. Через Болгарию и Румынию можно установить связи с Одессой, Николаевом, Севастополем, Ростовом-на-Дону, Батумом и Баку.

Русские рабочие в этих областях выдвигали во время революции локальные и профессиональные требования, которые были сначала удовлетворены, а затем отняты. Они не прекратили борьбу за эти требования: лишь два года назад состоялась крупная забастовка матросов и портовых рабочих, которая снова поставила на повестку дня прежние пожелания.

Агитация должна быть нацелена на эти требования и одновременно приобретать политический характер. Общую забастовку в Черноморском бассейне вряд ли можно провести в условиях господствующей безработицы, но частичные забастовки, вероятно, можно провести в Николаеве, Ростове-на-Дону и среди рабочих определенных профессий в Одессе.

Такие забастовки местного характера имели бы симптоматическое значение, нарушая спокойствие, которое пришло с началом войны во внутреннюю борьбу царской империи.

Для проведения такой агитации необходимо помимо всего восстанавливать организацию русских моряков,

которая обосновалась в Константинополе, затем в Александрии. Теперь этим центром должны стать Констанца или Галац.

Так как война на море вызовет сильные беспорядки в черноморских городах, то это сделает их особенно восприимчивыми к политической агитации. Особые силы нужно приложить к тому, чтобы революционные организации в Одессе, опираясь на рабочих, как в 1905 году, помогали городскому управлению в борьбе с нуждой бедных классов, которые страшно страдают в условиях войны. И это помогло бы дать новый импульс всеобщему революционному движению. Если бы в Одессе вспыхнуло восстание, то оно могло бы быть поддержано турецким флотом.

Перспективы восстания на Черноморском флоте могут быть определены после установления больших контактов с Севастополем.

В Баку и в области добычи нефти можно без особых трудов привести забастовку. Нельзя оставлять без внимания также, что большая часть работников здесь татары, то есть мусульмане. Если будет забастовка, то появятся попытки, как в 1905 году, поджечь нефтяные скважины и склады нефти. Забастовки возможны также в горнодобывающей области Донецка. Особенно благоприятны условия в районе Урала. Там партия большевиков имеет своих верных и сильных приверженцев. Политические забастовки среди горнорабочих провести там очень легко, если есть немного денег, так как население очень бедно.

Сибирь

Особое внимание нужно уделить Сибири. В Европе ее знают только как место ссылки. Но вдоль больших сибирских трасс, у железной дороги и по берегам рек живет сильное крестьянское сословие, гордое и независимое, которое хотело бы сохранить независимость от центральной власти.

В городах живут энергичные коммерсанты и слой интеллигенции, который состоит из политических

ссылных и который находится под их влиянием. Сибирские избирательные округа посылают в Думу социалистических представителей. Во время революционного движения 1905 года все управление было в руках революционных комитетов. Административный аппарат чрезвычайно слаб. Вооруженные силы были сокращены до минимума, так как по отношению к Японии чувствуется спокойствие и уверенность.

Эти обстоятельства позволяют создать в Сибири некоторые центры действия. Одновременно необходимо позаботиться о политических ссылных, которые хотят в европейскую Россию. Это чисто денежный вопрос. Таким образом, можно направить тысячи прекрасных агитаторов, имеющих большие связи и пользующихся авторитетом, в вышеуказанные агитационные центры и в Петербург. Основные правила могут, естественно, осуществляться только социалистическими организациями самостоятельно, так как они достаточно ориентированы в применимости отдельных личностей.

Все эти акции будут тем больше развиваться и переплетаться, чем решительнее будут выступать социалистические организации и чем более скоординирована будет их деятельность. С другой стороны, эти акции, которые сами по себе должны быть незамедлительно включены, подгоняют партийные центры и ведут их к объединению.

Кампания в прессе

Одновременно нужно дать толчок русской социалистической партии, упоминая ее в прессе и брошюрах, а также направлению ее действий. Брошюры на русском языке могут издаваться в Швейцарии. В Париже выходит русская газета «Голос», которая редактируется некоторыми руководителями социалистической меньшевистской партии, под эгидой которой она выходит. Несмотря на исключительные обстоятельства, в которых она выходит, эта газета сохранила объективную позицию по отношению к войне. Она не сможет оставаться в стороне от дискуссий о партийной тактике. Могут быть упо-

мянуты и учтены и швейцарские, и итальянские, и датские, и голландские, и шведские социалистические газеты, а также социалистическая пресса Америки. Немецкие социалистические вожди с международной известностью также без труда смогут участвовать в данной дискуссии.

Кампания в прессе имела бы значительное влияние на позицию нейтральных государств, особенно Италию, которое бы отразилось и на социалистических кругах Франции и Англии. Одно только объективное освещение военных действий с социалистических позиций, что может доходить до Англии и Франции с большими трудностями, имело бы большую ценность.

На социалистическую прессу Болгарии и Румынии легко оказать влияние в смысле энергичной борьбы против царизма. Так как в Румынии будет находиться центральный пункт революционной агитации на юге России, то уже по этой причине позиция румынской ежедневной прессы имеет важное значение, не считая, конечно, ее важности для определения собственной позиции Румынии по отношению к войне. Все крупные румынские газеты находятся на службе у русских.

Все финансовые обязательства должны быть такого рода, чтобы их трудно было порвать. Не составляет труда организовать группу признанных журналистов для издания крупной независимой ежедневной газеты с ярко выраженной тенденцией скорого присоединения к Германии. Так как румынская пресса настроена на победу России, то она в значительной степени потеряла свою престижность уже в результате предыдущего хода войны. Новая газета привлечет читателей объективным освещением новостей. В процессе событий она все больше будет концентрировать вокруг себя общественное мнение и вынудит также другую прессу к изменению позиции.

Агитация в Северной Америке

Особое внимание следует уделить Соединенным Штатам. Многие российские евреи и славяне в Соединенных Штатах и в Канаде образуют очень восприим-

чивый элемент для агитации против царизма. Российская социал-демократия и еврейский «Бунд» были посланы, чтобы совершить турне по этим местам. Помимо их собственных публичных выступлений, они могут вдохновить к энергичным выступлениям местные силы, укрепить организации, усилить широко представленную русскую и еврейскую прессу и таким образом добиться расцвета планомерной деятельности.

Многочисленные связи с Россией миллионов русских переселенцев, которые в большинстве своем лишь недавно покинули родину, тоже имеют большое значение. Движение среди русских эмигрантов в Америке оказало бы влияние на формирование общественного мнения Америки. Кроме того, из этих кругов возможно привлечь агитаторские силы в Россию.

Немецкий элемент также должен более активно выступать в настоящей войне, в которой речь идет о будущем немецкой нации. Сильное движение среди русских, то есть российских, евреев в Америке способствовало бы выступлению немцев. Следует переслать сюда несколько агитаторов немецкой и австрийской социал-демократии.

Рост революционного движения

Агитация в нейтральных государствах будет иметь сильное обратное влияние на агитацию в России, и наоборот. Дальнейшее развитие в большей степени зависит от военных действий. Русское патриотическое настроение первых дней пошло на убыль. Царизму нужны быстрые победы, а он получает кровавые поражения. Если русская армия в течение зимы также будет привязана к своим бывшим позициям, то разлад пойдет по всей стране. Планируемый агитационный аппарат будет использовать этот разлад, расширяя и углубляя его по всем направлениям. Стачки то здесь то там, голодные бунты, нарастающая политическая агитация — все это введет в заблуждение царское правительство. Если оно прибегнет к репрессиям, это вызовет растущее негодование, если оно будет проявлять терпимость, то это бу-

дет воспринято как знак слабости, что приведет к возрастанию революционного движения. В этом отношении опыта 1904—1905 годов предостаточно.

Если тем временем русская армия потерпит крупное поражение, то движение против режима может принять небывалые размеры. Во всяком случае, можно рассчитывать на то, что если все силы будут направленно действовать по разработанному плану, то весной может произойти массовая политическая забастовка. Если массовая забастовка будет иметь большой размах, то царизм вынужден будет сконцентрировать вооруженные силы внутри страны, прежде всего в Петербурге и Москве.

Кроме того, правительству потребуются силы, чтобы защищать железнодорожное сообщение. Во время декабрьской забастовки 1905 года два полка были использованы только для того, чтобы оборонять дорогу между Петербургом и Москвой. Только таким путем удалось противостоять многократно предпринимавшимся попыткам взорвать железнодорожные мосты под Тверью и в других местах и перебросить в Москву гвардейские соединения, которые смогли подавить восстание.

Если главное внимание в предстоящей забастовке будет направлено на железные дороги на западе, то можно вызвать забастовки повсюду. Даже если это удастся и не везде, то царское правительство все равно будет вынуждено использовать для защиты мостов, станций и т. д. большие военные контингенты. Одновременно с этим административный аппарат будет приведен в смятение, что ускорит его распад.

Крестьянское движение и Украина

Наряду с событиями, изложенными выше, крестьянское движение является, как и в 1905 году, важным сопутствующим фактором. Условия жизни крестьян с тех пор не улучшились, а ухудшились. Для русского крестьянства вся проблема сводится к земле. Поэтому оно снова возьмет помещичью землю под пашню и будет угрожать помещикам.

В основном вопрос охраны земельных участков составляет основу русского крестьянского вопроса, но его

решение, кроме того, тесно связано с образованием товариществ, организацией дешевого кредита, со школьными занятиями, налоговой системой и общим государственным управлением.

На Украине все эти проблемы сводятся к требованию автономии. До тех пор, пока господствует царизм, политика которого на Украине сводится к раздариванию земли московским дворянам и крупным московским помещикам, которых оно защищает всеми средствами от украинских крестьян, крестьянам ничего не остается, как бунтовать, если только они чувствуют, что давление правительственной власти ослабло, то есть правительство находится в затруднительном положении.

Одной из главных задач украинского правительства является установление законности и порядка вместо анархии, которая явилась результатом правления Москвы. При поддержке украинского народа оно легко и быстро с этим справится. Образование независимой Украины можно рассматривать и как освобождение от царского режима, и как решение крестьянского вопроса.

При возникновении крестьянских волнений в Центральной России — а великорусские крестьяне не останутся спокойными ни при каких обстоятельствах — и при нарастающем протесте украинского крестьянства придется активизироваться и партии социал-революционеров. Эта партия благодаря посредничеству народных учителей имеет значительное влияние среди великорусского крестьянства и является авторитетной для думской фракции трудовиков, крестьянской народной партии. Позиция российской социал-демократии в отношении крестьянских волнений логически вытекает из их решимости действовать против царизма.

Движение в Финляндии

В русле всеобщего движения в Финляндии можно предпринять важные шаги. Финские партии находятся в неловком положении, так как в стране имеются значительные русские военные силы.

С другой стороны, финны не хотят просто быть аннексированными Швецией. Шведы не стремятся аннексировать Финляндию, они хотят сделать ее буферной страной, то есть независимой. Шведская партия в Финляндии — это незначительное меньшинство. Поэтому нужно достичь соглашения между шведским правительством и более сильными финскими партиями, среди которых самая влиятельная — социал-демократическая. Такое соглашение возможно, если шведы гарантируют финнам наибольшую автономию и предоставят им право решать, к какой группе государств они желают присоединиться. Как только такое согласие будет достигнуто, в Финляндии, можно спокойно и систематически начинать подготовку ко всеобщему восстанию.

Финские социал-демократы имеют в своем распоряжении отличные организации, аналогичные немецким. Весь финский народ был воспитан жесткой защитой своих прав по отношению к царскому деспотизму, ему привили молчание и бессловесное сотрудничество, в чем особую роль сыграло различие языков.

Вся подготовка к революции должна вестись тайно, пока в России не пройдет широкая волна забастовок. Тогда часть сконцентрированных войск будет оттянута в Петербург. Это станет сигналом для начала всеобщего восстания в Финляндии. Из-за значительных размеров территории Финляндии царскому правительству придется разбить свои военные силы на несколько небольших, независимых соединений либо сконцентрировать свои силы в самых важных стратегических и административных центрах, тем самым предоставив страну в распоряжение восставших. Такой была тактика царского правительства при подавлении революционного движения 1905 года. Тогда были сформированы многочисленные — большие и малые — экспедиционные силы и их командирам предоставлялась полная военная и административная власть. План разрабатывался специальной комиссией в Петербурге, участниками которой были как члены Генштаба, так и высшие административные чины. Исполнительное право революционеров учитывалось в

работах этой комиссии, однако не могло перечеркнуть план.

И все же царскому правительству потребовалась вся мощь армии и два года для подавления восстания. Если сейчас это правительство пойдет таким же путем, шведской армии придется вмешаться и защитить независимость Финляндии. И хотя этот путь хорош для подавления восстания, он делает армию абсолютно беззащитной против интервенции вражеских сил.

Поэтому, вероятно, царское правительство пойдет другим путем и оттянет армию к административным центрам, то есть к побережью и железной дороге вдоль него. В этом случае могут быть даже разрушены железнодорожные линии со Швецией. Тогда практически русские будут доминировать только на побережье Ботнического залива. Предоставленные сами себе, восставшие сформируют национальную гвардию, как в 1904—1905 годах; предпримут меры защиты и т. д. для ввода шведских войск, что, правда, может быть затруднено из-за развала железных дорог.

Естественно, многое зависит от развития событий в Петербурге. Финны могут оказать большую помощь русским даже до начала всеобщей забастовки. Они могли бы давать информацию о количестве, расположении и передислокации русских войск в Финляндии, о передвижении русского флота. Они могли бы организовать систему подачи сигналов для самолетов (финский обычай окрашивать деревенские дома, особенно крыши, в красный цвет можно было бы использовать. Неокрашенная часть красной крыши была бы соответствующим знаком).

Далее могут быть созданы радиотелеграфные станции, подготовлены взрывы мостов и зданий. Прежде всего они могли бы содействовать общению русских революционеров с Петербургом. Поскольку страна большая и находится в непосредственной близости от Петрограда, имеет с ним регулярное транспортное сообщение, они могли бы, несмотря на военную оккупацию, организовать информационную и транспортную службу. Можно создать запасы оружия, взрывчатых веществ и т.п. по всему Петрограду.

Во время революции царское правительство практически игнорировало Кавказ. Поскольку ему ничто не угрожало извне, оно позволило местным событиям развиваться своим чередом. Дело дошло до того, что правительство позволило встать во главе администрации губернаторам, которые открыто вступили в контакты с революционным комитетом. Правительство было уверено, что как только его власть в России будет окончательно закреплена, оно сможет подчинить себе Кавказ еще раз. В этом оно оказалось право.

Но на сей раз из-за русско-турецкой войны обстановка совершенно иная. Есть возможность отпадения Кавказа, и значение в связи с этим восстания в тылу борющихся армий трудно переоценить. Но в отличие от Финляндии, где хорошо организованное общее восстание возможно, движение на Кавказе всегда будет зависеть от национального деления и борьбы партий. Сильнее всего проявили себя в революционные годы грузины.

При поддержке мелких собственников они получили полный контроль над правительством в Кутаиси и установили свою администрацию, суды и т. д. Однако возглавили это движение не сепаратисты, а социал-демократы. В рядах социал-демократов было несколько армян, а другие группировались вокруг армянских националистических партий, которые уже давно ушли от своих сепаратистских настроений.

Но нужно иметь в виду, что после разочарования в революции и на фоне войны сепаратистские тенденции, естественно, стали популярными. В забастовках принимали участие татарские рабочие. Вообще же татарское население играло реакционную роль. Они были настроены против армян агентами правительства из Петрограда. Это привело к кровавым стычкам между ними.

Однако после призыва к священной войне царское правительство больше не сможет открыто полагаться на поддержку мусульман. Но тайно они будут разжигать религиозную вражду и поддерживать у армян страх перед священной войной. Поэтому важно, чтобы Турция

дала понять кавказским мусульманам, что для достижения целей священной войны необходимо тесное взаимодействие с соседями-христианами в борьбе против царизма. Одновременно должен быть заключен союз с младотурками и армянскими партиями в Турции, которые там такие же, как и в России.

Детали этой акции, при которой нужно преодолеть различные трудности, выходят за рамки этого памятного письма. Следует указать только на то, что на акцию армян и грузин Кавказа имело бы большое влияние решительное выступление российской социал-демократии. Возможно, социал-демократы могли бы контролировать все движение и тем самым стимулировать борьбу национальных партий.

Это еще один веский аргумент в пользу созыва конференции лидеров русской социал-демократической партии.

Священная война, которая имеет целью поднять огромные массы в Персии, Египте, Северной Африке и т. д., вряд ли окажет заметное влияние в России. Татары на Волге и Каме, разумеется, не двинутся. Это чрезвычайно мирные и абсолютно покорные крестьяне, которым в этом случае придется встать перед сопротивлением преобладающего по численности русского населения.

Ситуация на Кавказе несколько иная, но там татары были усмирены давно. Память о прошлой героической борьбе за независимость уже притупилась, да и мусульмане недостаточно цивилизованы, чтобы участвовать в современном революционном движении. Старый конфликт — между кавказскими горцами и русскими был просто борьбой против любого централизованного государства. С тех пор племена распались, их вожди стали землевладельцами, едва ли имеющими контакты с массами.

Народ потерял чувство независимости. Поскольку мусульмане экономически и культурно чувствуют себя ниже христиан, они обращаются к обладающему реальной властью правительству за поддержкой. Конечно, они предпочли бы мусульманское правительство, но оно должно было бы доказать свою способность скинуть царскую власть.

Турецкая армия будет благосклонно принята, но ей придется противостоять мощи русских. Это не исключает возможность организации изолированных повстанческих групп, особенно на границе с Персией.

На Кавказе крупномасштабная партизанская война мусульман бесперспективна. Восстание кубанских казаков вполне возможно — в этом случае была бы полезна украинская пропаганда.

Завершение движения

Рост революционного движения в царской империи, кроме всего прочего, приведет ко всеобщей смуте. Помимо общего хода военных действий, можно принять особые меры для усиления этой беспокойной ситуации. По определенным причинам бассейн Черного моря и Кавказ являются более благоприятными для этого районами. Особое внимание следует обратить на город Николаев, так как там в очень напряженной обстановке готовятся к спуску два больших военных корабля. В Николаеве нужно начать забастовку среди рабочих, не обязательно политического характера, а просто на основе экономических требований.

Может быть выдвинут тезис, что царскому правительству нужны быстрые победы, чтобы удержаться. Если оно продержится до весны, то даже сегодняшняя ситуация, в которой русская армия систематически безрезультатно изматывается, может привести к революции. Нельзя недооценивать и проблемы, стоящие на пути революционного движения.

Прежде всего, самая главная — это мобилизация, которая лишила страну самых активных и молодых ее граждан. Нельзя не учитывать рост чувства национального самосознания, следствием которого явилась война. На фоне проигрываемой войны это чувство нужно перевести в недовольство и направить против царизма. Нужно отдавать себе отчет в том, что в отличие от украинских и финских социал-демократических организаций русская социал-демократическая партия никогда не займет враждебной по отношению к Российской империи позиции.

Уже во время революции 1905 года эта партия насчитывала в своих рядах более миллиона рабочих, и с тех пор ее влияние так возросло, что правительство дважды вынуждено было менять избирательный закон, чтобы Думу не захлестнули депутаты от социал-демократов.

Такая партия действительно представляет интересы и настроения масс, которые не хотят войны, но вынуждены принимать в ней участие. Русская социал-демократия решительно выступает против неограниченной власти вне страны, к которой стремится царская дипломатия. Она видит в этом огромный тормоз для внутреннего развития наций, которые образуют империю, в том числе и русской нации. Она считает царское правительство ответственным за эту войну. Она призывает к ответу правительство за бесполезность и безуспешность войны. Ее требования: свержение правительства и быстрое заключение мира.

Если революционное движение достигнет определенного масштаба (даже если царское правительство удержит власть в Петербурге), созданное Временное правительство может поднять вопрос о прекращении военных действий и начале дипломатических переговоров о заключении мирного договора.

Если же царскому правительству придется заключить договор о прекращении огня до создания временной власти, то революционное движение будет развиваться тем решительнее, чем более тщательно оно будет готовиться. Даже если царизм удержится в ходе войны, он никогда не устоит, если мир будет продиктован извне. Невиданная централизация со стороны объединенных армий и со стороны революционного движения в России, которую представляет царизм и которая все время пока существует будет представлять опасность для всего мира. С ее крушением рухнет и высокий замок политической реакции в Европе.

Сибирь

Нужно уделить особое внимание Сибири еще и потому, что огромные поставки артиллерии и другого вида вооружения из США в Россию будут, вероятно, прохо-

дить через Сибирь. Поэтому сибирский проект следует рассматривать отдельно от остальных. Необходимо послать несколько энергичных, осторожных и хорошо экипированных агентов в Сибирь со специальным заданием по взрыву железнодорожных мостов. Они найдут достаточно помощников среди ссыльных. Взрывчатые вещества можно доставить с уральских горных заводов, а их небольшие количества — из Финляндии. Технические указания можно было бы разработать здесь.

Кампания в прессе

Предположения о Румынии и Болгарии подтвердились после окончания работы над этим меморандумом и в ходе развития революционного движения. Болгарская пресса сейчас настроена исключительно прогермански, а в отношении румынской прессы наметился заметный поворот. Предпринятые нами меры вскоре дадут еще более ощутимые результаты. Сейчас особенно важно взяться за работу.

1. Финансовая поддержка социал-демократической фракции большевиков, которая всеми имеющимися средствами продолжает вести борьбу против царского правительства. Следует наладить контакты с ее лидерами в Швейцарии.

2. Установление прямых контактов с революционными организациями Одессы и Николаева через Бухарест и Яссы.

3. Установление контактов с организациями русских моряков. Такой контакт уже есть через одного джентльмена в Софии. Другие связи возможны через Амстердам.

4. Поддержка деятельности еврейской социалистической организации «Бунд» — не сионисты.

5. Установление контактов с авторитетными деятелями русской социал-демократии и с русскими социал-революционерами в Швейцарии, Италии, Копенгагене, Стокгольме. Поддержка их усилий, направленных на немедленные и жесткие меры против царизма.

6. Поддержка тех русских революционных писателей, которые принимают участие в борьбе против царизма даже в условиях войны.

7. Связь с финской социал-демократией.

8. Организация конгрессов русских революционеров.

9. Влияние на общественное мнение в нейтральных странах, особенно на позицию социалистической прессы и социалистических организаций в борьбе против царизма и за присоединение к центральным державам. В Болгарии и Румынии это уже успешно осуществляется; продолжать эту работу в Голландии, Дании, Швеции, Норвегии, Швейцарии и Италии.

10. снаряжение экспедиции в Сибирь со специальной целью: взорвать важнейшие железнодорожные мосты и тем самым воспрепятствовать транспортировке оружия из Америки в Россию. При этом экспедиция должна быть снабжена богатыми денежными средствами для организации переброски определенного числа политических ссыльных в центр страны.

11. Техническая подготовка к восстанию в России:

а) обеспечение точными картами российских железных дорог с указанием наиболее важных мостов, которые должны быть уничтожены, чтобы парализовать транспортное сообщение, а также с указанием основных административных зданий. Арсеналы, мастерские, которым следовало бы уделить максимальное внимание;

б) точное указание количества взрывчатых веществ, необходимых для достижения цели в каждом отдельном случае. При этом нужно учитывать нехватку материалов и сложные обстоятельства, в которых будут осуществляться акции;

в) четкая и популярная инструкция по обращению со взрывчатыми веществами при взрыве мостов и больших зданий;

г) простые рецепты изготовления взрывчатых веществ;

д) разработка плана сопротивления восставшего населения в Петербурге против вооруженной власти с особым учетом рабочих кварталов. Защита домов и улиц. Защита от кавалерии и пехоты. Еврейский социалистический «Бунд» в России — это революционная организация, которая опирается на рабочие массы и которая сыграла определенную роль еще в 1904 году. Он находится в противоборствующих отношениях с «сиониста-

ми», от которых нечего ожидать по следующим причинам:

- 1) так как их членство в партии непрочное;
- 2) так как русская патриотическая идея стала популярна в их рядах с начала войны;
- 3) так как после Балканской войны ядро их руководства активно искало сочувствия англичан и русских дипломатических кругов, хотя это не помешало им также сотрудничать с германским правительством.

Потому что он вообще не способен ни на какие политические акции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Прежде всего, я хотела бы поблагодарить всех, кто побудил меня написать эту книгу, помог в получении информации и оказал практическую поддержку. Сюда относятся сотрудники архивов в Европе, России и США, Министерства иностранных дел Российской Федерации в Москве, Исследовательского центра «Оттоман Банка» в Стамбуле, а также личные друзья в Бонне, Берлине и Париже, Вене и Москве. Они укрепляли мою решимость написать эту книгу. Первыми, кто дал мне толчок к написанию, были князь Алексис Щербатов в Нью-Йорке, Давид Биндер из «Нью-Йорк таймс» в Вашингтоне и редактор одной ведущей берлинской ежедневной газеты. Особую благодарность я испытываю к человеку, который занимается моими делами в США в финансовом и политико-экономическом аспекте, — Алексису Боровскому.

Ему и всем названным посвящается эта книга.

Архивы

ГАРФ, Москва (Государственный архив Российской Федерации).

РЦХИДНИ, Москва (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории — бывший архив КПСС).

Политический архив Министерства иностранных дел, Бонн (ныне Берлин).

Тайный Государственный Архив Прусского Культурного Наследия, Берлин — Далем.

Отделение Федерального архива Потсдама, Берлин — Потсдам.

Военно-исторический архив, Фрайбург (ФРГ).

Австрийская национальная библиотека, Вена.

Придворный и государственный архив, Вена.

Государственный архив в Базеле.

Архив на Набережной де Орсе, Париж.

Министерство иностранных дел, Лондон.

Архивы Гуверовского института, Стенфорд, Калифорния, США.

Национальный архив, Вашингтон, США.

Исследовательский центр «Оттоман Банка», Стамбул.

Первоисточники

Документы охраны и ее внутренних и внешних агентов 1890—1917 гг.

«Следственный акт по особо важным делам июльского восстания 1917 г. с попыткой свергнуть Временное правительство».

Секретные документы Русской войны 1914 г. // Обмен телеграммами между МИДом в Берлине и его посольствами в Константинополе, Софии, Бухаресте, Вене, Берне, Копенгагене и Стокгольме, Петрограде и Москве.

Воспоминания начальника полиции Бориса Никитина «Рокочные годы»

Автобиографические записи И. Л. Гельфанда под псевдонимом Парвус:

«In der russischen Bastille während der Revolution», Dresden, 1907.

«Im Kampf um die Wahrheit», Berlin, 1918.

Деловые бумаги торговых фирм И. Л. Гельфанда-Парвуса.

Обмен телеграммами между Гельфандом-Парвусом и его компаньоном в Стокгольме, Ганецким-Фюрстенбергом, а также с уполномоченным Гельфанда в Петрограде, Козловским, и его сотрудниками.

Банковская переписка «Оттоман Банка» с Лондоном и Парижем в 1910—1915 гг.

Вторичные источники

Ciano's Diary 1939—1943, Hrsg. Malcolm Muggeridge, William Heinemann Ltd., London — Toronto 1947

Moseley, Ray — Zwischen Hitler und Mussolini, Das Doppelleben des Grafen Ciano, Henschel Verlag, Berlin 1998

Adler, Cyrus — Schiff, Jacob H. — His Life and Letters, Vol. 1, Books for Libraries Press, Freeport/New York 1928, 1972

Kuhn, Loeb & Co., A Century of Investment Banking, New York o. J.

Lehmann Brothers 1850—1984, A Chronicle Essays and Book Excerpts, Firmendokumentation, New York o. J.

Lina, Juri — Under the Sign of the Scorpion, Referent Publishing, Stockholm 1998

Steglich, Wolfgang — Friedensversuche der Krieg führenden Mächte im Sommer und Herbst 1917, Steiner, Wiesbaden 1984

Traverso, Enzo — Die Marxisten und die Jüdische Frage, Decaton, Mainz 1995

Melgunow, S. P. — Wospominanija i dnewniki, Wyp. II, Paris 1964

Scheidemann, Christiane — Ulrich Gf. Brockdorff-Rantzau, Lang, Frankf./M. 1998

Zemann, Z. A. — Germany and the Russian Revolution, Oxford Univ. Press, Oxford 1958

Low, Konrad — Das Rotbuch d. Kommunist. Ideologie, Langen Müller, München 1999

Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Osteuropa-Inst. München, Otto Harrassowitz, Wiesbaden 1962

Die Neue Zeit, Zeitschrift, Jg. 1890—1910, Stuttgart

Le Monde Slave, Zeitschrift, Vol. 2, 1927, Paris

Lustiger, Arno — Rotbuch: Stalin und die Jüden, Aufbau Taschenbuch Verlag, Berlin 2000

Matsch, Erwin — Wien — Washington, Bohlau, Wien — Köln, 1990

Melgunow, S. P. — Solotoj nemezki kljutsch bolschewikow, Paris 1940

Scharlau, Winfried B., Zeman, Zbynek A. — Freibeuter der Revolution, Verlag Wissenschaft u. Politik, Köln 1964

Ludendorff, Erich — Meine Kriegserinnerungen, Mittler & Sohn, Berlin 1926

Moorehead, Alan — The Russian Revolution, Collins-Hamilton, London 1958

Solschenizyn, Alexander — Lenine à Zurich, Editions du Seuil, Paris 1975

Clark, William — The Lost Fortune of the Tsars, Weidenfeld & Nicolson, London 1994

Vaksberg, Arkadij — Alexandra Kollontaj, Fayard, Paris 1996

Trotzki, Leo — Mein Leben, Dietz, Berlin 1990 (nach S. Fischer, Berlin 1929)

Heresch, Elisabeth — Rasputin — Das Geheimnis seiner Macht, Langen Müller, München, 2. Aufl. 2000

Heresch, Elisabeth — Alexandra — Tragik und Ende der letzten Zarin, Langen Müller, München 1993 (Ullstein Taschenbuch, Berlin 1995)

Heresch, Elisabeth — Nikolaus II. — Feigheit. Lüge und Verrat, Langen Müller, München 1992 (Bertelsmann 1993, Ullstein Taschenbuch, Berlin 1994)

Heresch, Elisabeth — Blutiger Schnee — Augenzeugen der Oktoberrevolution, Styria, Graz — Wien — Köln 1987

Heresch, Elisabeth — Das Zarenreich, Glanz und Untergang in Bildern und Dokumenten 1895—1920, Langen Müller, München 1991

Heresch, Elisabeth — Alexej, der Sohn des letzten Zaren, Langen Müller, München 1996

Lockhart, R. H. Bruce — Die beiden Revolutionen, Droste-Verlag, Düsseldorf 1957

Riezler, Kurt — Tagebücher und Dokumente, Berlin 1968

Fischer, Fritz — Griff nach der Weltmacht, Droste Verlag, Düsseldorf 1974

Possony, Stefan T. — Jahrhundert des Aufbruchs, Isar Verlag, München 1956

Pipes, Richard — The Unknown Lenin, Yale University Press, New Haven and London 1996

Raymond, Pau D. — Revolutionary Idealist to Political Dissident: The Life of Evgenii Gnedin (Parvus), in: Soviet Union 12, Pt. 2, 1985, S. 185—212

Gnedin, Jewgenij — Wychod is labirinta, Memorial, Moskwa 1994

Goulevitch, A. — Czarism and Revolution, Omni Publications, Hawthorne, Cal. 1962

Grunwald, Kurt — «Windsor-Cassel» — The Last Court Jew, Publications of the Leo Baeck Institute, Year Book XIV, London-Jerusalem-New York 1969

Ploetz, Karl — Auszug aus der Geschichte, Ploetz Verlag, Würzburg 1962

Lyandres, Semion — The Bolsheviks' «German Gold» Revisited, The Carl Beck Papers, Pittsburgh 1995

Pearson, Michael — Der plombierte Waggon, Universitas, Berlin 1977

Hohne, Heinz — Der Krieg im Dunkeln, Bertelsmann, München 1985

Fischer, Fritz — Kampf um die Weltmacht, Droste, Düsseldorf 1978

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН

А

Абрамов(ич), Рафаил
Адлер, Виктор
Адлер, Фриц
Азеф, Евно
Акаши, Мотодзиро
Аксельрод, Павел
Александр II
Александр III
Александра Федоровна
Александров, Павел А.
Алексеев, Михаил В., генерал
Алексей (Николаевич), Великий князь, престолонаследник
Алексинский, С. А.
Андерсен, Ганс Нильс
Ашберг, Олоф (Олаф)

Б

Бабушкин, Александр
Балфур, Эрл Артур Джеймс
Бауер, Густав
Бахметьев, А.
Бебель, Август
Бейлис
Белецкий, Степан П.
Бентинк, лорд Джордж

Берген, Диего фон
Берман, Татьяна
Бернштейн, Александр
Берхтольд, граф Леопольд
Бетманн-Хольвег, Теобальд фон
Беттингер, майор
Бизенко, А. А.
Бисмарк, князь Отто фон
Богровский, Н. Я.
Боргбьерг, Фредерик
Брантинг, Карл Яльмар
Брокдорфф-Рантцау
Бронский, Моисей (псевд. Варшавский Мичислав)
Бронштейн, Лев Давидович, см. Троицкий
Брусилов, Алексей А., генерал
Буриан, Раек Стефан Фрайхерр фон
Буркхардт, Яков
Бурцев, Владимир Л.
Бурштейн, С. И.
Буханан, сэр Джордж
Бухарин, Николай И. (Долгопольский)
Буше-Хадденхаузен, Хилмар
Бюхер, Карл

В
Ваверка, Карл
Валленберг (швед. министр ин. дел)
Вангенхайм, Конрад Фрайхерр фон
Варбург, Макс
Везендонк, Отто-Гюнтер фон
Викерс
Вильгельм II
Виссарионов, Джугашвили (см. Сталин)
Виткин, Хаим
Виттгенштейн, фон
Витте, граф Сергей Ю.
Воровский (Орловский), Вацлав В.

Г
Ганелин
Ганецкий, Яков, Фюрстенберг (кличка Куба)
Гапон, Георгий
Гарден, Максимилиан
Геббельс, Йозеф
Гельфанд, Евгений, см. Гнедин
Гельфанд, Леон
Гельфанд, см. Хельфанд или Парвус
Гельфанд, Татьяна, см. Гнедин
Гемпп, генерал-майор
Герих, фон (Раутенфельс, барон фон)
Гертлинг, Георг Фрх. фон, рейхсканцлер
Герцен, Александр
Гинденбург, Пауль фон (Бенкендорфф и Гинденбург)
Глазенап, С. П.
Гнедин, Евгений («Женя») перв. Лазарь Гельфанд
Гойос, Йозеф, граф
Голденберг, И. П.

Горький, Максим (Пешков, Алексей М.)
Гоффманн, Макс фон, генерал
Григорьев, А. П., генерал
Гримм, Роберт
Громан, Екатерина
Грюнау
Гусев, Сергей И., он же Драккин
Гутнер, Григорий Абрамович
Гучков, Александр И.
Гюльсен, фон

Д
Давид, Эдуард
Дворак, Альбрехт (кличка Парвуса)
Дейч, Лев
Джордж, Ллойд
Джугашвили, см. Сталин
Дзержинский, Феликс
Дизраэли, Бенджамин (позже Эрл Биконсфильд)
Добровольский, Николай А.
Достоевский, Федор Михайлович
Дрейфус, Альфред

Е
Екатерина II, Великая
Екх, Эрнст
Емельянов, Александр

Ж
Жордания (Костров)
Жорес, Жан

З
Залер, Роланд
Засулич, Вера
Зеберг, мл. лейтенант
Зиновьев, Григорий Е. (Радомысльский, Апфельбаум)
Зифельд, Артур

Зубовский, Иван Дмитриев
Зурабов
Зюдекум, Альберт

И

Иван IV, Грозный
Игнатъев И. (псевдоним Пар-
вуса)

Й

Йоффе, Адольф А.
Йохансон

К

Калинин, Михаил И.
Каменев (Розенфельд), Лев Б.
Карл, кайзер Австрии
Карпинский
Кассель, сэр Эрнест
Каутский, Карл
Керенский, Александр Ф.
Кескюла, Александр (Штайн)
Клайн, Питер (кличка Парву-
са)
Клингсланд, Фабиан
Козловский, Мичислав (кличка
Шустрый)
Коллонтай, Александра
Колышко, Ярослав
Кон, Луис
Кондратьевич, Рогов Андрей
Коппел, Леопольд
Корнилов, Лаврентий К., гене-
рал
Кострен
Крайслер, Фриц
Крамон, фон Арц, генерал
Красин, Леонид Б.
Кривошеин, А. К.
Крузе, Альфред (Николай Гри-
дон)
Крупп, Альфрид
Крупская, Надежда К.
Кюльманн, барон, Рихард фон

Л

Ландау, Леопольд
Ленин (Ульянов), Владимир И.
Лерснер
Либкнехт, Карл
Литвинов, Максим М.
Лорен, Пьер
Лукошин, Павел И.
Луначарский, Анатолий
Львов, князь, Георгий
Люберс
Людвиг, Эмиль
Людендорфф, Эрих, генерал
Люксембург, Роза

М

Макаров Н. А.
Макенсен
Малиновский, Роман
Манус, Игнатий П.
Маркс, Карл
Мартов, Лев (Юлий О. Цедер-
баум)
Марх(е)левский-Карский,
Юлиан
Мейендорф
Меленевский, Марьян (Иван
Гитка), «Басок»
Меллер, Густав
Меркалин
Милл, Джон Стюарт
Милнер, лорд
Милюков, Павел Н.
Мирбах, граф Вильгельм
Михайловский, Николай К.
Моор, Карл
Морозов, Савва
Мюллер, Адольф
Мясоедов

Н

Надольный, Рудольф
Науманн, Виктор
Нелкен, Феликс

Никитин, Борис
Николай II
Ницше, Фридрих
Нобель, Альфред
Новицкий, Федор С.

О
Одоевский, Владимир Ф.
Орловский, см. Воровский

П
Паллавичини, граф
Панкратов, С.
Парвус, Александр — псевдоним
Израиля Лазаревича
Гельфанда
Паша Талаат
Паша Энвер
Переверзев, Никитин
Пескин, Самуил (Самуэл)
Петр I, Великий
Пешков, Н. А.
Платтен, Фриц
Плеве, В. К.
Плеханов, Георгий В.
Плеш, Янош
Потресов, Александр Н.
Принц, полковник
Протопопов, Александр Д.
Пушкин, Александр С.

Р
Радек, Карл
Радомысльский (Зиновьев)
Раковский, Христо
Раппопорт, Конон
Распутин, Григорий
Редл, Альфред, полковник
Ришлер, Курт
Розен, барон
Розеншейн, Александр С.
Романов (династия)
Ромберг, Гизберт Фрайхерр фон
Ротшильд, Лионель де

Рубинштейн (Митя), Дмитрий
Львович
Руссел, лорд Джон
Рязанов, Давид Б. (Гольдендах)

С
Савинков, В. Б.
Сазонов, Сергей Д.
Сахаров, Базил (Василий)
Свендсон (Балцер, Шва)
Свердлов, Яков
Седова, Наталья И.
Сиверс
Скавениус, Эрик (дат. министр
ин. дел)
Сklarц, Вальдемар
Сklarц, Генрих
Сklarц, Георг
Слепцова
Смит, Карл
Соколов, Николай Д.
Сокольников, Г.
Сталин, Иосиф Виссарионович
(Джугашвили)
Стасова, Елена Д.
Столыпин, Петр А.
Суменсон, Евгения М.
Сухомлинов, В. А., генерал

Т
Терещенко, М. И.
Тиссен, Август
Томас, Альберт
Томашевский
Трепов, А. Ф.
Триер, Свен
Троцкий (Бронштейн), Лев Да-
видович
Тун, Альфонс, граф фон

У
Ульянов (Ленин)
Ульянов, Дмитрий — брат Ле-
нина

Урицкий, Моисей
Успенский, Глеб
Уэксвелл, см. Икссюл

Ф

Фалкенхайн, Эрих фон, гене-
рал
Фальк
Фрайберг
Франц, Иосиф, кайзер
Фрелих
Фюрстенберг, Генрих
Фюрстенберг, Эмил

Х

Хаазе
Хабер, Фритц
Хаим, Израиль-Итцек .
Хамманн
Ханецкий (см. Ганецкий)
Хартинг, А. или Хекельманн
Хвостов, Алексей Н.
Хельфанд (также Гельфанд),
см. Парвус
Хельфферих, Карл
Хениш, Конрад

Ц

Цернин, граф Оттокар
Цеткин, Клара
Циммер, д-р Макс
Циммерманн, Артур

Ч

Чернышевский, Николай Г.
Чиано, граф Галеаццо

Чирский и Бегендорфф, Генрих
фон

Ш

Шаттенштейн, Владислав
Шевченко, Тарас
Шейдемманн, Филипп
Шеляховская, Евгения
Шивин, Евгений (Вайс, Артур
Келер)
Шидики
Шиллингер, Мария
Шифф, Яков
Шляпников, Александр
Шнабель, Артур
Шобер, Иоганн
Штайнвакс
Штиннес, Хуго
Штредтен, Люциус фон дер,
Гельмут
Штрем, Х. Г.
Штюрк, граф фон Карл
Штюрмер, Борис В.

Э

Эберт, Фридрих
Эйзенштейн, Сергей
Эйнштейн, Альберт
Энгельс, Фридрих
Эрцбергер, Матиас

Ю

Юнгбек, Гертруда

Я

Ягов, Готтлиб фон
Янин, Георг, генерал
Янссен

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
От enfant terrible до политического суфлера	
Константинополь, 1915 год	5
Так все начиналось	10
Гельфанд, или Маркс à la russe	16
Евреи в царской России	21
Вначале было слово	28
Анатомия революционера	38
Enfant terrible Парвус	42
Парвус — Ленин — Троцкий	48
Великая генеральная репетиция	59
«Вы арестованы!»	67
Да саро	82
Деньги — это власть	88
Великое творение и великое преступление	
Так совершается революция	102
Миллионная сделка	113
С помощью бомб и магнатов	135
Забастовка или путч — все дороги ведут к Парвусу	205
Преступление без наказания	265
Игра окончена	308
Эпилог. Мечта и реальность	343
Приложение. План русской революции	352
Список использованной литературы	370
Перечень имен	375

Документально-историческое издание

Элизабет Хереш

**КУПЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.
ТАЙНОЕ ДЕЛО ПАРВУСА**

Ответственный за выпуск *Л. Бурякова*
Младший редактор *Н. Пастухова*
Художественный редактор *А. Гладышев*
Технический редактор *Н. Ремизова*
Компьютерная верстка *О. Тарвид*
Корректор *Л. Пруткова*

Подписано в печать 06.09.04.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16 + 0,84 вкл. Тираж 3000 экз.
Изд. № 04-6692-ДО. Заказ № 2918.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС Образование»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23, стр. 10
«ОЛМА-ПРЕСС Образование» входит в группу компаний
ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16